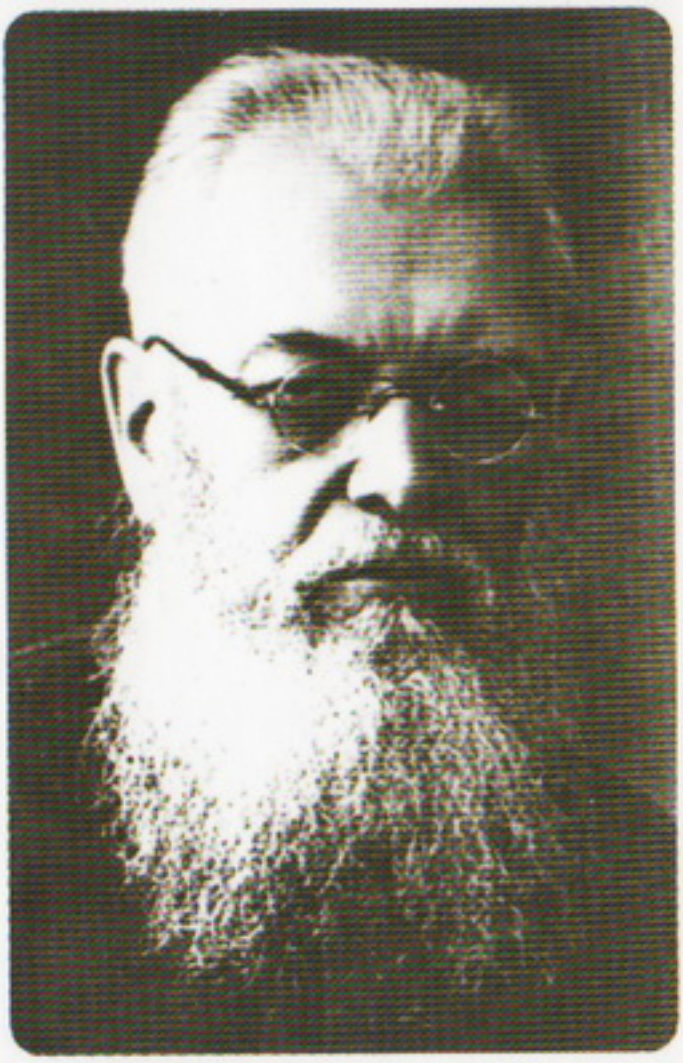
Подвижники
благочестия
XX века

Святитель
Лука

«Разработку Луки продолжаем...»

Серия «Подвижники благочестия XX века»

Московский
Сретенский
монастырь
2011

Я страдал много, перенес большие мучения в жизни, но через молитвы во время моих личных страданий я познал дар Бога, познал Бога через молитву. Хочу я вам передать эту любовь мою ко Христу.

Святитель Лука исповедник,
архиепископ Крымский

«Разработку Луки продолжаем...»

СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ) И КРЫМСКАЯ ЕПАРХИЯ. 1946–1961

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

Составители
протоиерей Николай Доненко, С.Б. Филимонов

Москва, 2011

УДК 271.22(470+571)-726.1+929Лука(Войно-Ясенецкий)
ББК 86.372
Л84

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ИС 10-17-1729

Л84 «Разработку Луки продолжаем...» : Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и Крымская епархия. 1946–1961. Сборник документов / Сост. протоиерей Николай Доненко, С. Б. Филимонов. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011. — 528 с. : ил. — (Серия «Подвижники благочестия XX века»).

ISBN 978-5-7533-0577-0

Основу сборника «Разработку Луки продолжаем...» составляют недавно рассекреченные документы — докладные записки сотрудников МГБ СССР и информационно-отчетные доклады уполномоченных по делам РПЦ при Совете министров СССР по Крымской области о деятельности архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого, 1877–1961) на Крымской кафедре (1946–1961). Пристальный и недоброжелательный контроль со стороны власти за каждым поступком и словом святителя ныне стал документальной летописью его исповеднических трудов по просвещению народа Божия учением Христовым, противостояния воинствующему безбожию и свидетельством непоколебимой веры в Промысл Божий.

УДК 271.22(470+571)-726.1+929Лука(Войно-Ясенецкий)
ББК 86.372

В тексте документов сохранены особенности написания некоторых слов и выражений.

ISBN 978-5-7533-0577-0

© Сретенский монастырь, 2011

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский и Крымский, родился в Керчи 27 апреля 1877 года и отошел ко Господу 11 июня 1961 года в Симферополе, в день памяти Всех святых, в земле Российской просиявших, на 85-м году своей многострадальной подвижнической жизни.

15 лет служения архипастыря на Крымской кафедре (1946–1961) совпали с новыми гонениями на Церковь. Представители власти еще сохраняли веру в возможность построения коммунизма и предпринимали очередные попытки «показать последнего попа». Сравнительно ровные (как известно, преследование Церкви никогда не прекращалось) государственно-церковные отношения первого послевоенного десятилетия стали обостряться и вылились в жестокие, изощренные гонения. Практиковалась массовая селекция духовенства, вмешательство в богослужебную практику, попрание канонических принципов жизни и т.д. Контроль за церковной жизнью достиг своего апогея. Святитель Лука, как выдающийся архипастырь, с присущими его личности силой и волей, стал на защиту интересов Церкви. Увы, именно этот период жизни не нашел отражения в его автобиографии: «В мае 1946 года я был переведен на должность архиепископа Симферопольского и Крымского. Студенческая молодежь отправилась встречать меня на вокзал с цветами,

но встреча не удалась, так как я прилетел на самолете. Это было 26 мая 1946 года»*.

На этом воспоминания, продиктованные в 1958 году в Симферополе полностью ослепшим архиепископом Лукой своему секретарю Е. П. Лейкфельд, обрываются. По этой причине документальные материалы, содержащие информацию о крымском периоде его биографии, заслуживают особо пристального внимания.

Удалось установить, что этот период подробно зафиксирован в делопроизводственных документах хранящегося в Государственном архиве Автономной Республики Крым (ГААРК) фонда уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Крымской области (Ф. Р-2647), недавно рассекреченного.

Деятельность уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Крымской области (далее — уполномоченного) регламентировалась поступавшими из Совета должностными инструкциями. Характерно, что все они имели гриф «секретно» или «сов.<ершенно> секретно». Как явствует из этих документов, в поле зрения уполномоченного должна была находиться вся жизнь епархии, вверенной ему партийным аппаратом для бдительного за ней надзора.

В ежеквартальных информационных отчетах, которые уполномоченный обязан был направлять в Москву председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, должны были освещаться самые разные вопросы. Они перечислены в спущенном из Совета в начале 1947 года «Плане расположения материала (вопросов) в информационных отчетах уполномоченных Совета»**.

Эти вопросы охватывали все аспекты жизни епархии, ее клира, верующих, выявляли мельчайшие нюансы настроений

* *Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий)*. «Я полюбил страдание…»: Автобиография. — М., 2004. — С. 131. Приведенная цитата позволяет сразу же обратить внимание читателей на значимость нижепубликуемых документов: из документа № 3, составленного по свежим следам в 1946 г., явствует, что архиепископ Лука прилетел в Симферополь 24 мая 1946 г. Дату, указанную в автобиографии святителя (26 мая), следует признать незначительной неточностью, обусловленной свойствами памяти 80-летнего слепого архипастыря, лишенного возможности перепроверить по документам отдельные факты своей биографии.

** ГААРК, ф. Р-2647, оп. 1. Д. 5. Л. 32–33.

духовенства и паствы, их сильные и слабые места, позволяли планировать масштабные спецоперации. Нетрудно представить, сколь ценным источником по истории Русской Православной Церкви могут служить информационные отчеты уполномоченных, ставшие доступными исследователям лишь недавно.

В инструкциях находим рекомендации и по вопросам методики сбора информации:

«При ознакомлении на местах с положением и деятельностью приходов, с состоянием религиозного движения среди населения и т.п. не допускать даже видимости вмешательства во внутрицерковные дела, поэтому Совет запрещает уполномоченным производить специальные вызовы духовенства, церковных служителей и отдельных верующих с целью получения от них сведений о церковной жизни и о религиозном движении, а также вести специальные опросы и требовать какие-либо письменные сведения, справки и т.п., касающиеся церковной жизни, за исключением вопросов, относящихся к выполнению договора на церковное здание и культовое имущество. Все интересующие вопросы и сведения необходимо выяснять путем тактичных попутных бесед с отдельными, заслуживающими доверия лицами из числа духовенства, церковных служителей и верующих и другими путями»*. Иными словами, инструкция рекомендовала уполномоченным обзаводиться осведомителями.

Особое внимание в инструкциях обращалось на взаимоотношения уполномоченных с правящими архиереями. Так, в инструктивном письме, подписанном 14 июня 1946 года председателем Совета Г. Г. Карповым, выделен специальный раздел — «5. О посещении уполномоченными епископов и духовенства»:

«В юбилейные или торжественные для церкви дни некоторые правящие епископы приглашают уполномоченных Совета на обед или завтрак. Уполномоченные, как правило под предлогом командировки, занятости или их болезни, отклоняют те и другие предложения. В связи с этим Совет разъясняет уполномоченным Совета, что отказываться от такого рода приглашений не следует, так как это может быть истолковано духовенством как пренебрежительное отношение со стороны уполномоченных Совета. Во время этих посещений епископа и в отдельных случаях других лиц из духовенства (например, приходских священников при выездах в район) уполномоченный должен держать себя с достоинством

* ГААРК, ф. Р-2647, оп. 1. Д. 3. Л. 19.

и не допускать излишеств и болтливости. Надо иметь в виду также и то обстоятельство, что отдельные лица из духовенства могут эти приглашения специально использовать для компрометации уполномоченных. В необходимых случаях (например, юбилейный день епископа) уполномоченные могут выступать с кратким приветствием от своего имени»*.

В инструкции Совета от 9 января 1947 года также имеется специальный раздел — «VI. О взаимоотношениях уполномоченного с епископом»:

«У уполномоченных создалось двоякое мнение об епископах. Одни считают, что епископы — это бары, тунеядцы, живущие очень богато. Действительно, высшая церковная иерархия у нас, в отличие от заграничной, живет очень богато, потому что наша церковь самая многочисленная и богатая в мире.

Такое мнение об епископах, однако, приводит иногда к тому, что со стороны уполномоченных проявляется к ним если не пренебрежительное, то, во всяком случае, не совсем нормальное отношение.

Некоторые уполномоченные, наоборот, считают, что его епископ — хороший человек, что с ним можно любое дело сделать: как уполномоченный ему скажет, так и будет сделано. К такому епископу, к его действиям эти уполномоченные относятся обычно недостаточно критически и подчас подпадают под его влияние.

В Житомире, например, был епископ Антоний. Житомирский уполномоченный говорил, что Антоний замечательный человек и что они жили в ладу. Антоний был переведен в Кострому. Приехав туда, он наговорил костромскому уполномоченному всяких небылиц, стараясь показать себя архилояльным, в результате чего уполномоченный подпал под влияние этого епископа. Дело дошло до того, что епископ перестал ходить к уполномоченному, а стал вызывать его к себе, стал его совершенно игнорировать, обращаясь непосредственно, минуя уполномоченного, в облисполком, в Совет и в другие советские организации.

Эти факты свидетельствуют о том, что некоторые уполномоченные не умеют тактично поставить таких епископов на свое место, а значит, сами своего места не знают. Им необходимо научиться тому, как надо налаживать отношения с епископом, и вовремя суметь поставить их на место, если они начинают

* ГААРК, ф. Р-2647, оп. 1. Д. 3. Л. 13–14.

зарываться. Но все это должно делаться тактично, без грубости, вежливо.

Для того чтобы иметь правильные взаимоотношения с епископом, уполномоченный не должен обещать епископу того, чего он не знает или не может сделать. А раз обещал, надо исполнить. Это правило не всегда, однако, уполномоченными соблюдается: иногда дается обещание выполнить то или иное пожелание, удовлетворить то или иное ходатайство епископа, а когда станет вопрос о реализации этого обещания, выясняется, что уполномоченный сделать этого не может.

Поэтому, чтобы не портить взаимоотношений с епископом, уполномоченному следует в тех случаях, когда у него нет полной уверенности в возможности удовлетворения ходатайства епископа, или сказать ему, что ответ будет дан в следующий раз после консультации с соответствующими инстанциями, или же прямо ответить, что удовлетворить просьбу нет возможности»*.

Этими инструкциями и руководствовался уполномоченный по Крымской области во взаимоотношениях с архиепископом Лукой, что находило отражение в его информационных отчетах.

В 1946–1961 годах, когда управляющим Крымской епархией был архиепископ Лука, в должности уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви (РПЦ) при Совете Министров (СМ) СССР по Крымской области последовательно состояли Я. И. Жданов (1946–1955 гг.),А. С. Яранцев (1955–1957 гг.)**,

* ГААРК, ф. Р-2647, оп. 1. Д. 5. Л. 9–10.

** 20 февраля 1962 г. в «Крымской правде» был напечатан некролог, посвященный А. С. Яранцеву. Вот его текст: «18 февраля после продолжительной тяжелой болезни на 74-м году жизни скончался старый большевик, член КПСС с марта 1918 года, персональный пенсионер Андрей Степанович Яранцев. Андрей Степанович рано начал трудовую жизнь. Вначале работал чернорабочим в булочной, а затем молотобойцем в частной кузнице. В дни Великой Октябрьской социалистической революции Андрей Степанович находился в г. Яранске, где был избран в первый Совет рабочих и солдатских депутатов. В 1918 году тов. Яранцев избирается председателем Укома и Уисполкома РКП(б). Андрей Степанович в этот период принимает активное участие в борьбе с кулачеством и эсерами. В августе 1919 года тов. Яранцев А. С. добровольцем служит в Красной Армии, в качестве комиссара бригады, участвует в освобождении Архангельска. С 1933 года по день кончины он жил и работал в Крыму на ответственной партийной, советской и хозяйственной работе. Андрей Степанович являлся представителем старой ленинской гвардии. Он проводил большую работу по воспитанию молодого поколения в духе любви и преданности

А. С. Гуськов (с 1957 г.). Подававшиеся ими информационные отчеты (крымские уполномоченные именовали эти документы докладами) поначалу, в 1946–1953 годах, были ежеквартальными, в 1954–1957 — полугодовыми, с 1958 года — годовыми.

Информационные отчеты первое время адресовались лишь председателю Совета по делам РПЦ при СМ СССР. Но постепенно круг начальственных лиц, которым представлялись отчеты, расширялся: с 1949 года отчеты направлялись еще и секретарю Крымского обкома Коммунистической партии, с конца 1952-го — еще и председателю Крымского облисполкома, а с 1954 года, после передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР, — еще и уполномоченному по делам РПЦ при СМ СССР по Украинской ССР. Все информационные отчеты снабжены грифом «секретно».

Основу настоящего сборника составили отложившиеся в фонде Р-2647 ГААРК машинописные копии этих отчетов и некоторых других написанных крымскими уполномоченными документов, содержащих информацию об архиепископе Луке и руководимой им епархии. При ознакомлении с ними читателю необходимо помнить об их тенденциозности: они составлялись партийно-советскими чиновниками, которые, в соответствии с занимаемой в богоборческие сталинско-хрущевские времена должностью, обязаны были быть (или, по меньшей мере, казаться) воинствующими безбожниками, для которых религия, как учила Коммунистическая партия, — «опиум для народа». Это сказывалось даже на орфографии: слова Бог, Богородица, Рождество, Крещение, Пасха, Троица и т.д. писались со строчной буквы, да еще и в кавычках... Нам пришлось исправлять значительное количество и других орфографических и грамматических ошибок. В остальном тексты документов оставлены без изменений.

своей любимой Родине. Андрей Степанович всегда служил примером большевистской принципиальности, непримиримости к недостаткам, был исключительно чутким и отзывчивым к нуждам и запросам трудящихся. Светлый образ Андрея Степановича Яранцева навсегда сохранится в наших сердцах. Группа товарищей».

Некрологов Я. И. Жданову и А. С. Гуськову в крымских газетах обнаружить не удалось. Но думаем, что биографии уполномоченных во многом (социальное происхождение, образование, партийность, места работы, должности) были схожи.

Важнейшие выявленные в фонде Р-2647 ГААРК документы, относящиеся к крымскому периоду биографии святителя Луки, в 2004 году были опубликованы в книге «"Секретно": архиепископ Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) под надзором партийно-советских органов»: сб. док. / Сост. протоиерей Николай Доненко, С. Б. Филимонов. — Симферополь, 2004. — 234 с. Значимость опубликованных документов такова, что их во множестве перепечатывают авторы последующих книг, посвященных святителю Луке.

Широкий неослабевающий научный и общественный интерес к жизни и трудам святителя Луки на посту крымского архипастыря побудил составителей подготовить и предложить вниманию читателей новый сборник документов: «Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого)». Первоначально книга вышла небольшим тиражом в Симферополе, сейчас читателю предлагается ее новое издание, в несколько сокращенном и переработанном виде.

Эти документы раскрывают «кухню» (формы, методы, масштабы) слежки за архиепископом Лукой со стороны МГБ СССР и содержат подробную информацию о результатах слежки. Общую оценку деятельности Луки органами госбезопасности находим как в присвоенной ему кличке «Мракобес» (см. док. № 64), так и в традиционных концовках публикуемых извлечений из докладных записок: «Разработку Луки продолжаем в направлении его антисоветских связей и враждебной деятельности».

Знакомясь с публикуемыми документами, читатель найдет информацию о многочисленных случаях недовольства со стороны архиепископа Луки теми или иными мероприятиями безбожной большевистской власти, о чем, благодаря тотальной слежке, становилось известно партийным, советским и карательным органам.

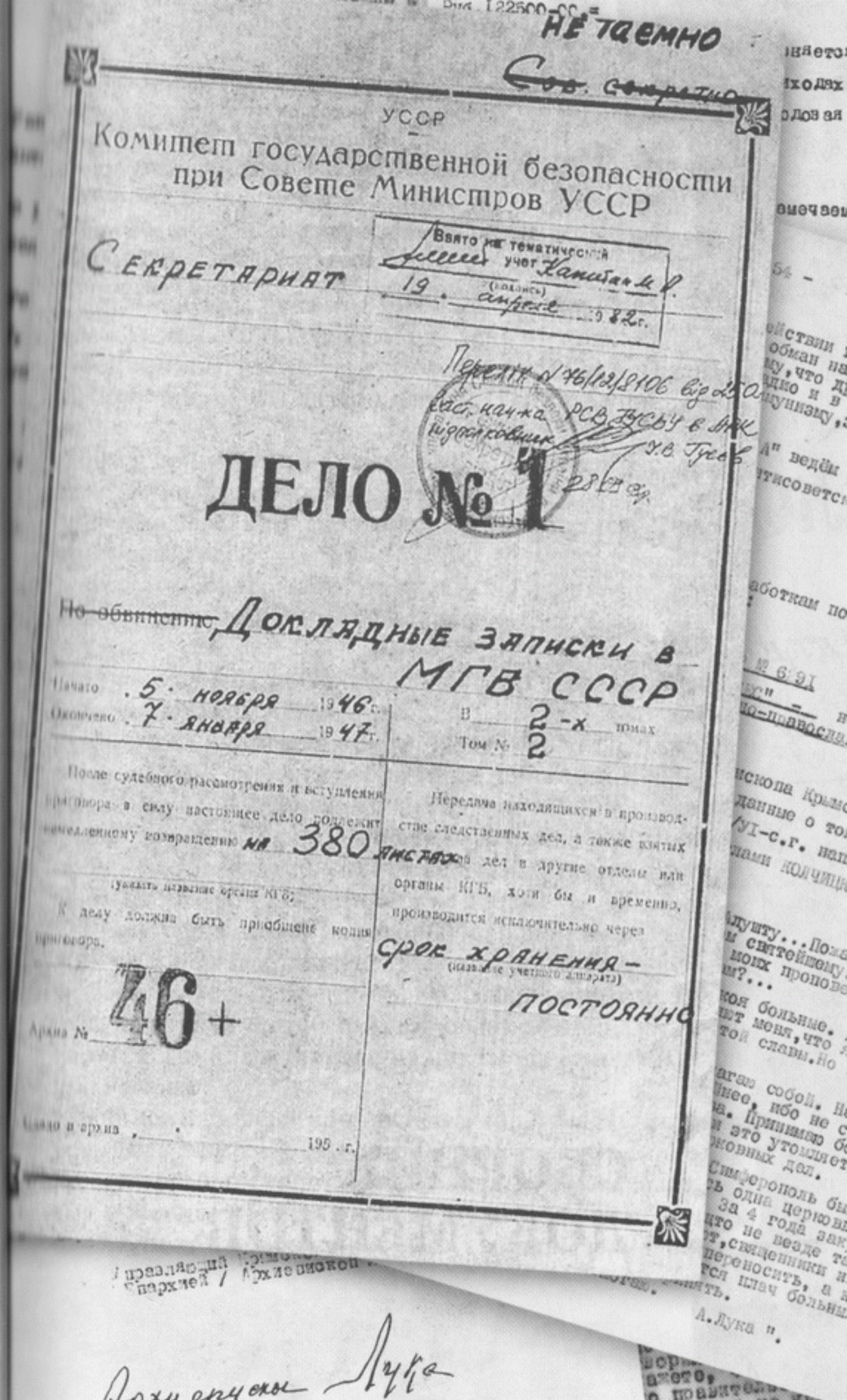
...Но ни мирская слава, ни Сталинская премия, ни почтенный возраст, ни народная любовь не могли оградить святителя от возможных новых арестов и ссылок. Только Бог, спасающий и милующий, Которому святитель предал всю свою жизнь и все свое упование, судил иначе — сохранил Своего верного свидетеля для оставшейся и еще не рассеянной до конца паствы, в том числе и для нас с вами, чтобы мы отчетливо и ясно могли представить тех гигантов духа и веры, которых ниспослал Господь нашему многострадальному Отечеству в XX веке.

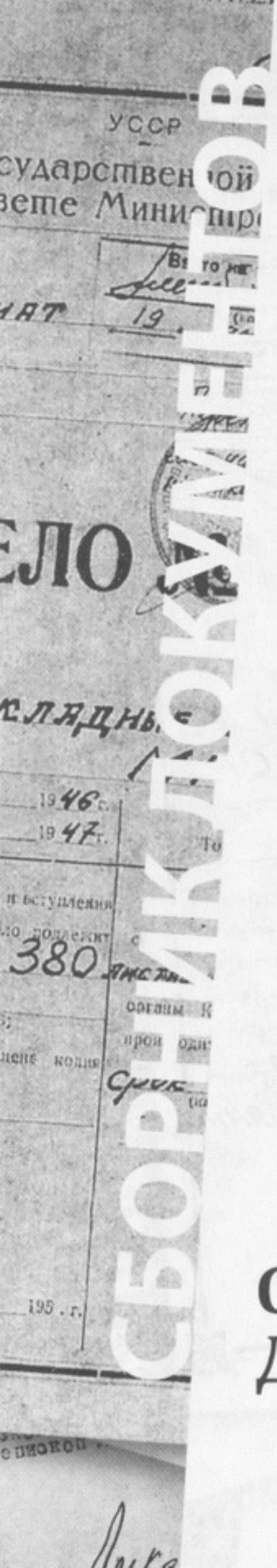
Пожалуй, из всех долгов благодарность — самый неотложный. Именно поэтому мы постарались выявить и обнародовать

документы, свидетельствующие об исповедническом подвиге святителя Луки в Крыму.

За помощь при подготовке книги к печати считаем долгом выразить признательность Андрею Владимировичу Валякину, Анне Николаевне Гаранкиной, Рине Александровне Замтарадзе, Галине Николаевне Захаровой, Андрею Арамовичу Ходжабекянцу, Марине Николаевне Шульженко.

Протоиерей Николай Доненко,
профессор С. Б. Филимонов

НЕ ТАЙНО
Сов. секретно
УССР
Комитет государственной безопасности
при Совете Министров УССР
Секретариат
Взято на тематический учет
19 апреля 1982 г.
ДЕЛО № 1
Начато 5 ноября 1946 г.
Окончено 7 января 1947 г.
В 2-х томах
Том № 2
Докладные записки в МГБ СССР
Архиепископ Лука
А. Лука

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

Лука зарывается, работает против нас... Что касается его деятельности как архиепископа, я ему зарываться не даю и нарушать советские законы не допускаю...

Из письма уполномоченного заместителю председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР

№ 1

Из информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1946 года

3 июля 1946 г.

<...> Характеристика первых встреч с архиепископом Лукой.

Архиепископ Лука прилетел на самолете в Симферополь 24 мая с/г. На следующий день он прислал ко мне благочинного г. Симферополя священника Милославова[1] сообщить, что он прибыл и вступил в управление епархией.

Я священника Милославова просил передать архиепископу Луке, что ожидаю его самого.

27 мая Лука явился ко мне и представился — «Архиепископ Лука».

Приглашая его сесть на стул, я назвал его по имени и отчеству — «Валентин Феликсович».

Он ответил:

«Я был Валентин Феликсович 25 лет тому назад, а сейчас архиепископ Лука».

На это я ему ничего не ответил, беседа продолжалась минут 15–20. Лука спросил меня, давно ли я работаю уполномоченным. Когда я ответил, что с 1944 г., он сказал:

«Вы, видимо, хорошо знаете священников Крыма, попрошу Вас охарактеризовать их, если не всех, то хотя бы часть из них, так как я никого не знаю».

Я ему рассказал о некоторых священниках, о их положительных и отрицательных сторонах, а в общем ему сказал, что все священники Крымской епархии, кроме одного, находились на оккупированной немцами территории и что большинство из них священниками стали при немцах.

В конце нашей беседы архиепископ Лука просил меня устроить ему встречу с председателем Облисполкома, которому он хочет представиться, и рассказал, что ему в Москве обещали машину, что должен получить, как лауреат Сталинской премии[2], диплом и значок, что

в Министерстве здравоохранения его просили не забывать медицинской работы.

После его ухода я передал председателю Облисполкома тов. Кривошеину желание архиепископа ему представиться. Тов. Кривошеин дал согласие его принять 1-го июня.

1-го июня я позвонил Луке и просил его зайти ко мне, он же стал меня спрашивать: зачем он должен зайти? И не может ли вместо него прийти ко мне его секретарь?

Я ответил:

«Если я Вас прошу зайти, то, видимо, у меня есть такие вопросы, о которых могу только с Вами лично говорить. Кроме того, Вы же в прошлой беседе просили меня, чтобы Вас принял председатель Облисполкома, так вот сегодня он сможет Вас принять».

Через некоторое время Лука явился ко мне, и, когда мы один другого приветствовали, я его назвал по имени и отчеству, тогда он сказал:

«Вы, Яков Иванович, все же упорно настаиваете на том, чтобы называть меня светским именем».

Я ответил:

«Иначе называть Вас не могу, являюсь представителем государственной власти. Здесь Вы у меня находитесь в государственном учреждении, и мне, да и Вам, было бы неудобно, если бы я у себя здесь, в кабинете, называл Вас "Владыко", или "Ваше Преосвященство", или просто "архиепископ"».

Затем я ему сказал:

«Вы имеете советский документ — паспорт, как Вы там записаны?»

Он ответил:

«Ну, конечно, как Вы называете».

Я отвечаю: «Ну вот и правильно, только так я и могу Вас называть».

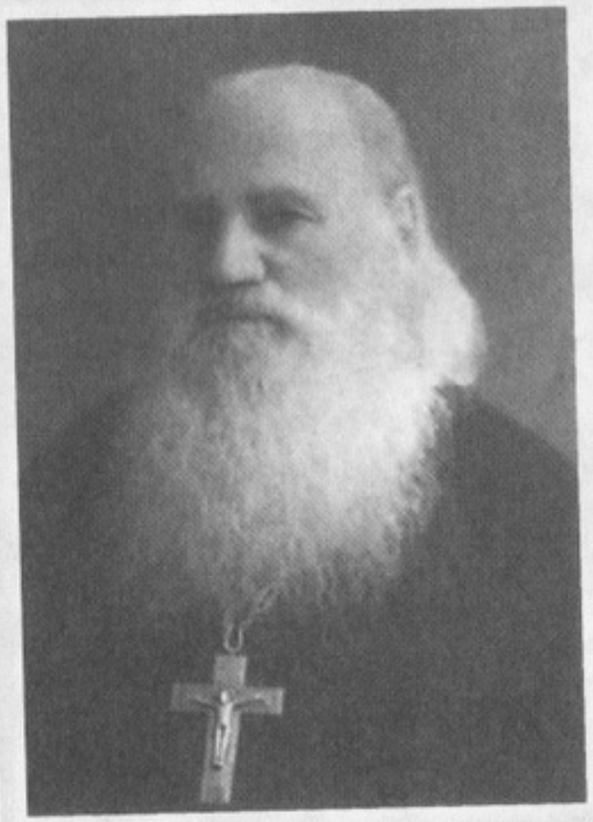
Он рассмеялся и все же мне сказал:

«Вы привыкнете меня называть иначе».

После этого перешли к деловому разговору, я заметил Луке: мне стало известно, что Вы допустили совершать богослужения в соборе архимандриту Тихону Богославец[3], даже его командировали в Бахчисарай для этой же

Святитель Лука в церкви Феодора Тирона
г. Ялта. Середина 1950-х гг.

Архимандрит
Тихон Богославец

цели, тогда как архимандрит Тихон, по его же просьбе, епископом Иоасафом[4] уволен в заштат на покой и в связи с этим мною снят с регистрации, и моей справки, дающей ему право совершать богослужения, он не имеет, а Вам должно быть известно, что ни один священнослужитель без справки уполномоченного о регистрации совершать богослужения и требы не может.

Архиепископ Лука стал меня убеждать, чтобы я зарегистрировал Тихона или просто разрешил служить последнему с ним, когда он совершает богослужения, и не обращать внимания, что не зарегистрирован. Все же я отказал в регистрации и сказал: «Не обращать внимания не могу».

Тихон Богославец — дряхлый старец около 90 лет, ему самому будет лучше, если он будет на покое.

Затем Лука был мною представлен председателю Облисполкома тов. Кривошеину.

Третий раз архиепископ Лука пришел ко мне 14 июня с/г после закрытия им совещания благочинных, которое им проводилось с 12 по 14/VI. В первый день совещания через

своего управделами Милославова архиепископ приглашал меня присутствовать на этом совещании. Я Милославову на это приглашение ответил так:

«Вы на совещании будете разрешать вопросы внутрицерковной жизни, и мое присутствие на нем необязательно (имея в виду п. 6 раздела IX Инструкции[5]), но если же на совещании благочинных возникнут какие-либо вопросы, которые необходимо будет решить со мной, то после совещания я могу их принять, только прошу архиепископа предупредить меня, когда они смогут ко мне прийти».

14/VI, в последний день совещания, примерно часов в 12, мне передали, что архиепископ просил у меня узнать — буду ли я у себя в 4 часа дня и смогу ли его принять. Я ответил, что буду и смогу принять. Ровно в 4 часа он пришел ко мне вместе с благочинным Милославовым и сообщил, что на совещании благочинных стал вопрос о необходимости ему при епархии иметь разъездного священника ввиду того, что он дал указание благочинным чаще бывать в приходах своего благочиния в целях проверки деятельности приходских священников, а вследствие того, что благочинные в своих приходах являются в одном лице, не имеют вторых священников, а выезжать в другие приходы своего благочиния могут только в воскресные или праздничные дни, то в отсутствие их храмы остаются в эти дни без богослужения, но для того чтобы этого не было и в храмах благочинных в дни их отсутствия совершались богослужения, для этого необходимо ему иметь хотя бы одного разъездного священника, который бы заменял благочинного в дни его отсутствия, и просил меня, чтобы я разрешил ему иметь такового.

Я не советовал ему иметь такового разъездного священника и сказал, что регистрировать его не могу, потому что каждый священник мною регистрируется к определенному приходу и в выдаваемой мною справке указывается и наименование храма, в котором ему разрешается совершать богослужения.

Он отвечает, что ему такого священника иметь необходимо, если Вы не хотите или не можете разрешить этого

вопроса, то он просит поставить вопрос перед Советом по делам Русской Православной Церкви.

Я ответил, что запрошу Совет, но Вас прошу изложить мне этот вопрос в письменном виде, подробно указать причины необходимости иметь такого священника.

Лука обещал написать. Это было 14/VI, но до сих пор никакого письма от него о разъездном священнике мне не поступило.

Затем во время беседы были затронуты вопросы о налогообложении священников, он спрашивает меня — нет ли больших переобложений, если есть, то как они исправляются с моим участием, и здесь же заявил, что в Тамбове в этом отношении уполномоченный делал немало, прямо местным работникам вправлял мозги.

Я ответил, если и были у нас какие-либо недоразумения или ошибки на местах со стороны местных работников, то они быстро исправлялись, и священники жаловаться не могут, чтобы их переоблагали налогами или в какой-либо мере преследовали, и привел ему пример со священником Тумановым (указано выше[6]), последний пожаловался на переобложение налогами, а на проверку вышло, что он был даже недообложен. В связи с тем, что архиепископ Лука с первых дней своего приезда стал проводить ряд мероприятий, как-то: вызов священников из других епархий, увольнение в заштат священников, их перемещение из одного прихода в другой и др. — без предварительного согласования со мною, в конце беседы я ему сказал: «Валентин Феликсович! Вы провели ряд перемещений, увольнений, вызвали из других епархий ряд священников, и я узнаю об этом только тогда, когда приходят ко мне с вашими приказами для получения у меня регистрационной справки. В дальнейшем прошу Вас о всех мероприятиях, проводимых Вами, предварительно извещать меня и даже согласовывать».

Он удивленно сказал:

«А зачем это нужно, разве недостаточно того, что сам это буду проводить?» — и добавил: «В Тамбове этого не было, и все там делалось проще».

Я ему ответил, что в Тамбове — одно положение, а в Крыму — другое, и привел пример:

«Возьмем Севастополь, город военный, не всякого можно туда послать, Вы назначите какого-либо туда священника, а [я] его не зарегистрирую, Вам же будет неприятно».

И я его предупреждаю: чтобы не было каких-либо у нас с Вами недоразумений в дальнейшем, прошу Вас все вопросы назначения священников, вызовы из других епархий, увольнений, перемещений предварительно согласовывать со мной.

С этим он согласился, и сейчас все вопросы, касающиеся перемещения, назначения и увольнения, предварительно со мной согласовывает, но это он делает не сам лично, как это делал епископ Иоасаф, по каждому случаю перемещения приходил сам, а этот делает через своего управделами протоиерея Милославова и с моими замечаниями или советами не считается. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР при Крымском облисполкоме
Я. Жданов

Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 39–42.

№ 2
Из информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1946 года

11 сентября 1946 г.

<...> Взаимоотношения с архиепископом Лукой.

В предыдущем информационном докладе мной отдельным разделом была приведена характеристика первых встреч с Лукой после его приезда в Симферополь,

и в заключение которой я писал, что у нас с ним как будто установились нормальные отношения.

Но в первой половине июля м-ца эти отношения у нас с ним стали обостряться в связи с тем, что я не зарегистрировал иеромонаха Ермолая Решетникова, прибывшего из Ставрополя, хотя Лука очень просил меня о его регистрации, для чего приходил сам.

Когда я ему окончательно сказал, что регистрировать Решетникова не могу, к тому же он не был и прописан органами милиции, Лука ответил: «Ну что же, Вы хотите портить со мной отношения».

После этого через несколько дней мне необходимо было с Лукой побеседовать по ряду вопросов. Позвонил ему и спросил, не сможет ли он зайти ко мне, так как у меня имеются такие вопросы, которые необходимо решить с ним лично. Лука ответил — он сильно занят и ходить ко мне не может и не будет и все вопросы он со мной может решать только по телефону. На это я ему ответил, что не все вопросы можно разрешать по телефону. На этом у нас с ним разговор и кончился, он так и не пришел.

Затем Лука, будучи у председателя Облисполкома тов. Кривошеина, и в беседе с последним, жалуясь на плохие квартирные условия, пожаловался на меня, что я ему мешаю работать, отказывая в регистрации священников, приезжающих из других епархий.

Будучи на совещании уполномоченных в Ростове, обо всем этом я информировал члена Совета тов. Иванова И. И.

По приезде из Ростова я заметил изменившиеся отношения Луки ко мне, ни одного перемещения, назначения священников не стал проводить без предварительного согласования со мной, а также не стал давать согласия священникам других епархий на приезд в Крым, предварительно не проинформировав меня и не получив моего согласия.

А после того, как я его посетил на квартире, отношения его резко изменились, а было это так. Когда я получил из Совета указания о составлении списков священников для представления к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,

я позвонил ему и спросил, не получил ли он указания из Патриархии о составлении списков священников.

Он мне ответил, что получил, но не знает, что делать, так как он здесь новый человек, никого из священников не знает и кого представлять к награждению медалью, не имеет никакого представления, и просил меня, не помогу ли я ему в этом деле.

Я ответил: «Хорошо, помогу, только нужно нам встретиться и побеседовать на эту тему» и [спросил], когда он сможет зайти ко мне. Лука сказал, что мог бы зайти и сейчас, но чувствует себя сильно утомленным. Тогда я сказал, что могу зайти к нему, только когда? Он ответил — в любое время, и он очень будет рад видеть меня у себя.

На следующий день я был у него, встретил меня хорошо, рассыпался в любезностях, что он очень доволен и рад видеть меня у себя и т. д.

Побеседовали мы с ним примерно с час, в отношении списка договорились, что он поручит составить его протоиерею Милославову — управделами епархии и Крашановскому — зав. свечным производством, которые хорошо знают всех священников.

Когда я уходил, он обратился ко мне со словами:

«Теперь я надеюсь, Яков Иванович, что у нас с Вами будут хорошие взаимоотношения и никаких у нас с Вами не будет недоразумений».

Я ему на это ответил: «Я в этом, Валентин Феликсович, не сомневаюсь и не сомневался».

Тогда же во время беседы он рассказал, что у него плохие квартирные условия — нет уборной, в одном коридоре с ним живут посторонние женщины, нет никакого транспорта — никуда не может поехать, а обещанную ему тов. Карповым машину, видимо, не скоро получит.

Я ему тут же порекомендовал машину купить, да купить и домик, поскольку в епархии на это имеются средства, т. к. епископ Иоасаф оставил для этой цели свыше 500 тыс. руб. Он сказал: «Да, видимо, так и придется сделать».

На днях Лука мне звонит по телефону и говорит, что он покупает машину и вот он хочет проехать на этой машине

посмотреть, какова она в ходу, и не могли я с ним также проехать и посмотреть машину. Я согласился, и через несколько минут он заехал за мной. Приехали до села Мазанка, в 12 километрах от Симферополя, где имеется действующая церковь.

После всего этого как будто у нас с ним установились нормальные отношения. Если имеются какие-либо неправильные действия с моей стороны, как-то: посещение квартиры, поездки с ним в машине — прошу разъяснить.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР при Крымском облисполкоме
Я. Жданов

Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 57–60.

№ 3
Протокол собрания благочинных Крымской епархии, состоявшегося в г. Симферополе

24 октября 1946 г.

Председатель собрания: Его Высокопреосвященство Преосвященный Лука, Архиепископ Симферопольский и Крымский.

Присутствовали: о. о. благочинные 7-ми благочинных округов из 8-ми округов, отсутствовал благочинный Феодосийского округа протоиерей о. Виктор Куцепалов.

Секретарем собрания избран: благочинный Советского округа протоиерей о. Евтихий Левицкий.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Об исповеди.
2. Тезисы для проповеди 7 ноября 1946 года.

3. О соревновании в произнесении церковных проповедей.
4. Разное.

1. СЛУШАЛИ: Вступительную речь Его Высокопреосвященства, в которой он указал на величайшее значение исповеди, каковое придавали ей о. о. церкви и придают ей католики. У нас же к исповеди относятся большею частью формально, тогда как за некоторые преступления, выявленные при исповеди, по правилам Василия Великого полагалось отлучение от чаши: за совершенное убийство 20 лет, за прелюбодеяние 18 лет. Общая исповедь, разрешенная только почившему о. Иоанну Кронштадтскому, допускается некоторыми священниками. Таковая, по распоряжению Патриарха Алексия, недопустима и за допущение ее впредь виновные священники будут подвергаться запрещению в священнослужении на 3 месяца.

Владыко указал на пример отношения к исповеди у католического священника, впоследствии канонизированного католическим духовенством.

В Константинополе был Патриарх Иоанн Постник, который заменил наказания, установленные Святыми Отцами и Собором, более легкими требованиями к исповеди, коими мы и должны руководствоваться. За неисполнение этого требования священники будут подвергаться запрещению на один месяц.

(Правила Патриарха Иоанна Постника розданы всем благочинным для рассылки всем настоятелям церквей.)

ПОСТАНОВИЛИ: В отношении исповеди строго руководствоваться указанными правилами Патриарха Иоанна Постника.

2. СЛУШАЛИ: В праздник революции 7 ноября в городских соборных храмах должно быть совершено после литургии благодарственное молебствие с обязательным произнесением соответствующей проповеди. Тезисы этой проповеди вручены о. о. благочинным. В селах настоятели могут ограничиться одним молебном.

ПОСТАНОВИЛИ: В городских соборах совершить 7 ноября соборную литургию и молебен с проповедью, а в селах ограничиться одним молебном.

3. СЛУШАЛИ: О соревнованиях в проповедях.

Священник о. Дубинин письменно предлагает о. о. сослуживцам произвести соревнование в произнесении проповедей.

ПОСТАНОВИЛИ: Каждый священник сознает важное значение проповеди при служении и выполняет эту обязанность по мере возможности. Заводить же соревнование в этом отношении находим излишним.

4. СЛУШАЛИ: В текущих вопросах Владыко предложил о. о. благочинным самим поближе ознакомиться с Учительным известием и требовать того же от настоятелей церквей округа и при объездах приходов испытывать знание священником Учительных известий.

Составить список излишних богослужебных книг и священных сосудов и представить таковой Архиепископу для изъятия дубликатов из церквей и передачи таковых в те церкви, где в них ощущается нужда.

Наблюдать, чтобы южные и северные двери иконостаса были закрыты при богослужениях.

Во избежание пролития Святых Даров во время причащения рядом со священником должен стоять кто-либо из членов клира или церковного совета и удерживать за руку крестящихся, ибо словесное предупреждение не достигает цели.

Изжить в практике прикосновение к Святым Потирам глав верующих на Великом входе.

Составить список о. о., лишенных наград, и разослать по благочиниям и проверить, не пользуются ли священники отмененными наградами.

В Двунадесятые праздники Евангелие на середину церкви для целования не выносить.

Проповедь на литургии говорить не после чтения Евангелия, а в конце литургии.

Проверить, приготовлены ли соответствующие купели для воды для погружения в них крещаемых.

Проверить богослужебные журналы, в которых должны быть записаны конспекты произнесенных проповедей.

Непременно переплести все церковно-богослужебные книги.

ПОСТАНОВИЛИ: Принять все вышеизложенное к сведению и обязательному выполнению.

П. п. благочинный Симферопольского округа протоиерей Иоанн Милославов, благочинный Советского округа протоиерей Евтихий Левицкий, благочинный Керченского округа протоиерей Григорий Безталанный, благочинный Джанкойского округа священник Алексей Подсадный.

Там же. Оп. 4. Д. 65. Л. 166.

№ 4

Справка-доклад уполномоченного председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову «О поездке в Топлы Старо-Крымского района по вопросу изучения возможности устройства быв [ших] монашек на работу и на жительство в Топлах (быв. женский монастырь)»

25 ноября 1946 г.

Архиепископ Лука в беседе со мной поставил вопрос о возможности сбора в одно место всех монашек быв. женских монастырей Крыма, и местом такого сбора выдвинул быв. женский монастырь в Топлах Старо-Крымского района[7], в данное время в нем находится Крымская опытная зональная станция.

Цель такого мероприятия Лука объясняет следующим: всего в Крыму имеется 230 монашек, разбросанных почти по всем городам и районам Крыма, являющихся

приживалками церквей и молитвенных домов, только мешающих деятельности церквей, а поэтому он считает целесообразным собрать их всех в одно место (общежитие), где они бы занимались рукоделием и другими работами и вели монашеский образ жизни, и просил меня запросить Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по данному вопросу.

Хотя Лука выдвигаемое им это мероприятие в первой беседе и не называл открытием монастыря, но в последующей беседе спросил меня:

«Как, Вами еще не получен ответ из Совета относительно открытия монастыря в Топлах?»

Из этого следует, что цель постановки им данного вопроса — это открытие монастыря.

По получении из Совета ответа № 3352 от 19/IX-46 г. на мое письмо по данному вопросу с предложением изучить возможность устройства быв. монашек в Топлах на работу и на жительство в Опытной зональной станции я выехал в Топлы и на месте установил:

Верхние Топлы Курского с/с Старо-Крымского района (быв. женский монастырь) расположен на горе, в окружении лесов. В настоящее время в нем размещается Крымская опытная плодово-ягодная зональная станция и сельскохозяйственная школа садоводов на 150 человек.

Все быв. монастырские постройки и садово-огородные земли принадлежат Опытной зональной станции.

Часть зданий во время немецкой оккупации была полуразрушена и приведена в негодное состояние и в данное время Зональной станцией восстанавливается. Незанятых — свободных — зданий нет, кроме того, быв. монастырские склады приспособлены под жилье — общежитие учащихся сельскохозяйственной школы.

В беседе с директором Опытной зональной станции и другими работниками выяснилось, что из них никто и никому никаких обещаний не давал о выделении помещения для монашек, более того, директор заявляет, что они ощущают недостаток в помещениях для размещения рабочих и учащихся.

Поскольку монашки в своем большинстве имеют преклонный возраст, а основные работы в Опытной зональной станции — сельскохозяйственные, также и вопрос об устройстве их на работу в Топлах отпадает, и они здесь как рабочая сила не требуются.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
Я. Жданов

Там же. Оп. 5. Д. 64. Л. 19–20.

№ 5
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

4 января 1947 г.

<...> В соответствии с Вашим указанием № 2/5/17778 от 9 апреля 1946 года по разработке архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого Валентина Феликсовича), с прибытием его в Крым (июль 1946 года[8]), нами он был взят в активную агентурную разработку.

В результате агентурного наблюдения установлено, что архиепископ Лука в Крыму продолжает проводить свою политику борьбы с материализмом и особенно с атеистическим учением, для чего мобилизовал все силы православной церкви, систематически читает проповеди в церквах Крыма, в которых стремится с «научной точки зрения» объяснить верующим создание Богом вселенной мира. В своих проповедях Лука заявляет:

«Мы очень далеки от того, чтобы торжествовать победу над материализмом».

С целью борьбы с материализмом Лука подготовил к печати так называемый свой «труд» «О душе, духе

и теле»[9], который намеревается в ближайшее время направить в редакцию «Журнала Московской Патриархии» для печатания.

В своих проповедях Лука старается политических вопросов не затрагивать, но систематически указывает верующим не посещать кино, театры и другие увеселительные учреждения, так как там показывают только «бесов».

В кругу доверенных ему лиц Лука часто высказывает свою враждебность к существующему в СССР строю.

В октябре месяце 1946 года, в связи с некоторым сокращением хлебных карточек, Лука нашему агенту «Вологодскому» заявил:

«Какая тяжелая обстановка жизни создалась в настоящее время, сколько неприятностей приходится переживать людям, и все вследствие того, что они обязаны ради их политики кормить некоторые западноевропейские страны: Румынию, Чехословакию, Болгарию в ущерб состоянию своего народа».

После вторичного частичного сокращения в выдаче хлебных карточек по епархии, когда об этом узнал Лука, он злобно заявил нашей агентуре:

«Ведь это граничит с крахом, неминуемым голодом, а отсюда целый ряд неприятных эксцессов. Кончиться это благополучно не может. Наступает крах Советской власти, а вслед за этим необузданная анархия, которая приведет миллионы людей к гибели. Сейчас реакция будет значительно серьезнее, чем была при царизме. Это будет небывалый в истории погром, самая страшная анархия».

Другому нашему агенту «Евстафьеву» по этому же поводу Лука высказывал:

«Это кара Божия. Это их [советскую власть] карает Господь за разрушение церквей».

В своих множественных письмах Лука пишет явную клевету о якобы имеющемся в СССР голоде.

На жалобу церковницы Волковицкой, проживающей в городе Полтаве, о непослушании ее сына Лука ей ответил:

НЕ ТАЙНО
Сов. секретно
УССР
Комитет государственной безопасности
при Совете Министров УССР
Секретариат
Взято на тематический учет
19 апреля 1982 г.
Передать в ЦА МВД СССР
ДЕЛО № 1
По обвинению Докладные записки в МГБ СССР
Начато 5 ноября 1946 г.
Окончено 7 января 1947 г.
В 2-х томах
Том № 2
После судебного рассмотрения и вступления приговора в силу настоящее дело подлежит немедленному возвращению на 380 листах
(указать название органа КГБ)
К делу должна быть приобщена копия приговора.
Передача находящихся в производстве следственных дел, а также взятых дел в другие отделы или органы КГБ, хотя бы и временно, производится исключительно через
(название учетного аппарата)
Срок хранения — ПОСТОЯННО
Архив № 46+
Сдано в архив 195 . г.

«Вопрос о воспитании Вашего сына до крайности труден, дети воспитываются окружающей средой. Ваш сын непоправимо испорчен, растет в самых неблагоприятных условиях среды и быта. Он — одна из бесчисленных жертв нашего времени. Теперь голод толкает детей и подростков на воровство, а против голода мы бессильны».

«Я каждый день получаю со всех концов Союза просьбы о помощи, но далеко не всех могу удовлетворить, так как на моем попечении родственники, весьма бедствующие».

17 октября 1946 года Лука на имя Патриарха Алексия отправил письмо, в котором он явно клевещет на действительное положение в Крыму:

«Один за другим сельские священники присылают прошения о переводе их в лучшие приходы, так как им нечем жить. В Крыму голод, население обнищало, и доходы церковные упали очень резко, вероятно, так не только в Крыму. Тяжело, очень тяжело».

Симферополь. Старая часть города

22 декабря 1946 года архиепископ Лука в документе, адресованном Патриарху Алексию, сообщил:

«Владыко святой, какое горе! В Крыму положение немного лучше, чем было в Ленинграде при Вас[10]. Цены баснословные и растут с каждым днем. У меня живет погибавшая на Украине племянница с тремя детьми, и я уже едва в состоянии впроголодь кормить их. Церковные доходы упали до минимума. Со страхом думаю, что будет дальше. Горе, горе».

Лука везде всячески старается подчеркнуть, что к нему, как к лауреату Сталинской премии, якобы плохо относятся, о чем он заявил нашей агентуре:

«За границей про меня пишут и отдают должное, а у нас, в России, даже не постарались поместить мой портрет среди лауреатов Сталинской премии. Такова политика — чужие хвалят, а в своем отечестве не признают».

Характерно отметить, что после приезда Луки в Крым к нему из разных областей стали приезжать священники, которые в прошлом были судимы и находились в ссылках, или же лица, которые в других епархиях активно разрабатывались нашими органами. Этих лиц Лука назначает на приходы иногда без всякого согласия с уполномоченным по делам Русской Православной Церкви при облисполкоме; так, например:

Из Краснодарского края прибыл священник Поливин Николай Петрович, который в 1929 году был осужден и выслан без права проживания в Крыму и в городах Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове и других. Лука его назначил настоятелем церкви в г. Симферополе.

Из г. Мелитополя прибыл священник Углянский, в прошлом судим, активно разрабатывался Мелитопольским горотделом УМГБ, Лука назначил его священником в церковь г. Ялты.

Из г. Ташкента прибыл знакомый Луке по ссылке иеромонах Ермолай Решетников, которого он пытался направить на службу в г. Севастополь, но нами не был допущен.

Из г. Курска прибыл священник Мищук, который активно разрабатывался УМГБ по Курской области,

и назначен Лукой на один из сельских приходов а также целый ряд других служителей культа, которые бесконечно едут в Крым к Луке, и все находят у него соответствующий приют.

Разработку Луки продолжаем вести по церковному окружению через агентов «Вологодского», «Евстафьева», «Старика» и с [екретного] о [сведомителя] «Светлова».

Кроме того, подготавливаем кандидатуры на вербовку из числа интеллигенции и врачей, с которыми он за последнее время стал общаться по линии своей медицинской деятельности.

В ходе дальнейшей разработки Луки сообщим дополнительно.

В декабре месяце 1946 года отделением «О» УМГБ был завербован по линии церковников один агент «Бойкая».
<...>

«Бойкая», будучи активной церковницей и работая регентом церковного хора, тесно связана с активными антисоветски настроенными церковниками, разрабатываемыми нами по делам-формулярам Панкеевой Варварой Семеновной и Доманским Николаем Ивановичем. Кроме того, имеет обширные связи среди церковников г. Симферополя. На вербовку пошла без особых принуждений.

Завербован один осведомитель «Светлов», работающий шофером у архиепископа Луки, который по роду работы связан со всеми церковниками.

Характеристики на агентов, работающих по разработке архиепископа Луки, при этом прилагаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: Начальник отделения «О» УМГБ
майор Клименко
4 января 1947 г.
№ 1/26 г.
Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 46. Т. 2. Л. 246–250.

№ 6
Из информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1946 года

7 января 1947 г.

<...> Архиепископ Лука в отчетном квартале посетил меня один раз, 16 октября, на следующий день после моего возвращения из отпуска. По вопросам: перемещения и назначения священников и диаконов, о вызове им священников из других епархий, желающих приехать в Крым, об открытии женского монастыря, о задержке вручения ему телеграммы из Министерства здравоохранения СССР с командированием на съезд хирургов.

В отношении назначения и перемещения священников и диаконов я ему ответил, что с моей стороны не будет возражений в регистрации как перемещаемых, так и вновь назначаемых священников, когда будет его приказ об этом и эти люди будут прописаны органами милиции по новому месту жительства, так же и в отношении прибываемых к нему священников из других епархий.

По вопросу открытия женского монастыря в Топлах я ему сказал, что собираюсь поехать в Топлы для ознакомления на месте с данным вопросом и результаты ему сообщу, и при посещении его 4/XI на квартире я ему передал, что ввиду отсутствия свободных помещений в Топлах всякая возможность открытия монастыря или устройства там монашек на жительство отпадает.

В отношении задержки во вручении ему телеграммы о съезде хирургов — сообщу ниже.

В отчетном квартале я посетил архиепископа Луку 2 раза. Первый раз — 4 ноября, по возвращении из командировки в гор. Балаклава, в которой я пробыл 16 дней. Мне передали, что Лука лежит больной. Позвонил к нему на квартиру по телефону, узнал, что действительно Лука лежит больной, тогда я попросил узнать у него, сможет ли он меня принять и в какое время. Мне передали, что архиепископ просит передать мне,

что я могу прийти в любое время и что он будет рад моему приходу.

В тот же день я его и посетил.

Он действительно лежал больной и жаловался на боли сердца, ожидал прихода врачей для консилиума. Моим посещением его он был очень рад и благодарил, что я его, больного, посетил. Пробыл у него около часа. Лука мне сообщил, что провел совещание благочинных и какие разбирались вопросы на этом совещании[11]; затем сказал, что он дал настоятелям городских церквей указание совершить молебны в городских церквах в день празднования Великой Октябрьской Социалистической Революции 7 ноября и что он дал настоятелям конспекты проповедей.

Затем рассказал о своей работе как хирурга, о своем научном труде, за который ему присвоили звание лауреата Сталинской премии, а также рассказал о своих сыновьях и дочери, что сыновей у него трое[12] и одна дочь, все они являются врачами, и старший сын профессор, и где они работают.

В конце беседы Лука сказал, что он заканчивает большую богословскую статью, которая будет называться «Дух, душа и тело», что это такой труд, какого нет в богословской науке, но сомневается, будет ли она напечатана, так как для журнала она велика, объем ее не менее 100 печатных страниц, а отдельной книгой вряд ли, говорит, разрешат, так как этот его труд явится большим материалом против антирелигиозников.

Второй раз я посетил Луку 2 декабря 1946 г. по поручению председателя Облисполкома тов. Кривошеина в день вручения ему диплома, золотого значка и удостоверения лауреата Сталинской премии.

Тов. Кривошеин сообщил мне, что получены из Москвы документы: диплом, удостоверение и золотой значок для вручения лауреату Сталинской премии профессору Войно-Ясенецкому, и просил меня узнать у архиепископа Луки, сможет ли он сегодня, 2/XII, прибыть в Облисполком для вручения ему этих документов.

Я решил никого к нему не посылать и по телефону не звонить, а пойти лично, во-первых, посетить его как больного, поскольку он еще никуда не выходил после болезни, и затем уже договориться, когда он сможет прибыть в Облисполком для получения документов.

Когда я к нему пришел, он уже не лежал, а сидел, приветствуя меня, встал, поблагодарил за посещение.

Поинтересовался его здоровьем, Лука сказал, что чувствует себя неплохо, тогда я ему сообщил, что получены председателем Облисполкома тов. Кривошеиным диплом, золотой значок и удостоверение для вручения ему как лауреату Сталинской премии, и сможет ли он сегодня, 2/XII, примерно часа в 2 прибыть в Облисполком. На это он ответил: «Наконец-то выслали», что он посылал в Комитет по Сталинским премиям несколько телеграмм и стал уже сомневаться, будут ли вручены эти документы, и сказал, что прибыть в Облисполком сможет, но вот как быть с транспортом, пешком пойти не сможет, а машина его еще не на ходу.

В ответ на это я ему сообщил, что к 2 часам ему будет подана машина.

Возвратившись в Облисполком, я передал т. Кривошеину, что Лука к 2 часам сможет явиться в Облисполком, только нужно будет ему подать машину. Тут же тов. Кривошеин отдал распоряжение о подаче Луке машины.

В 2 часа дня 2/XII тов. Кривошеин в присутствии своих заместителей и других членов исполкома и представителя газеты «Красный Крым» вручил диплом, золотой значок и удостоверение лауреата Сталинской премии профессору Войно-Ясенецкому. Архиепископ Лука при этом был во всей своей архиерейской форме.

Во время вручения диплома лауреата Сталинской премии Лука благодарил Советское правительство, удостоившее его такой высокой чести быть лауреатом Сталинской премии, и обещал по силе возможности работать по линии медицины, здесь же заявил и о том, что он сможет прочитать цикл лекций для врачей-хирургов Крыма.

О вручении диплома лауреата Сталинской премии Войно-Ясенецкому было опубликовано в областной газете «Красный Крым»[13]. <...>

Работа Епархиального Управления и благочинных

24 октября 1946 года архиепископом Лукой проведено совещание благочинных, на котором были обсуждены вопросы:

1. Реформа исповеди.
2. Тезисы для проповеди 7 ноября 1946 г.
3. О соревновании в произнесении церковных проповедей.
4. Инструкция благочинным.

Архиепископ Лука в своем слове по первому вопросу указал на значение исповеди, к которой в Крымской епархии в большей части относятся формально. Некоторыми священниками допускается общая исповедь, а таковая Патриархом Алексием запрещена.

По данному вопросу в отношении исповеди принято решение строго руководствоваться правилами Иоанна Постника, которые и были даны благочинным для рассылки всем настоятелям церквей.

Копию правил Иоанна Постника при сем прилагаю.

По второму вопросу было принято решение в городских соборах 7 ноября после литургии совершить благодарственные молебны с произнесением проповедей, а в сельских церквах ограничиться одними молебнами.

Тезисы проповеди Лукой были розданы благочинным — тезисы при сем прилагаю.

По третьему вопросу «О соревновании в произнесении проповедей», внесенном священником Дубининым, который предлагал священникам устроить соревнование между собою в произнесении проповедей.

По данному вопросу благочинными принято такое решение:

«Каждый священник сознает важное значение проповеди при служении и выполняет эту обязанность по мере возможности. Заводить же соревнование в этом отношении находят излишним».

По четвертому вопросу архиепископ Лука предложил благочинным:

Проверять знания настоятелей церквей, составить списки излишних богослужебных книг и священных сосудов и представить ему.

Проверить богослужебные журналы, в которых должны быть записаны конспекты произнесенных проповедей, и дал ряд других инструктивных указаний в отношении правил проведения церковных богослужений.

Вот таковые были обсуждены на совещании благочинных вопросы и инструктивные указания Луки для благочинных.

Состав духовенства, его характеристика

В отчетном квартале в составе духовенства произошли некоторые изменения.

По состоянию на 1 января 1947 г. имеется зарегистрированных:

священников — 61
диаконов — 6
итого — 67.

За отчетный квартал увеличилось количество зарегистрированных священников — 4, диаконов — 3.

За это же время мною снято с регистрации в связи с увольнением архиепископом за штат: священников 5 чел. <...>

О церковной жизни

О проповедях:

Будучи в гор. Керчи 8 декабря 1946 г., в воскресный день придя в Успенскую церковь для ознакомления с состоянием приходской общины и проверки выполнения общиной обязательств по договору, по содержанию церковного здания и культового имущества, я зашел в церковь, в ней происходило богослужение — в церкви находилось человек 60, преимущественно женщины, было несколько и детей в возрасте 8–10 лет.

В момент моего захода в церковь священник Коротков Василий читал проповедь, в которой он обращался к молодежи, чтобы последняя не посещала увеселительных

учреждений, кино, театры и т. п., а больше бы посещала храмы Божии и молилась, а не веселилась, и далее в таком духе.

После богослужения, знакомясь с состоянием общины и выполнением договора, я, между прочим, сказал священнику:

«Слышал Вашу проповедь, и что-то мне в ней непонятно, как будто бы вы призывали молодежь не ходить в театры, кино, вообще не веселиться, так ли я понял Вас?»

Коротков ответил, что священники имеют указание архиепископа Луки читать верующим слово Божие, а также призывать и молодежь посещать храмы Божии.

С архиепископом Лукой по данному вопросу не беседовал.

О вызове Луки на съезд хирургов и др. вопросы

Выше я упоминал, что архиепископ Лука при посещении меня 16/X-46 г., наряду с вопросами церковными, поставил передо мною и вопрос вызова его на съезд хирургов, состоявшийся 1 октября 1946 г. Дело обстояло так:

Во время беседы Лука мне рассказал, что 1/X состоялся 25-й Всесоюзный съезд хирургов и что на этот съезд он имел приглашение, когда еще ехал в Крым, от заместителя министра здравоохранения СССР профессора Приорова. Примерно недели за 2 до съезда он получил частное письмо от профессора Приорова, в котором последний сообщал, чтобы он готовился к приезду, что официальное приглашение будет выслано. Он готовился до последнего дня, даже были куплены билеты на самолет, и далее рассказал, что Облздравотдел о командировании его на съезд получил телеграмму из Министерства здравоохранения 27 сентября, а ему ее вручили только 2 октября, поэтому на съезд поехать он не мог, было уже поздно, и просил меня поговорить с кем нужно и выяснить, не было ли здесь умышленного задержания во вручении ему телеграммы, и после ухода прислал мне эту телеграмму, которая имела следующее содержание:

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
Молния. Симферополь. Облздравотдел.
Командируйте профессора Войно-Ясенецкого на съезд хирургов

в Москве 1 октября.
Заместитель министра здравоохранения *Приоров*».

Телеграмма Облздравотделу была вручена 27/IX, на левой стороне в верхнем углу ее резолюция:

«Тов. Белокуренко
Направьте телеграмму Войно-Ясенецкому.
28/IX *Басюл*».

К телеграмме приложено отношение со штампом, на котором дата от 28/IX-46 г., следующего содержания:

«Профессору Войно-Ясенецкому
Госпитальная, 1
Направляю Вам телеграмму.
Н-ник лечебного сектора *Белокуренко*».

И эта телеграмма вместе с отношением была вручена Войно-Ясенецкому только 2/X-46 г.

С этой телеграммой я обратился к председателю Облисполкома тов. Кривошеину, доложил ему, что был у меня архиепископ Лука и что он подозревает умышленное задержание о вручении ему телеграммы через 5 дней после ее получения.

Тов. Кривошеин вызвал зав. приемной и предложил последнему непременно проверить, почему не была своевременно вручена телеграмма.

Проверкой было установлено, что телеграмма на второй день получения, т. е. 28/IX-46 г., попала к начку административно-хозяйственного сектора тов. Басюл, последний передал ее со своей резолюцией н-ку лечебного сектора Белокуренко, а Белокуренко передал своему секретарю Коваленко, а последняя с отношением, подписанным Белокуренко, того же 28/IX передала курьеру для вручения профессору Войно-Ясенецкому, а курьер заболела, таким образом, телеграмма вместе с отношением пролежала в столе секретаря Коваленко,

пока не выздоровела курьер, т. е. до 2/X, которая после выздоровления и вручила ее Войно-Ясенецкому.

Тов. Кривошеиным было дано распоряжение наложить на виновных взыскание.

25 октября 1946 г. последовал по Областному отделу здравоохранения Крыма приказ за № 670 такого содержания:

«В результате расследования выявлено, что работники аппарата Облздравотдела: нач-к административно-хозяйственного сектора тов. Басюл, секретарь лечебного сектора Коваленко и нач-к лечебного сектора Белокуренко допустили канцелярско-бюрократическое отношение в доставке правительственной телеграммы профессору Войно-Ясенецкому, вызванному на съезд хирургов к 1/X-46 г.

Телеграмма получена Облздравотделом 28/IX1946 г., а доставлена 2/X-46 г., благодаря чему профессор Войно-Ясенецкий не мог выехать на съезд.

Приказываю:

1. Секретарю лечебного сектора тов. Коваленко — объявить выговор.
2. Начальнику адм.-хоз. сектора тов. Басюл и нач-ку лечебного сектора тов. Белокуренко поставить на вид за слабый контроль.

Подпись зам. зав. Облздравотделом *Сысоев*».

Однажды при встрече с тов. Сысоевым я сказал последнему:

«Как-то нехорошо получилось с вручением телеграммы Войно-Ясенецкому».

Тот мне ответил:

«Ничего в этом плохого нет, если профессор Приоров хотел его вызвать на съезд, то выслал бы ему приглашение лично, а не через Облздравотдел».

Далее о следующем случае считаю необходимым информировать Совет.

Лука обратился с письмом к председателю Облисполкома тов. Кривошеину такого содержания:

«Многоуважаемый Дмитрий Александрович!

Мой хороший знакомый, отличный музыкант Николай Иванович Ливанов, чтобы ознаменовать получение мною лауреатского

диплома, пригласил троих своих товарищей по филармонии и устроил в моей квартире прекрасный струнный квартет, доставивший мне большое удовольствие.

Последствием этого квартета было увольнение Ливанова из филармонии, строгий выговор инспектору филармонии и крупнейшие неприятности в комсомоле для одного из участников квартета — комсомольца.

В вину было поставлено общение с архиереем, — но двое из участников квартета (комсомолец и еврей) хотели почтить не архиерея, а лауреата Сталинской премии.

Что же, — я, значит, поставлен в положение зачумленного, с которым запрещается общение? И разве комсомолец и еврей не могут иметь общение и с архиереем? Не перестраховщики ли это, затеявшие расправу за квартет? Не сомневаюсь, что Ваш взгляд на это дело будет иным.

С совершенным почтением и уважением

Архиепископ Лука. 13/XII-46 г. ».

Тов. Кривошеин дал распоряжение нач-ку Обл. отдела по делам искусств тов. Молоденкову проверить причину увольнения Ливанова и ему сообщить.

16/XII тов. Молоденков сообщает тов. Кривошеину:

«Артист оркестра Крымгосфилармонии Ливанов Н. И. уволен за совершенные им прогулы 7/XII-46 г. и ранее.

Не согласовывая с руководством филармонии вопроса о работе по совместительству, Ливанов нарушил закон о совместительстве, без ведома филармонии работал в церковной организации.

Более того, имея это совместительство, Ливанов уходил с работы, заявляя об этом только инспектору оркестра, который административными правами не располагает и который Ливановым вводился в заблуждение.

Считаю увольнение Ливанова правильным.

Молоденков».

К этому отношению приложены: копия рапорта директора оркестра на имя директора Крымгосфилармонии от 9/XII-46 г.; копия объяснения инспектора от 9/XII-46 г.;

выписки из приказа по Крымгосфилармонии от 10/XII-46 г. об увольнении Ливанова и выговора инспектору.

Весь этот материал тов. Кривошеиным был направлен мне с резолюцией: «Прошу при случае сказать архиепископу».

Ливанов по профессии артист симфонических оркестров и играет в них с 1927 г. Характерно то, что архиепископ Лука через несколько дней после увольнения Ливанова из оркестра посвятил его в диакона, а затем, через 8 дней, посвятил в священники и назначил его вторым священником в Николаевскую церковь гор. Бахчисарая, где настоятелем является 82-летний старик.

В беседе со мной во время его регистрации как священника Ливанов сказал — его уволили за то, что он, имея хороший голос, иногда пел в архиерейском хоре, и петь ему приходилось только потому, что получаемой зарплаты в оркестре на жизнь не хватало, а когда его уволили из оркестра, ему ничего не оставалось делать, как пойти на церковную службу[14]. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 4. Л. 77–94.

№ 7

Из годового отчета о работе управления Крымской епархии за 1947 год

Февраль 1948 г.

Общие сведения по епархии.

1. Изменений на епископской кафедре епархии в отчетном году не было.

2. Важнейших событий церковной жизни епархии не было.

3. В отчетном году не было надобности в созыве благочинных или епархиальных съездов. Созыв благочинного съезда намечен в феврале мес. 1948 года по вопросам о тяжелом финансовом положении епархии и о мерах к поднятию посещаемости сельских церквей.

В отчетном году Архиепископ объехал 50 приходов из 58 приходов епархии, повсюду проповедуя и беседуя с народом. Во всех городах служил (в иных не раз).

Миссионерская деятельность в епархии невозможна по четырем причинам: 1) Низкий уровень образования и развития крымского духовенства. В епархии только 16 священников с полным семинарским образованием, и из них 10 в возрасте 69–83 лет. Такие старцы вряд ли много помнят из курса семинарских наук и по возрасту мало способны к миссионерской деятельности. Нет ни одного священника с академическим образованием.

2) И те, единичные, священники, которые могли бы проявить хотя бы небольшую миссионерскую деятельность, бессильны ввиду почти полного отсутствия в Крымской епархии литературы о расколе и сектантстве.

3) Некому слушать проповеди против сектантства, так как народ почти не посещает сельских церквей.

4) Собеседования с сектантами, которые я считаю вообще мало полезными, невозможны при существующих политических условиях.

Небольшую миссионерскую деятельность осуществлял только сам Архиепископ, выступавший в восьми городах и селах с большими, полуторачасовыми речами о сектантстве, его истории и происхождении и нередко проповедовавший в Симферопольском соборе на догматические темы.

Впрочем, сектантов в Крыму не особенно много.

Организовать духовно-учебное дело также невозможно по следующим причинам:

1) Священников, получающих менее чем нищенские доходы, трудно обязывать приезжать в Симферополь хотя бы на краткосрочные курсы.

2) Их совершенно негде поместить и нечем кормить, ибо продовольствие в Симферополе до крайности затруднено.

3) Некому почти поручить занятия с курсантами.

По первым двум причинам нельзя привлечь к пополнению знаний и псаломщиков, из которых в епархии только 16 мужчин (остальные церкви обслуживаются монашенками, женами священников или полуграмотными крестьянами).

В 1947 году я попробовал организовать в Симферополе обучение церковному чтению и пению желающих подготовиться к должности псаломщиков. Желающих нашлось очень немного, да и те скоро разошлись.

И для духовного училища, если бы его возможно было организовать, вряд ли нашлись бы учащиеся.

Работа с местным уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви настолько затруднена, что я вынужден был лично жаловаться на него председателю Облисполкома и трижды посылать жалобы в Совет.

По первым трем жалобам уполномоченный получил должные внушения, а исход последней, самой серьезной жалобы еще не выяснился ввиду недавности ее.

4. Общая характеристика церковно-приходской жизни и духовенства епархии.

После произведенной Архиепископом генеральной чистки духовенства епархии состав духовенства почти безупречный. Господь послал новых деятелей на ниве Христовой, горящих духом, интеллигентных, один из которых уже прославился своими неустанными проповедями и энергичной церковной деятельностью[15].

Во многих приходах проповедническая деятельность слаба вследствие неспособности к ней части духовенства; но Архиепископом побуждаются и такие слабые пастыри к проповедыванию. Отдельные священники проявляют и максимальные церковно-хозяйственные заботы, затрудняемые, однако, большой бедностью церквей.

Отношения духовенства с сельскими властями плохи в двух приходах вследствие враждебности властей к религии.

Отношения с церковными советами почти везде хорошие.

В шести приходах из 58-ми невозможно исполнить требования Положения об Управлении Русской Православной Церкви, а во многих других выполнение их затруднительно. Причины этого таковы: невозможность найти людей, подходящих для должности церковного старосты вследствие почти полного отхода мужчин от Церкви и неграмотности женщин; дальность местожительства многих членов советов и ревизионных комиссий и крайняя трудность собрать их. Поэтому во многих приходах ревизионные комиссии бездействуют.

Много воров среди церковных старост, расхищающих церковные доходы. Против них применяются строгие меры.

Бытовые условия многих священников плачевны и нетерпимы. Их доходы менее чем нищенские. Так, например, священник с. Желябовка получает в воскресные дни 3–10 руб., а иногда и ни копейки. Даже священник Ялтинской церкви пишет: сумма доходов едва покрывает скромный постный стол, а на одежду и обувь ничего не остается. Священник Горбачев живет только на пенсию в 168 рублей. Другие священники вынуждены наниматься на тяжелые черные работы.

Квартиры при церкви имеют 33 священника, 18 живут в наемных квартирах, а при 7-ми церквах нет вообще никаких квартир.

5. Об основных условиях, затрудняющих развитие церковной жизни, я писал Святейшему Патриарху в рапорте от 15/1–48 г.

Устранить их местными средствами невозможно, особенно при нашем уполномоченном Совета, который просто отмахивается от них.

И в воскресные дни, и в периоды, когда нет полевых работ, богослужение приказывают кончать к 7 час. утра (правда, не везде).

Другая причина упадка церковной жизни — весьма незначительное количество денег у сельского населения, отсутствие у многих одежды и обуви.

Отвлекает верующих от церкви и запрещение учителям, учительницам и школьникам ходить в церковь.

По отзывам крымских старожилов, религиозность русского населения Крыма всегда была низка и церкви поддерживались, главным образом, греками и болгарами, которые во время войны были выселены из Крыма.

Крайне необходима для поддержания веры религиозно-нравственная литература, которой в Крыму совсем нет.

Огромная нужда и в богослужебных книгах.

6. Главные вопросы, возбужденные Епархиальным Управлением перед Высшей Церковной и Гражданской Властью, оставшиеся неразрешенными к началу 1948 года.

Рапорт Архиепископа Святейшему Патриарху через Хозяйственный Совет при Священном Синоде от 29/X-47 г. за 03/10.

7. Другие сведения, замечания и предложения, которые Епархиальное Управление считает необходимым включить в настоящий отчет.

Многие молитвенные дома были открыты самочинно в период немецкой оккупации, когда не было в Крыму епископа.

Некоторые из них устроены в совершенно недопустимых условиях, под одной крышей с детским садом, разными советскими учреждениями или в непосредственном соседстве с ними, что очень нарушает благочиние богослужений.

Из некоторых таких помещений, занимаемых молитвенными домами, стремятся выселить административными и судебными мерами. Если это удастся, то место Св. Престола будет попираться ногами неверующих, на нем будут устраиваться танцы и попойки. Бороться с этим весьма трудно.

В то же время в некоторых селах сохранились хорошие церкви, об открытии которых население не считает нужным ходатайствовать.

Это яркий показатель крайнего упадка веры среди русского населения Крыма.

Управляющий Крымской епархией
Архиепископ Лука

Там же. Оп. 5. Д. 75. Л. 3–5.

№ 8
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

4 февраля 1947 г.

По делу-формуляр № 6291 на Войно-Ясенецкого В. Ф. — характерно отметить, что на празднике Крещения 19 января 1947 года в кафедральном соборе гор. Симферополя Лука, как сообщает нам агент «Евстафьев», произнес проповедь в патриотическом духе, заявив:

«Ни в одном государстве в различных постановлениях, распоряжениях и законах так не проявилась правда Божия, как в постановлениях и решениях Советского правительства».

И далее было указано, как пример, на предложения, внесенные нашими представителями на Генеральной Ассамблее, о сокращении вооружения и о контроле над атомной энергией.

Эта часть проповеди якобы, как заявила нашему агенту «Евстафьеву» верующая медицинский врач Кузьмина Марина Мироновна, многим верующим не понравилась, и часть верующих ушла с проповеди.

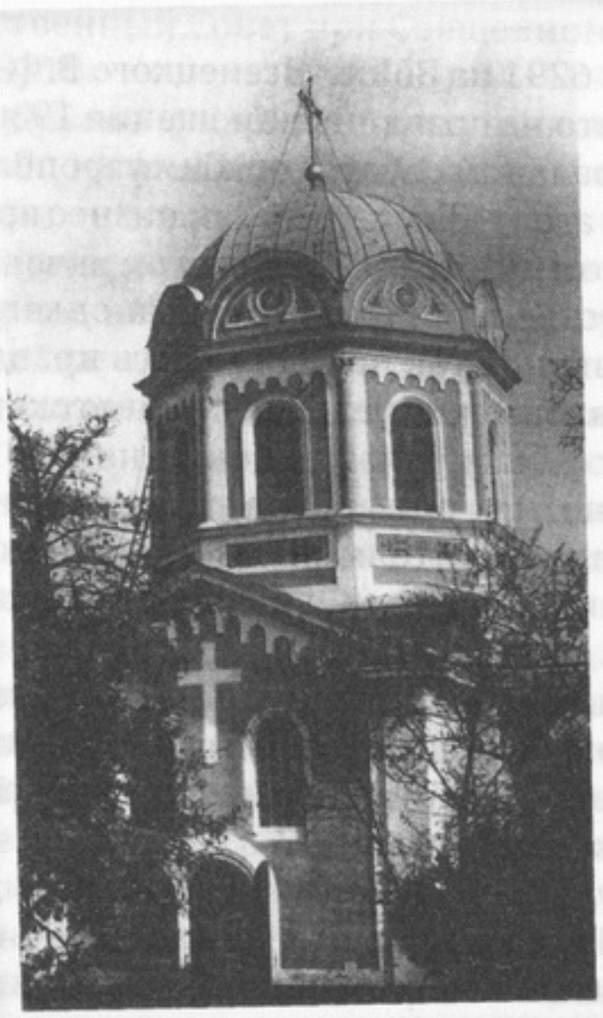
«Все шло благополучно, — заявляет Кузьмина, — до того момента, пока Лука не сказал о правде Божьей, в особенности о Советском Союзе. Эти слова, сказанные им, произвели взрыв бомбы. Неужели! — восклицает

Кузьмина. — И он продался НКГБ? Нет! Не может это – го быть».

Данные агента «Евстафьева» проверяем через другую агентуру. Устанавливаем и проверяем личность Кузьмина М. М.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: Начальник отделения «О» УМГБ
майор Клименко
4 февраля 1947 г.
№ 1/292
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 1. Л. 4–5,7.

Свято-Троицкий собор
в котором ныне покоятся
мощи святителя Луки
г. Симферополь

№ 9
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

5 марта 1947 г.

<...> Афанасьев находится в близких взаимоотношениях с архиепископом Лукой, о котором он накануне выборов нашему агенту заявил:

«Хотя Лука и пойдет на выборы в Верховный Совет РСФСР, но если бы вы знали, как ему все это противно, когда я его провожаю, он, высказываясь про власть, говорит: "У, окаянные". Это не случайно, ведь он слишком много перенес от Советской власти, пробыв больше 11 лет в ссылке».

После выборов в Верховный Совет РСФСР Афанасьев заявил нашему агенту: «Наконец-то сыграли комедию: когда вошел на участок Войно-Ясенецкий (Лука), то не знали, куда его там усадить, оставляли его побыть немного, но владыко сказал мне: "Досадно здесь мне, пойдемте отсюда скорее"».

В беседе с нашим агентом «Вологодский» 8 февраля 1947 года Лука заявил:

«Портреты всех награжденных лауреатов поместили в центральных газетах, а обо мне ни звука. Между тем я знаю, что обо мне много было написано в заграничной прессе, а здесь, на родине, умалчивают. Это вполне понятно. Там, за границей, надо строить политику, надо показать всем, что вот, мол, у нас есть такие люди, даже из духовного звания, а среди своего народа этого они сказать не могут, так как не увязывается с проводимой политикой материализма. Приходится мириться и молчать. Вот я закончил большой идеологический труд на тему "Дух, душа и тело", но я не верю, что его отпечатают у нас. Есть только надежда, что этот труд увидит только свет за границей, так оно, наверное, и будет».

Необходимо отметить, что Лука систематически в соборе города Симферополя выступает с проповедями

на религиозные темы, призывая верующих посещать церкви и не посещать кино, театры, клубы.

9 февраля 1947 года Лука в соборе, выступив с проповедью на тему «О возвращении блудного сына», заявил:

«Если кто-либо из молодых обожжет свои крылышки в погоне за удовольствиями, то не нужно падать духом и опускаться к обществу свиней, а нужно покаяться перед Богом и вернуться к церкви. Мы сейчас находимся в вавилонском пленении, скоро наступит конец этому пленению, поэтому нужно каяться и обратиться к Богу».

Разработку Луки и Афанасьева продолжаем в направлении выявления их антисоветских связей и деятельности.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: Начальник отделения «О» УМГБ по Крым. обл.
майор Клименко
5 марта 1947 г.
№ 1/519
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 1. Л. 147–148.

№ 10
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

2 апреля 1947 г.

<...> По разработке архиепископа Луки: в связи с установившейся хорошей погодой в Крыму он систематически объезжает крымские приходы с целью поднятия религиозного духа у православных прихожан.

Так, Лука в марте месяце сего года посетил гг. Белогорск, Бахчисарай, Феодосию и другие районы, где

организовал богослужения и выступал с проповедями на религиозные темы, призывая верующих посещать церкви и усердно молиться Богу.

О пребывании Луки в г. Феодосии агент «Казанский» сообщает:

«Во время службы в двух церквах в г. Феодосии Лука ни одного слова патриотического не произнес. Его проповедь перед верующими была выражена только лишь во имя верного служения Богу и что только Бог может избавить от такой тяжелой жизни. Многие из прихожан, а также и членов их семей не в полной мере выражают искреннее свое служение Богу, и поэтому Бог гневается на них и приносит им несчастье в жизни».

В беседе священник Феодосийской церкви Куцепалов Луке сказал, что верующих в церкви мало вследствие того, что местные власти организовали воскресник по очистке города. На это Лука ответил:

«Я знаю, что я им мешаю, поэтому они и устраивают воскресники».

Характерно также отметить, что по просьбе Горздравотдела была организована публичная лекция для врачей в г. Феодосии, где Лука выступил с лекцией на тему «Карбункул и его лечение». В этой лекции, наряду с научными методами лечения карбункула, Лука указал и на известный ему метод лечения, имевший место в г. Астрахани, практикуемый «бабкой» Волковой, что он лично был знаком с нею и восхищался ее методом лечения карбункула.

После выступления Луки выступили несколько врачей, которые осудили «метод» лечения карбункула «бабкой» Волковой.

В начале марта с. г. Лука на имя раввина симферопольской еврейской общины Пинского Юду Гершковича послал письмо, в котором указал, что он, как врач-хирург, принимает больных, но что среди обращающихся к нему за лечением мало евреев, поэтому он разъясняет, что для него в отношении лечения больных разницы в национальности и вероисповедании нет, что он просит довести

до сведения еврейского населения о том, что он лечит больных бесплатно.

Разработку Луки продолжаем в направлении выявления его антисоветских связей.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: Начальник отделения «О» УМГБ
майор Клименко
2 апреля 1947 г.
№ 1/728
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 1. Л. 256-259.

№ 11
Из информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1947 года

3 апреля 1947 г.

<...> Архиепископ Лука в отчетном квартале посетил меня два раза, 11 января и 17 февраля 1947 г., оба раза по моему приглашению. Первый раз я пригласил его по вопросам проводимых им перемещений духовенства из одного прихода в другой.

Дело в том, что стали иметь место случаи перемещения им священников из одного прихода в другой без проведения соответствующей их регистрации у меня и получения справок об этом.

Когда об этом я ему сказал и привел факты произведенных им перемещений, о которых мне становилось известным только тогда, когда уже перемещенные священники находились в других приходах, не сдав мне справок о регистрации по старому приходу и не получив справки по новому приходу, и тут же я ему еще раз разъяснил, что все священнослужители, перемещенные

или назначенные вновь на приход, прежде чем выехать к месту новой службы, имея на руках его приказ, обязаны сдать справку о регистрации по старому приходу и получить справку о регистрации по новому приходу, и только после этого они смогут приступить к службе в приходе по новому месту.

Лука был этим очень удивлен и мне объяснил, что им был дан строгий приказ своему секретарю протоиерею Милославову ни одного случая перемещения, а не только назначения, не проводить в жизнь не проведя соответствующей регистрации у меня, и сказал, что, видимо, протоиерей Милославов не справляется с обязанностями секретаря и его придется заменить, но в данном случае он наложит на него взыскание. Поскольку протоиерей Милославов является не только секретарем, но и в то же время он настоятель кафедрального собора и благочинный, то в результате этого от обязанностей благочинного его освободил.

В заключение Лука заверил, что больше таких случаев не повторится, и пока не повторяются.

Во время этой же беседы я информировал Луку о результатах проверки по его письму на имя председателя Облисполкома тов. Кривошеина в отношении увольнения Ливанова из Госфилармонии (об этом случае мною подробно доложено Совету в предыдущем информационном докладе за четвертый квартал 1946 г., стр. 28–29 доклада[16]) о том, что проверкой было установлено — Ливанов уволен из Крымской госфилармонии за прогул 7/XII-46 г. и за неоднократные самовольные уходы с работы.

Лука с таким объяснением не согласился и остался при том мнении, что Ливанов был уволен из Госфилармонии за то, что совмещал работу в архиерейском хоре как певчий, и за то, что устроил у него на квартире струнный квартет, как у лауреата Сталинской премии, и сказал, если Ливанов уволен только за прогул, тогда почему же понесли наказание и другие артисты Госфилармонии, участвовавшие в квартете. И далее заметил:

«Что же Дмитрий Александрович Кривошеин не счел нужным ответить ему лично на его письмо?» Я объяснил,

что тов. Кривошеин, выезжая из Симферополя, поручил мне «сообщить Вам результаты проверки по Вашему письму».

Затем я сообщил Луке, что лица, виновные в несвоевременном вручении ему Правительственной телеграммы с приглашением на съезд хирургов в Москву, понесли соответствующее взыскание, и зачитал приказ по Облздравотделу (об этом случае мною подробно доложено Совету в предыдущем информационном докладе за четвертый квартал 1946 г., стр. 25–27 доклада[17]). Лука на это сказал:

«Хорошо, хоть здесь виновники совершенного безобразия не остались ненаказанными».

Затем в данной беседе был затронут еще ряд вопросов, как-то: «О Иоанно-Предтеченской церкви в гор. Керчи, постройке VIII века, как архитектурном памятнике». Лука спросил моего мнения: «Ничего не будет неправильного, если лично он напишет в Москву в Комитет по делам архитектуры, с тем чтобы были приняты меры к охране этой церкви как древнего исторического христианского памятника архитектуры?» Я ответил, что ничего плохого не будет, если он напишет.

Второй раз Лука посетил меня 17 февраля, также по моему приглашению, с тем чтобы он дал указание настоятелям приходов епархии о прекращении сборов средств среди верующих на патриотические цели.

Лука меня спросил: «Почему прекратить?» Я ему объяснил, что в данное время у церкви, наверное, возросли потребности в средствах на содержание духовных учебных заведений (с открытием академий, семинарий), на содержание управленческих органов церкви, на Патриархию, на епархию, на ремонт храмов и другие церковные расходы, и вот эти средства, которые собирались на патриотические цели, следует обратить на внутрицерковные потребности. Лука сказал, что это правильно, вот он получил из Патриархии указание об отчислении в Патриархию от епархии на 1947 г. свыше 340 тыс. руб., и он в большом недоумении, сможет ли он выполнить этот план в связи с бедностью большей части приходов.

После этого Лукой указания приходам были даны, и сейчас сборы средств на патриотические цели по церквам прекращены.

Затем Лука снова поставил передо мной вопрос о выселении из его квартиры посторонних женщин, что он по этому вопросу говорил с председателем Облисполкома тов. Кривошеиным, когда только что он приехал в Крым, будучи на приеме у него в июне 1946 г., и тов. Кривошеин его заверил, что не позднее как через две-три недели квартира от посторонних лиц будет освобождена. Затем на эту тему он беседовал с заместителем предоблисполкома тов. Олейниковым, когда он, Лука, делал доклад на съезде врачей Крыма, и что последний также дал обещание принять меры к освобождению его квартиры от посторонних лиц, но несмотря на все это, положение остается без изменения.

Далее заметил, [что] если председатель Облисполкома и его заместитель бессильны переселить из его квартиры посторонних лиц (их распоряжения не выполняются), то, видимо, здесь действует какая-то посторонняя сила, и эти лица, по его мнению, специально оставлены в его квартире, чтобы следить за его жизнью.

Я, конечно, в этом его старался разубедить и доказать, что вопрос здесь не за большим, только в переселении лиц из квартиры, в которой они живут больше десятка лет, но взамен им нужно предоставить другие равноценные квартиры, но, имея в виду жилищный кризис в Симферополе, когда не один десяток лиц совершенно не имеют квартир, очень трудно выполнить обещание тов. Кривошеина, если переселить, то надо предоставить переселяемым другие квартиры, а таковых при жилищном кризисе, несмотря на принимаемые меры жилищными органами, пока не находится, и только задержка в этом.

Лука просил меня напомнить тов. Кривошеину о данном им обещании. Когда рассказал последнему о беседе с Лукой о квартире, тов. Кривошеин сказал — нет пока квартир, некуда переселить, пусть он потерпит.

Лука о квартире писал и Патриарху в своем годовом отчете о работе епархии за 1946 год. (Выписку из отчета

Луки о квартире при этом прилагаю.) В двадцатых числах марта просьба его удовлетворена и посторонние лица из его квартиры переселены.

Вопросы, которые не требуют разрешения при личных наших встречах, разрешали путем переговоров по телефону.

4 марта с/г Лука, выезжая в приход Георгиевского молитвенного дома дер. Рассвет Симферопольского р-на для ознакомления с приходской общиной, а также по вопросу перевода молитвенного дома из дер. Рассвет в дер. Шунук Гвардейского с/совета и ознакомления с состоянием здания, в которое предполагалось перевести молитвенный дом, пригласил меня поехать с ним на его автомашине, я, имея в виду разъяснение Совета от 18/X-46 г. № 454/с, приглашение принял[18].

11 марта пригласил меня поехать с ним в гор. Белогорск. Мною это приглашение также было принято.

При этой поездке я ознакомился с санитарно-техническим состоянием церкви в гор. Белогорске и селе Зуя.

Затем Лука выезжал 15 марта в гор. Феодосию, где он был с 15 по 18/III, также меня приглашал поехать с ним в Феодосию, но это приглашение я отклонил. К тому же, если бы и принял приглашение, то поехать бы не смог, так как был участником областной профсоюзной конференции, которая проходила в эти дни.

Сообщая об изложенном, прошу разъяснить, как мне поступать в дальнейшем, так как Лука при беседах с ним при поездках в автомашине высказал пожелание о совместных наших поездках, а поэтому возможны с его стороны и в дальнейшем приглашения меня в поездки с ним в те или другие приходы. <...>

О поступивших заявлениях и жалобах на действие местных советских органов

Архиепископ Лука 10 января с. г. обратился к председателю Симферопольского Горсовета, в копии мне, с жалобой такого содержания:

«Сегодня, 10 января 1947 года, мой представитель явился в магазин Симторга № 1 по вопросу прикрепления меня на продовольственное снабжение и обратился

к продавщице магазина по имени Софа, которая иронически отнеслась к наименованию организации «Крымская епархия», легкомысленно искажая это наименование, вроде «пархия», «мархия» и т. д., а затем, после разъяснения второй продавщицы по имени Сима о том, что такие списки имеются, начала непристойно смеяться, говоря, что вот, мол, попы прикрепляются к магазину.

Это издевательство со стороны продавщицы производилось в присутствии нескольких покупателей.

Считая недопустимыми подобные публичные оскорбления, допущенные продавщицей Симторга, я принужден обратиться к Вам за содействием оградить меня в дальнейшем от дискредитации моего имени и всего духовенства со стороны продавщиц.

О принятых мерах прошу сообщить мне.

Управляющий Крымской епархией *Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий*».

На следующий день после получения копии данной жалобы я с нею ознакомил заведующего Облторготделом тов. Ермолаева, последний дал распоряжение одному из работников отдела немедленно проверить и результаты ему доложить.

В результате проверки факты, изложенные в жалобе Луки, подтвердились, и продавщице Березиной Софе приказом по Симторгу от 16/I объявлен строгий выговор, с работы в магазине № 1 снята и переведена в другой магазин. Наряду с этим в этом же приказе все работники торговой сети гор. Симферополя предупреждаются о вежливом и культурном обслуживании потребителей.

Копия данного приказа Облторготделом была вручена Луке 18/I-47 г. <...>

Характеристика духовенства Крымской епархии

Епархиальным архиереем является архиепископ Лука Войно-Ясенецкий, в Крыму с 24 мая 1946 г., прибыл из Тамбовской епархии. Рождения 1877 г. Личные потребности скромные, не терпит каких-либо приношений. Сразу же по приезде в Крымскую епархию на первом совещании благочинных объявил последним и потребовал

от них объявить по всем приходам, что он не принимает никаких приношений, и чтобы по приезде его куда-либо в приход не устраивали пышных встреч, а обставлялось все просто, скромно.

Не терпит среди духовенства в той или другой степени нарушителей канонических правил, принимает к таковым меры взысканий путем понижения в сане, перемещения, увольнения за штат и даже лишения сана. За время нахождения в епархии Лука до 30% духовенства в приходах сменил путем посвящения вновь в сан, увольнения и перемещения из прихода в приход.

Некоторые священники и сейчас не твердо чувствуют себя на приходе, говорят:

«Надумает Владыка перевести в другой приход — и переведет, и ничего не поделаешь, и поэтому чувствуешь себя здесь, как временный священник».

Наши с ним взаимоотношения установились вполне нормальные, каких-либо недоразумений у нас с ним сейчас не бывает.

Как профессор-хирург и лауреат Сталинской премии, Лука среди медицинских работников пользуется должным авторитетом, за это время им прочтено несколько лекций и докладов в Симферополе для врачей и студентов мединститута.

На съезде врачей Крыма им был сделан доклад по хирургии, участники съезда его докладом остались довольны и вынесли благодарность. 17/III, будучи в Феодосии, по просьбе феодосийских врачей прочел лекцию.

Не отказывает и в консультации обращающимся к нему врачам и больным. Провел несколько операций.

С больных, обращающихся к нему за тем или другим советом, платы не берет.

Благочинные. Крымская епархия имеет 8 благочинических округов. Состав благочинных: все 8 человек преклонного возраста, из них: 1 — 64 лет; 1 — 66 лет; 1 — 67 лет; 1 — 68 лет и 4 — 69 лет.

Имеющие среднее образование — 6, среднее светское — 1 и с высшим образованием — 1.

Святитель Лука во время службы в Свято-Троицком соборе г. Симферополь

Посвящены в сан священника: в 1900 г. — 1; в 1908–1909 г. — 1; в 1910 г. — 1; в 1911 г. — 1; в 1912 г. — 1; в 1918 г. — 1 и в 1922 г. — 1.

Все благочинные являются настоятелями приходских церквей и ничем от рядовых настоятелей приходских церквей не выделяются, вся их роль как благочинных сводится к выполнению отдельных поручений епархиального архиерея. В приходских церквах своего благочиния бывают редко, а некоторые благочинные в отдельных приходах и совершенно не бывали.

Священники. О возрастном составе и по годам посвящения в священнический сан мною сказано выше в разделе «Состав духовенства», по образованию имеющие среднее духовное образование 30 чел., или 50%.

С высшим духовным образованием не имеется. Из монахов — 6 священников, из них — 5 с низшим образованием. Значительная часть священников с высшим

и средним светским образованием стали таковыми, пройдя соответствующую подготовку в приходах и монастырях в порядке прислужников, певчих, псаломщиков и диаконов.

б) Состояние свечных мастерских и других предприятий церкви.

При Епархиальном Управлении имеется мастерская по производству церковных свечей, открытая с 1 октября 1945 г., на условиях аренды помещения и оборудования помещения у частного лица — он же является мастером производства. Производственная мощность свечной мастерской определяется в среднем до 150–170 кг в месяц.

Валовый доход за 1946 г. по свечному производству выражается в сумме 1.174.975 руб. Расход, включая и подоходный налог с производства, выражается в сумме 991.461 руб. Чистая прибыль за 1946 г. по свечному производству выражается в сумме 183.514 руб. Продажа свечей производится исключительно церквам Крымской епархии. Материалы для мастерской, в том числе и воск, приобретают частным путем, затруднений у них в этом не было.

Имеется при Епархиальном Управлении и производство по выпечке просфор, открытое 1 октября 1945 г. Снабжение просфорами этой мастерской производится только для церквей города Симферополя и ближайших пригородных церквей.

Производственная мощность просфорного производства за 1946 г. Выпечено просфор — 63024 шт. Валовый доход за 1946 г. выражается в сумме 189.627 руб. Расход — 159.483 руб., чистая прибыль — 30.144 руб.

Положение с приобретением муки для выпечки просфор как в Епархиальном Управлении, так и в приходских общинах тяжелое, так как в снабжении мукой для выпечки просфор через снабженческие и торговые организации им отказано, свободной продажи на рынке нет, и поэтому покупка муки производится нелегально у частных лиц по спекулятивным ценам. За последнее время стоимость муки обходится им в 90–100 руб.

Других производственных предприятий в Крымском Епархиальном Управлении не имеется.

в) Учебных духовных заведений в Крымской епархии не имеется.

г) Обращения епархиального архиерея с посланиями к верующим в отчетном квартале не было, кроме как только произнесения проповедей самим архиепископом Лукой в кафедральном соборе на различные богословские темы, и таковые он произносит очень часто, почти что ежедневно. Если в прошлых кварталах он делал обращения к верующим через благочинных на проводимых им совещаниях последних, то в отчетном квартале и этого не было — совещания благочинных не проводил.

д) Отношение верующих к духовенству: в большей своей части крымское духовенство пользуется авторитетом среди верующих. К отдельным священникам, компрометировавшим себя своим поведением и не пользовавшимся авторитетом среди верующих, архиепископ Лука применял меры наказания вплоть до лишения священнического сана.

1) Священник Николаевской церкви села Адаргин Красногвардейского района Чулкевич Владимир за систематическое и неисправимое пьянство, за проведение богослужений в нетрезвом состоянии и другие неподобающие его сану поступки у верующих не пользовался никаким авторитетом, архиепископом уволен за штат с запрещением священнослужения.

2) Священник Кладбищенской церкви гор. Симферополя Клягин Порфирий за неавторитетность среди верующих переведен архиепископом из Симферополя в г. Алушту.

3) Священник Покровского собора гор. Севастополя Нефедов Иван за открытое сожительство с женщиной не пользовался авторитетом у верующих. Архиепископом Лукой лишен сана.

4) Священник Покровского собора гор. Севастополя Елин Федор за жадность и донос архиерею на диакона Бондаренко, обвинив последнего в краже причтовых сумм,

совершенно не пользовался авторитетом у верующих — архиепископом Лукой переведен в сельский приход.

5) Иеромонах Коваленко Яков, второй священник Введенской церкви гор. Керчи, старик 80 лет, за дряхлость и безграмотность во время совершения богослужения — может вместо «За здравие» произнести «За упокой», не пользуется никаким авторитетом у верующих.

Имеется и ряд других подобного рода неавторитетных священников.

е) Отношение священников и церковного актива к Управляющему Крымской епархией — архиепископу Луке.

Со стороны первых, я бы сказал, в последнее время отмечается безразличное, подчиненное отношение, есть отдельные высказывания о том, что они нетвердо себя чувствуют на приходах, говорят — Лука любит перемещать священников из одного прихода в другой, и это некоторым не совсем нравится.

Вначале по своем приезде в Крым Лука провел жестокую линию по отношению священников, особенно к тем, которые были приняты или посвящены в сан епископом Иоасафом, говорил: «Это ставленники епископа Иоасафа — плохие пастыри», а когда стал лишать священников наград, произведенных Иоасафом, отношение к нему со стороны последних было недоброжелательное.

Как только стал верить всякого рода анонимным письмам и заявлениям и принимать по ним меры взысканий, тогда посыпались к нему всякого рода заявления и со стороны самих священников, которые писали один на другого (как некоторые говорили, «стравил он их между собой»). Но после того как ряд писем и заявлений не стали подтверждаться и оказались просто кляузой, он стал к такого рода письмам быть более осторожным в вынесении по ним решений; стал проверять, священники говорят: «Владыка одумался и не всякой лжи теперь верит». И отношение после этого к нему со стороны священников изменилось в лучшую сторону.

Со стороны церковного актива какого-либо неблагожелательного отношения к нему не отмечалось.

ж) О журнале Московской Патриархии:

Епархия получает журнал в количестве 130–150 экз., распределяются по приходам по 2–3 журнала, в зависимости от полученного количества, некоторым приходам дается больше.

Несколько экземпляров остается для продажи в кафедральном соборе. Продается журнал по объявленной на нем цене, то есть 10 руб. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–31.

№ 12

Докладная записка уполномоченного председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову

26 апреля 1947 г.

В своих информационных докладах, а затем будучи в Москве, как в беседе с Вами, так и на заседании Совета, я информировал, что архиепископ Лука читает лекции и делает доклады по вопросам медицины в своей архиерейской одежде.

По приезде из Москвы 24 апреля с/г мне стало известно, что Обкомом партии дано указание не допускать чтения докладов и лекций по вопросам медицины архиепископом Лукой в духовной одежде.

В тот же день, 24/IV-47 г., будучи у секретаря Обкома по пропаганде тов. Чурсина, последнего интересовало, каково мнение Совета и лично Ваше, что Лука делает доклады о медицине в духовной одежде. Затем тов. Чурсин сказал, что Обком партии считает такое явление недопустимым,

хотя он и лауреат Сталинской премии, и дал указание не допускать чтения лекций и докладов Лукой в своей духовной одежде (в рясе), и если последний желает их делать, то пусть делает в гражданской.

Далее тов. Чурсин высказал пожелание, чтобы при случае в беседе с Лукой я поговорил с ним на эту тему и посоветовал ему делать доклады по вопросам медицины в гражданской одежде.

На это я ответил, что мне с Лукой вести беседы на эту тему не совсем-то удобно, но сказал, что на сей счет запрошу мнение Совета.

Лука со мной на эту тему пока не говорил и, видимо, об этом еще не знает.

Сообщая об изложенном, прошу Ваших указаний.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

Там же. Оп. 5. Д. 67. Л. 7.

№ 13
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

6 мая 1947 г.

<...> В связи с религиозным праздником Пасха по сравнению с прошлым годом количество посетивших церковь в районах Крымской области значительно снизилось, так, например:

	1946 г.	1947 г.
по Ялте	2500 чел.	1100 чел.
по Севастополю	2000 чел.	1500 чел.

по Евпатории	1200 чел.	900 чел.
по Джанкою	800 чел.	500 чел.
по Белогорску	600 чел.	300 чел.

Всего по районам Крымской области в 1946 году на Пасху посетило церкви до 23000 человек, а в текущем году около 17000 человек.

Характерно отметить, что в городах Симферополе, Феодосии, Керчи, Севастополе и других в ночь с 12 на 13 апреля до 12 часов ночи в церквах имелся значительный процент молодежи и военнослужащих, которые, судя по их поведению, заходили в церковь из любопытства.

К концу же службы в церквах оставались, главным образом, верующие престарелого возраста.

В городе Симферополе, в кафедральном соборе, где на Пасху проводил служение архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), пользующийся большим авторитетом среди верующих и даже среди некоторой части медицинского персонала, посещаемость верующих указанного собора в этом году значительно увеличилась.

В отличие от прошлых лет обращает на себя внимание тот факт, что из посещающих церкви на Пасху в текущем году было много студентов Симферопольского медицинского института и медицинских работников, которым Лука читал лекции о «гнойной хирургии».

После посещения кафедрального собора на Пасху некоторые студенты медицинского института в своих письмах родным и знакомым высказывали следующие настроения:

«Мне очень понравилась церковь. Было очень много студентов из нашего института. Хор замечательный, особенно интересно было видеть нашего хирурга — лауреата Сталинской премии, который сейчас архиепископ».

(*Студентка Белобородова Антонина*)

«Вчера все наши девушки ходили в церковь, было очень много народа, так что пролезть было невозможно. Служил сам

архиепископ — профессор и доктор медицинских наук Лука, который до войны сидел 8 лет за религию. 13 апреля все студенты нашего общежития отмечали Пасху приготовлением лучшего блюда, красили яйца».

(*Студентка Першина*)

«Вчера мне выдали паек в институте, как помощь нуждающейся. Было радостно, хотя морально тяжело. Господь Бог никогда не забывает Своих рабов. Помощь Его всегда с нами, хотя подчас мы ее не заслуживаем. "Господь терпел и нам велел". Гоню от себя соблазн дьявола, который велик. Вчера в 11 часов вечера пошла в церковь, где служил наш хирург — архиерей. Было очень хорошо. Служба продолжалась до 5-ти часов утра, народу было очень много. Откуда у меня взялись силы стоять до конца — и не устала, а обычно не могла выстоять больше часу. Были там наши студенты с пасхами и яичками. Сегодня утром скушала святую просфорочку вместе со своими подругами».

(*Студентка Кубанова И.*)

«Меня агитировали в комсомол, а я на Пасху пошла в церковь и поставила свечку».

(*Студентка Зусова Лилия Андреевна*)

«В воскресенье встала утром и пошла в город, но не найдя нигде утешенья, пошла в церковь. Странно, но при входе мною овладело какое-то необъяснимое состояние. Слушая службу и пение, уносишься Бог весть куда. Странным кажется, что с упреком смотрят, когда я осеняла себя крестом. Это не иначе от того, что мы слишком удалились от церкви, но ведь то, что в душе человека живет, никогда не умрет, и я сейчас себя чувствую настоящей христианкой».

(*Студентка Калашникова П. Д.*)

О влиянии архиепископа Луки на студентов Симферопольского медицинского института и медицинского персонала нами информирован Обком ВКП (б), который после нашей информации указал руководству мединститута усилить политико-воспитательную работу среди студентов и впредь избегать пользоваться лекциями архиепископа Луки.

Как нами уже указывалось в докладной записке за март месяц сего года, архиепископ Лука в связи с наступлением весны активизировал свою работу в церквах Крымской епархии. В апреле месяце он выезжал в города Саки, Ялту и Керчь.

Характерно отметить, что, будучи в Ялте 19 апреля 1947 года, Лука выступил в соборе с проповедью, в которой указал:

«Раньше никакие дела не проводили без того, чтобы не помолиться Богу. Сейчас многие отошли от религии благодаря науке, но наука зачастую ошибается. Отходят от религии люди, живущие разумом, но за этими людьми есть последователи, которые живут не своим умом, а умом этих новаторов. Люди же, живущие сердцем, продолжают верить в Бога. Не бойтесь насмешек, продолжайте молиться и верить в учение Иисуса Христа».

20 апреля Лука выступил с проповедью в другой церкви в городе Ялте, в которой указал:

«Человек состоит из тела духовного и тела душевного, и при жизни тело духовное преобладает над душевным[19]. Мы должны умереть, но возродимся к новой жизни, в новой телесной оболочке, в духовной оболочке, так же, как от сгнившего в земле зерна вырастают мощные растения.

Все частицы человеческого тела, состоящие из мельчайших молекул, после воскрешения будут силой духовной собраны в одно целое, и тело человека будет состоять из особой неизменной материи.

Воскресшие для новой жизни люди будут иметь такую же способность, как и Иисус Христос, — проникать за закрытые двери, переноситься на расстояния, подниматься и т. д. Хотя наука это и отрицает, но мы то это знаем, и это записано в священных книгах. Материя после воскрешения умерших меняется. У верующего духовное сгниет, а душевное останется вечным. Люди, нахватавшиеся верхушек, считают, что воскрешения человека не может быть, но это неверно».

Лука призывал верующих быть стойкими христианами, не бояться, что количество верующих уменьшается,

приводил примеры с Иисуса Христа и разных апостолов.

Находясь в городе Ялте, Лука имел встречу с академиком Филатовым В. П.[20], с которым имел уединенную продолжительную беседу, затем Филатов вместе с Лукой посетили Ялтинский собор, где Филатов присутствовал во время службы и причащался у Луки.

Разработку Луки продолжаем в направлении выявления его антисоветских связей и вражеской деятельности.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: оп. уп. отд-я «О» УМГБ
лейтенант Батяев
6 мая 1947 г.
№ 1/992
г. Симферополь

ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 2. Л. 116–120.

№ 14

Из докладной записки
начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР

2 июня 1947 г.

<...> По разработке архиепископа Крымского Луки за отчетный период от нашей агентуры поступили следующие данные:

26 апреля сего года Лука в сопровождении двух симферопольских священников выехал в г. Керчь, где родился сам, для празднования своего 70-летия со дня рождения. На вокзале Лука был торжественно встречен духовенством и верующими г. Керчи, под ноги ему бросали цветы.

28 апреля Лука служил церковную службу в Керченском соборе. В конце службы Лука произнес проповедь на тему «О женах мироносицах, к которым Христос первым явился при воскрешении», заявив:

«Уравнение женщины в правах — это есть самое справедливое, что нужно было давно сделать. Допускать женщину развивать свой ум во всей широте и полноте — это требование не только Божье, но и диктуется самой природой».

Во время отъезда Луки из Керчи в вагон к Луке зашел некий Штейнберг Аркадий Михайлович, по национальности еврей, который, отрекомендовавшись, что является «служителем искусства — конферансье», неоднократно целовал Луке руку и называл его исцелителем, что якобы будучи в г. Ташкенте он спас его мать от тяжелой болезни.

Штейнберг сообщил Луке, что якобы после его высылки из г. Ташкента на север еврейское население г. Ташкента переживало и сожалело о Луке. Одновременно Штейнберг заявил: «Теперь это больше никогда не повторится, Вы — лауреат Сталинской премии». На это Лука ответил:

«Это ничего не значит. Капицу же выслали[21], почему меня не могут выслать?»

Штейнберг не поверил о высылке Капицы, но Лука настаивал на достоверности факта и заявил, что его выслали якобы за то, что он отказывался работать в области атомной энергии, считая это дело в высшей степени разрушительным и аморальным. Эту же версию Лука распространяет и среди врачей г. Симферополя.

По возвращении из г. Керчи в г. Симферополь Лука заявил:

«Приемом я очень доволен, но очень неприятное обстоятельство пришлось констатировать в Керчи, а именно: значительное оскудение религиозного настроения народа. В субботу вечером народа в церкви было полно, но в воскресенье было примерно две трети вместимости церкви, зато рядом с церковью, на базарной площади, была несметная толпа народа, занятая торговлей, и это

в тот момент, когда в церкви совершалась архиерейская служба. Полное оскудение веры произвело на меня крайне негативное впечатление. Да, мы переживаем страшное время».

В связи с арестом 25 апреля 1947 года УМГБ по Крымской области за предательскую и антисоветскую деятельность священника деревни Грушевка Старо-Крымского района — Ольшанского Николая Трофимовича, архиепископ Лука в присутствии двух священников г. Симферополя заявил:

«Какой кошмар, значит, еще одним священником стало меньше. Что же это такое происходит, какая тяжелая и неприятная обстановка жизни создалась в настоящее время. Никто меня об этом не поставил в известность, хотя я считаю, что они должны были бы поставить меня в известность».

3 мая сего года священник Адаргинской церкви Красногвардейского района Критинин, прибыв в г. Симферополь, напился пьяным и валялся на Севастопольском шоссе в церковном облачении. Узнав об этом, архиепископ Лука приказал привести к нему Критинина и, убедившись, что он пьян, приказал остричь его и лишил сана, отобрав от него все церковное облачение.

Выспавшись в канцелярии архиепископа и отрезвившись, Критинин заявил:

«Я теперь отправлюсь к праотцам, возьму веревку и повешусь. После такого позора я жить не могу».

Об этом заявлении священника Критинина секретарь епархии доложил Луке, который ответил:

«Он все деньги пропил и не сможет приобрести даже веревку. Творится что-то невообразимое, за один год уже пришлось уволить девятнадцать священников и четырех из них лишить сана за пьянки и другие аморальные поступки. До чего дошло духовенство? Позор, срам».

После этого Лука дал распоряжение написать всем священникам, ранее присылавшим свои прошения на перевод в Крымскую епархию из других областей, чтобы они приехали в Крым на имеющиеся вакантные места.

Приглашения в Крым посланы восьми священникам из Курской и Тамбовской областей, а также Краснодарского и Ставропольского краев.

8 мая сего года, по случаю 70-летия со дня рождения благочинного Симферопольского округа священника Милославова, в квартире последнего была организована выпивка, где присутствовало десять человек священников и архиепископ Лука.

Священник Крашановский напомнил Луке, что завтра 9 мая, День Победы, и спросил его, будет ли духовенство отмечать этот день. На это Лука ответил: «Ну что же, пожалуй, надо будет отмолить, отслужить молебен».

В День Победы 9 мая в кафедральном соборе города Симферополя был устроен торжественный молебен, в котором приняло участие девять священников города Симферополя. В конце службы Лука выступил с проповедью, в которой заявил:

«Сегодня мы празднуем годовщину Великой Победы русского народа над немецкими полчищами и японской агрессией. Вы помните жуткие дни и годы немецкого порабощения, гнета и насилия, когда русский народ был в кабале и когда сотнями, тысячами погибали русские люди в застенках, душегубках, лагерях. По официальным данным русского правительства, за годы Отечественной войны погибло одного воинства 7.000.000 человек. Мы помним жуткие дни тирании над евреями городов, сами немецкие палачи ужасались и трепетали, видя зверство немцев (так в тексте. — *Сост.*). Было время, когда Русь была под пятой татар — Батыя около 150 лет, и также народ русский пострадал от насилия.

Победа 9 мая принесла нам свободу и вольную жизнь. Господь Бог послал на нашу землю испытания и наложил Свой гнев во время войны, но это Божие наказание за наши грехи вскоре было снято.

Милостью Бога и с Его помощью мы свергли иго иноземное и уничтожили фашизм.

Народы Германии, Румынии, Италии, Венгрии и другие вассалы Германии сейчас стонут от постигшей их кары

Архиепископ Лука на богослужении
в симферопольском Свято-Троицком соборе.
Слева — митрополит Пражский и всея Чехословакии Иоанн

Божьей — кары наказания Бога им за их кровожадность, за их глумление над народами русскими.

Сбылись все предсказания пророка Исаака[22] за 700 лет тому назад (читал отрывки из писания Исаака о разрушениях и войнах). Если бы не было этой победы, мы, русские, были бы в кабале, рабами тевтонов.

Возблагодарим же Господа Бога за эту Великую Победу над немецкими полчищами и спасение нашей Родины.

Враги народа — немецкие вожди и руководители — понесли страшное наказание — сожжение, и трупы их превратились в прах и рассеялись.

Политика миролюбивого русского правительства на сессии Министров Иностранных Дел направлена на длительный мир народов, и к голосу нашего правительства — справедливому голосу — прислушиваются все».

По окончании проповеди снова состоялся молебен, а в конце молебна было превознесено многолетие Генералиссимусу И. В. Сталину, победоносному русскому воинству и вождям его, вечная слава русскому народу, отстоявшему свою независимость.

В воскресенье, 11 мая, Лука снова выступил в соборе с проповедью, в которой указал:

«В атомах, молекулах, во всех телах живых и мертвых течет живая вода — вода, являющаяся символом жизни. Откуда же берется этот источник жизни? Источник жизни находится в благодати Святого Духа. Реки, моря, океаны — текут из чрева всех святых. У нас единственная система — Бог. Надо презреть все остальные истины, придуманные людьми, кроме истины Христа.

Много у нас людей еще, которые презрели и оклеветали Церковь. Они не верят в нашу веру. Они собирают свои собрания, на которых пляшут и скачут по кругу, пока в изнеможении не падают и говорят: "Нас Дух Святой одолел"».

16 мая сего года Лука выступил с проповедью в кафедральном соборе г. Симферополя, в которой указал:

«Есть люди, которые находят свои истины в науке, в философии, пусть верят в свои истины, мы можем их только пожалеть и пожелать им освещать тьму жизни светом Божьим. Пойдемте же туда, куда поведет нас Иисус Христос — Бог наш, освещая нам дорогу Своим светом, и жизнь, как земная, так и неземная, будет светлой и радостной».

Разработку Луки продолжаем в направлении выявления его антисоветских связей и вражеской деятельности.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: Начальник отделения «О» УМГБ
майор Клименко
2 июня 1947 г.
№ 1/1219
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 4. Л. 5–11.

№ 15
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

2 июля 1947 г.

<...> По разработке Крымского архиепископа Луки за отчетный период от агентуры получены следующие данные:

1 июня 1947 года на Троицу Лука в кафедральном соборе в городе Симферополе произнес следующую проповедь:

«Самое главное, самое важное во всем мире — это есть Дух Святой. Выше Духа Святого нет ничего, с Ним не может быть сравнима никакая философия, никакая наука, никакое учение.

Святые апостолы — ученики Христа — были простые рыбаки, и Господь ниспослал им Духа Святого. Духом Святым ученики Христа проповедовали Слово Божие.

Вот что сказал Иоанн в своем послании: "Дух Святой — это мудрость, истина, пророчество, любовь". И верно. Возьмем Дух Святой, Он бесспорен, Его мудрое учение — истина всегда бесспорна, пророчественное откровение всегда верно и любовь не ограничена ко всем людям во Христе.

Возьмем науку — там вечные споры, неполадки, любви там нет...

У нас есть разные люди, которые не знают Духа Святого... Есть у высшего общества люди, которые также не признают Духа Святого, заняты чем-либо другим, жизнь этих людей — пустота...».

19 июня Лука в сопровождении двух священников, выезжая в город Алушту, в пути следования заявил следующее:

«За последнее время ко мне резко изменились отношения со стороны профессоров. Все они недовольны моим пребыванием в Крыму. Когда я читаю лекцию, то полный зал слушателей, а если читают местные профессоры, то зал пустой. Не опасно ли мне здесь оставаться? Не лучше ли мне переменить место жительства и хотя бы последние годы пожить спокойно... У меня последнее

время какое-то нехорошее предчувствие. Раньше, перед арестом, тоже часто было так, но я думаю, что теперь меня, может быть, и не посадят, а все-таки предчувствие нехорошее, лучше все-таки отсюда уехать».

18 июня 1947 года, проезжая на автомашине с сопровождающими в госпиталь на консультацию по улицам Р. Люксембург, К. Либкнехта, К. Маркса, Лука спросил, что за улицы, и когда ему их назвали, он заявил:

«Все Карлы да Марксы, все улицы с еврейскими названиями. Карл Маркс был еврей, Карл Либкнехт тоже еврей, кругом еврейское царство. Вот я был в Москве, там нет ни одного профессора с русским именем, одни евреи».

Разработку Луки ведем в направлении выявления его антисоветской деятельности и связей.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: Начальник отделения «О» УМГБ
майор Клименко
2 июля 1947 г.
№ 1/1447
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 4. Л. 111–112.

№ 16
Из информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1947 года

4 июля 1947 г.

<...> Архиепископ Лука в отчетном квартале посетил меня 2 раза, 30 апреля и 9 июня 1947 года, оба раза по своей личной инициативе, без приглашения.

Первый раз, 30 апреля, при посещении Лука поблагодарил меня за посланную ему поздравительную телеграмму в связи с его 70-летием.

Затем сказал, что им была получена поздравительная телеграмма от тов. Карпова[23], чем он был очень доволен, и сказал: «Откуда только мог знать Георгий Григорьевич о его юбилее, наверное, Вы, Яков Иванович, сообщили ему об этом».

Далее Лука рассказал, что он, будучи в гор. Керчи, подробно ознакомился с состоянием Иоанно-Предтеченской церкви, что это здание является одним из самых древних христианских памятников, которое находится в ведении Комитета по делам архитектуры, со стороны последнего никаких мер к его охране и сохранению не предпринимается, и, чтобы его сохранить как древний христианский памятник, он считает целесообразным передать его в пользование верующих для богослужебных целей, что по данному вопросу он писал в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и в Комитет по делам архитектуры, но на свои письма никаких ответов не получил.

На это я ему ответил, что его заявление Советом получено и находится на рассмотрении. Результаты последнего ему будут сообщены.

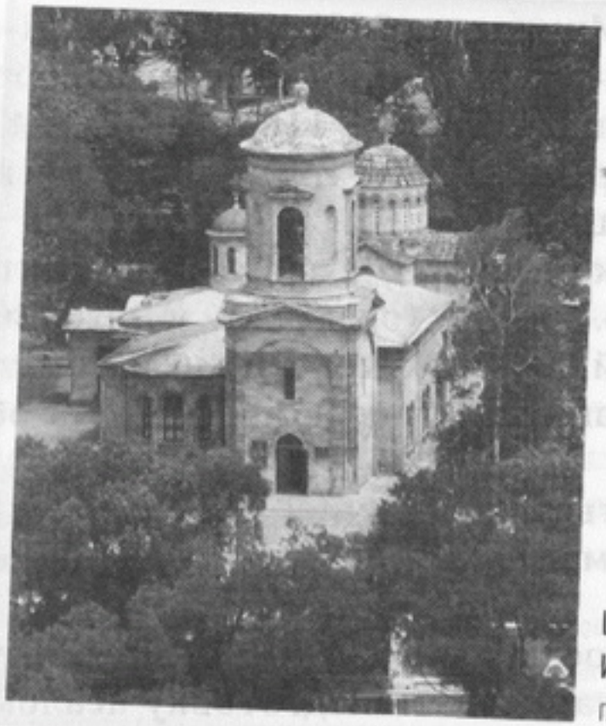
Тогда Лука высказал следующее:

«Мне стало известно, что здесь, в Крыму, в Ливадии отдыхает Вячеслав Михайлович Молотов[24], и вот желал бы в отношении передачи верующим Иоанно-Предтеченской церкви в гор. Керчи поговорить с тов. Молотовым, и нельзя ли поговорить с кем нужно, чтобы тов. Молотов смог его принять».

Привел пример из прошлого, что в дореволюционное время приезжавшие в Ливадию цари обязательно принимали местного правящего архиерея, но тут же оговорился, что это сравнение неудачное, но что он очень желал бы быть принятым тов. Молотовым.

На это я ему ответил:

«Да, конечно, сравнение, приведенное Вами, не совсем то удачное. Раньше церковь не была отделена от государства, и, по сути дела, царь являлся главой церкви, поэтому, возможно, он и принимал местного архиерея».

Церковь Иоанна Предтечи
г. Керчь

Далее я сказал, что мне ничего не известно о пребывании здесь, в Крыму, тов. Молотова, да его здесь и нет, а если бы он и был, то он бы приехал отдыхать после большой и трудной государственной работы, а поэтому есть ли смысл его беспокоить только тем, чтобы просить передать в пользование верующих Иоанно-Предтеченскую церковь.

В заключение он рассказал о своей медицинской деятельности, что 24 апреля с/г, накануне своей поездки в гор. Керчь, он сделал большой полуторачасовой доклад по вопросам хирургии в Доме офицеров для военных врачей, на котором присутствовало до 150 врачей, а всего им было сделано уже 5 больших полутора-двухчасовых докладов, что на днях приступает к чтению целого цикла лекций по гнойной хирургии для врачей гор. Симферополя, что он уже официально является консультантом госпиталя инвалидов Отечественной войны, где не только консультирует, но и проводит операции.

В отношении Иоанно-Предтеченской церкви, после получения письма Совета по делам Русской Православной

Церкви при Совете Министров СССР № 21 от 14/VI-47г., с приложением копии письма Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР за № 11/169 от 12/VI-47г.— «О невозможности передачи церкви Иоанна Предтечи в гор. Керчи общине верующих».

При встрече с Лукой 19/VI с/г во время совместной поездки с ним в гор. Алушту (о чем скажу ниже) я ему сообщил, что Ученый Совет архитектуры не находит возможным передать данную церковь в пользование общины верующих.

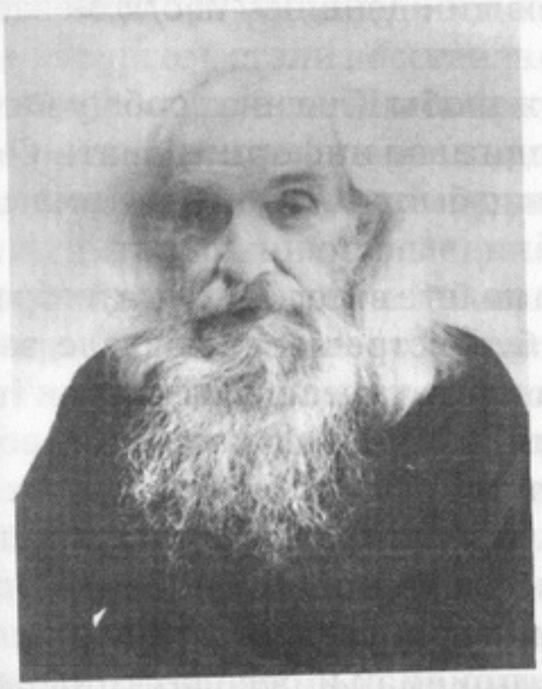
Лука мне на это ответил:

«Понятно, я и не имел никакой надежды на получение ее для верующих».

Второй раз Лука посетил меня 9 июня с/г, с тем чтобы я разрешил ему организовать подготовку псаломщиков, объясняя это следующим: более половины церквей и молитвенных домов псаломщиков не имеют, а из имеющихся большинство — бывшие монашки и преклонного возраста, которые постепенно будут выбывать из состава псаломщиков, а без таковых, по каноническим правилам, одним священником не могут проводиться богослужения. Подготовку псаломщиков он предполагает таким образом: при кафедральном соборе имеется одна чтица, которая хорошо знает церковный устав, и вот последняя будет группами по две-три женщины, из желающих быть псаломщиками, учить пению, читать по-славянски и изучать церковный устав, а практику они будут проходить на клиросе.

На это я ему окончательного ответа не дал, сказал, что ответ дам дня через два-три. После этого я связался по телефону с тов. Карповым, сообщил ему о просьбе Луки, и тов. Карпов тут же мне ответил: «Не препятствуйте Луке в подготовке им псаломщиков», после чего я по телефону сообщил Луке, что с моей стороны никаких возражений в подготовке им псаломщиков не имеется.

Когда Лука был у меня 9 июня с/г, я ему сообщил, что ко мне поступило ходатайство от верующих села Почтовое Бахчисарайского района об открытии молитвенного дома

Протоиерей
Иоанн Милославов

и что последними для этой цели куплен дом, и спросил его, поддерживает ли он это ходатайство. Лука ответил, что должен посмотреть это здание и после этого скажет — будет ли он поддерживать ходатайство или нет, и пригласил меня поехать с ним в село Почтовое.

О результатах поездки в село Почтовое мною сообщено выше[25].

И еще одна совместная моя поездка с Лукой была в гор. Алушту, при следующих обстоятельствах:

13 июня с/г ко мне поступила жалоба от настоятеля Феодоро-Стратилатовской церкви гор. Алушта протоиерея Клягина о том, что Алуштинский горсовет вынес постановление об установке водопроводного крана для общего пользования на стене храма у северных дверей.

В это время у меня на приеме был секретарь архиепископа протоиерей Милославов, и я сказал, что придется выехать на место проверить, в чем там дело.

18 июня с/г протоиерей Милославов позвонил мне по телефону и сообщил, что архиепископ Лука прилетел из Москвы и завтра, 19/VI, собирается ехать в Алушту по жалобе Клягина (об этом ему сказал Милославов), и он приглашает меня выехать вместе с ним в его машине.

Я согласился, и на следующий день, 19/VI с/г, он заехал за мной.

Результаты проверки жалобы Клягина сообщу никее [27], а сейчас считаю необходимым информировать Совет о той беседе, которая у нас была с Лукой в автомашине при поездке в Алушту.

Вначале он рассказал о полете в Москву (туда и обратно летел на самолете), как был встречен на вокзале, затем в гостинице «Москва», в институте профессорами (в каком точно, я не запомнил), летал в Москву, как говорит, специально к специалистам в связи с болезнью глаз.

Затем рассказал, как был принят в Патриархии и самим Патриархом [27], что был на приеме у члена Совета тов. Уткина, а с тов. Карповым беседовал в Патриархии, обо всех этих встречах, приемах и беседах отзывался очень хорошо. Из всей этой его беседы чувствовалось, что он хотел подчеркнуть, что вот, мол, в Москве с ним считаются как с крупной величиной, не только как с архиереем, но и [как] с ученым.

Тут же сразу спрашивает меня: «Вы ничего не знаете о проводимой против меня обструкции профессорами мединститута?»

Я сказал, что ничего не знаю. Тогда Лука рассказал следующее.

Когда ему в Облисполкоме вручали знаки лауреата Сталинской премии, во время беседы председатель Облисполкома тов. Кривошеин просил его помочь местным врачам и прочитать ряд лекций по гнойной хирургии (хотя он здесь и приврал, так как я в это время присутствовал, и тов. Кривошеин его не просил, а он сам предложил об этом, чтобы передать врачам свои знания), что после этого его посетил зав. Облздравотделом доктор Стефановский и они договорились о его докладах и лекциях.

Организацию этого дела якобы доктор Стефановский поручил профессору-хирургу мединститута Потапову, а последний — коммунист и секретарь парторганизации мединститута, и такое поручение, по словам Луки,

ему пришлось не по душе, и вместе с женою, тоже врачом-хирургом, стали восстанавливать против него, Луки, всю профессуру, если вначале его приглашали для чтения лекций и докладов, то последнее время ему стали устраивать обструкции, и приводит это на таком примере. Когда читал лекцию последний раз, 29 мая с/г, для симферопольских врачей в 3-й поликлинике, то в перерыв, который был сделан во время его лекции, профессора мединститута демонстративно покинули зал.

После этого он должен был прочитать еще ряд лекций, но тогда же он почувствовал, что продолжений больше не будет, к тому же ему сообщили (кто, не сказал), что на следующий день после лекции звонили в 3-ю поликлинику из Обкома партии и спрашивали, действительно ли он читал лекцию, был ли он в рясе и был ли у него на груди крест. Затем якобы после этого некоторые врачи спрашивали профессора Потапова, будет ли продолжение лекций профессором Войно-Ясенецким, и профессор Потапов будто бы ответил: «Не будет, а если и будет, только тогда, когда он снимет свою рясу и не будет носить креста». И тут же Лука сказал: «Что им далась моя ряса, не все ли равно, как я одет и что на мне, я же не читаю врачам лекции по богословским наукам, а только по вопросам хирургии», и говорит, что все это сводится к тому:

«Я стал пользоваться авторитетом не только среди населения, но и среди врачебного персонала. Главным образом, своим личным обаянием, а таковое не всякому дано, а кроме того, я читаю лекции, доклады, даю советы и делаю операции совершенно безвозмездно», и привел такой пример:

«Ему стало известно, что отдельные граждане-евреи хотели бы обратиться к нему за советом как к профессору-хирургу, но не решаются, считают неудобным еврею обратиться к православному архиерею, тогда он написал письмо местному раввину, в котором писал, что он принимает всех, кто нуждается в его совете или помощи, независимо от национальности и вероисповедания, и никакой платы за это не берет».

После этого к нему стали обращаться и евреи, и всегда не по душе профессорам, к тому же, когда он приходил куда-либо по приглашению читать лекцию или делать доклад, народ, находящийся в зале, его приветствовал вставанием, приходилось, конечно, вставать и профессорам, а это затрагивало их самолюбие, а по всему этому они и стали вести разговоры о снятии им рясы, что знания его устарели и т. д.

Из всего этого Лука для себя делает такой вывод, что с ним повторяется то самое, что было раньше (как он назвал, предчувствие), перед его высылками и арестами, и сказал, что ему после всего этого оставаться в Крыму нельзя, нужно уезжать, и что никаких докладов и лекций, хотя бы его и просили, он делать больше не будет, что обо всем этом он написал Патриарху, хотя перед ним не ставит вопроса о переводе его из Крыма в другую епархию, но, говорит, — Патриарх должен догадаться. <...>

О поступивших заявлениях и жалобах

За отчетный квартал поступило заявлений и жалоб со стороны духовенства и верующих — 12, в том числе:

По налогам — 1

На действия местных советских органов — 4

По разным вопросам — 7.

По налоговым вопросам:

Архиепископ Лука 31 марта с. г. обратился с жалобой в городской финансовый отдел гор. Симферополя, в копии — мне, о неправильном обложении его подоходным налогом на 1947 год такого содержания:

«Согласно врученному мне 28 марта 1947 года платежному извещению № 30/IV, райфо Городского района гор. Симферополя исчислило подоходный налог на 1947 год по моим личным доходам в сумме

12.558 руб. по срокам платежей: 15/III — 31.400 руб.; 15/V — 31.400 руб.; 15/VIII — 3139 руб. и 15/XI– 3139 руб. и, кроме того, предъявило к уплате штраф в сумме 200 руб.

Указанное выше обложение подоходным налогом и наложение штрафа считаю неправильным, так как размер

подоходного налога на 1947 г. начислен исходя из общего годового дохода за 1946 г. в сумме 36.000 руб., т. е. из расчета месячного дохода 3000 руб.

В соответствии с поданной декларацией мой месячный доход за время служения в Крымской области с 1/VI по 31/XII 1946 г. выразился в сумме 21.000 руб., т. е. из расчета полученного твердого оклада заработной платы в месяц в сумме 3000 руб.

В той же декларации я отмечаю, что начиная с января 1947 г. мой месячный оклад заработной платы как управляющему Крымской епархией определен в сумме 2000 руб.

До перевода в Крымскую епархию я служил в Тамбовской и там облагался подоходным налогом из расчета месячного дохода в сумме 3000 руб.

По обложению в гор. Тамбове расчет произведен был полностью путем уплаты 25/III — 3140 руб. и 3/V-46 г. — 3140 руб.

Если райфо Городского района гор. Симферополя решило исчислить авансовые платежи на 1947 г. исходя из общего годового дохода 1946 г., т. е. включая мою работу в Тамбовской епархии, то мне кажется, что в соответствии с существующим законоположением оно должно было произвести перерасчет подоходного налога за 1946 г., засчитав в сумму обложения все произведенные мною платежи в 1946 г., и что этот перерасчет должен выразиться в следующем виде:

а) начислено налога за 1946 г. 12.558 руб.

б) уплачено в Тамбове 6280 руб.

в) уплачено в Симферополе 7325 руб.

г) переплата 1047 руб.

Эта переплата, безусловно, должна была быть зачтена мне при начислении авансовых платежей 1947 г. в первый срок платежа, но райфо, обходя закон, этого не сделало».

Далее Лука в своей жалобе пишет:

«Кустарничеством не занимаюсь, а являюсь управляющим Крымской епархией и за исполнение этих обязанностей получаю твердый месячный оклад, который

в прошлом году выражался в сумме 3000 руб., а начиная с 1947 г., в силу напряженного финансового состояния епархии, этот оклад снижен до 2000 руб., никаких других источников дохода не имею и иметь не должен.

Кроме того, как профессор-хирург, занимаюсь врачебной деятельностью, но эта деятельность никакими денежными компенсациями в 1946 г. не возмещалась. Прием больных мною производится бесплатно, и на таких же условиях осуществляю консультационно-практическую врачебную работу.

Райфо при обложении на 1947 г. подошло ко мне как к кустарю-ремесленнику, у которого возможны любые изменения в доходах, но я получаю только твердый месячный оклад зарплаты, и этот оклад с 1 января 1947 года определяется в сумме 2000 руб., следовательно, исчисляя мне авансовые платежи из расчета месячного дохода в сумме 3000 руб., райфо сознательно ущемляет мои денежные интересы, заранее предрешая вопрос переплаты подоходного налога.

Мне совершенно непонятна причина наложения на меня штрафа в сумме 200 руб.

Если это связано с задержкой подачи декларации, как мне передавали (официального постановления по этому поводу не получал), то абсолютно я не виноват.

В прошлом году райфо не требовало предоставления декларации, а обложения произвели на основании справки бухгалтерии епархии о получаемом мною окладе зарплаты. Аналогичная справка была предоставлена райфо и в текущем году, но зав. райфо Китаев не признал эту справку законной, потребовал специального обследования и личного опроса, которое и было произведено инспектором райфо, а также представления декларации, причем эта декларация по требованию зав. райфо переставлялась мною дважды.

Я все время беспокоился о предстоящих платежах на 1947 г., но инспектор райфо гр-нка Клестова заявила, что беспокоиться нечего, — пришлем извещение, и тогда будете платить».

Далее он пишет в жалобе: «Строго говоря, мне нечего декларировать, так как, кроме твердого оклада месячной зарплаты, никакими другими доходами, подлежащими обложению, не пользуюсь.

Правда, у меня есть личные сбережения, но они получены благодаря тридцатилетней научной работе, и что райфо на эти сбережения не имеет никаких прав.

Первый срок платежа установлен 15/III-47 г. в сумме 3140 руб., тогда как платежное извещение было вручено только 28 марта 1947 г.

Насколько я знаю, существует установленный законом срок исчисления первого платежа, т. е. по истечении 15 дней с момента начисления налога, но независимо от поданной жалобы 29 марта с. г. произведен первый взнос в сумме 3140 руб. и уплачен штраф в сумме 200 руб., хотя не знаю за что».

На основании всего этого Лука просит пересмотреть обложение его подоходным налогом на 1947 г. и сложить с него штраф в сумме 200 руб. как незаконно наложенный.

Затем к жалобе Лука дописал следующее:

«Такое столь ненормальное обложение меня подоходным налогом считаю особенно обидным для себя, поскольку, руководствуясь альтруистическими целями, из полученной мною Сталинской премии за научные труды в сумме 200.000 руб. я пожертвовал в пользу сирот воинов Отечественной войны 130.000 руб.».

Получив копию данной жалобы Луки, я позвонил заведующему городским Финансовым отделом и просил его срочно проверить жалобу по существу и результаты мне сообщить. В тот же день горфо были затребованы все материалы по обложению подоходным налогом Луки из райфо, проверены — решение райфо было пересмотрено и отменено.

В своем решении горфо отметило, что «при определении дохода на 1947 год райфинотдел не руководствовался указанием Министерства финансов СССР № 870 от 13/XII-46 г. "О порядке обложения налогами служителей религиозных культов", в силу чего установленный доход в сумме 36.000 руб. является неправильным,

т. к. жалобщик получает постоянное месячное содержание в сумме 2000 руб. и других доходов не имеет, поэтому доход на 1947 год следует установить в сумме 24.000 руб., из которого исчислить подоходный налог в сумме 6858 руб.

Райфо неправильно установлен первый срок уплаты подоходного налога 15/III с. г., т. к. расчет по исчислению налога произведен только 27 марта с. г.

Наложенный штраф в сумме 200 руб. является необоснованельным, т. к. в деле нет материала о том, что райфо предъявляло требование о подаче декларации и которого плательщики не выполнили.

На основании изложенного горфо решил:

Жалобу Управляющего Крымской епархией архиепископа Луки Войно-Ясенецкого о пересмотре обложения и снятии штрафа — удовлетворить.

Решение райфо о наложении штрафа в сумме 200 руб. — отменить.

Излишне начисленную сумму подоходного налога — 5700 руб. сложить.

Уплаченную сумму штрафа 200 руб. немедленно возвратить.

Установленный срок уплаты подоходного налога 15/III с. г. отменить и установить — 12/IV с. г. ».

Данным решением архиепископ Лука был удовлетворен, главным образом за быстроту принятых мер по его жалобе, т. к. через два дня после подачи им жалобы был сообщен ему результат рассмотрения. <...>

Положение и деятельность церкви

а) Характеристика духовенства.

К той характеристике, которая мною была дана духовенству в информационном докладе за 1-й квартал 1947 г. архиепископу Луке, благочинным и священникам и дополненной выше в настоящем докладе в разделе «О составе духовенства», сказать что-либо еще не могу, так как за отчетный период каких-либо существенных изменений не произошло.

б) Состояние свечных мастерских и других предприятий церкви.

При Епархиальном Управлении имеется мастерская по производству церковных свечей, открытая в 1945 г. на условиях аренды помещения и оборудования у частного лица, он же является и мастером производства.

Архиепископ Лука решил с 1 июля 1947 г. свечную мастерскую закрыть в связи с ее нерентабельностью, т. к. свечей заготовлено столько, что вполне хватит на весь 1947 г. для всех церквей Крыма, к тому же доходная статья Епархиального Управления от реализации свечей за последние месяцы значительно сократилась, а расходы по свечному производству остаются большие. Дальнейшее снабжение свечами крымских церквей Лука мыслит со свечных заводов других епархий.

Кроме того, при Епархиальном Управлении имеется производство по выпечке просфор, которое находится в таком же положении, как и свечное производство.

Других производственных предприятий в Крымском Епархиальном Управлении и по церквам Крыма — не имеется.

в) Учебных духовных заведений в Крымской епархии — нет.

г) Обращений Епархиального Архиерея с посланиями к верующим в отчетном квартале — не было.

д) Съезд благочинных.

В отчетном квартале состоялся съезд благочинных Крымской епархии, созванный архиепископом Лукой 15 мая с. г. На съезде присутствовало 8 благочинных и 8 священников ближайших к Симферополю приходов.

На съезде обсуждались такие вопросы:

1) Результаты применения на исповеди Правил Иоанна Постника (копия этих правил, разосланных архиепископом Лукой приходским священникам, мною была приложена к информационному докладу за 4-й квартал 1946 г.).

При обсуждении этого вопроса выяснилось, что не везде их можно применять, необходим индивидуальный подход к исповедающимся в связи с особенностями условий жизни того или другого исповедающегося

лица, его возрастом и отсутствием духовно-религиозной подготовки. Лука дал указание, чтобы эти правила были хорошо изучены самими священнослужителями, а потом разъяснять и проповедовать верующим.

2) О мерах улучшения финансового положения епархии.

Доклад по этому вопросу был сделан самим Лукой, который отмечал о тяжелом финансовом состоянии епархии и большинства церквей Крыма. Имеется еще задолженность отдельных церквей Епархиальному Управлению за 1946 г., выражающаяся в сумме 14.829 руб., а также отдельными церквами годовые отчеты за 1946 г. еще не представлены.

Было принято решение:

а) Немедленно принять самые решительные меры по ликвидации задолженности епархии и срочного представления годовых отчетов.

б) Финансовую отчетность вести в полном соответствии с утвержденной Патриархом инструкцией.

в) Установить прием и увольнение счетных работников церквей настоятелями, с утверждением таковых епархиальным ревизором, и ряд других мер подобного рода по улучшению финансовой деятельности.

3) О возможности открытия новых церквей.

Благочинные в своих сообщениях высказались об открытии 9 церквей, в том числе 3-х в Симферополе и 2-х в Севастополе.

По этому вопросу принято постановление такого рода:

«Обязать благочинных выяснить истинное положение и возможность открытия церквей в указанных выше пунктах и в необходимых случаях оказать помощь и консультацию в организации двадцаток».

4) Об увеличении числа диаконов в постановлении записано:

«Вновь поставленных диаконов направлять для служения и прохождения стажа в гор. Феодосию, Евпаторию, Белогорск, Ялту в связи с наличием там вакантных мест».

5) О псаломщиках и регентах в докладах с мест отмечалось отсутствие достаточного количества псаломщиков и регентов, что вызывает необходимость совершения служения одним священником без псаломщика вопреки существующим каноническим правилам.

Было принято решение о подготовке псаломщиков из числа верующих, в соответствии с которым архиепископ Лука обращался ко мне о разрешении ему подготовки псаломщиков, — о чем мною сказано выше.

Затем были обсуждены вопросы о церковных хорах, характере церковного пения, репертуаре, стиле и необходимости в епархии создания показательного хора.

Затем тут же, на съезде, архиепископ Лука дал указания и распоряжения также по чисто внутрицерковным вопросам, например: чтобы священники и диаконы не служили наизусть, а только по служебникам и требникам;

поминали Патриарха и Архиепископа по указанным в календаре 1947 года формам;

чтобы благочинные представили удостоверения о совершении священниками долга исповеди и напоминали последним, приезжающим в Симферополь, о необходимости исповедоваться у епархиального духовника;

чтобы священники не оставляли открытыми северные и южные двери храма во время совершения богослужения;

искоренять дурную привычку большинства священников при причастии закладывать конец илитона за ворот;

проверять знания священниками Учительного известия;

о запрещении получения священниками зарплаты от церкви; в исключительных случаях тяжелого материального положения вновь назначенным священникам выдавать пособие от Епархиального Управления в первые месяцы служения; считать допустимым обеспечение священнослужителей, не имеющих доходов, особыми сборами и другими способами вспомоществования по желанию верующих;

в приходах, где имеются церковные дома, оплату квартирных, а также расходов по отоплению и освещению священнослужителям производить за счет церкви из церковных доходов, и ряд других указаний.

О созыве съезда и его повестке дня предварительно я был ознакомлен. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 6. Л. 47–66.

№ 17

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

30 августа 1947 г.

<...> По разработке Крымского архиепископа Луки за отчетный месяц от агентуры получены следующие данные:

13 августа 1947 года по поводу подписания торгового соглашения Чехословакии с СССР Лука нашему агенту «Светлой» высказал свое недовольство тем, что СССР обязалось поставить Чехословакии 200 тысяч тонн пшеницы, и, осуждая действия советского правительства, заявил:

«Я читал в газете, что один комбайнер скосил 80 гектар. Раньше землю обрабатывали сохой, а косили хлеб косой, и хлеба все ели досыта. Теперь же машины вытеснили совсем людей с работы, а государство весь хлеб забирает, для народа ничего не оставляет. Это когда же так было, чтобы человек работал в поле, а есть хлеба досыта не мог».

12 августа сего года агент «Светлая», посетив Луку, просила его оказать медицинскую помощь больной, находившейся в больнице в городе Симферополе, на что Лука ей ответил:

«Меня там плохо принимают и враждебно ко мне настроены врачи. Их, по-видимому, злит то обстоятельство, что я, как врач-хирург, пользуюсь большой популярностью среди публики. Когда я читаю научные доклады, то на моих докладах всегда присутствует масса народа, тогда как на докладах кого-либо из местных врачей людей бывает очень мало.

Мне сорвали уже один доклад, потребовав от меня, чтобы я дальнейшие свои публичные лекции читал в гражданской одежде, на что я, конечно, не согласился и теперь должен буду совершенно отказаться от всяких докладов. Они уверены в себе, что много знают и нового ничего не хотят услышать, они все коммунисты и не хотят считаться со мной лишь только потому, что я являюсь духовным лицом, служителем религии, я делаю доклады с научной точки зрения, и одежда тут никакого значения не имеет».

28 августа сего года в адрес архиепископа Луки проследовал анонимный документ (копия адресована Патриарху), в котором автор упрекает Луку в том, что он имеет при себе женщин, под видом «племянниц», и нарушает церковные обычаи, имеет близкие связи с недостойного поведения священником Афанасьевым и что он весьма строго относится к священникам. Копия текста прилагается.

Разработку Луки продолжаем в направлении его деятельности и антисоветских связей. Подбираем кандидатуру на вербовку из числа медицинских работников, имеющих связь с ним.

В течение августа месяца 1947 года были организованы маршрутные поездки нашей агентуры в некоторые районы Крымской области, где были выявлены ряд лиц, предоставляющих оперативный интерес, как, например:

агент «Вологодский» в городе Евпатории выявил антисоветски настроенных активных церковников: Гусаренко Льва Михайловича и Ливанова Николая Васильевича.

Гусаренко Лев Михайлович, 1903 года рождения, происходит из служителей религиозного культа, во время Отечественной войны служил в Красной Армии в звании старшего лейтенанта, после демобилизации, как специалист-табаковод, был направлен Главтабаксырьем в город Бахчисарай на должность заведующего пунктом табаксырья. Здесь он познакомился со священником Ливановым Николаем, который впоследствии был переведен епископом Лукой на службу в церковь в г. Евпатории, куда Ливанов взял с собой и Гусаренко на службу в церковь в качестве псаломщика.

О своем знакомстве со священником Ливановым Гусаренко заявил:

«Священник Ливанов буквально покорил меня своей глубокой веротерпимостью, и я готов последовать его примеру, — готовясь на звание диакона, а затем и священника».

На вопрос агента «Вологодского»: как встретили и оценили в армии правительственные мероприятия об открытии церквей в СССР, Гусаренко в присутствии Ливанова заявил:

«Все в армии полагали и были твердо убеждены, что с восстановлением церквей, введением погон, ликвидацией Интернационала у большевиков должны были последовать коренные изменения в государственном строе, и считали, что большевиков больше не будет, но демобилизовались и убедились, что все остается по-старому, а все нововведения — это только политический трюк, и поэтому остались разочарованы».

Ливанов при этом заметил:

«Вот Вам подлинное настроение армейцев, и это действительно правда».

После этого разговора Гусаренко выступил с клеветой на материальное положение трудящихся в СССР, высказывал недовольство проводимой внешней и внутренней политикой советского правительства и в конце заявил:

«Такое положение не может быть терпимо».

Возвращаясь вместе с агентом «Вологодским» из Евпатории в город Симферополь на грузовой автомашине, Ливанов завел разговор с ехавшим офицером Красной Армии (фамилия не установлена), которому задал вопрос: «В чем конкретно выражается идея коммунизма и является ли она реальной?»

Неизвестный офицер разъяснил Ливанову, но он с ним не согласился и высказал:

«Ваши идеи и принципы, записанные в Конституции, потерпели фиаско перед необходимыми требованиями развития общества. Где ваши красивые истины, записанные в Конституции, о свободе слова, печати и т. п.? Слово "свобода" существует только на бумаге, а фактически ее нет. Все подчинено классовой диктатуре, а при ней не может быть свободы. Разве это нормально, что Вы, как представитель Коммунистической партии, имеете право печатать все то, что подходит под Вашу идею, а вот я, как представитель религиозного культа, при всем желании не могу отпечатать трудов духовных мыслей. Где же свобода?»

Ливанов и Гусаренко нами взяты в активную разработку, выявляем их антисоветские связи.

Агенты «Светлов» и «Иерусалимский» вместе с архиепископом Лукой выезжали в маршрутные командировки в Судакский, Алуштинский, Ялтинский и другие районы Крыма.

Агент «Евстафьев» два раза был направлен в маршрутную командировку в город Ялту, где выявил ряд лиц среди церковников, представляющих оперативный интерес.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: Начальник отделения «О» УМГБ
майор Клименко
30 августа 1947 г.
№ 1/2008
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 4. Л. 15–19.

№ 18

Из информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1947 года

2 октября 1947 г.

<...> Архиепископ Лука в отчетном квартале посетил меня 1 раз, по приглашению, 29 августа с/г. В это время у меня находился зам. заведующего инспекторским отделом Совета тов. Спиридонов, проверявший мою работу. 29/VIII сообщил Луке по телефону, что у меня находится представитель Совета из Москвы, и если у него есть какие-либо вопросы, то было бы желательно его посещение нас.

В тот же день Лука нами был принят. Беседа с ним продолжалась около 2-х часов. Во время беседы Лука ставил следующие вопросы:

1) О предоставлении жилой площади духовенству в гор. Ялте и в Симферополе (о чем Лука посылал и телеграмму в Совет, на которую мною дано Совету разъяснение № 112 от 27/VIII-47 г).

При этом Лука спрашивал, можно ли возвратить церкви принадлежавший ранее ей жилой дом? И как обеспечить духовенство жилой площадью?

По этому вопросу ему было дано разъяснение, что можно ставить вопрос о возврате церкви таких жилых домов (церковных сторожек), которые не подлежат национализации. В гор. Ялте и Симферополе (на кладбище) дома большие в свое время были национализированы, и о передаче их церкви вопроса ставить нельзя. Насколько суд решил правильно, отказав церковной общине в гор. Ялте в просьбе о выселении бывшего священника Нефедова, как лишенного сана и не служащего в церкви, этот вопрос может быть рассмотрен органами суда в порядке надзора.

Далее ему было разъяснено, что в Ялте и Симферополе положение с жильем тяжелое, чем можно помочь духовенству — Облисполком помогает. Мною были приведены примеры, как освобождение от посторонних жильцов

его квартиры, церковных сторожек в г. Феодосии и Евпатории и др. О своей квартире Лука сказал: «Если бы он не был лауреатом, возможно, она бы не была освобождена от посторонних жильцов и до сих пор».

На это ему пришлось ответить, что не только это, так как вопрос об освобождении занимаемой им квартиры от посторонних жильцов Облисполком не снимал, как говорят, с повестки дня более 2-х лет.

Вопрос был не только этих жильцов выселить из квартиры, в которой они жили более десятка лет, а нужно было им взамен предоставить другую, а вот других-то и не находилось, и как только представилась возможность им предоставить другие квартиры, они и были переселены из занимаемых ими комнат.

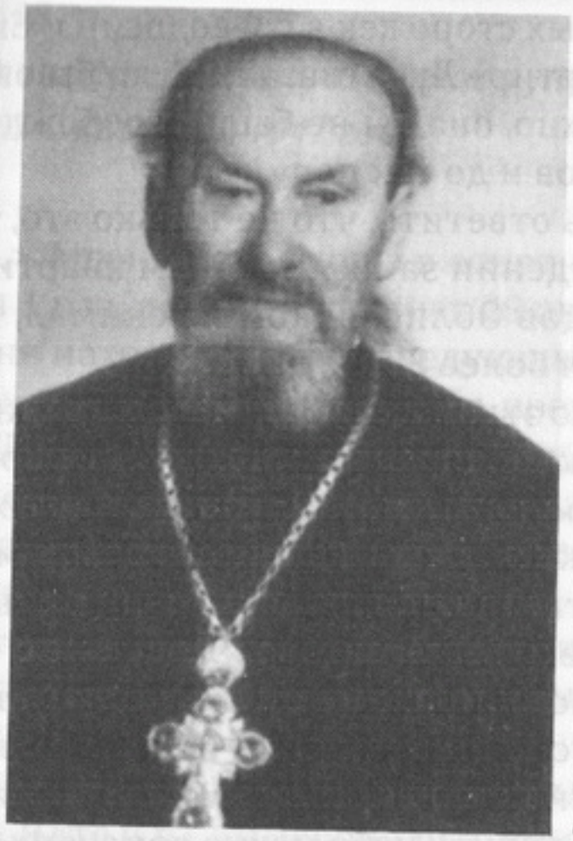
Затем было обращено внимание Луки на то, что нужно и общинам верующих самим проявлять больше инициативы в деле обеспечения причта жилыми площадями, имеются возможности купить небольшие дома и их восстановить.

На это Лука стал говорить о плохом материальном положении церквей и их бедности в связи с недородами в сельском хозяйстве.

2) Затем Лука спросил, какие приняты меры к представителям местного сельсовета с. Орловка Раздольненского района, препятствующим нормальной деятельности общины в этом селе, что, по сообщению настоятеля церкви священника Моссейчука, в селе Орловка комсомольцы добиваются закрытия церкви для использования ее под клуб.

На это я Луке ответил, что по жалобе Моссейчука выезжал на место, были приняты соответствующие меры, и нездоровое отношение к церкви со стороны местных работников устранено.

3) Что предпринято к руководству Гвардейского сельсовета Симферопольского района, который препятствует передаче дома в селе Гвардейском (быв. Шунук) общине верующих для перевода в него молитвенного дома из дер. Рассвет Краснозорькинского сельсовета

Протоиерей
Андрей Моссейчук

Симферопольского района (по существу данного вопроса мною подробно сообщено Совету в информационном докладе за первый квартал 1947 года, стр. 17–18). По этому вопросу тов. Спиридоновым было разъяснено Луке, что община верующих не имеет основания требовать передачи ей нецерковного здания. Не только сельсовет, но и Райисполком не находит возможным передачу названного дома верующим, и в этом ничего незаконного со стороны местных советских органов нет.

4) Почему запрещают проводить по домам сбор средств на нужды церкви?

Луке было разъяснено, что такие сборы можно проводить только в церкви и разрешать подворный сбор средств на церковные нужды (как это делалось когда-то) в условиях свободы совести и вероисповедания — было бы неправильным.

В дальнейшей беседе тов. Спиридоновым было обращено внимание Луки на то, что непосредственное обращение к председателю Облисполкома, как это имело

место, по вопросу жилых помещений для духовенства в гор. Ялте — не полезно, что по всем вопросам следует обращаться к уполномоченному Совета.

Лука согласился с этим и сказал, что он учтет это в дальнейшем.

Затем мною был поставлен вопрос о заявлении верующих об открытии церкви в Железнодорожном районе гор. Симферополя, поступившем из его канцелярии. Мною было обращено внимание Луки на то, что среди подписавших это заявление есть немало лиц, состоящих в двадцатках других приходов, даже из числа членов церковных советов, и немало лиц проживают совершенно в противоположных частях города, далеко от Железнодорожного района и от той церкви, которую просят открыть. В результате беседы по этому вопросу Лука взял заявление себе обратно — на рассмотрение.

Прошедшей беседой Лука остался удовлетворен, заявив на прощание тов. Спиридонову, что беседа для него была полезной.

Посещений меня Лукой в отчетном квартале было очень мало — всего один раз, да и то по приглашению, на что обратил внимание и тов. Спиридонов, это объясняется тем, что у меня не встречалось таких вопросов, которые требовали бы его приглашения и разрешения лично с ним, также и у него не было таких принципиальных вопросов, которые было бы ему необходимо разрешать лично со мной.

Кроме этого, в отчетном квартале я отсутствовал более месяца — был в отпуску и командировках, да и Лука отсутствовал две недели — был на отдыхе в Алуште. <...>

Положение и деятельность церкви

а) Характеристика духовенства.

Характеристика крымского духовенства мною подробно освещена выше в разделе «О составе духовенства», дополнить ее чем-либо — данными не располагаю.

В отношении характеристики архиепископа Луки, также довольно подробно о нем сообщалось в предыдущих докладах, можно дополнить только тем, что он уже

с лекциями и докладами по вопросам хирургии не выступает, но больных у себя на дому иногда принимать продолжает.

Будучи на приеме 29/VIII-47 г., Лука нам с тов. Спиридоновым из своей медицинской деятельности рассказал и такой случай.

Когда он отдыхал в Алуште в конце июля м-ца с/г, к нему обратился главный врач больницы с просьбой прочитать для местных врачей доклад по вопросам хирургии. Лука дал согласие и к нему готовился. За один или два дня до назначенного срока доклада его опять посетил главврач, извинился и предупредил, что доклад не состоится, так как он запросил Симферополь о согласии на постановку этого доклада, но его не разрешили. Лука сказал: «Опять помешала моя ряса» и добавил, что он теперь себя посвятит исключительно духовной деятельности и медицинскими вопросами заниматься не будет.

б) О состоянии свечных производств и других предприятий церкви.

Имевшаяся мастерская по производству церковных свечей при Епархиальном Управлении архиепископом Лукой ликвидирована в связи с ее нерентабельностью, мастерская перешла в ведение «Пчеловодсоюза», церковными свечами теперь Епархиальное Управление снабжается из мастерской «Пчеловодсоюза», Лука считает это более выгодным для церкви, чем иметь свою мастерскую.

Имеется небольшое производство при епархии по выпечке просфор для церквей гор. Симферополя.

Других каких-либо производственных предприятий, как при Епархиальном Управлении, так и по церквам Крыма, — не имеется.

в) Учебных духовных заведений в Крымской епархии — нет.

г) Обращений с посланиями епархиального архиерея архиепископа Луки к верующим в отчетном квартале — не было.

д) Отношение верующих к духовенству.

В основной своей массе крымское духовенство пользуется авторитетом среди верующих. Если ранее имела место безавторитетность священников из-за их несвященнического поведения (пьянства), то таковые Лукой увольнялись или переводились в другие приходы с соответствующим предупреждением. Так что по этим причинам безавторитетности духовенства за последнее время не отмечалось.

Имеет место безавторитетность духовенства по другим причинам, как-то: по их церковной малограмотности и дряхлости — из-за преклонного возраста.

17 сентября с. г. церковный староста Николаевской церкви села Пионерское Симферопольского района Залыженко Леонтий, будучи у меня на приеме по вопросу получения стройматериала для ремонта церкви, рассказал и о священнике Баженове Викторе — старик 80 лет, что из-за своей дряхлости совершенно не пользуется авторитетом среди верующих, часто болеет, а поэтому не совершает иногда и по большим церковным праздникам службы. Приходящие в церковь верующие из других деревень километров за 10–12 уходят неудовлетворенными, такое же положение и с выполнением религиозных обрядов, как-то: крещение детей, погребение, верующим приходится ходить в Симферополь за 12 километров, а поэтому церковь много теряет в доходности.

Поднимал вопрос о его замене. Рекомендовал обратиться к Архиепископу.

Такое же положение и со священником Петропавловской церкви села Партизанское Бахчисарайского района. Коваленко Яков, старик 81 года, быв. монах, службы совершает только по книгам, иногда и путает, а поэтому и посещаемость совершаемых им служб очень слабая.

Священник Николаевского молитвенного дома гор. Бахчисарая Гегель Александр — старик 82 лет, также, по своей дряхлости, без авторитета.

Священник Покровского собора гор. Севастополя Алексапольский Яков, старик 84 лет, также по своей дряхлости не пользуется авторитетом у верующих, когда в этом же соборе совершает службы священник Борзаковский Михаил, молящихся бывает в храме полно, когда же совершает службы Алексапольский — единицы. <...>

б) Отношение священников и церковного актива к Управляющему Епархией — Архиепископу Луке.

Со стороны священников отношение к Луке за последние месяцы изменилось в лучшую сторону, уже нет недоброжелательных высказываний по отношению его, потому что Лука стал более осторожен в вопросах их перемещения, что имело место вначале, перемещает только в исключительных случаях и по просьбе самих священников, как он сам говорит — «для пользы церкви», затем он сам стал отзываться о священниках положительно, говорит, что среди духовенства остались только хорошие пастыри, преданные своему пастырскому долгу, а все, кто были негодны для церкви среди духовенства, им уволены, как сорная трава.

Среди церковного актива Лука также пользуется авторитетом, главным образом за то, что он посещает не только городские приходы, но и сельские, и за то, что он не требует себе приношений, пышных встреч, угощений и прочего.

а) О журнале «Московская Патриархия».

Епархия получает журнал в количестве 130–150 экз., последний журнал № 6 получен в количестве 150 экз. <...>

Состояние религиозности

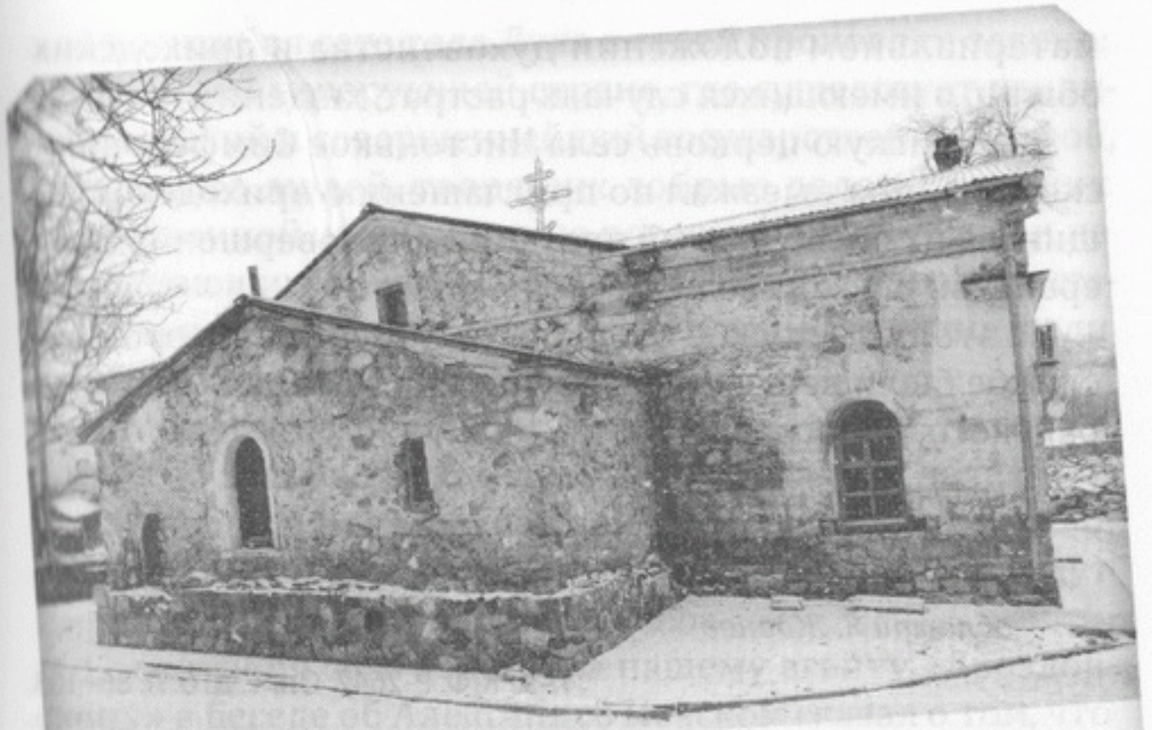
в) Выезды архиепископа Луки по приходам.

Лука в отчетном квартале посетил 4 прихода:

1) Знаменской церкви села Грушевка Старо-Крымского района;

2) Прасковейской церкви села В. Топлы Старо-Крымского района;

3) Покровской церкви гор. Судак и

Храм в честь иконы Богородицы «Знамение»
с. Грушевка. Старо-Крымский район

4) Успенской церкви села Чистенькое Симферопольского района.

В первых трех он был с целью только ознакомления, а в последней служил свою архиерейскую службу в день престольного праздника этой церкви.

Как правило, о дне своего выезда он приходским священникам посылал телеграммы, видимо, с той целью, чтобы его встречали. Когда он приехал в Грушевку, там его никто не встретил, и верующие не знали о его приезде, более того, он не мог попасть и вовнутрь храма для его осмотра, ключи от церкви находились у церковного старосты (священник Мищук), а последний работал где-то в степи, и его не смогли найти, так и уехал не осмотревши церкви.

При встрече его в Судаке было не менее 200 чел. Встреча была с колокольным звоном и хором певчих — так же и провожали.

В Судакской церкви он произнес проповедь о внутрицерковной жизни в Крымской епархии, о тяжелом

материальном положении духовенства и приходских общин, о имеющихся случаях растрат, хищений и т. д.

В Успенскую церковь села Чистенькое Симферопольского района выезжал по приглашению приходской общины в их престольный праздник для совершения архиерейской службы со всем своим причтом.

На этой его службе было более 300 чел., при этой его службе были верующие и из других районов — Бахчисарайского, Белогорского и др. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 6. Л. 86–103.

№ 19

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

2 октября 1947 г.

<...> По разработке архиепископа Луки за отчетный период от нашей агентуры поступили следующие данные:

На праздник Преображения Лука служил в кафедральном соборе, верующих было мало. В проповеди он сказал:

«Служба была сегодня архиерейская, а народу мало. Я живу вместе с вами, радуюсь, когда вас много, и плачу, когда вас мало, я плачу и прошу у Бога смерти. Вы забываете храм и оставляете меня, лучше мне пойти от вас к Богу, где вас нет».

Слова «я плачу и прошу смерти» подействовали на верующих фанатиков, и многие плакали, плакали также Лука и служившие с ним священники Милославов и Осипов.

14 сентября сего года Лука в своей проповеди заявил:

«В нашей неверующей стране, где существует удивительнейший и совершеннейший государственный строй, есть много людей, творящих добрые дела и живущих нравственной жизнью, но не посещающих церковь и не исполняющих таинства крещения. Такие люди не считаются христианами, их дела Богу не угодны, и такие люди будут Богом наказаны.

Только те люди есть истинные христиане, которые живут по заповедям Божьим, делают добрые дела с глубокой верой в Бога, с всеобщей любовью ко всему человечеству, не считаясь ни с нацией, ни с классом, они будут иметь прощение и милость Божью».

12 сентября сего года Лука нашему агенту «Дроздовскому» в беседе об Александре Невском сказал о том, что его общество признало за великого человека как защитника и поборника за свое отечество от иноземных порабощений, и в заключение сказал:

«Перед вами может возникнуть вопрос — позволительны ли вообще войны? Да, позволительны. Поднимать меч на защиту своего отечества — в таком случае и Бог оказывает помощь победить врага. Вот как пример: мы недавно испытали кару Божью над немцами, которые совместно с прочими захотели захватническим образом поработить наше отечество — Родину дорогую. Но бывает и наоборот, что Бог за наши прегрешения может и наказать нас, отдать во власть врагу. Это и будет явное наказание за наши грехи и прегрешения. Господь, как тогда, так и теперь, посылает великих мужей для борьбы с неправдой и на защиту социальной свободы, права и своего отечества, и защиты православной».

22 сентября сего года Лука в проповеди указал на то, что в данное время имеются признаки возникновения новой войны, и заявил:

«Вы, вероятно, слышали передачи по радио, а кто читает газеты, тот читал, как наш министр иностранных дел на заседании в Ассамблее отклоняет неправоту нападок на наш Союз.

Так будем молиться, чтобы Бог пощадил нас Своими карами и отвел грозящую нам войну».

Разработку Луки продолжаем вести в направлении выявления его антисоветских связей и враждебной деятельности.

В отчетный месяц нами был направлен в маршрутные командировки агент «Антонов» — в Октябрьский, Черноморский, Сакский и другие районы, где он выявил ряд лиц среди сектантов, представляющих определенный интерес.

И. о. начальника управления МГБ СССР по Крымской области
полковник Ходжаев
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко
2 октября 1947 г.
№ 1/2328
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 4. Л. 222–224.

№ 20
Из докладной записки и. о. начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

1 ноября 1947 г.

<...> По разработке архиепископа Луки за отчетный месяц от нашей агентуры поступили следующие данные:

2 октября сего года Лука зашел в канцелярию епархии и в присутствии нашего агента «Вологодского» и одного священника, показывая напечатанные в газете «Правда» обмен письмами между послом США и товарищем Молотовым по вопросу статьи, напечатанной в «Литературной газете», писателя Горбатова «Гарри Трумэн»[28], заявил:

«Это ужасно, что делается на свете. Ответ Молотова — это равносильно пощечине Трумэну. Какая наглость! Ведь это может окончиться весьма неблагоприятно.

Молотов пишет о всестороннем освещении в советских газетах всех событий, но ведь это вранье. В наших газетах очень многого не пишут.

По радио передавали о казни болгарского революционера Николы Петкова[29], а в газетах ведь об этом напечатано не было.

Между тем по радио передают, например, речь Черчилля[30], который расценивает эту казнь как политическое убийство.

Да и в самом деле, отец и сын Петкова все время боролись за демократию, а когда пришла власть коммунистов, он попросил разрешения выехать из Болгарии. Ему разрешили, а на аэродроме арестовали, затем судили и казнили.

Англия и Америка требовали международного суда, а они расправились своим судом.

Вот что делается в мире. Сплошной ужас и кошмар».

5 сентября 1947 года Лука в соборе в своей проповеди заявил:

«Поменьше позволять молодежи чтения сладострастных романов, кои, в конце концов, являются следствием извращенности и разложения общества. Запрещать слишком частое хождение в кино и трату попусту времени, а приучать к труду».

13 октября сего года в кафедральном соборе города Симферополя Лука читал проповедь, в которой сказал:

«Родители обязаны воспитывать в христианском духе своих детей, ибо строго ответственны за своих детей перед Богом, обществом и государством. Возлагать на школу это нельзя. Необходимо воспитывать детей в семье больше. У нас во многих случаях дети предоставлены самим себе, в редких случаях на старых нянек, хорошо, если добрая старая няня воспитывает детей в христианском духе, то очень хорошо.

У нас, как ни в одной другой стране в мире, женщина наравне с мужчиной, женщина равноправна в общественной

и политической жизни, конечно, это очень хорошо, я благословляю это. Но нельзя же забывать семью, мужа и детей. Женщина должна быть в доме, в семье и воспитывать своих детей.

Общественная и политическая жизнь отнимает роль женщины в семье. Женщине необходимо заниматься воспитанием детей и заботиться больше о семье. И ибо государство состоит из общества и клеток семей, и если в семье не будет здоровой жизни, то и общество будет нездоровым, то и государство будет слабым.

Поэтому семья должна быть здоровой, общество будет здоровым, а если общество будет здоровым, то и государство будет крепким и сильным.

Кроме гражданского брака, должен быть и церковный брак, ибо церковный брак сильней и крепче».

14 октября 1947 года Лука автомашиной возвращался из города Джанкоя, в присутствии двух священников и шофера и заявил:

«Как хорошо выезжать на места и выступать с проповедью перед прихожанами. Не так давно я узнал, что некоторые прихожане считают меня за красного архиерея и что у меня даже печать красная. Это потому, что они меня не видят и не слышат. На самом же деле я в своих проповедях всегда осуждаю безбожников. Неоднократно слышу разговор, что я очень резко выступаю против безбожников, и даже получил предупреждение».

От кого получил предупреждение, Лука не сказал.

19 октября 1947 года в своей очередной проповеди, имевшей место в соборе, Лука высказал следующее:

«Наша жизнь коротка, мы мечемся и хлопочем о жизни, но забываем храм и не даем милости своими пожертвованиями и милостями. От этого Церковь обеднела, не имеем средств на притчи (причт — *Ред.*), хор, не можем производить текущего ремонта.

Все вы суетитесь и бегаете по воскресным дням по базарам и рынкам и не находите времени для посещения храма, храм наш пустой. Мы на земле живем временно и сами не знаем, когда придет наша смерть, кончины

земной жизни. И стар, и млад, и все мы, слуги Бога, должны найти время и дать храму свою лепту — пожертвование. Без этого пожертвования храм оскудевает, беднеет».

За последнее время в церквах Крымской епархии резко сократилась посещаемость верующих, в отдельных городах и районах Крымской области верующие совершенно не посещают церковь, о чем свидетельствует сокращение верующих православных церквей и массовый отход от церкви.

Этот факт замечает и Лука, но объясняет это тем, что якобы в Крыму, ввиду неурожая, ухудшилось материальное положение населения. В связи с чем снизилась посещаемость церквей верующими и резко сократился доход епархии.

Об этом Лука пишет в своем письме от 29 октября 1947 года в адрес «Хозяйственного совета при Священном Синоде». Копия письма прилагается.

18 октября 1947 года в адрес Патриарха Алексия из города Симферополя проследовал документ от имени прихожан симферопольского Свято-Троицкого собора, в котором прихожане жалуются Алексию на архиепископа Луку.

Копия документа при этом прилагается.

8 октября сего года Лука отправил документ в адрес митрополита Николая Крутицкого[31], в котором указывает о своей успешной деятельности в епархии и о желании издать книгу «Дух, душа и тело». <...>

Разработку Луки продолжаем в направлении выявления его антисоветских связей и враждебной деятельности.

И. о. начальника Управления МГБ СССР по Крымской области
полковник Ходжаев
Верно: Начальник отделения «О» УМГБ
майор Клименко
1 ноября 1947 г.
№ 1/2589
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 4. Л. 278–283.

№ 21

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

2 декабря 1947 г.

<...> По разработке архиепископа Крымского Луки за отчетный месяц от агентуры получены следующие данные:

9 ноября 1947 года в воскресный день в кафедральном соборе города Симферополя Лука организовал торжественный молебен, во время которого прочитал с амвона послание Патриарха, написанное в ознаменование 30-летия существования советской власти, а затем заявил:

«Я мог бы ограничиться чтением этого послания, но считаю необходимым остановиться на двух основных моментах, изложенных в послании Патриарха.

Первое — это то, что за 30 лет проделана большая, напряженная работа по устройству нового государственного строя в нашей Родине. Поистине проделана исключительная работа.

Много, правда, пришлось испытать лишений и бедствий, прежде чем завершено новое строительство, но без этих лишений не может быть осуществлено устройство нового государственного порядка.

Если вы спросите меня, когда же прекратятся эти лишения и будет хорошая жизнь, я скажу вам, что прошедшие 30 лет — это сравнительно ничтожный срок, и пройдут еще многие десятки лет, прежде чем жизнь наша будет вполне нормальна.

Верьте мне, что это время настанет и мы будем жить спокойно и радостно.

Хочу также остановиться на втором моменте, а именно относительно устройства нашей церковной жизни.

При царском строе Патриарха не было, а во главе церкви стоял Священный Синод, который самостоятельного управления не имел, т. к. при этом Синоде от царской

власти был поставлен контроль в лице обер-прокурора Синода, который фактически управлял церковной жизнью, а Синод был послушным орудием этого царского контроля.

С момента революции церковь отделена от государства, и управляется она самостоятельно. Возглавляет церковь Патриарх, и власть во внутренние дела [церкви] не вмешивается.

Многого, правда, еще не сделано в нашей церковной жизни. Нет, например, до сих пор свободного воспитания детей в религиозном духе, нет преподавания в школах Закона Божьего, и антирелигиозная кампания не ослабевает.

Все это тормозит устройство нашей церковной жизни, но я надеюсь, что и в этой области рано или поздно наступит перелом».

После этой проповеди был отслужен благодарственный молебен с многолетиями Патриарху, архиепископу Луке и правительству.

16 ноября 1947 года Лука в соборе произнес проповедь, в которой сказал:

«В нынешнее время нет воскрешения из мертвых, хотя и написали в газетах в Ташкенте, что нашли способ воскрешения из мертвых, но до сих пор никак не применяют это и не смогут применить.

В настоящее время неверующие смеются над тем, что Христос воскрешал, и считают ниже всякого достоинства поклоняться Богу. Считают это унижением. В прежние времена поклонялись не только Богу, но и старым людям, уважали седину стариков. А в нынешнее время только в песнях воспевают стариков, но на самом деле ничего подобного нет. Наоборот, смеются над стариками, нет уважения даже к седине старика.

Вы, вероятно, сами замечали, какой неприятный смрад несет от многих людей, хотя они высокопоставленные люди. Они не хотят никого знать, кроме себя и высшей науки. Никогда никакая наука не воскресит человека».

19 ноября 1947 года Лука получил из города Москвы телеграмму, в которой от имени «Журнала Московской Патриархии» просили его прислать в срочном порядке статью на тему о поджигателях войны, по этому поводу Лука, обращаясь к нашему агенту «Вологодскому» и священнику Милославову, заявил:

«Как вы думаете, ведь это необычайная просьба, а главное, спешно! Это требование о присылке статьи на тему о поджигателях войны, безусловно, продиктовано Карповым. Правительство настолько обеспокоено создавшейся политической обстановкой, что решило прибегнуть к помощи духовного ведомства, чтобы подготовить общественное мнение к назревающей опасности войны. Во всяком случае эта телеграмма создает тревогу».

22 ноября сего года Лука зашел в канцелярию епархии и, показав агенту «Вологодскому» и благочинному Милославову написанную им в «Журнал Московской Патриархии» статью на тему о поджигателях войны, заявил:

«Я считаю, что задание "Журнала Московской Патриархии" написать статью о поджигателях войны именно мне не случайно и, видимо, сделано по предложению Карпова. Мое мнение известно за границей, а поэтому и статья за моей подписью будет иметь важное политическое значение. Ведь с успехом мог бы написать статью митрополит Николай или кто-нибудь другой из Патриархии, но они, очевидно, дипломатично отказались от этой неприятной миссии и умывают руки.

Мое положение также не совсем приятное, и приходится варьировать и тщательно продумывать заданную мне тему».

Прочитав статью, Лука сказал:

«Если вы обратили внимание, в этой статье есть одно скользкое место, и я полагаю, что из-за этого места могут забраковать мою статью. Я зачитаю еще раз это место: "Я, конечно, очень далек от того, чтобы считать коммунизм делом от Бога, ибо последователи его сами и скажут нам, что он не от Бога, а от Маркса и Энгельса, и не

нуждаются в утверждении его авторитетом Бога, бытие Которого отрицают".

Это ведь так, но мне кажется, что эта часть статьи не будет приемлема. Как вы думаете?»

На это наш агент «Вологодский» ответил:

«В условиях существующей свободы слова и печати это место в Вашей статье должно быть отпечатано».

Лука рассмеялся и сказал:

«Конечно, в условиях свободы слова и печати моя статья могла быть полностью отпечатана, но в том-то и дело, что у нас нет ни свободы слова, ни печати, а все эти красивые слова записаны только на бумаге».

На замечание агента «Вологодского»:

«Как же так, Вы ведь называете существующий строй истинно демократическим и превозносите его, а раз так, то и бояться Вам нечего», Лука опять рассмеялся и заявил:

«Говорить можно все, но на самом деле ничего этого нет.

Есть еще второе место в моей статье, которое требует обсуждения, а именно мое утверждение в том, что поджигатели войны считают, очевидно, и нас, архиереев и священников, коммунистами. Это на самом деле так и есть. Если вы читали газеты, то несколько позднее было сообщено в газете о том, что Папа Римский подобрал себе кардиналов, всех реакционно настроенных, и предложил всем подчиненным присоединиться к фашистскому движению. Вот они прочтут мою статью и скажут, что, мол, все русские архиереи являются коммунистами. Несомненно, они боятся назревающего коммунистического влияния во всех странах».

27 ноября 1947 года Лука авиапочтой отправил в редакцию «Журнала Московской Патриархии» написанную им статью «К миру призвал нас Господь» со следующей препроводительной:

«Посылаю статью о поджигателях войны. На стр. 4-й я зачеркнул одно место, так как оно, вероятно, не выдержит цензуры Совета.

Если же у нас есть свобода печати, то следует оставить его.

Вместо второй статьи пришлю на днях проповедь о милосердном самарянине, относящуюся к поджигателям войны».

Копия статьи «К миру призвал нас Господь» прилагается.

23 ноября сего года Лука в соборе выступил с проповедью на тему «Притча о милосердном самарянине», в которой сказал:

«Мы мирны, зачем же другие не мирны? Зачем воздвигнута эта страшная перегородка между людьми, зачем эта вражда одного христианства против другого, зачем готовят ужасы третьей мировой войны, которая в огромной мере превзойдет ужасы Второй мировой войны? Зачем, зачем...

Что же делать нам, христианам? Нам нужно поступать так, как Господь Иисус Христос велел книжнику.

Нам нужно считать ближними своими всех тех, кто любит добро, правду, кто далек от всякого наслоения, кто никому не хочет причинить зла.

Мир теперь сделался враждебным.

Нам нужно ныне подальше уйти от тех сердец, которые много враждуют. Нам нужно прийти к тому, в сердцах которых так много стремления к добру, к правде, которые милосердны, которые никому не хотят причинить зла.

Настало время, когда следовало бы создать новый интернационал, интернационал всех любящих добро, всех ненавидящих неправду, всех стремящихся к миру, всех ненавидящих войну.

Этот великий интернационал сможет победить злобу всех поджигателей войны и сумеет запретить и им не позволить и удержит их руки, держащие атомные бомбы.

И уже многие народы объединяются, все, кто истинно стремится к миру, кто ненавидит войну, насилие, кто любит добро, кто милосерден, кто честен, кто полон

сострадания, кто льет слезы свои, глядя на неправду в мире.

Идет прогрессивный процесс объединения воедино всех тех, кто ненавидит насилие.

Уже организуется этот прогрессивный интернационал врагов войны, друзей мира, любящих добро».

Разработку Луки и его связей продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: Начальник отделения «О» УМГБ
майор Клименко
2 декабря 1947 г.
№ 1/2852
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 5. Л. 66–70.

№ 22
Из информационного доклада уполномоченного «По вопросам изучения церковной обстановки и движения религиозности среди населения Крымской области»

28 декабря 1947 г.

<...> 9-го ноября по указанию Луки во всех крымских церквах совершались молебны, посвященные 30-й годовщине Октябрьской революции.

В этот день я решил понаблюдать лично состояние религиозности в соборе.

Службу совершал сам Лука. В соборе во время его службы было до 700 чел., основная масса — женщины, но были и мужчины, до 100 чел., всех возрастов, были и дети школьного возраста, но немного.

Во время службы в этот день Лука произнес две проповеди, первую — на богословскую тему «О распространении

слова Божия», о сеятелях, семенах и т. д. Затем, по окончании службы, зачитал послание Патриарха «О 30-летии Нового Государственного Строя».

После прочтения послания на эту тему произнес проповедь, говорил минут 40. Эта проповедь носила патриотический характер — говорил, что новый государственный строй за 30 лет много претерпел трудностей и еще много их предстоит впереди, но в конце концов настанет хорошая жизнь. Говорил о годах гражданской войны, из которой наша родина вышла с победой благодаря новому государственному строю, о годах Великой Отечественной войны, о страдании народа в эти годы, что народ вышел из этих испытаний с победой благодаря новому государственному строю и нашему Правительству.

Затем в проповеди остановился и о проходившей Ассамблее Организации Объединенных Наций, что как трудно приходится представителям нашей родины отстаивать там дело мира, но что они последовательно отстаивают дело мира и разбивают всю клевету и ложь против нашего нового государственного строя и т. д.

Затем сказал о положительных моментах в жизни Православной Церкви — это создание патриаршества, упраздненного Петром I, об отделении церкви от государства, что церкви предоставлена полная свобода во внутренней ее жизни, что государство во внутреннюю ее жизнь не вмешивается, как раньше делалось через обер-прокурора Синода. Но тут же, как будто между прочим, сказал, что «полной свободы в церкви пока еще у нас нет, ей мешает антирелигиозная пропаганда, но, он надеется, и это будет устранено». После проповеди Лука отслужил молебен.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 7. Л. 46.

№ 23
Из информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1947 года

2 января 1948 г.

Прием посетителей

<...> Архиепископ Лука в отчетном квартале посетил меня один раз, по приглашению, 29 октября 1947 года.

28 октября мною была получена телеграмма от церковного совета церкви села Черноморское Черноморского района такого содержания:

«Райисполком настаивает на побелке церкви, побелку произвести не можем из-за отсутствия средств, просим Ваших указаний».

В этот же день я по телефону связался с Лукой, сказал ему, что нам необходимо встретиться для разрешения ряда вопросов, и просил его прибыть ко мне. Лука ответил, что сегодня не может, а на следующий день он будет у меня.

29/X он явился. Ознакомив его с содержанием вышеприведенной телеграммы, я обратил его внимание на то, что данная церковь находится в центре села, в окружении зданий, занимаемых советскими учреждениями, вид ее невзрачный, с момента открытия в 1941 г. совершенно не ремонтировалась, штукатурка на наружных стенах обвалилась, крыша протекает, и здание церкви подвергается разрушению, а поэтому Райисполком вправе требовать, согласно договора, не только побелки церкви, но и полного ее ремонта, тем более это было перед Октябрьскими праздниками, когда все село районного центра готовилось к встрече 30-й годовщины Октября, все здания села ремонтировались, производилась побелка и т. д., а церковная община не желает производить не только ремонта церковного здания, но и его побелки, а по договору она обязана отремонтировать здание.

Непроизводство ремонта есть невыполнение 4-го пункта договора, а его невыполнение есть нарушение договора, что может повлечь за собой его расторжение.

В ответ на это Лука мне стал доказывать о бедности приходской общины данной церкви, что большинство сельских приходских общин настолько бедны, что средств для ремонта церквей не имеют, что священник и псаломщик Черноморской церкви голодают и приходская община средств для ремонта церкви не имеет.

На это я ему еще раз разъяснил о взятых на себя обязательствах верующими при заключении договора с Райисполкомом, в том числе и в отношении ремонта, что и должны выполнять, если желают иметь церковь. Райисполком вправе настаивать на выполнении договора, и с его стороны нет никаких незаконных требований.

После всего этого Лука заявил, что сегодня же пошлет Патриарху телеграмму, разъяснит последнему положение с состоянием церквей и их ремонтом и будет просить последнего оказать Крымской епархии помощь средствами для ремонта церквей.

В дальнейшей беседе Лука сказал, что подготовка псаломщиков, о которой он ходатайствовал ранее, проводится, занимаются периодически 6–7 человек, главным образом женщины, и что несколько таких подготовленных псаломщиков им направлены в приходские церкви.

Затем Лука сказал, что торжественный молебен в честь «30-й годовщины нового государственного строя» проведет 9 ноября, в воскресенье, о чем даст указание и по епархии. Далее рассказал о своей поездке по епархии, что побывал в нескольких приходских общинах для ознакомления с последними, а в Джанкойской церкви произнес большую проповедь о сектантах, как они возникли, их вреде и т. д., что на этой его проповеди было очень много народа. В общем беседа наша с ним продолжалась около 2-х часов.

31-го октября, примерно часов в 12 дня, Лука позвонил мне по телефону и сообщил, что он сегодня именинник — день его «Ангела», что у него на квартире собралось после торжественной службы духовенство для скромной «трапезы», что просит меня лично от себя и от собравшегося духовенства посетить его в этот для него

торжественный день, и если желаю посетить его, то он пришлет за мной машину.

Я ответил согласием. Вскоре он прислал за мной машину.

Когда я приехал к Луке, в его приемной сидело до 20 священников. О моем приезде было немедленно доложено Луке, пока снимал пальто и поздравлял священников с именинником, вышел из своих покоев последний и пригласил меня пройти к нему, где накрывался стол.

Пока готовился стол, Лука занимал меня разговорами. Рассказал о полученных им поздравительных телеграммах, около 100 штук, что таковые он получил и продолжает получать со всех концов Советского Союза. Затем стал показывать мне свои фотографические снимки, особенно снимки, когда с него скульптором делался бюст, и якобы уже отлитый из бронзы, и сказал, что вот этот его бюст будет выставлен в Доме Ученых в Москве в числе великих хирургов[32]. Рассказал, что о нем говорят и пишут во всех странах мира, что такой авторитет ему создан Советским правительством и тов. Сталиным, благодаря которому о нем знают не только во всех концах Советского Союза, но и во многих странах за границей, что о нем пишут и им интересуются, и тут же подчеркнул — а вот здесь, в Крыму, ему не разрешают читать лекции на медицинские темы в архиерейской рясе.

Когда был приготовлен стол, прежде чем за него сесть, всеми присутствовавшими священниками хором было совершено молебствие и пропето о здравии и многолетии Патриарха, Луки, Правительства, Вождя, воинства и Родины.

Когда сели за стол, я поздравил Луку с торжественным для него и крымского духовенства днем — днем его именин и пожелал ему здоровья и многих лет жизни.

Лука в ответном слове в моем лице, как представляющего здесь, на месте, государственную власть (как он выразился), пожелал правительству и тов. Сталину здоровья и многих лет жизни.

Посидев за столом минут 15–20, сославшись на занятость по работе, извинившись, попрощавшись с Лукой и всеми присутствовавшими, я удалился. <...>

Положение и деятельность церкви

в) Учебных духовных заведений в Крымской епархии — нет.

г) Обращений с посланиями епархиального архиерея архиепископа Луки к верующим в отчетном квартале — не было. Да и вообще он с письменными посланиями не выступает. Более того, получаемые им послания Патриарха его канцелярия рассылает приходским священникам без какого-либо препроводительного письма Луки. В результате чего многие священники, получив эти послания, ограничиваются только тем, что сами прочтут, да и то не всегда, и верующим их объявляют.

Лука ограничивается только своими проповедями в кафедральном соборе и при выезде в приходские церкви, а проповедей он говорит много, почти что при каждой службе в кафедральном соборе, а служит очень часто. Как-то в беседе с ним был затронут вопрос по одному из журналов «Московской Патриархии», где было сказано, что митрополит Николай выступает с речами, словами и т. п. не менее 200 раз в год, Лука на это заметил, что там 200, он выступает с проповедями не менее 300 раз в год и на различные темы.

д) Отношение верующих к духовенству.

В основной своей массе крымское духовенство пользуется авторитетом среди верующих. В отчетном квартале каких-либо высказываний со стороны верующих по отношению духовенства не отмечалось.

О безавторитетности ряда священников из-за их церковной малограмотности и старческой дряхлости мною сообщалось в предыдущем информационном докладе.

Одного из них по этим причинам, священника Алексапольского, старика 84 лет, архиепископ Лука уволил за штат. <...>

Состояние религиозности

е) Выезды архиепископа Луки по приходам.

Лука в отчетном квартале посетил 9 приходов:

1) Покровской церкви села Войково и

2) Предтеченской церкви села Учвели-Орка Первомайского р-на.

3) Петропавловской церкви села Магазинка Красноперекопского района.

4) Покровской церкви гор. Джанкоя, где был в отчетном квартале дважды.

5) Казанской церкви села Красногвардейское Красногвардейского района.

6) Преображенской церкви села Октябрьское того же района.

7) Покровского собора и

8) Кладбищенской церкви г. Севастополя.

9) Казанского собора гор. Феодосии.

Первые шесть приходов Лука объехал в течение 3-х дней 6–8/X; как правило, о своем приезде Лука предупреждал приходских священников телеграммой.

При его приездах в церквах уже ожидали: в селе Войково — до 100 чел., в Магазинке — чел. 60, в Джанкое — до 200 чел., в Красногвардейском — до 100 чел. и в селе Октябрьском — до 50 чел., в Учвели-Орка при его встрече никого не было, так как не была получена телеграмма.

При этой поездке нигде он не служил, но везде произносил проповеди, более о сектах и сектантах разъяснял, что разные секты появились из лютеранства, о их вреде и т. д., при этой его поездке были случаи и приема им больных в Айбарах и в Магазинке.

Сам Лука о своей этой поездке отзывался так, что верующие, особенно приходских общин в селах Айбары и Магазинка, были очень рады его приезду, так как там никогда не был «архиерей».

Вторично выезжал в гор. Джанкой на 14/X по приглашению приходской общины Покровской церкви на их престольный праздник «Покрова», где совершил свою

Казанский собор
г. Феодосия

архиерейскую службу, выезжал со всем своим причтом: диаконом, иподиаконом и мальчиками.

Присутствовало в церкви при его службах 13/X накануне «Покрова» до 500 чел. 14/X утром, во время его службы, несмотря на то что день был рабочий, побывало в церкви до 800 чел., заходило много молодежи из любопытства послушать, как служит архиерей.

После службы Лука произнес проповедь «О смирении и любви к ближнему».

4/XI Лука выезжал в г. Феодосию по приглашению приходской общины Казанского собора в их престольный праздник для совершения там службы. Затем 30/XI он выезжал в г. Севастополь по приглашению приходской общины Покровского собора.

О результатах этих его поездок пока данными не располагаю. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов.

Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 117—178.

№ 24
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

3 января 1948 г.

<...> В процессе разработки архиепископа Крымского Луки за отчетный месяц от агентуры получены следующие данные:

26 ноября 1947 года, после опубликования Указа Верховного Совета в отношении отмены привилегий за правительственные награды — ордена, архиепископ Лука в беседе со священником Афанасьевым заявил:

«Этот Указ будет кое-кому не по нутру. Кое-кто из награжденных не будет симпатизировать Советской власти».

15 декабря 1947 года Лука, прослушав передачу по радио о денежной реформе в Советском Союзе, в беседе с агентом «Вологодским», называя это мероприятие «дьявольской выдумкой», заявил:

«Вот видите, Сталинские премии оказались мыльными пузырями. Это называется благодарность за мой долголетний труд. После этого вряд ли кто будет доверять правительству. Все постараются изъять из сберкасс свои сбережения. Отлив средств, безусловно, будет большим. А какой теперь дурак будет подписываться на заем или покупать его? Сплошная ложь.

В общем, правители доводят народ до нищенского состояния. Вы думаете, об этом не знают за границей? Все прекрасно знают.

Удивительно только, как они смело действуют. Очевидно, наше правительство пошло «ва-банк». Но это хорошо, чем хуже, тем лучше. Они сами обостряют обстановку, и это может закончиться печально».

Как выяснилось, свои настроения Лука высказывает в связи с тем, что своему сыну Валентину, проживающему в г. Одессе, он перевел 25 тысяч рублей и тот всю сумму наличными взял из банка до объявления постановления о денежной реформе.

В тот же день Лука при возвращении со священником Афанасьевым из церкви домой в разговоре относительно денежной реформы и отмены карточной системы очень сожалел о том, что у него пропало много денег, и, обращаясь к Афанасьеву, сказал: «Отдать деньги нищим?»

Афанасьев ответил: «Все равно у них пропадут».

Лука: «Неужели они и нищих будут грабить, неужели они и нищим не обменяют сполна?»

Афанасьев: «Что им, для них разницы нет, кто бы ни был».

Лука: «Неужели и лауреатам Сталинской премии никакой привилегии не будет?»

Афанасьев: «Наверное, для всех у них закон один».

Лука: «Вот грабители».

20 декабря 1947 года в канцелярии епархии в присутствии сотрудников канцелярии Лука, касаясь денежной реформы, заявил:

«Из Америки по радио передают, что такой девальвации, какая проведена у нас, история еще не знает, и обмен денег один в десять является неслыханным ущемлением интересов народа.

Вот как реагируют на это другие страны, и это совершенно верно».

17 декабря 1947 года, примерно в 15 часов, Лука принес в канцелярию две газеты «Правда» и, передавая их, обратился к присутствующим источнику и Милославову:

«Вы читаете газеты?»

«Да, безусловно. А в чем дело?» — спросил источник.

«В сегодняшнем номере газеты отпечатано о каком-то срыве лондонской сессии», — заметил Милославов. «Да, именно. Лондонская сессия закончила свою работу безрезультатно!» — ответил Лука.

«А Вы не находите, что это обстоятельство очень серьезное?» — спросил источник.

«Я считаю, что срыв работы сессии в Лондоне является результатом провала нашей политики. Это начало катастрофы! Совершенно очевидно, что война неизбежна. Так, собственно говоря, и должно быть!» — ответил Лука.

18 декабря 1947 года Лука, примерно в 13 часов, пришел в канцелярию и в присутствии Милославова, Рахманова, Афанасьева и Лейкфельд начал разговор относительно печатания своих проповедей.

«Отец Владимир (Соколов) будет печатать мои проповеди на машинке, и моя просьба обеспечить его писчей бумагой», — сказал Лука.

«С бумагой в данное время создалось несколько затруднительное положение, но надо как-нибудь постараться, — сказал источник и одновременно спросил: — А нельзя ли, владыко, поставить вопрос об отпечатывании Ваших проповедей типографским способом?»

«В условиях свободы печати у нас это совершенно невозможно, — со смехом ответил Лука. — Мои проповеди печатать не будут, это очень сложно при существующей цензуре. Будучи еще в Тамбове, я как-то в Москве говорил на эту тему с Карповым, и он мне буквально сказал следующее: "Одно дело, когда Вы говорите свои проповеди среди прихожан в пределах храма, но когда эти проповеди делаются достоянием всех, это уже будет носить другой характер. Вы сами должны это понимать".

Вот что сказал мне Карпов, и это совершенно верно. Проповеди митрополита Николая печатаются и издают только потому, что во всех его проповедях он примиренчески относится к власти, а я в своих проповедях ругаю их и говорю правду про безбожников.

Следовательно, мои проповеди не понравятся власти и не могут поэтому печататься.

В советской Конституции записано о разрешении антирелигиозной пропаганды, а о разрешении религиозной пропаганды ничего не сказано», — сказал Лука.

«Но самый факт открытия церквей разве не является разрешением вести религиозную пропаганду?» — спросил Афанасьев.

«Конечно, нет! Открытие церквей является вынужденным для Советской власти мероприятием. Это сделано под влиянием и настойчивым требованием со стороны

Америки в период войны, из политических соображений», — ответил Лука.

Разработку Луки и его связей продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: И. о. нач. отдела «О» УМГБ Крыма
капитан Сербин
3 января 1948 г.
№ 1/6/9
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 5. Л. 231–235.

№ 25
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

3 февраля 1948 г.

<...> По разработке архиепископа Крымского Луки за отчетный период от нашей агентуры поступили следующие данные:

30 января 1948 года Лука выезжал в г. Севастополь, где после службы в соборе выступил с проповедью, в которой призывал верующих воспитывать детей в религиозном духе. Требовал, чтобы родители запрещали своим детям ходить в кино, театры и другие культурно-просветительные учреждения.

В начале января месяца этого года редакция журнала «Московская Патриархия» возвратила Луке написанную им статью «К миру призвал нас Господь» и просила подтвердить его согласие на печатание этой статьи в новой редакции, одновременно редакция сообщила о том, что вторая его статья «О милосердном самарянине» изучается и о ее напечатании будет решено особо.

По этому поводу Лука нашей агентуре высказывал:

«Моя вторая статья "О бедном самарянине" одна из лучших статей, и я бы хотел, чтобы именно она была напечатана. А первую статью можно было бы даже не печатать. Так вот, видите ли, первая статья редакции понравилась, так как в ней поются дифирамбы правительству, а вторая статья, очевидно, забракована, и понятно почему. Если вы помните, в статье "О милосердном самарянине" я написал, что мы, верующие, не пойдем по "их" пути, так как у нас своя дорога и свои стремления. Вот это им не нравится. А иначе я сказать не могу. Вот видите, как "они" не любят правды, а еще говорят о свободе печати, которая якобы существует в советской стране. Им надо, чтобы подхалимничать, писать только то, что им нравится, а я этого не могу и не буду делать.

В ответ редакции я хочу написать, что я, мол, согласен на печатание первой статьи, "К миру призвал нас Господь", только при условии, если будет напечатана и вторая статья без каких-либо изменений.

Вот я им и дам почувствовать. Интересно, как они будут реагировать на это».

8 января 1948 года в г. Симферополе Лука выступал в соборе с проповедью, в которой указал:

«Политического мира на земле никогда не будет, напротив, перед кончиной мира больше будет распрей между людьми: восстанет народ на народ, будет голод, страдание, огонь, меч, настанет тогда конец мира».

18 апреля сего года Лука на имя Патриарха Алексия отправил рапорт, в котором изложил о «бедственном» положении крымских приходов, что причиной этому якобы является «принуждение» исполнять колхозные работы в праздничные-церковные дни. Копия рапорта при этом прилагается.

По поводу указанного рапорта Лука нашей агентуре заявил:

«Я уверен, что Патриарх на мой рапорт не ответит. Для того чтобы добиться какого-либо принципиального

решения в правительстве по тем мероприятиям, которые я выдвинул в своем рапорте, необходима настойчивость со стороны Патриарха, но, к сожалению, наш Патриарх совершенно обезличен и находится на поводу у правительства, и все вопросы решает Карпов.

Патриарху живется хорошо, и он не станет портить отношения с правительством, Патриарх действует, как ему диктует правительство. Возьмите, как пример, наш журнал, издаваемый Московской Патриархией, он носит тенденциозный характер, все статьи пишутся в угоду правительству, и журнал ничего актуального — церковного — не имеет, так как выхолощен под контролем Карпова по политическим соображениям.

Если бы Патриарх Алексий был действительно самостоятельным главой церкви, ни от кого не зависимый и ни перед кем не подхалимничал, то он мог бы со всей резкостью поставить вопрос перед правительством и добиться решительных изменений в церковной жизни, — но этого нет и не будет.

Все зависит от общества — положения в нашей стране, и основной причиной разрухи церковной жизни является обнищание народа.

А вы думаете, только в нашей церковной жизни получается такая разруха? Эта разруха везде и всюду».

23 января сего года Лука в своей проповеди, произнесенной им в кафедральном соборе, сказал:

«Гордые и надменные люди, ищущие власти, презирают и топчут нищих и бедных и ценой алчности, власти, даже ценой подкупов, насилия и крови добиваются этого.

Эти гордые люди ищут славы у тех же, кого попирают, кого насилуют. Эти властелины мира теряют много сил, труда, много делают плохих дел, чтобы добиться высоты и первенства среди той же толпы. Больших трудов гордым надо, чтобы получить славу, величие.

Гордые властелины мира не могут быть рабами и слугой у нищих, сирот, неимущих. Только смиренные духом,

непротивляющиеся злому и гордому, возвысятся перед Богом и удостоятся славы вечной и Царствия Бога. Смирение, покорность, незлобие, терпение и вера — вот отличительная черта их.

Среди вас много-много нищих, сирот, бедных, обиженных. Это старухи, старики, и нищие, и больные, и — Бог около вас, среди вас и с вами.

Есть два пути перед вами: путь гордых, власть имущих, и путь смирения, покорности, любви и всепрощения. Идите по этому пути и удостойтесь славы Бога».

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко
3 февраля 1948 г.
№ 1/6/227
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 1. Л. 51–54.

№ 26
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

3 марта 1948 г.

<...> В процессе дальнейшей разработки архиепископа Крымского Луки в отчетном месяце от агентуры получены следующие данные:

1 февраля 1948 года Лука в кафедральном соборе гор. Симферополя прочел проповедь на тему «О премудрости», в которой заявил:

«О какой премудрости говорится в Писании? Мудрость бывает ученая, философская, политическая. Этой мудростью руководствуются при насилиях, обмане, при

политических делах. В этой светской мудрости много лжи, обмана. Много у этих людей гордости, тщеславия, пороков разных.

Многие учения и философские мудрости, мудрости науки через некоторое время отмирают, отходят в сторону как ненужные. Имеются в психологии такие истины мудрости, которые совсем не признаются.

Не верьте в эту болтологию. В этом обман мудрых людей. Злые люди руководят этой мудростью. Эта мудрость от сатаны и диавола. Эта же мудрость родила атомную бомбу. На людях ученых, которые создали атомную бомбу, лежит печать сатаны и диавола.

Современные технические достижения, успехи мудрости людей частично направлены на благо народа, а часть против блага. Поэтому одни достижения науки от Бога, а другие от дьявола.

Вам, верующим, надо быть мудрыми для Бога. Надо знать не внешнюю, а душевную психологию. Эту душевную психологию хорошо знали святые Анатолий Великий[33], Савва и другие.

Ученая мудрость, философия руководствуется чувством-сердцем. Иногда сердце подсказывает — что хорошо, что плохо. Значит, рассудок руководствуется чувствами — сердцем.

Простые, неграмотные, смиренные бывают лучше, мудрее грамотных ученых.

Хорошо писал ученый французский Паскаль[34], когда говорит о религии. Паскаль был премудрый».

18 февраля 1948 года Лука направил Патриарху Алексию письмо, в котором изложил о «бедственном» состоянии крымских церквей и одновременно клевещет на якобы тяжелое положение с продовольствием в Крыму.

Лука, будучи недовольным на ряд священников, носящих светскую одежду и посещающих парикмахерские, 22 февраля с. г. написал по этому поводу Патриарху Алексию письмо, в котором настаивает, чтобы Алексий принял соответствующие меры.

Разработку Луки и его связей продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Марсельский
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ Крыма
майор Клименко
3 марта 1948 г.
№ 1/6/641
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 1. Л. 183–184.

№ 27
Письмо уполномоченного заместителю председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР тов. Бельшеву с информацией о беседах с партийным руководством Крымской области

4 марта 1948 г.
На № 111/с от 25 февраля 1948 г.

Секретарями Крымского обкома ВКП (б) за 1947 г. я был принят первым секретарем тов. Соловьевым Н. В. — 2 раза.

Вторым секретарем тов. Никаноровым В. И. — 1 раз.

Секретарем по пропаганде тов. Чурсиным П. А. — 4 раза.

Первый прием состоялся 3 марта 1947 г. у секретаря по пропаганде тов. Чурсина по моей инициативе. Ознакомил его с состоянием и движением религиозности, о количестве действующих церквей по области, о составе духовенства и другими вопросами. Затем ознакомил его с правительственными постановлениями в отношении Русской Православной Церкви и указаниями Совета и др.

Тов. Чурсин, в свою очередь, ознакомил меня с письмом Бахчисарайского райкома партии, в котором сообщалось, что прибывший в Бахчисарай священник Ливанов пользуется среди верующего населения гор. Бахчисарая большим авторитетом, привлекает в церковь молодежь, которая посещает не только церковь, но и его квартиру. Тов. Чурсин спросил, нет ли у меня на сей счет каких-либо указаний. Я заметил, [что] указаний не имею, но отделу агитации и пропаганды райкома в Бахчисарае следует усилить воспитательную работу и меры убеждения, особенно среди молодежи, так как административным путем что-либо предпринимать нельзя.

В заключение беседы тов. Чурсин просил держать его в курсе всей церковной жизни в области, представлять ему копии информационных отчетов и знакомить его с получаемыми указаниями и директивами Совета.

Второй прием состоялся 10 апреля 1947 г. тоже у тов. Чурсина, передал ему копию информационного отчета за 1-й квартал 1947 г. Сообщил ему о вызове меня в Москву в Совет с докладом. Ознакомил с полученными за последнее время инструктивными указаниями Совета. Тов. Чурсин просил после приезда из Москвы зайти к нему и его проинформировать. Затем побеседовали по ряду вопросов церковной жизни. Спросил об архиепископе Луке, освобождена ли его квартира от посторонних лиц, и ряд других вопросов, имеются ли сейчас обновленцы и что стало с Введенским, что когда-то он выступал оппонентом в дискуссии с ним, имеются ли Тихоновцы. Когда я заметил, что настоящая патриаршая церковь — это и есть Тихоновская, тов. Чурсин возразил, что Тихоновская была враждебна к Советской власти, на мое замечание, что Тихон в 1923 г. писал о лояльности духовенства к Советской власти, а в 1925 г. перед смертью в своем завещании призывал духовенство и верующих о полном признании Советской власти и т. д., тов. Чурсин сказал, что этого он не знал.

Третий прием состоялся 24 апреля 1947 г. тоже у тов. Чурсина, которого я информировал о своей поезд-

ке в Москву с докладом в Совете. Тов. Чурсина интересовало, каково мнение в Совете о Луке, о его медицинской деятельности, как смотрят на то, что он читает лекции и делает доклады по вопросам хирургии в своей архиерейской одежде. Рекомендовал мне запросить на сей счет мнение тов. Карпова, а он запросит об этом в ЦК партии, и что уже обком партии дал указание не допускать Луку делать доклады или читать лекции в своей священнической одежде. В заключение беседы тов. Чурсин просил информировать его обо всем, что заслуживает внимания обкома из церковной жизни, и заметил, что мои информационные отчеты он использует при проведении совещаний пропагандистов.

30 мая 1947 г. был принят первым секретарем обкома ВКП (б) тов. Соловьевым, по его приглашению. Первыми вопросами его были: плохо знаю, что делается среди духовенства. Например: подписка на заем не проводилась, пока я не напомнил об этом Луке, что Лука зарывается, работает против нас, церкви посещают много студентов мединститута, что он имеет свою агентуру в учебных заведениях, морально действует на население и т. д. Выслушав тов. Соловьева, я ему разъяснил, что в отношении подписки на заем среди духовенства и верующих действительно до моей беседы с Лукой, по сути дела, таковая не проводилась, но я никаких указаний на сей счет давать не мог. И только при встрече с Лукой, в беседе, между прочим спросил у него, как проходит по церквям подписка на заем. Лука ответил незнанием и сказал, хорошо, что я ему напомнил, и он даст указания настоятелям.

Что касается его деятельности как архиепископа, я ему зарываться не даю и нарушать советские законы не допускаю. В отношении же его медицинской деятельности, то в эту отрасль работы я вмешиваться не могу, а в отношении того, что он читает лекции и доклады на медицинские темы в поповской рясе, то это дело медицинских работников не приглашать его для этой цели, а в отношении того, что он много привлекает верующих и молодежи, то, видимо, слабо поставлена партийными

и советскими органами воспитательная работа, которую надо усилить.

В заключение беседы тов. Соловьев предложил мне держать его в курсе церковной деятельности в области. На мое замечание, что до сих пор мною аккуратно информировался тов. Чурсин, тов. Соловьев сказал, это хорошо, если знает Чурсин, будет знать и он, но иногда информировать и его.

После этого информационные отчеты посылаю на имя тов. Соловьева.

21 ноября 1947 г. был принят тов. Соловьевым, ознакомил его с инструктивным письмом Совета № 25. Тов. Соловьев внимательно его прочитал, спросил, каково состояние у нас в Крыму, нет ли таких явлений, как отмечено в письме. В ответ на это я его ознакомил с содержанием письма Совета по моему информационному отчету за 3-й квартал, в котором сказано, что никаких замечаний по отчету со стороны Совета не имеется.

Затем познакомил его с письмом Совета, планом и программой предстоящего семинара уполномоченных. На это тов. Соловьев заметил: «Хорошо, езжайте, учитесь». Спросил, как чувствует себя Лука, я сказал, обижается, всем говорит, всюду пишет, что ему не разрешают читать лекции и делать доклады по вопросам хирургии в архиерейской рясе, тогда как его бюст выставлен в Доме ученых тоже в рясе.

Тов. Соловьев на это заметил: пусть обижается и пишет, а разрешить ему выступать с докладами и лекциями в рясе не можем и не разрешим.

Затем тов. Соловьев предложил мне с данным инструктивным письмом Совета № 25 ознакомить всех секретарей обкома.

В тот же день с ним были ознакомлены второй секретарь тов. Никаноров и секретарь по пропаганде тов. Чурсин.

Информационные отчеты и доклады о своей работе и положении церкви в обком ВКП (б) мною посылаются аккуратно, вначале посылал на имя секретаря по пропаганде, сейчас на имя первого секретаря.

По информационным отчетам в 1947 г. дважды беседовал с зав. сектором информации обкома тов. Дементьевой.

На бюро обкома или на совещаниях в отделах обкома о моей работе вопросов не обсуждалось.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–4.

№ 28

Из информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1948 года

2 апреля 1948 г.

<...> Из 11 священников, посвященных в сан после 1945 г., 10 посвящены архиепископом Лукой. 20 священников подвергалось в свое время репрессиям или были судимы.

Отношение архиепископа Луки к этой категории священников и к посвященным им лично более благожелательное, предоставляет им лучшие приходы, не подвергает их частым перебросам из одного прихода в другой. Особенно это заметно по отношению к подвергавшимся репрессиям, как «страдавшим за православную веру». <...>

Прием посетителей

Посетители обращались по вопросам: 1) архиепископ Лука при первом посещении 16 января с/г, по приглашению, при беседе с ним мною было обращено его внимание на ряд имевшихся нарушений со стороны духовенства установленных правил о порядке регистрации духовенства, как-то:

а) Перемещаемые им священники из одного прихода в другой выезжают к новому месту служения, не пройдя

у меня необходимой регистрации (Крашановский, Лобов и др.), что об этих перемещениях узнаю не от него или его канцелярии, а случайно.

б) Уволенные за штат священники и мною снятые с регистрации продолжают совершать церковные службы (Алексапольский).

в) Уволенный им священник с правом выезда из Крымской епархии (Туманов) выехал, не сдав регистрационной справки, и что об этом мне сообщается только через два месяца.

г) О неправильной информации его рядом священников (Левицкий, Поветкин), которыми он был введен в заблуждение, что я якобы Левицкому отказал в выдаче регистрационной справки к Кладбищенской церкви гор. Севастополя, а Поветкину — к Ялтинскому собору, чего на самом деле не было.

д) Затем по его письму в Совет, что я якобы провожу ревизии финансовой деятельности церквей и требую предоставления различных сведений от священников. Заметил Луке, что никаких ревизий не проводил и не провожу и сведений не требую. Если же об этом говорили ему священники, то говорили неправду и вводили его в заблуждение.

е) Далее обратил его внимание на то, чтобы он не обращался непосредственно в советские органы помимо меня с теми или другими ходатайствами или заявлениями по церковным вопросам.

Все это мною было ему сказано вежливо и тактично.

В ответ на мои замечания Лука во всем обвинил своего секретаря протоиерея Милославова, что он, как архиерей, дает указания, а Милославов, как его секретарь, обязан был все эти вопросы ставить на мое разрешение и меня информировать. Лука, со своей стороны, заявил мне, что нотариус отказывается заверить его доверенность, даваемую им протоиерею Милославову по проведению всех денежных операций с Госбанком, и просил меня подтвердить правильность даваемой им доверенности. Я при нем же позвонил зам. начальника областного управления

Министерства юстиции, попросил последнего проверить, почему нотариус не заверяет доверенности. На следующий день доверенность была заверена.

Затем Лука рассказал о своих личных нуждах, что ему по состоянию болезни глаз нужно жить в Одессе и постоянно находиться под наблюдением профессора Филатова, а поэтому он еще два года тому назад просил Патриарха перевести его в Одессу.

Теперь ему стало известно, что в Одессу переведен архиепископ Орловский Фотий, обновленец[35], а его Патриарх не перевел, и сказал: «Видимо, какая-то причина не дает возможности Патриарху перевести меня в Одессу».

При уходе Лука заявил, что в связи с денежной реформой он потерял 38 тыс. руб.

Беседа продолжалась более часа.

Цель второго посещения, 2-го марта, Лукою меня была та, чтобы я оказал содействие в удалении из Александро-Невской церкви раб. пос. Советский Советского р-на церковного старосту Терно, которого он уволил с должности старосты и отлучил от церкви, но последний не желает оставлять церковь, не сдает ни ключей, ни своих обязанностей, и что ему никто не хочет оказать содействие избавиться от Терно.

На это я Луке ответил, что в данном случае происходит конфликт в самой приходской общине, это дело внутрицерковное, никто в него вмешиваться не имеет права, и я дать указание о применении административных мер к Терно не имею права (о чем настаивал Лука).

Затем Лука сказал, что он по этому случаю написал на меня жалобу в Совет и спросил, не получал ли я каких-либо указаний из Совета. Ответил ему, что не получал.

Далее беседа перешла в отношении здания, занимаемого Владимирской церковью в гор. Симферополе (в Бахчи-Эли), в котором до немецкой оккупации был клуб. Луке я сообщил, что имеются ходатайства местного населения об освобождении его приходской общиной для использования его по прямому назначению, как клуба, и заметил, что приходской общине следует подыскивать

себе другое помещение под молитвенный дом, а занимаемое придется затем освободить.

Лука на это спросил, что это, постановка вопроса о закрытии церкви? На это я ему ответил, что никакого разговора о закрытии церкви не идет и так вопрос не ставится, а стоит вопрос только об освобождении клубного здания, в котором никогда церковь не была. Организации, которым до войны принадлежало это здание, и население вправе и на законном основании требуют его возврата как клуба, а общине предоставляется право, тоже законное, найти себе другое помещение.

Лука на это заявил, что по каноническим правилам то место, где находился престол, должно быть огорожено и поставлен крест, а поэтому клуб в нем не может быть, если будет клуб, то на этом месте, где был престол, будут танцевать, а это недопустимо по каноническим правилам. На мое замечание, почему же тогда устраивали церкви в клубах, если по каноническим правилам это недопустимо, Лука на это ответил: «Это было при немцах, а при них устраивали церкви и в свинарниках».

Далее Лука сказал, тогда придется освобождать и молитвенный дом в дер. Рассвет Симферопольского р-на, который находится в доме, принадлежавшем еврею, последний приехал и требует его освобождения. На это я ему ответил, раз нашелся хозяин дома и требует его освобождения, видимо, придется его освободить.

В заключение беседы я спросил Луку, что в протоколе собрания благочинных, проходившего под его председательством 18/II с/г, записан пункт: «Поставить в известность уполномоченного по делам Русской Православной Церкви о неправильных действиях сельских властей на местах и просить его принять соответствующие меры». О каких неправильных действиях местных сельских властей сказано и в чем должно быть мое содействие, так как в протоколе никаких фактов не приводится.

Лука на это ответил, фактов у него пока нет, но он дал указание благочинным собрать материал о неправильных действиях на местах представителей власти по

отношению к церкви, и когда этот материал он соберет, тогда обо всем сообщит мне.

Эта беседа продолжалась минут 40.

Третье посещение Луки было 25 марта, чтобы я оказал ему содействие в получении пропуска для поездки в Севастополь. Причину поездки объяснил следующим: в Севастополе прихожане Покровского собора разделились на две группы, одна из них просит возвратить обратно в Севастополь священника Борзаковского, которого он перевел в другой приход, и нелестно отзывается о Крашановском, другая группа расхваливает Крашановского и просит не возвращать Борзаковского обратно, поэтому он решил поехать сам и на месте разобраться во всем этом, а поэтому просит оказать ему содействие в получении пропуска не позднее следующего дня.

Содействие мною было оказано, и на следующий день пропуск ему был выдан. Но в Севастополь Лука не поехал, как мне потом сообщили, надобность в его поездке отпала, так как Борзаковский отказался возвратиться в Севастополь. <...>

7) Гр-н Пекло Серафим 6 января с/г обратился ко мне по предложению архиепископа Луки с заявлением (устным), чтобы я помог ему получить его священнические документы из МВД, изъятые у него в 1945 г. при его аресте в Кировской области.

Он, как бывший иеромонах, обратился к архиепископу Луке, с тем чтобы последний восстановил его в священническом сане и дал место священника. Но Лука не верит без документов, что он бывший священник, а потому направил его ко мне, с тем чтобы я разыскал его документы.

Я гр-ну Пекло объяснил, что разыскивать его священнические документы, хотя бы и по просьбе архиепископа, не могу, да это и не входит в мои обязанности, и дал понять, что если они нужны архиепископу, пусть он сам их и разыскивает.

Затем Пекло Лукой был принят священником и без документов.

8) Настоятель Ялтинского собора Углянский и церковный староста того же собора Сысоев при посещении меня 24 февраля обратились с жалобой (устной) на архиепископа Луку о том, что последний обязывает в Ялтинском соборе совершать ежедневно церковные службы и храм держать постоянно открытым, в связи с чем собор несет большие расходы, а дохода никакого, потому что часто приходится служить пустому храму или бывают 2–3 старушки. Особенно в такие дни, как понедельник и вторник, в храме совершенно никто не бывает.

Углянский далее сказал, что он говорил архиепископу о нецелесообразности совершения в эти дни служб, потому что никто в храме не бывает. Лука на это ему ответил: «Вы служите не кому-то, а Богу» — и обязал ежедневно утром и вечером служить.

Далее Углянский добавил, если «владыка» что-либо решил, то его не разубедишь, прав он или неправ, но поставит на своем, и вот не могу ли я помочь им убедить архиепископа отменить свое распоряжение о проведении ежедневных служб в соборе.

Углянскому и Сысоеву я сказал, ничем вам помочь не могу, это ваше внутрицерковное дело, и постарайтесь сами доказать архиепископу о нецелесообразности проведения ежедневных служб.

9) Священник Алуштинской церкви Клягин Порфирий обратился с заявлением, чтобы я дал указание Алуштинскому Горторготделу об отпуске церкви ежемесячно муки по 10 кг для выпечки просфор в связи с отсутствием таковой в продаже на рынке. Рекомендовал Клягину обратиться с таковым ходатайством через архиепископа.

10) Священник Покровской церкви гор. Судак Иванов Михаил мне пожаловался на главврача Судакской больницы Дановича по такому случаю: в больнице лежала девушка рождения 1923 г. — Калашникова Мария, больная туберкулезом, которая перед смертью просила мать привести к ней священника, чтобы последний ее причастил. Когда мать обратилась к главврачу Дановичу с просьбой разрешить пригласить к умирающей дочери

Покровский храм
г. Судак

священника, последний не разрешил и, более того, накричал и выругал мать, заявив, что если хотите, чтобы ее причащал священник, то забирайте ее домой, а в больницу священника приглашать нельзя. Но домой больную везти было уже поздно, так она и умерла не причастившись. После смерти тело ее было доставлено в церковь. Самому мне с врачом Дановичем побеседовать не представилось возможным, но в беседе с секретарем Судакского райкома партии тов. Левиным проинформировал последнего о данном случае, разъяснил, что по просьбе умирающего может быть приглашен священник в больницу для совершения религиозного обряда, но что этот обряд должен быть совершен в отдельном изолированном помещении, а не в общей палате.

Тов. Левин сказал, что этот порядок ему известен и он поговорит на сей счет с врачом Дановичем — последний кандидат партии. Затем я его проинформировал о случаях крещения детей коммунистами. Тов. Левин сказал, что райкому об этих случаях известно и коммунисты понесли соответствующее взыскание. <...>

2) Отношение верующих к духовенству.

В основной своей массе крымское духовенство среди верующих авторитетно. В отчетном квартале каких-либо

резких высказываний по отношению священников, за исключением двух случаев, отмечать не приходилось, а эти два случая следующие:

1) Настоятель Александро-Невского молитвенного дома раб. пос. Советский Советского р-на Попов Петр, он же благочинный, в связи с увольнением церковного старосты Терно совершенно потерял авторитет у верующих в приходе, а поэтому Лука решил его перебросить в другой приход.

2) Настоятель Кладбищенской церкви гор. Севастополя Левицкий Евтихий потерял авторитет у верующих после того, как последним стало известно, что Левицкий во время проведения церковных служб в алтаре исправляет некоторые свои естественные нужды, в результате чего ряд верующих перестали ходить в Кладбищенскую церковь и переключились в Покровский собор.

3) Отношение священников и церковного актива к управляющему епархией архиепископу Луке.

Отношение к архиепископу Луке со стороны значительной части священников отрицательное, потому что многие из них не чувствуют себя твердо на месте, так как Лука часто их перебрасывает из одного прихода в другой. Как он говорит, «в целях оздоровления приходов и исправления священников».

За отчетный квартал он переместил 20 чел., или 30% всего состава духовенства, что можно наглядно проследить по одной только Благовещенской церкви гор. Симферополя.

2 января с/г настоятеля церкви протоиерея Крашановского перевел в Севастополь.

В тот же день, 2/I, назначил настоятелем этой церкви второго священника Покровской церкви гор. Симферополя архимандрита Тихона Богославца.

4/I принят в эту церковь заштатный диакон Гречаный Григорий.

10/I назначен настоятелем этой церкви вновь принятый священник Дубровин, Богославец перемещен вторым священником в этой же церкви.

30/I настоятелем церкви назначен вновь принятый священник Голубятников, Дубровин перемещен вторым священником, а Богославец возвращен обратно в Покровскую церковь.

6/II диакон Гречаный уволен за штат.

27/II Гречаный принят обратно диаконом и назначен таковым в Алуштинскую церковь.

5/III Дубровин перемещен вторым священником в Кладбищенскую церковь гор. Симферополя.

Священник Судакской церкви Иванов Михаил рассказал такой случай, когда в прошлом году к нему приезжал Лука, последнему очень понравился имевшийся в Судакской церкви колокол (до 30 пудов), Лука пожелал его взять к себе в кафедральный собор и предложил Иванову отправить его в Симферополь. Когда последний стал возражать, ссылаясь на то, что колокол не хотят отдавать прихожане, да и местные власти протестуют, на это Лука пригрозил Иванову переводом в худший приход, а то и совсем лишением сана. Иванов после таких угроз решил больше не препятствовать, и колокол был перевезен в Симферополь.

Второй священник Евпаторийского собора Пекарчук Борис сильно недоволен архиепископом Лукой из-за перевода его из Кладбищенской церкви гор. Севастополя в Евпаторию, да еще вторым священником. По мнению Пекарчука, Лука его перевел за то, что он является советским священником, награжден медалью «За доблестный труд» и как якобы малограмотного (Пекарчук действительно стал священником в 1943 г., а в прошлом полотер), что этим Лука разбил ему всю жизнь. В Севастополе он имеет свой домик, где осталась семья, а в Евпатории приходится быть одному, там был настоятелем церкви и являлся сам себе хозяин, а в Евпатории он должен подчиняться Ливанову и делать то, что тот ему прикажет, а из доходов, что они ему с диаконом Гусаренко дадут, так как никогда при дележе кружки не присутствует.

Действительно, пришлось наблюдать, Ливанов, закончив торжественно службу, произнеся проповедь, важно

выходил из храма, а все остальное продолжал заканчивать Пекарчук, а 25/III Лука перевел его и из Евпатории в село Новоселовское того же р-на.

Со стороны церковного актива, как-то: церковных старост, казначеев, певчих и др. по отношению архиепископа имеют место высказывания не совсем лестного порядка за то, что последний в связи с уменьшающейся доходностью приходских церквей дал указание значительно сократить заработную плату служащим церквей, например, если церковный староста получал 600–700 руб. в месяц, то по его указанию не должен получать больше 200–300 руб., а главным образом, чтобы общины переходили на практику почетных старост и казначеев, т. е. чтобы последние работали бесплатно, но как бы ни были привязаны к церкви, бесплатно работать церковными старостами и казначеями желающих не оказывается, а отсюда частая их сменяемость.

Имеется только один почетный церковный староста — это Мария Павловна Чехова.

Сокращена зарплата и певчим, в связи с чем с их стороны также имеют место высказывания отрицательного порядка по отношению архиепископа. <...>

Посещаемость евпаторийских церквей по личному наблюдению 28 и 29/II представляется так.

В Николаевском соборе, где настоятелем является Ливанов (быв. артист), о котором я уже сообщал неоднократно, 28/II вечером было до 200 чел., из них мужчин 28 чел., остальные — женщины, детей не было.

29/II утром, в воскресенье, в соборе было 198 чел., из них мужчин 18 чел., детей школьного возраста — 11 чел.

В тот же день, в воскресенье вечером, было до 230 чел., на этот раз мужчин было больше человек — 40, детей школьного возраста — 8 чел. Были в храме и два офицера в форме, один в морской, в чине лейтенанта, другой — в армейской, в чине старшего лейтенанта, оба усердно выполняли все положенное молящимся, купили свечки, сами их поставили к иконе, крестились, становились на

колени и т. д. Было и 4 солдата, но, видимо, в порядке любопытства, постояли минут 20 и ушли.

Во время этой службы немало было и молодежи как среди мужчин, так и женщин, внимательно слушавших проповедь Ливанова.

В воскресенье 29/II Ливановым было совершено — 2 венчания и 8 крещений, самый маленький крестившийся был 2-х лет, затем двое детей 4–5 лет, трое 8–10 лет, один 13 лет и одна девушка 16 лет.

О том, что Ливанов сильный церковный проповедник и на свои проповеди привлекает народ, факт бесспорный, вся его деятельность направлена на расширение влияния церкви на население. Архиепископ Лука о нем отзывается как об одном из сильных проповедников и церковных деятелей, даже в своем годовом отчете Патриарху о Ливанове пишет так: «Господь послал новых деятелей на ниве Христовой, горящих духом, интеллигентных, один из которых уже прославился своими неустанными проповедями и энергичной церковной деятельностью».

Как-то в беседе с Ливановым его спросил: «Как будто бы, по каноническим правилам, лицо, посвящающее себя священнической деятельности, прежде чем стать священником, должен жениться, если он не монах и не вдовец, а вот вы стали священником неженатый». Ливанов на это рассказал следующее: он всю жизнь учился, окончил три института, поэтому не успел жениться. Когда принимал священнический сан, архиепископ Лука предложил ему жениться, а у него в Симферополе из знакомых женщин были только три его ученицы-студентки, из которых любая пошла бы за него замуж, но одна из них была уже замужем — Лука не разрешил на ней жениться. У второй отец был сектантом — Лука сказал, на ней тоже жениться нельзя. Третья учится в музыкальном училище, сам не пожелал срывать ее с учебы, поэтому и остался неженатым. Да, говорит, у него не было и нет никакого желания связывать себя женой, что он посвятил себя с 5 лет исканию правд и творчеств. Все

его мысли, как он живет, были посвящены вопросу искания правды, даже когда учился в институтах, всегда его приятелями были взрослые и пожилые люди, а не товарищи по учебе.

Затем рассказал, что он был в дружеских отношениях с Народными артистами Станиславским, Немирович-Данченко и другими, которые предсказывали ему большую будущность, и вот он ее нашел на поприще церковной деятельности. Хотя Ливанов прямо не высказывает, но из всего его поведения видна (остался неженатым) активная проповедническая деятельность и пр., [желание] добиться архиерейского сана.

Посещаемость Ильинской церкви гор. Евпатории незначительная. 29/II, в воскресенье, при личном наблюдении в церкви было 28 чел., из них мужчин — 3 старика, остальные женщины, большинство старушки. Многие прихожане этой церкви перешли в собор к Ливанову.

Посещаемость Покровской церкви гор. Судак незначительная, постоянных посетителей чел. 40–50. В воскресенье 7/II в церкви было 35 чел., из них женщин — 30 и мужчин — 5, основные посетители этой церкви — колхозники окружающих колхозов, местное население поселка Судак церковь посещает мало.

В день «Крещенья», 19 января, [на] «водосвятии» было до 200 чел., также большинство население колхозов.

В беседе с Ивановым последний рассказал, что местная интеллигенция — учителя посещают церковь очень редко, и если посещают, то стараются это делать, как он выразился, «нелегально», чтобы кто не увидел. Сельские учителя церковь посещают чаще, что были случаи крещения детей коммунистами, но кого — не сказал. Затем священник Иванов познакомил меня с письмом благочинного Потменского, которое привожу полностью, такого содержания:

«Его Высокопреосвященство Архиепископ Лука, учитывая создавшееся крайне неблагоприятное положение сельских церквей Крымской епархии, послал на имя

святейшего Патриарха Алексия рапорт, в котором сообщил, что по воскресным и даже праздничным дням храмы и молитвенные дома почти пустуют. Народ отвык от богослужений, и кое-как сохраняется лишь обрядоверие, о венчании браков, об отпевании умерших народ почти забыл, очень много некрещеных детей. А между тем, по общему мнению священников, никак нельзя говорить о потере веры в народе. Причина отчуждения людей от церкви, богослужения и проповедей лежит в том, что верующие лишены возможности посещать богослужения, ибо в воскресные дни и даже в великие праздники в часы богослужений их принуждают исполнять колхозные работы или отвлекают от церкви: привести скот для ветеринарного осмотра или устройством так называемых «воскресников». В этом, может быть, повинны местные сельские власти, если они поступают враждебно к религии и церкви, это бедственное положение может быть изменено только решительными мероприятиями центрального правительства».

Архиепископ Лука просил в своем рапорте Патриарха Алексия ходатайствовать перед правительством о том, чтобы оно предоставило верующим свободно посещать церкви в праздничные дни и чтобы местные власти умышленно не препятствовали верующим участвовать в богослужениях.

В ответ Патриарх Алексий прислал резолюцию, наложенную на этом рапорте: «1948 год 20/I. Печальное сообщение, но нам видно, на основании сообщений с мест, что это явление местное, и на месте же оно должно быть разрешено в благоприятном смысле путем сношения епархиального архиерея с уполномоченным Совета по Крымской Епархии».

Далее благочинный предлагает священнику, на основании распоряжения архиепископа, представить все имеющиеся факты, мешающие верующим посещать церковь.

Священник Иванов говорит, что у него нет никаких фактов, которые он мог бы сообщить архиепископу.

Если привести такие факты, что колхозникам не дают лошадей для поездки в церковь, это будет неубедительно, потому что и в самих колхозах недостаток лошадей для полевых работ, иногда в колхозах работают в воскресные дни — то же самое. А написать он что-то архиепископу должен, иначе он его обвинит в нежелании сослаться на местные власти в причинах малой посещаемости церкви верующими. <...>

к) О съезде благочинных.

18 февраля с/г архиепископ Лука созвал съезд благочинных специально по вопросу «Тяжелого финансового положения епархии и о мерах к поднятию посещаемости церквей». На съезде присутствовало 6 благочинных и 8 приходских священников.

Архиепископ Лука, говоря о тяжелом финансовом положении отдельных приходских церквей и о падении религиозности, выражающейся в малой посещаемости сельских церквей и малом количестве треб, которые объяснял недобросовестной деятельностью церковных старост, стремящихся к личной наживе и этим отталкивающих верующих, недостаточной активностью отдельных священников как руководителей приходов.

А более всего подчеркивал малую посещаемость сельских церквей тем, что якобы местные сельские власти заставляют население работать в праздничные дни и воскресные дни путем метода принуждения и запугивания. (Так записано в протоколе съезда.)

В принятом постановлении сказано: «Там, где наблюдается упадок религиозности, принять все зависящие от духовенства меры к воспитанию пасомых, объясняя сущность религии, смысл и значение обрядов и т. п.».

Иначе говоря, вести религиозную пропаганду среди населения, а о неправильных действиях сельских местных властей «поставить в известность Уполномоченного по делам Русской Православной Церкви и просить его принять соответствующие меры».

В результате этого решения Лукой было дано указание благочинным собрать факты о противодействиях местных властей к посещению церквей верующими. Содержание этого указания приведено на странице 30 в письме благочинного Потменского приходским священникам.

27 марта с/г Лука прислал мне 4 письма, как он пишет в препроводительном: «Донесения настоятелей отдельных церквей о гражданских лицах, которые чинят препятствия к посещению верующими церквей и исполнению ими своих религиозных потребностей». Что же это за донесения?

Настоятель Николаевской церкви села Пионерское Симферопольского р-на Баженов Виктор пишет:

«Конкретных проявлений враждебности со стороны местной власти к церкви указать не могу. Известно, что по программе Коммунистической партии, членами которой состоят все местные власти, отношение к церкви и вообще к религии отрицательное.

Если по политическим или тактическим соображениям допущено настоящее положение церкви, то задача отвлекать от церкви теми или другими способами остается для членов партии обязательной. Не запрещается религиозное обслуживание верующих, и только. Но вот если старушка будет убеждать маловерующую мать или жену коммуниста окрестить своих детей, то это считается вредной агитацией, и мне было предупреждение, чтобы я запретил это делать старушкам». <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 10–38.

№ 29

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

2 апреля 1948 г.

<...> По разработке архиепископа Луки в отчетном месяце от агентуры получены следующие данные:

26 февраля с. г. в своей проповеди заявил:

«Теперь у нас церковь отделена от государства. Это хорошо, что государство не вмешивается в дела церкви, но в прежние времена церковь была в руках правителей — царей, а цари были глубоко религиозными, они строили церкви и монастыри. А теперь таких правителей нет, наше правительство атеистическое, неверующее. Осталась теперь горсточка русских верующих людей, из-за которых Господь хранит нас и терпит беззакония других».

2 марта 1948 года от Луки в адрес: Москва, 68, Симоновский вал, 2-а, 1-я Таганская больница, доктора В. А. Полякова проследовал документ, в котором Лука сообщал:

«Я должен вас огорчить: хирург Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий умер, а вместо него живет архиепископ Лука. Хирургию я совсем оставил потому, что ее совершенно невозможно совмещать с моей огромной церковной работой. В соборе проповедую каждый день и уже привлек множество людей, очень много интеллигентных и образованных. Рукоположил пять священников из учителей и двух врачей. Духовное влияние мое в Крыму огромное».

24 марта с. г. Лука архиепископу Курскому Алексию писал:

«Пути мне заказаны, потому что я слишком популярен и "вреден". Меня считают опасным религиозным вождем. Конечно, это исходит и из нашей среды, но думаете ли вы, что Патриарх вполне свободен в своих действиях? Ведь не перевел же он меня в Одессу, хотя знал, что я этого хотел и хотело одесское духовенство.

В Одессе мой младший, больной сын, и оттого, что я не в Одессе, он потерял 25.000 рублей при девальвации денег. А главное, мне необходимо лечение моего единственного, слепнущего глаза у академика Филатова, и Патриарх знает это.

Путь в Одессу закрыт, потому что это большой город, а в малом Симферополе моя "вредность" более терпима.

Промыслом Господним собор наш, прежде пустовавший, все более и более переполняется народом почти до отказа. В этом моя "вредность". Я вызвал большое раздражение тем, что рукоположил пять преподавателей учебных заведений и двух врачей. Теперь вам ясно, почему мне пути на простор заказаны».

Архиепископ Лука действительно в 1947 году и в начале 1948 года рукоположил в священники следующих лиц:

Ливанова Николая Ивановича, 1908 года рождения, скрипача Крымской областной госфилармонии, после рукоположения назначил на службу в Евпаторийский собор. Среди церковников пользуется большим авторитетом, ведет активную работу по вовлечению молодежи в религиозную деятельность. Кроме того, имеет большие связи среди женщин и девушек гор. Евпатории, которых принуждает к сожительству. На Ливанова подбирается компрометирующий материал для последующей его компрометации как священника.

Березкина Александра Ильича, 1890 года рождения, с высшим образованием, быв. преподавателя торгово-кооперативных курсов гор. Симферополя, назначенного на службу в церковь гор. Ялты, пос. Чехово.

Подьякова Михаила Николаевича, 1897 г. рождения, быв. врача, назначен священником и направлен на службу в дер. Адаргин Красногвардейского района, где он, по договоренности с райздравотделом, наряду со службой в церкви продолжительное время заведовал медицинским пунктом и получаемые от райздравотдела средства на медицинский пункт расходовал на церковные нужды.

Протоиерей
Евгений Руденко
Тюремное фото.
г. Симферополь

Подьяков, по нашей информации, РК ВКП (б) снят с должности заведующего медпунктом.

Афанасьева Григория Константиновича, 1904 г. рождения, до рукоположения священником служил директором оркестра в г. Курске. В данное время служит священником в кафедральном соборе г. Симферополя.

Мищука Николая Павловича, 1888 года рождения, преподавателя сельхозтехникума гор. Рыльска, прибыл в гор. Симферополь и Лукой после рукоположения назначен священником в церковь пос. Сарыголь.

Густаренко Льва Васильевича, 1903 г. рождения, прибывшего из рядов Красной Армии, имеющего звание гвардии старшего лейтенанта, награжден орденами и медалями. В октябре месяце 1947 года архиепископом Лукой рукоположен в дьяконы и направлен на службу в церковь, в гор. Евпаторию.

Руденко Евгения Анатольевича[36], 1912 г. рождения, преподавателя итальянского языка Симферопольского музыкального училища. После рукоположения назначен священником церкви гор. Симферополя.

Кирьянова Бориса Николаевича, 1924 г. рождения, из семьи кулака, быв. кандидат в члены ВКП (б), служившего инспектором в Крымском областном исполкоме депутатов трудящихся. Подготовлен и направлен Лукой в Ленинградскую духовную семинарию, с которым в данное время поддерживает письменную связь.

Всего архиепископ Лука рукоположил в священники и диаконы 18 человек из бывших советских служащих и направил на службу в церковь.

Разработку Луки продолжаем в направлении выявления его антисоветских связей и враждебной деятельности.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко
2 апреля 1948 г.
№ 1/6/952
гор. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 1. Л. 274–277

№ 30
Из докладной записки
начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР

5 мая 1948 г.

<...> По разработке архиепископа Крымского Луки за отчетный месяц от нашей агентуры поступили следующие данные:

28 марта с. г. Лука в кафедральном соборе города Симферополя в своей проповеди заявил:

«Никакая реформа, никакой государственный строй и устройство общественной жизни не приведет к добру,

если будем стремиться к личной славе, к величию светской, гражданской власти!

Сатана-диавол искушал Спасителя Христа и на высокой горе показал Ему все почести, все благости и все богатства мира и сказал: "Все это Тебе дам, если поклонишься мне". Христос отказался от этой внешней славы, богатства и почести и сказал сатане-диаволу: "Отойди от Меня, сатана!" Мы не должны искать этой светской почести и величия. Наш ум руководствуется чувствами, нашим сердцем, и мы признаем только то, что сердцу нравится. От сердца исходят добрые или худые дела. Сердце свое надо отдать Христу и отказаться от похотей и от почестей.

Многие вожди, политики стремятся устроить общественное государство лучше, хотят создать высокое общественное устройство. Они ищут величия, славы. Социальное равенство ведет людей к братству, единению. Но все это путь славы, величия, гордости, и никогда этот путь не приведет нас к лучшему, к совершенству. Мы преклоняемся перед этими реформами, воздаем должное этим вождям, но при всем этом мы за ними не пойдем, мы ищем другого пути — смирения и совершенства сердец наших. Будьте совершенны так же, как и Отец ваш Небесный».

4 апреля с. г. архиепископ Лука в соборе в своей проповеди заявил:

«В сегодняшнем Евангелии сказано: "Утешайте, утешайте людей, утешайте людей верующих!" Люди власти, правители великие никогда и ни при каких обстоятельствах не достигнут мира, счастья на земле, если не обратятся к вере. Стремление их — горе сердечное, пустота. Они, властелины, великие руководители, нуждаются и мучаются во грехах своих, содеянных ради достижения величия и славы мирской, светской. Апостол Павел, пророк Давид утешают нас верой, страданием за крест Христа.

Много, много еще будет страданий для человеческого рода впереди! Но утешение он, род человеческий, найдет

только во Христе, в вере. Многие такие гонители неверующие в конце жизни сами приходят ко Христу, к вере и находят себе покой и утешение. Неверующие этого блаженства и покоя не будут иметь.

Дружба между людьми корыстная, коварная, люди затевают дружбу ради славы, ради коварной цели. Надо иметь любовь ко Христу, к церкви. Храм Христа тянет к себе молящихся, надо страдать, терпеть ради веры, ради церкви. Больше этой любви нет.

Чтение священных книг и Евангелия даст человеку силы и крепость духа. Люди науки, искусства — это пустые люди, люди тщеславия, самообмана, эгоизма, величия внешнего. Они живут ради себя. Я страдал много, много и перенес большие мучения в жизни, но через молитвы во время моих личных страданий я познал дар Бога, познал Бога через молитву. Хочу я вам передать эту любовь мою ко Христу».

11 апреля с. г. Лука в своей проповеди в кафедральном соборе сказал:

«Тело погибает у человека, но дух бессмертен, мы веруем в бессмертие души — это основа христианства, поэтому после телесной смерти наступает новая, вечная жизнь. Многие, многие умирают без покаяния, без исповеди, и их души временно будут нуждаться в наших молитвах. Эти души будут перед временным судом Божьим, и наша молитва за них приятна Богу. Но нельзя молиться за тех, кто не верует в Бога, кто идет и шел против религии, против обрядов, против церкви. Души таких грешников будут вечно мучиться в страданиях и скорби, в аду, вместе с диаволом-сатаной».

23 апреля 1948 года [Лука] вместе со священниками выезжал в один из приходов Крымской области и в пути следования, обращаясь к епархиальному секретарю — священнику Милославову, сказал:

«Знаете ли вы, что в Симферополе есть главный коммунистический пропагандист по фамилии Чурсин (секретарь Крымского обкома ВКП (б) по пропаганде), который где-то на лекции своим посетителям сказал откровенно,

что у нас все подготовлено для перехода к коммунизму, но только люди у нас еще несознательные и не подготовлены к переходу. Вот видите, — смеясь сказал Лука, — у них самого главного не хватает — это людей. Люди у них не хотят коммунизма».

9 апреля с. г. с согласия архиепископа Луки секретарь Крымской епархии Милославов направил письмо секретарю Московской Патриархии Парийскому с просьбой сообщить ему, сможет ли Патриарх Алексий приехать в Крым к 31 мая с. г., ко дню исполнения 25-летнего юбилея архиерейской службы Луки (копия документа вам была направлена 16 апреля 1948 г. за № 1/6/1071). Вопреки этому письму Лука 15 апреля 1948 года направил письмо Патриарху Алексию, в котором возмущается действиями священников, направивших письмо Парийскому о приглашении приехать Алексию в Крым.

После получения «Журнала Московской Патриархии» № 1 за 1948 год, в котором была напечатана статья архиепископа Луки «К миру призвал нас Господь», Лука послал своему сыну Михаилу в г. Львов письмо.

Разработку Луки и его связей продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков
Верно: Начальник отделения
майор Клименко
5 мая 1948 г.
№ 1/6/1182
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 2. Л. 24–26.

№ 31
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

4 июня 1948 г.

<...> Как Вам известно, принятыми мерами ни один из приглашенных архиепископов в Крым на празднование юбилея Луки не приехал.

Для организации празднования юбилея была создана специальная комиссия, в которую вошли священники: Голубятников, Афанасьев, Дубинин, от мирян — Антоненко Анна Евдокимовна и Маковецкая Ольга Ивановна.

В день юбилея, 30 мая сего года, в кафедральном соборе г. Симферополя был устроен молебен, на котором присутствовало 30 человек священников, приехавших из районов Крымской области, и около 1500 человек верующих.

В конце службы архиепископ Лука произнес проповедь на тему «Наука и религия», в которой сказал:

«Самые передовые люди науки, ученые и философы древнего и среднего веков верили в Бога и признавали Бога. Величайший астроном, открывший законы движения планет, Коперник[37], был верующим, он даже был монахом монастыря польского. Величайший естествоиспытатель Пастер[38] был глубоко религиозным человеком, который науку сочетал с религией и верой в Бога. Наш русский ученый Павлов[39], создавший целую теорию об условных рефлексах, до конца жизни оставался поклонником церкви и признавал Бога.

Материалисты современные борются с религией, и, кроме материального, они ничего не видят и не могут видеть. Методы познания мира у материалистов поверхностные, неглубокие. Они не знают и не понимают метода познания Бога — Духа всемогущего. Такой метод познания мира духовного им недоступен. Они не понимают того, как святые, пророки за 700 лет предсказали о пришествии Христа на землю. Люди духовные, озаренные

светом разума, много предсказывали и других событий. Все это потом сбылось.

Материалисты не верят в общение с духами, не верят в общение с умершими. Наш метод познания Бога — это сердца. Сердце нам подсказывает, есть Бог или нет.

Вот сегодня вы заполняете храм, и вас здесь полный храм. Ваше сердце вам подсказало о Боге, и вы пришли в храм — значит, ваше сердце является методом познания Духа-Бога.

Лучше быть совсем неученым, не знать философии, а верить в Бога. Приведу вам слова одного великого философа (фамилии не назвал), который сказал: "Лучше ничего не знать, но верить в Бога"».

После проповеди Луки ему от имени верующих г. Ялты был преподнесен букет цветов, а от верующих г. Евпатории, Севастополя, Керчи, Старого Крыма и других районов преподнесены разного рода подарки: иконы, адреса, грамоты и т. п.

Характерно отметить, что представительница от верующих г. Керчи, по имени Зоя, прочитала в соборе стихотворение, в котором архиепископ Лука превозносился как «великий святитель и духовный отец».

После окончания службы в соборе все духовенство было приглашено на банкет, который был организован в доме № 19 по улице Шполянской в квартире Антоненко.

На банкете присутствовали: архиепископ Лука, уполномоченный по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Крымской области тов. Жданов, приехавшие из г. Одессы сын архиепископа Луки с женой и до 30 человек священников. Всего за столом было 45 человек.

Во время выпивки произносили тосты за здравие юбиляра Луки, в которых всячески его восхваляли.

Священник Севастопольского собора Крашановский, обращаясь к Луке, внес предложение отпечатать все проповеди Луки как якобы имеющие научное значение для духовенства. На это Лука ответил: «Сие от меня не зависит», — и тут же шепотом сидящему рядом тов. Жданову

сказал: «Я и рад бы отпечатать, но мне не разрешают». На вопрос: «Кто Вам не разрешает?» Лука ответил: «Не разрешает МГБ. Вот я послал свой богословский труд "Дух, душа и тело", но Карпов не разрешил печатать».

В 18 часов первую партию гостей заменили другие в количестве 60 человек, и в том числе весь состав архиерейского хора, монашки и прочие прихожане. Во время обеда также произносились тосты за здравие Луки.

По просьбе верующих Лука рассказывал свою автобиографию и о жизни своей в ссылке. Обед продлился до 10 часов вечера, после чего гости разошлись.

Разработку Луки и его связей продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: нач. отд. «О» УМГБ
майор Клименко.
4 июня 1948 г.
№ 1/6/1411
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 2. Л. 171–172.

№ 32
Из информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1948 года

1 июля 1948 г.

<...> 1) Архиепископ Лука посетил меня 22 апреля с/г, после того как был принят председателем Облисполкома тов. Кривошеиным в общий его приемный день, в приемной по жалобам.

Во время нахождения Луки у тов. Кривошеина последним был приглашен и я для дачи некоторых разъяснений.

Лука просил тов. Кривошеина об оставлении зданий, занимаемых молитвенными домами, в Симферополе

Владимирского молитвенного дома, быв. клуба, и в селе Азовское Азовского района бывшее помещение райконторы связи, об изъятии которых у приходских общин поставлен вопрос в Симферополе населением, в селе Азовское — решением суда.

Луке было разъяснено, что здания эти изымаются у общин на законном основании и последним предоставляется право подыскать себе другие помещения на условиях аренды.

В заключение беседы Лука сказал тов. Кривошеину, что поскольку здесь, на месте, ничего сделать нельзя, он будет писать Патриарху, чтобы последний вошел с ходатайством в Правительство об изменении закона.

После этого Лука зашел ко мне, тоже стал говорить об этих зданиях, я ему еще раз разъяснил, что ничего сделать нельзя, так как постановка вопроса об изъятии их у приходских общин вполне законна и основательна, последним дается право подыскать себе для молитвенных целей другие помещения.

Затем Лука мне заявил, что в одном из населенных пунктов Бахчисарайского района проживает иеромонах Ипполит (Верютин), бывший иосифлянин[40], не признающий ни его как архиепископа, ни Патриарха, который ходит по деревням и совершает различного рода требы, просил меня принять меры, запрещающие ему совершать требы.

Дня через три-четыре иеромонах Ипполит Верютин мною был вызван.

Старик лет 80, проживающий в семье одного колхозника в Бахчисарайском районе. В период немецкой оккупации был священником в селе Базарчик — теперь село Почтовое Бахчисарайского р-на.

Верютин отрицал совершение им каких-либо треб. Все же он мною был предупрежден: как не имеющий соответствующих регистрационных документов, не может совершать никаких треб и обрядов. После этого каких-либо сообщений о том, чтобы он совершал требы, не поступало.

После беседы архиепископа Луки с председателем Облисполкома тов. Кривошеиным через несколько дней ко мне обратился его секретарь протоиерей Милославов с просьбой дать справку, какие молитвенные дома находятся под угрозой закрытия, как бывшие клубы, школы и т. д.

На мой вопрос, для чего нужна эта справка, Милославов ответил: «Владыка намерен об этом писать Патриарху и в Совет». На это я дал Милославову такое разъяснение: «В каких зданиях находятся молитвенные дома, вам известно, поэтому никакой моей справки для этого не требуется».

Вторичная встреча с Лукой в отчетном квартале была 30 мая с/г, в день его юбилея — 25-летнего служения в архиерейском сане. Подготовку к проведению празднования этого дня симферопольское духовенство и сам Лука начали примерно недели за две.

Ожидали приезда на эти торжества нескольких епископов — Курского, Ростовского, Одесского и Днепропетровского, но никто из них не приехал, а о приезде их духовенством и Лукой было объявлено по всей Крымской епархии.

28 мая с/г Лука через своего секретаря протоиерея Милославова прислал мне письмо с приглашением: «Почтить своим присутствием в воскресенье, 30 мая, богослужение в соборе и обед после него во время празднования 25-летнего его юбилея архиерейского служения», на что мною было дано согласие.

29 мая вечером послал ему поздравительную телеграмму.

30 мая с/г в 11 час. утра, когда я пришел в собор, служба уже шла и последний был переполнен.

Меня, видимо, поджидали, так как при входе в храм был встречен одним из членов церковного совета и приглашен пройти за конторку.

Во время этой торжественной службы было в соборе и около него до 1500 чел., вначале служило 12 священников, а к концу их собралось 28 человек.

Во время службы, примерно в 1 час дня, Лука, узнав, что я нахожусь в соборе, прислал ко мне священника — регента Афанасьева с просьбой, чтобы по окончании службы поехал с ним в его машине на обед, устраиваемый в честь его юбилея, я дал согласие.

Служба продолжалась до 3-х час. дня. Лука во время службы сказал проповедь на тему «Наука и религия»[41], в которой доказывал, что наука и религия могут существовать вместе, что наука не отрицает религию, а религия — науку.

В проповеди он приводил имена великих ученых, о которых говорил, что они были глубоко религиозными людьми, верующими в Бога и в духовный мир, а-кто: древнегреческого философа Платона[42], Коперника, Пастера, великого ученого нашего времени физиолога Павлова и др., что он знает в настоящее время многих ученых-академиков и профессоров — глубоко религиозных, верующих в Бога и духовный мир.

Далее говорил, что они (материалисты), не верующие в Бога, знают только материальный мир, материальную природу, не знают и не хотят знать, что, кроме материального мира, есть еще духовный мир, который только они, верующие в Бога, его познают, что сердце — не только главный орган кровообращения в организме человека, но он является и органом, познающим духовный мир, и т. д. в таком духе.

Вся его проповедь была насыщена идеалистической философией, направленной против материалистов, не признающих Бога и духовного мира.

По окончании службы, поздравлений Луки и всяких ему подношений духовенством, церковнослужащими и мирянами духовенство отправилось на обед на квартиру одной из прихожанок. Всего на обеде присутствовало до 60 человек.

По выходе из храма я был приглашен сесть в машину Луки вместе с ним. Заехали к нему домой, где он переоделся, после чего отправились на обед.

За столом все были посажены согласно ранее составленного списка. Во главе стола посадили Луку, справа от него — меня, слева — архимандрита Тихона, затем

митрофорные протоиереи, протоиереи, священники, дьяконы, псаломщики, церковные старосты и т. д.

Перед тем как приступить к еде, духовенством была пропета молитва, и после благословения Лукой стола приступили к обеду.

Начались поднимания тостов с провозглашением многолетия духовенством, Лукой.

Несколько слов было сказано и мною с пожеланием здоровья юбиляру и долгих лет жизни.

Лукой — по моему адресу, как представителю государства, почтившего своим присутствием его скромные торжества.

Священник Ливанов говорил несколько раз, то от имени верующих его родины, гор. Красноярска (где Лука был когда-то в ссылке), то от имени молодого духовенства, поставленных Лукой, и как его учеников.

Милославов — от имени всего крымского духовенства.

Протоиерей Голубятников в своем слове сказал, что «Владыку» знает 25 лет, вместе с ним когда-то страдал, что «Владыка» в то время был тверд, силен духом, был хорошим наставником и большим ученым.

Лука на слова Голубятникова заметил, что тогда, по замечанию одного архиерея, он считался сибирским златоустом.

Протоиерей Крашановский в своем слове просил Луку дать согласие отпечатать все свои проповеди, по примеру митрополита Николая, что они явились бы большой помощью для духовенства и верующим в деле распространения «слова Божия» и т. д.

Лука на это сказал: «Сие от меня не зависит, он бы давно их отпечатал, и об этом он много думал, но на их отпечатание не дают согласия».

Когда священники стали говорить, что «проповеди митрополита Николая отпечатаны, почему же Ваши нельзя», Лука на это им ответил: «Потому что в моих проповедях проповедуется идеализм, идеалистическая философия, а поэтому и не хотят, чтобы мои проповеди читались и имели распространение».

Тут же он мне сказал, [что] написал большой богословский труд «О духе, душе и теле», и в Патриархии согласны были его отпечатать, но тов. Карпов на это не дал согласия, так этот труд и не увидел света[43].

Далее подчеркнул, что в его проповедях ничего нет контрреволюционного, но, поскольку они насыщены идеализмом, поэтому, видимо, и не дают согласия на их отпечатание.

В конце обеда по его распоряжению протоиереем Милославовым были прочитаны поздравительные телеграммы от Патриарха Алексия, от митрополита Николая, от грузинского Патриарха Калистрата, от Одесского архиепископа Фотия и еще от 3–4 архиепископов, затем от профессора Филатова и моя.

О том, что мало получено телеграмм от епископов, Лука объяснил тем, что многие из них не знают точной даты его хиротонии, так как в опубликованной его автобиографии в журнале «Московская Патриархия» сказано, что хиротония состоялась в мае 1923 г., но не сказано, какого числа. Об этом нет и в других документах[44].

И тут же рассказал, что его хиротония во епископа совершалась тайно, в одном небольшом городке Средней Азии, в 80 км от Самарканда, в маленькой церкви двумя епископами при закрытых дверях, что при хиротонии, кроме епископов, присутствовали два священника, дьякон и его старший сын, больше никого.

На вопрос, почему хиротония была тайной, Лука ответил: «Тогда иначе нельзя было».

Обед продолжался около двух часов и закончился в 6 часов вечера. <...>

д) Обращений с посланиями епархиального архиерея — архиепископа Луки к верующим — не было, да он с таковыми в письменной форме к верующим и не обращается. Но зато немало говорит проповедей, как в кафедральном соборе при каждой своей службе, так и при выезде.

В отчетном квартале Лука выезжал в следующие приходские общины:

Николаевской церкви села Адаргин Красногвардейского р-на 21 и 22 мая с/г по приглашению приходской общины в их престольный праздник «Николин день», где Лукой было совершено две архиерейские службы, вечером 21/V и утром 22/V, во время этих служб говорил проповеди.

Несмотря на то что дни были рабочие и сельскохозяйственные работы были в самом разгаре, вечером 21/V было в церкви 200 человек, а на следующий день 22/V — утром в субботу — свыше 600 человек.

После службы был прихожанами устроен обед, на котором, по заявлению протоиерея Милославова, был и председатель колхоза, в беседе со мной даже подчеркивал, что на этом обеде присутствовала вся местная власть.

Затем Лука выезжал 5–6 июня в Успенскую церковь гор. Старый Крым по приглашению приходской общины, где служил и произнес проповедь, на которую также собралось немало народа.

По заявлению Милославова, церковь была переполнена, и на улице около церкви было столько же, а в церковь вмещается до 500 человек.

После этого ездил в гор. Судак, где в церкви только сказал проповедь. Священники, за редким исключением, также стали часто говорить проповеди, от них требует этого и Лука.

В общем, принимают все меры к привлечению большего числа верующих к посещению церквей.

е) Отношение верующих к духовенству.

В основной своей массе крымское духовенство среди верующих авторитетно. Каких-либо высказываний или заявлений отрицательного порядка по отношению к священникам со стороны верующих в отчетном квартале отмечать не приходилось. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 52–70.

№ 33

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

3 июля 1948 г.

<...> По разработке архиепископа Крымского Луки в отчетном месяце от агентуры поступили следующие данные:

Лука после празднования 25-летнего юбилея 10 июня выехал на отдых в гор. Алушту, где у одной верующей снял комнату.

20 июня сего года Лука приехал из гор. Алушты в гор. Симферополь и служил службу в кафедральном соборе, говорил проповедь на тему «О сошествии Святого Духа на апостолов», причем в конце проповеди заявил: «Кто не верит, кто не признает Святую Троицу, кто занимается убийством, грабежом, воровством, нечестием, кто занимается обманом и доносом, тот, конечно, вечно будет мучиться и страдать. Они несчастные люди, не имеют покоя, вечно чего-то боятся, не находят себе места ни на земле, ни в загробной жизни».

22 июня сего года Лука, прочитав газету «Правда» от 17 июня 1948 года, высказался:

«Мне очень не нравится, зачем американцы пригоняют корабли на остров Крит, я понимаю, когда были выборы в Италии, это было необходимо для запугивания населения, а сейчас, вероятно, для того, чтобы потом обстреливать нас, наши города. Это мне очень не нравится».

26 июня сего года Лука своему сыну Валентину Войно-Ясенецкому, проживающему в г. Одессе, написал письмо следующего содержания:

«В "Известиях" от 23 июня в отделе кратких сообщений напечатано, что в Лиссабон прибыла "с визитом вежливости" американская эскадра из 13 кораблей, в числе которых линкор "Миссури" в 45 000 тонн и такого же тоннажа авианосец.

Прибавь к тому, что слыхал от меня, и уезжай вместе с Аней, [Оленькой] и Софьей Сергеевной.

Третий день нельзя купаться: море бурное, вода холодная.

26 июня 48 г. *А. Лука*».

27 июня сего года на вопрос священника церкви гор. Алушта Клягина о том, что он слышал, что Луку переводят в г. Киев и с большим повышением, дают ему сан митрополита, Лука ответил:

«Это вздор, меня никогда не переведут в крупный город, ибо я для них очень вредный человек, и они от меня не знают, как отделаться». Далее он сказал: «Я узнал, что мой бюст из бронзы должны были поставить на Всесоюзной выставке и внести в каталог как лауреата Сталинской премии, доктора медицинских наук профессора-хирурга Войно-Ясенецкого. Все злорадно смеялись, что хоть в каталог внесли, и то хорошо — куда уж больше. У меня есть вырезка из заграничных газет, они меня там восхваляют, а вот у себя в стране совсем другое ко мне отношение».

Разработку Луки продолжаем в направлении выявления его антисоветских связей и враждебной деятельности.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко.
3 июля 1948 г.
№ 1/6/654
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 2. Л. 233–234.

№ 34

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

3 августа 1948 г.

<...> По разработке архиепископа Луки за отчетный месяц от агентуры получены следующие данные:

22 июня сего года на имя Луки была получена из Москвы, от митрополита Николая, телеграмма-молния с просьбой составить и выслать в срочном порядке проект воззвания от имени предстоящего в Москве съезда представителей всех православных церквей против поджигателей войны. По этому поводу Лука нашей агентуре высказал:

«Странно, почему именно мне предложено составить проект воззвания. Митрополит Николай — высокообразованный человек, и не взял на себя обязанность составления проекта. Меня заставляют писать воззвание, а совершенно умалчивают о приглашении меня на предстоящий съезд в Москву. Вообще мне кажется, что Патриархия старается прикрываться моим именем, которое широко известно за границей, и я это принужден делать с риском для себя. Ну что же, я им составлю проект, но выражу свое недовольство по поводу неприглашения меня на съезд».

23 июня Лука составил проект воззвания и направил в Москву на имя митрополита Николая, которому сообщил:

«Исполнив желание Святейшего Патриарха и написав слабый проект воззвания, не могу удержаться от того, чтобы не выразить свое глубокое огорчение. Почему только написать воззвание предоставлено мне и лишен я участия в съезде. Это очень горько».

Копию проекта воззвания, составленного Лукой, при сем прилагаю.

18 июля сего года наш агент «Вологодский» посетил архиепископа Луку, находящегося на отдыхе в Алуште,

которому Лука рассказал о том, что неделю тому назад его посетил корреспондент газеты «Правда», который попросил его написать опровержение для помещения в прессе, что якобы о нем в американских газетах пишет интурист, побывавший в СССР и видевший Луку в г. Алуште на отдыхе под надзором НКВД, и что он живет несвободно. Фамилии корреспондента и интуриста Лука не назвал.

Копия агентурного донесения «Вологодского» Вам была направлена нами при № 1/6/1763 от 21 июля сего года.

По этому поводу Лука в адрес Москвы, Лаврушинский пер., № 17, кв. 2, своей знакомой Шаповаловой направил письмо, в котором сообщает:

«Мой отдых в Алуште неожиданно причинил неприятности нашему правительству. Я шел купаться, а позади меня, на беду, шли два офицера, навстречу шел знаменитый американец Генри Форд. И через несколько дней в американской газете появилось сообщение, что я живу в Алуште под конвоем».

Копия письма прилагается.

О приезде в Крымскую область интуриста Генри Форд [а] и корреспондента газеты «Правда» официально нам ничего не известно. Установить же через агентуру о их приезде нам не удалось. Лука же нашей агентуре об этом случае больше ничего не говорит.

В связи с напечатанной в областной газете «Красный Крым» за 29 июня сего года статьей «Религия и коммунизм несовместимы», в которой указывалось о необходимости в научных лекциях разъяснять трудящимся о несовместимости религии с коммунизмом, а также напечатанной в газете «Правда» за 29 июня 1948 года передовой статьей «Улучшать и развивать пропаганду научных знаний», среди церковников Крымской области, и главным образом среди духовенства, имели место следующие суждения.

1 июня сего года в квартире священника Афанасьева, в г. Симферополе по ул. Госпитальной, № 1, собрались

следующие священники: Милославов Иван — священник кафедрального собора и он же секретарь архиепископа Луки, Сорокалетов Аркадий — священник евпаторийского собора, Жиляев Петр — священник церкви села Советское, ревизор епархии Ельцов и церковник, разрабатываемый нами по делу-формуляр Терехов Сергей Сергеевич. Все они выпивали и вели следующие разговоры:

Терехов сказал:

«Статья, напечатанная в "Красном Крыму", не случайна, и она является отголоском передовой статьи, напечатанной в газете "Правда" от 29/VI-48 г., которая является прямой директивой правительства относительно необходимости усиления наступательных действий против религиозных предрассудков как пережитка капитализма. Вы помните, отец Григорий, — обращается к Афанасьеву, — я еще 6 месяцев тому назад предупреждал, что резкое изменение политики в отношении религии должно наступить в ближайшее время. А все это связано с изменением внешнеполитических отношений с Америкой. В период войны советское правительство находилось под влиянием политики Рузвельта[45], который буквально потребовал от большевиков проведения коренных изменений во внутренней политике советской страны и, главным образом, в части восстановления церквей, что и было сделано. Сейчас политические отношения с Америкой обострились. Попытка большевиков создать в Америке народный фронт с пресловутым Уоллесом[46] провалилась. Сейчас в Америке на сцену управления выпячивают серьезную фигуру Льюи[47], ярого противника большевиков и политики Рузвельта.

Мир разделился на два враждебных лагеря, совершенно непримиримых в политическом отношении. Советское правительство отошло от влияния Америки, а поэтому оно решило опять перейти к своей прежней большевистской политике и, действуя по материалистическим законам, в первую очередь отказаться

от прежних поощрений религиозным отправлениям, организуя наступательные действия в этом направлении».

Священник Афанасьев, обращаясь к Терехову, спросил:

«Но какой характер будет иметь эта борьба? Наш отец Федор (речь идет о священнике Осипове) уже готовит сухари на случай возможных репрессий со стороны органов власти».

Терехов продолжал:

«На первых порах, безусловно, характер борьбы с религией будет идеологическим, будут печатать статьи, устраивать диспуты и лекции, пользуясь естественными науками, о чем и пишет газета "Правда". Но если это не поможет, а это, безусловно, будет так, то применят и физические методы борьбы, но, конечно, будут инкриминировать не религиозные верования, а постараются в каждом отдельном случае предъявлять обвинения политического характера. Сейчас берут на учет всех служителей культа и активных работников церкви.

Обратите внимание, как пишут в газете "Правда": "Широко использовать антирелигиозную пропаганду" — это в их власти, а попробуйте вести обратную пропаганду? Этого сделать, безусловно, нельзя. Вот вам и демократия.

Мы, мол, будем бороться, а вы, служители культа, принуждены молчать. И это называется "демократия"! Пускают дым в глаза другим своей якобы борьбой за демократическое устройство».

8 июля сего года в канцелярии архиепископа Луки собрались следующие священники: Борзаковский из г. Керчи, Кудрявцев из г. Белогорска, Голубятников и Милославов — симферопольские. Священник Кудрявцев, обращаясь к присутствующим, спросил:

«Вы, конечно, читали статью? Но интересно, какое мнение вы можете высказать относительно этой статьи? По-моему, для нас, для духовенства и вообще для всех лиц, причастных к религии, эта статья имеет серьезное

значение, тем более что она является отголоском аналогичной статьи, помещенной в центральной газете "Правда"».

Священник Борзаковский сказал:

«А по-моему, ничего серьезного предполагать нельзя, так как затронутый вопрос о религии является не новым. Коммунисты никогда не признавали религиозных убеждений».

Священник Кудрявцев, продолжая свой разговор, заявил:

«Нет, я рассматриваю этот вопрос несколько иначе. Последнее время власть относилась к религии терпимо, а теперь она становится на путь борьбы. Вы обратите внимание на то, что статья совершенно серьезно говорит о несовместимости религии с коммунизмом, а отсюда и с этой властью, которая осуществляет идею коммунизма. Следовательно, все те, и в частности мы — духовенство, кто поддерживает религиозные убеждения, являются противниками власти, контрреволюционерами, тормозящими прогресс науки, прогресс развития коммунистического общества. Особенно вредными для общества являемся мы, священники, как основные проводники религии.

Это очень серьезный момент, и надо нам призадуматься над этим! Борьба будет серьезная, и она у нас на местах проводится. Все, кто посещает церковь, берутся на учет. Хорошо было бы, если бы владыко нас собрал и поговорил с нами на эту тему.

Мы должны серьезно подковаться, так как борьба будет направлена в идеологическом отношении, и мы должны знать все научные достижения, чтобы не оказаться профанами в случае вызова нас на диспуты. Надо попросить владыку, чтобы он составил нам конспект, в каком направлении вести борьбу за религиозные убеждения».

Священник Евпаторийского собора Ливанов Николай 9 июля сего года посетил в г. Алуште архиепископа Луку и после возвращения из Алушты, в канцелярии епархии,

прочитав в газете «Правда» от 8 июля сего года сообщение о приезде гостей в Москву на предстоящий съезд 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, заявил:

«Владыко Лука очень расстроен тем, что его не приглашают на съезд. Значит, говорит, меня боятся пускать на съезд, чтобы я не смог своими прямолинейными взглядами на религию и отношения ее к власти внести разлад и не мог бы общаться с представителями других стран. Вообще с этим съездом получается какая-то чехарда. С одной стороны, печатают в газетах статьи против религии, а через некоторое время помещают известие о предстоящем съезде православных церквей.

Вот до какого абсурда может доходить необходимость со стороны власти укрепления своего политического престижа. Это же политика! Да еще какая! Кто может сказать после этого, что наша власть против религии? В общем, даже не хочется об этом говорить».

Архиепископ Лука, узнав о паническом настроении духовенства и отдельных верующих в связи с напечатанными статьями, написал обращение «К пастырям Крымского стада Христова», которое разослал всем священникам церкви.

Обращение Луки прилагается.

Разработку Луки и его связей продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко
3 августа 1948 г.
№ 1/6/185
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 3. Л. 5–11.

№ 35

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

2 сентября 1948 г.

<...> По разработке архиепископа Крымского Луки за отчетный месяц от агентуры получены следующие данные:

1 августа сего года Лука выезжал служить в город Ялту, где после службы прочитал большую проповедь, направленную против сектантства.

7 августа сего года в кафедральном соборе города Симферополя Лука в проповеди сказал:

«Правительство теперь не то, что было раньше, его нельзя сравнить с царями, которые были глубоко религиозны и не пропускали ни одной службы, ходили в храм. Ну что же, мы находимся в подчинении правительства, мы должны подчиняться ему.

Сейчас правительство антихристианское, и все должны терпеть, ибо святой апостол Павел говорил: "Всякая власть дана Богом", — но вы скажете, что правительство вас притесняет, что правительство много, много вас своими правилами не удовлетворяет. Вы скажете, правительство вам, христианам, нанесло вреда, ну что ж, да, нанесло, а вспомним древнее Римское время, когда ручьями лилась кровь христианская за нашу веру, этим-то и укреплялась Христова вера, всякими мучениями и истязаниями, она и сейчас так укрепляется на наших глазах. Вы скажете: как же, это от Бога все разрушение. Да, это все от Бога, ибо Господь терпел и за нас пострадал и пролил Свою пречистую кровь на кресте.

У нас, православных, должен быть правитель один, которому должны мы подчиняться, — это Господь Бог, мы не должны себя держать в боязни и трепете перед этими правителями. Выше Правителя Небесного нет никого, сейчас правительство неправедное, один Господь наш праведный — Иисус Христос, Которому и должны

подчиняться и поклоняться. Все мы должны помнить те страдания времен язычества, христиан распинали, их жгли на огне, их тяжело казнили, дабы отвергнуть Христа, и христиане все мучения терпели.

А теперь прекратились ли мучения или нет? Я бы сказал, они продолжаются, но не в таком виде, как были. Вспомним, как недавно многие верующие подписывались в анкетах, отрекаясь от Бога, и забывали о тяжелой каре за это гнусное дело, этим они вторично распинали Христа. Полилась кровь ручьями и пошли разрушения святыни вековой, ибо зачем же это, когда мы отвергаем Христа, зачем же нам храмы Его?

Война показала многое, что мы все отвергали. Древние христиане все мучения переносили славя Христа и на муки с радостью шли, величая единого своего царя — Христа. Мы же должны брать с них пример, мы их род и должны славить единого царя и правителя нашего Иисуса Христа, Который, повторяю, есть наш единый заступник, Бог. А гонение продолжалось веками, оно было, оно еще будет, кто читал историю христианства древних времен, тот хорошо знает многое, это можно сравнить некоторое и с теперешней нашей жизнью».

29 августа сего года Лука посетил молитвенный дом евангельских христиан-баптистов в городе Симферополе, где с разрешения пресвитера общины выступил с речью, в которой доказывал сектантам в необходимости им и православным веровать в единого Бога, приглашал сектантов посещать кафедральный собор и слушать его проповеди.

Разработку Луки продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков
Верно: Нач. отдел. «О» УМГБ по Кр. обл.
майор Клименко
2 сентября 1946 г.
№ 1/6/2068
гор. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 64. Т. 3. Л. 85–87.

№ 36

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

4 сентября 1948 г.

<...> По ранее заведенному делу-формуляр № 8118 на священника Евпаторийского собора Ливанова Николая Ивановича, о чем вам сообщалось в докладной записке № 1/2328 от 2 октября 1947 года.

В процессе агентурной разработки установлено, что Ливанов имел постоянную связь с архиепископом, к которому часто приезжал из Евпатории и вел с ним продолжительные беседы.

Ливанов по заданиям Луки в гор. Евпатории проводил активную церковную деятельность. С целью привлечения верующих в собор устраивал духовные концерты, организовывал кружки по изучению славянского языка и привлекал молодежь, главным образом девушек, в церковный хор.

Нами было установлено, что Ливанов молодых девушек из числа певчих церковного хора принуждал к сожительству.

С целью компрометации Ливанова как священника под влиянием нашей агентуры верующая девушка Колпакова, которая находилась в интимной связи с Ливановым, написала на него письмо архиепископу Крымскому Луке и Патриарху Алексию, в котором изобличила Ливанова как недостойного священника, занимающегося прелюбодеяниями. Для расследования приведенных в письме Колпаковой фактов Лука создал несколько комиссий, которые установили, что Ливанов действительно вел себя недостойно, принуждал верующих девушек и женщин к сожительству.

Несмотря на это, Лука в течение пяти месяцев укрывал деятельность Ливанова, не отстранял от службы, и только после того как письмо Колпаковой было возвращено из Патриархии Луке с предложением «расследовать и сообщить», Лука лично сам занялся расследованием и после неоднократного допроса Колпаковой и произведенных очных ставок между Колпаковой и Ливановым убедился в правдивом изложении Колпаковой фактов, уличающих Ливанова, и, вследствие того, что скрыть деятельность Ливанова дальше было уже невозможно, 29 августа сего года Лука издал указ об отстранении Ливанова от службы священника Евпаторийского собора и направляет его на «послушание» в Троицко-Сергиевскую лавру сроком на три года. <...>

По разработке архиепископа Крымского Луки за отчетный месяц от агентуры получены следующие данные:

29 августа, в воскресный день, в кафедральном соборе Лука выступал с проповедью, в которой отмечал, что якобы верующие христиане терпели и терпят притеснение, заявив:

«Мне скорбно и горько ходить по улицам города. Многие обращаются ко мне только как к врачу-хирургу, просят у меня хирургической помощи, но никто ко мне не идет за помощью и советом о религии, о вере, о Боге. Мы возненавидимы всеми людьми и терпим-страдаем за веру Христа».

Отмечая о малом посещении верующими церкви, Лука угрожающе заявил: «Горе, великое горе будет всем неверующим. Мы с вами, посещающие храм, много страдаем, и наша блаженная жизнь придет тогда, когда придет конец земного мира, воскреснут мертвые, придет Христос на землю и осудит грешников на тяжелые мучения, праведников направит в рай вечный».

После этой проповеди среди церковников имели место следующие суждения.

Активная церковница Уварова заявила:

«Владыка сказал в этой проповеди то, что он давно хотел сказать, и то, что от него ожидали верующие люди. Многие верующие люди слушали проповедь епископа и плакали».

Разрабатываемая нами активная церковница Беляева Екатерина Павловна нашему агенту «Зайцеву» высказала:

«Все равно долго наше мучение не будет. Суд Божий скоро будет судить дьявола рода человеческого. Господь многотерпеливый и многомилостивый подкрепляет нас, грешных, и спасает от красного дьявола».

19 сентября Лука в соборе говорил проповедь на тему «Притча Спасителя о винограднике», в которой высказывал:

«Господь накажет всех, кто Его не слушает, кто забыл Его. Страшное будет наказание для [не]верующих. Мы видим Божью кару на германском народе. Германский народ истоптал веру Христову и разорил храмы и людей верующих. За это Господь Бог наказал их жестоко. Германия была велением Божьим разорена, уничтожена, а руководители немцев были сожжены и прах их был развеян по миру. Вот так и наказал Господь! Вы, малое стадо верующих, будьте крепки, как камни, будьте сильны верой, чтобы никто вас не совратил от истины. Ваше страдание и вера во имя Бога всегда спасет вас».

8 сентября сего года неожиданно приехал к Луке архимандрит Никандр — секретарь Новосибирского архиепископа Варфоломея*, которого Лука сразу же принял и имел с ним длительную беседу.

Во время беседы Никандра с Лукой последний срочно потребовал принести ему из канцелярии газету «Правда» за 29 августа с напечатанной речью Фадеева[48] на конгрессе представителей искусства, мотивируя тем, что якобы в этой речи много сказано относительно борьбы с религией.

После беседы с Лукой в канцелярии епархии Никандр сказал:

«Я был на съезде духовенства в Москве вместе со своим владыкой и рассказал вашему владыке все подробности съезда, и он удовлетворен моим рассказом».

---

* Варфоломей (С. Д. Городцев (Городцов), 1866–1956), архиепископ (с 1943 г.), с 1949 г. — митрополит Новосибирский и Барнаульский. — (*Прим. изд.*).

- 6 -

" В Греции уже началась война, скоро начнется война и у нас и будет конец тяжелой жизни, кто будет верить в бога, тот будет ходить в белой одежде и ему будет хорошо, тогда не будет колхозов и будет много хлеба."

" Вот скоро пойдет с запада царь и победит красную звезду и тогда всем будет владеть один царь и бог, жизнь тогда будет лучше."

Разработку Гуриковой ведем в направлении выявления ее антисоветских связей.

По разработке архиепископа Крымского ЛУКИ, за отчетный месяц от агентуры получены следующие данные:

1-го августа сего года ЛУКА вновь служить в город Ялту, где после службы прочитал большую проповедь направленную против сектантства.

7-го августа сего года в Кафедральном соборе города Симферополя ЛУКА в проповеди сказал:

" Правительство теперь не то, что было раньше, его нельзя сравнить с царями ,которые были глубоко религиозны и не пропускали ни одной службы ходили в храм. Ну что ж, мы находимся в подчинении правительства, мы должны подчиняться ему.

Сейчас правительство антихристианское и все должны терпеть, ибо святой апостол Павел говорил - "всякая власть дана богом", но вы скажете, что правительство вас притесняет, что правительство много, много вас своими правилами не удовлетворяет. Вас побеспокоит большая мысль. Вы скажете, правительство вам христианам нанесло вреда, ну что-ж, да, нанесло, а вспомним древнее Римское время, когда ручьями лилась кровь христи-

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР (2 сентября 1948 г.)

Пробыв непродолжительное время, Никандр выехал из Симферополя. Причина его приезда нами не установлена. По данному вопросу мы ориентировали УМГБ по Новосибирской области.

25 сентября Лука в адрес Москвы, Лаврушинский переулок, № 17, кв. 2, Шаповаловой Антонине Александровне, писал:

«Вы писали, что на съезд были вызваны только "годные на побегушки" и ученые-богословы. Но мне рассказывали, что туда были приглашены архиепископы: Филипп, Макарий, Стефан, Варфоломей*. Почему же обошли меня?»

Разработку Луки и его связей продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Начальник отделения «О» УМГБ Крымской области
майор Клименко
4 сентября 1948 г.
№ 1/6/3136
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 3. Л. 210–214.

№ 37
Из информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1948 года

30 сентября 1948 г.

О заявлениях об открытии церквей и молитвенных домов

В информационном докладе за второй квартал с/г мною сообщалось, что секретарем архиепископа прото-

* Филипп (В. С. Ставицкий, 1884–1952), архиепископ Астраханский и Саратовский (1928–1929, 1943–1949). Макарий (С. К. Даев, 1888–1960), архиепископ Можайский (1944–1960). Стефан (С. М. Проценко, 1889–1960), митрополит Харьковский и Богодуховский (1945–1960).

иереем Милославовым в мае м-це с/г было представлено отношение архиепископа Луки с приложением заявления и списка группы верующих в количестве 24 человек с ходатайством об открытии церкви на бывшем армянском кладбище в гор. Симферополе, но так как заявление и список не имели подписей, они были мною возвращены тогда же Милославову.

В конце июля с/г эти документы вторично были доставлены мне из Епархиального Управления, уже имевшие подписи верующих.

Проверкой на месте данного заявления и состояния церковного здания мною было установлено:

В прошлом это кладбище было армяно-григорианское, несколько лет на нем не производится захоронений гражданских лиц.

После войны данное кладбище превращено в военное и на нем производится погребение только военных, затем сюда же перенесены трупы, погребенные в садах, скверах и других местах общественного пользования.

На кладбище имеется не церковь, а часовня, каменная, вся ее площадь внутри до 25 кв. метров, здание имеет большие трещины, требует капитального ремонта.

В прошлом данная часовня никогда не была действующей как приходская и постоянных церковных служб в ней не проводилось, а имела только свое назначение для отпевания в ней покойников — армян.

В отношении самого заявления в беседе с отдельными лицами, подписавшими его, выяснилось, что инициатором подачи был сам архиепископ Лука, который как-то, будучи на этом кладбище, окружавшим его там женщинам предложил возбудить ходатайство об открытии этой часовни. В результате чего и были собраны подписи и составлен список сторожихой кладбища, которая сама его не подписала.

Из 24 человек, подписавших заявление, только 1 мужчина, а все остальные женщины, из которых работающих только 5, а остальные являются домашними хозяйками, иждивенцами и пенсионерами по старости.

В беседе с архиепископом Лукой 9 сентября с/г по данному ходатайству я обратил его внимание о вышеизложенном и на то, что здание часовни требует больших затрат, а верующие, подписавшие заявление, по их объяснению, на это средств не имеют, затем на расстоянии не более километра от этой часовни имеется три действующие церкви, поэтому нет никакой целесообразности в ее открытии.

Да, видимо, и сами верующие, подписавшие заявление, не очень-то заинтересованы в ее открытии, так как никто из них ко мне не являлся, а их заявление поступило из его канцелярии.

Лука подтвердил, что данное ходатайство было возбуждено по его предложению, мотивом этого он выставил такие причины: в районе этой церкви (часовни) проживает немало верующих старушек, которые не всегда могут посещать действующие церкви, особенно в ненастную погоду, за дальностью расстояния, а поэтому, чтобы удовлетворить религиозные нужды всех там живущих, он хотел бы ее открыть. Но поскольку здание часовни требует затрат, а средств на это не имеется, поэтому он ходатайство свое об открытии снимает и заявление верующих не поддерживает и отклоняет. На основании чего данное ходатайство мною с рассмотрения снято и направлено для непосредственного извещения заявителям об отклонении — архиепископу. <...>

Прием посетителей

<...> 1) Архиепископ Лука посетил меня 9 сентября с/г, по приглашению. В начале беседы с ним мною был затронут вопрос о поступившем от него ходатайстве, вместе с заявлением группы верующих, об открытии церкви на бывшем армянском кладбище в гор. Симферополе.

Результаты этой беседы мною изложены выше, на стр. 2 и 3.

Лука, сняв свое ходатайство и отклонив заявление верующих, тут же поставил передо мною вопрос о необходимости открытия церкви в гор. Балаклаве, где имеется

церковное здание, вполне сохранившее свой вид, занятое под клуб, что в Балаклаве в церкви имеется большая потребность, к нему неоднократно обращались верующие с заявлениями и ходатайствами об открытии там церкви, но, поскольку заявления не были оформлены как нужно, он возвращал их обратно для пересоставления и представления мне.

На это я ему ответил, что никаких ходатайств об открытии церкви в гор. Балаклаве ко мне не поступало и никто из верующих по данному вопросу не обращался.

Затем я сообщил Луке о имеющемся ходатайстве дирекции Крымской областной зональной плодово-ягодной опытной станции в пос. Мичурино Старо-Крымского района (территория бывшего Топловского женского монастыря) о переводе имеющейся там церкви в другой населенный пункт, так как нахождение церкви на территории научного учреждения, где имеется и школа, в которой воспитывается молодежь, не вполне нормальное явление.

Обратил его внимание на следующее обстоятельство, что в этом же районе, в 6-ти километрах от Топловской церкви, в селе Грушевка, имеется церковь, в которой нет священника около года, поэтому было бы целесообразнее перевести священника из Топловской церкви в Грушевскую, она вполне обслужит религиозные нужды верующих окружающих деревень, тем более что в церковной общине из жителей пос. Мичурино, кроме 3-х работниц церкви, никого нет.

Лука на это мне заявил так: «Церковь никому не мешает, ни научному учреждению, ни школе, видимо, мешает она коммунистам, которые хотят ее закрыть, я с этим не согласен и буду протестовать».

На что я ему заметил, что ни о каком закрытии церкви вопрос не стоит, но, поскольку у вас недостаток священников и ряд церквей являются приписными, то переведите из Топловской церкви священника в Грушевскую, а Топловскую оставьте приписной к ней.

На это Лука заявил, если он ее сделает приписной, это будет равносильно закрытию, так как тогда совсем туда не пустят священника для совершения церковных служб.

Лука, видимо, еще не оставил своей мысли об открытии там монастыря, о чем он поднимал вопрос в прошлом году.

По существу ходатайства дирекции мною сообщено Совету отдельной докладной запиской.

Далее обратил внимание Луки на то, что очень часто им перемещаются одни и те же священники из одного прихода в другой, а о причинах перемещения мне не сообщается.

Провожу перерегистрацию перемещаемых, а чем вызваны эти перемещения, мне неизвестно.

Лука на это ответил: «Вам знать о причинах проводимых мной перемещениях духовенства не обязательно».

В ответ ему сказал, все же прошу о всех проводимых вами перемещениях и их причинах сообщать мне, иначе я буду воздерживаться от выдачи регистрационных справок.

Затем был затронут вопрос о проводимой мною перерегистрации членов церковных советов и ревизионных комиссий церковных общин.

Обратил его внимание, что из 6-ти общин до сих пор регистрационные анкеты не получены.

Лука по данному вопросу сказал, что многие члены церковных советов и др., когда-то напуганные всякими анкетами, отказываются от работы в церковных советах, с тем чтобы не заполнять анкет, особенно их пугает п. 11 анкеты, в котором поставлен вопрос: «Лишался ли избирательных прав, был ли судим, когда, за что, какое наказание и т. д.».

На мое замечание, что эти анкеты имеют цель только провести перерегистрацию, ничего больше, и бояться их заполнения не следует, Лука ответил: «Люди понимают так: если им предлагают заполнить анкету, то, видимо, это с какой-то целью. Конечно, таких не много, но они

имеются. Но я приму меры, чтобы все анкеты были представлены».

Далее Лука рассказал следующее: «Священник Подьяков Михаил был настоятелем Николаевской церкви села Адаргин Красногвардейского района около года, считался одним из лучших священников, народ там был им очень доволен, даже были довольны и местные сельские власти, поэтому Подьякова, как одного из лучших священников, я перевел третьим священником в кафедральный собор г. Симферополя. Подьяков приехал в Симферополь в субботу, в воскресенье не смог прописаться, а ночью пришли к нему на квартиру работники НКВД и предложили выехать из Крыма в 24 часа; поскольку не только Подьяков, который подвергался несколько раз высылкам, но и все духовенство, много пуганное, боится НКВД, — последний не стал возражать и выехал».

Продолжая говорить на эту тему, Лука сказал, что, ходят слухи, всех неблагонадежных будут высылать из Крыма, вероятно, всех священников подведут под неблагонадежность и вышлют, могут выслать и его, от этого он, видимо, ничем не гарантирован.

На все это я ему заметил: если имеются такие слухи, то это слухи ложные, ничем не обоснованные, и его такое настроение ошибочное.

В заключение беседы Лука рассказал о якобы имевшемся случае посещения его корреспондентом газеты «Правда».

Привожу дословно сказанное им мне: «Примерно 10 июля, точно числа не помню, во время моего отдыха в Алуште ко мне на квартиру явился молодой человек, отрекомендовавшись корреспондентом газеты "Правда", обратился ко мне с просьбой дать опровержение на заметку, появившуюся в американской газете, в которой сообщалось, что известный профессор-хирург архиепископ Лука находится на отдыхе в Алуште под охраной офицеров; на мой вопрос корреспонденту, откуда все это известно, последний рассказал, что однажды,

когда я шел по берегу моря в Алуште, имея на груди золотую медаль лауреата Сталинской премии, навстречу мне шли трое, один из них был американец Генри Форд третий и переводчица, когда они повстречались со мной и увидели у меня на груди золотую медаль, Генри Форд третий обратил на это внимание и спросил у переводчицы: "Кто это такой?» Когда ему объяснили, кто я, американец заметил: "Да, знаю, о нем в Америке известно". А в это время позади меня, видимо случайно, шли два офицера. После этого и появилась заметка в американской газете, что я отдыхал под охраной офицеров. Я написал опровержение и передал корреспонденту газеты "Правда", который сказал, что оно будет напечатано в газетах».

На мой вопрос Луке, что он лично беседовал с американцем, последний ответил — нет, что он ничего не знал и американцев не видел, а обо всем этом ему рассказал корреспондент «Правды».

На следующий мой вопрос, что этот корреспондент, приехал из Москвы или местный и известна ли ему его фамилия, Лука сказал, что не знает и фамилии его не спросил.

В заключение Лука сказал: «Вот видите, Я. И., насколько моя известность приносит беспокойства нашему правительству».

Имело ли это место в действительности или является вымыслом самого архиепископа Луки, проверкой не установлено и установить не представляется возможным. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов.

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 98–105.

№ 38
Докладная записка уполномоченного председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову о беседе с архиепископом Лукой

18 октября 1948 г.

12-го октября с/г, по получении из Совета выписки из протокола № 33 заседания Совета от 25 сентября с/г по вопросу освобождения церковного здания на территории Крымской зональной плодово-ягодной опытной станции в поселке Мичурино и слияния прихода этой церкви с приходом церкви села Грушевка Старо-Крымского района, я звонил архиепископу Луке по телефону, после приветствия попросил его приехать ко мне, сказав ему, что у меня имеются ряд вопросов, которые необходимо разрешить с ним лично.

Лука заявил, что приехать он не может вследствие того, что он очень занят, ждет к себе профессора, затем готовится к празднику Покрова, составляет проповеди, принимает доклады настоятелей церквей и делегации, и вряд ли он сможет подъехать, а если и сможет, то не ранее как через неделю.

Выслушав его, я дословно сказал следующее:

«Все же я Вас, Валентин Феликсович, прошу приехать ко мне»; он ответил: «Хорошо»; на этом наш телефонный разговор с ним был окончен, но в этот день он не приехал.

15 октября с/г утром позвонил мне его секретарь священник Милославов, спросил, буду ли я у себя, так как «Владыка» собирается ко мне. Я ответил, что буду его ждать.

Через некоторое время Лука вместе с Милославовым явились ко мне в кабинет.

Следует отметить, что ранее Лука, являясь ко мне, своего секретаря Милославова оставлял в первом кабинете у моего секретаря.

В данном же случае, вопреки прошлых посещений, зашел ко мне в кабинет со своим секретарем Мирославовым.

После взаимного приветствия и рукопожатия я пригласил их сесть.

Вначале, поговорив с ним о малозначащих вопросах, как прошел церковный праздник Покрова, много ли было народу в Покровской церкви гор. Симферополя, где служил сам архиепископ Лука, затем я сообщил Луке, что имеется решение Совета по делам Русской Православной Церкви о слиянии прихода церкви пос. Мичурино с приходом церкви в селе Грушевка Старо-Крымского района и освобождении церковного здания, так как оно находится на территории научно-исследовательского учреждения, которое является на положении запретной зоны, и сказал ему:

«Прошу Вас, Валентин Феликсович, дать по своей линии указание о слиянии приходов, освобождении церковного здания в пос. Мичурино и передаче церковного имущества из последней в Грушевскую церковь».

На это Лука мне заявил, возмущаясь: «С каких же это пор там стала запретная зона, почему ее до сих пор не было? Что же, начинаете закрывать церкви, ну что же, закрывайте, а я закрывать не буду и никаких указаний об этом давать не стану».

Тут же потребовал у меня дать ему копию решения Совета и написать ему об этом официально.

На это я ему ответил, что территория поселка Мичурино являлась и является запретной зоной вследствие того, что там находится научно-исследовательское учреждение.

В отношении же дачи Вам копии решения Совета и сообщения Вам официально о решении Совета нет надобности, да это Вам и не нужно, разве недостаточно того, что я, как официальное лицо, представитель государства, сообщаю Вам об этом.

Лука ответил: «Да, недостаточно, мне эти документы нужны с той целью, чтобы оправдаться перед Патриар-

хом и, главным образом, перед народом верующим, что церкви закрываю не я лично, а Совет и его уполномоченный».

На мое замечание, что церкви не закрывались и не закрываются, а с церковью в пос. Мичурино особое положение, которое я Вам и разъяснил.

Лука на это заявил: «Как не закрывались, а Владимирскую церковь в Симферополе закрыли».

На это я ему ответил, что и Владимирская церковь не закрывалась, а предложено было приходской общине освободить помещение, как бывший клуб, а вместо него рекомендовано найти себе другое помещение.

Лука с возмущением заявил: «Приходская община Владимирской церкви находила для покупки три дома, была уже договоренность в цене и прочее, и владельцы домов с радостью их продавали, но затем, когда им приносили деньги, они со смущением заявляли, что передумали продавать и продавать не будут. Такое положение было трижды. Не иначе, как их куда-то вызывали и запретили им продавать дома для церкви».

На мое замечание, что об этом я ничего не знаю и мне неизвестно, Лука ответил: «Я не сомневаюсь, что это все проделывается помимо Вас, но я твердо уверен, что это так происходило, но у меня нет подтверждающих фактов, а если бы были таковые, то я бы о них сообщил Патриарху».

Далее он заявил, что: «все это зависит от уполномоченного, есть уполномоченные хорошие и плохие; там, где уполномоченный относится благожелательно к церкви и верующим, там церкви не закрываются, а вновь открываются».

На это я ему заметил, что нет уполномоченных ни плохих, ни хороших, задача их всех одна — следить за тем, чтобы не нарушались советские законы в отношении церкви как представителями советских органов, так и представителями церкви, и проводить в жизнь указания Совета.

После этого Лука сказал: «Я не хочу того, чтобы среди верующих шли разговоры, как о моем предшественнике епископе Иоасафе, который много позакрывал церквей».

И в заключение заявил категорически, что он никаких указаний в отношении церкви в пос. Мичурино давать не будет.

Далее Лука рассказал об отсутствии дисциплины и о распущенности среди духовенства, что если он к некоторым из них принимает крутые меры, то за это прослыл как жестокий, деспотический архиерей.

Затем привел случай со священником Кудрявцевым, которого он назначил настоятелем Евпаторийского собора вместо Ливанова, и когда Кудрявцев приехал в Евпаторию, то сторонницы и поклонницы Ливанова не только не допустили к совершению службы, но даже не пустили в храм, и последнему пришлось уехать из Евпатории.

Лука это называет церковным бунтом среди верующих и сказал: «Раньше в таких случаях о ликвидации церковного бунта можно было обратиться за содействием к полиции, а сейчас не к кому обратиться в таких случаях, а сторонницы Ливанова заявили Кудрявцеву, если приедет и архиепископ, то они и его не пустят в храм, пока он им не вернет Ливанова», — и добавил: «В таких условиях мне очень трудно управлять епархией, а помощи никто не оказывает».

В заключение беседы, перед уходом, неожиданно для меня архиепископ Лука в присутствии своего секретаря священника Милославова заявил мне следующее: «Если Вы, Яков Иванович, будете со мной разговаривать начальственным тоном, то я вообще с Вами разговаривать не буду и являться к Вам также не буду. Я намного старше Вас, в сане архиерея состою 25 лет, являюсь большим ученым, лауреатом Сталинской премии, пользуюсь большим заслуженным уважением не только как ученый, но и как архиерей, а в среде их являюсь первым не только в Советском Союзе, но и за границей и разговора с собою в начальственно-повышенном тоне не потерплю ни от кого и требую к себе уважения».

Этим неожиданным заявлением Луки я был крайне удивлен и спросил его, в чем же был мой начальственный тон и когда это имело место. Лука ответил, что это было во время последнего разговора по телефону 12 октября.

Оказывается, ему не понравилась моя последняя фраза, после его объяснений о занятости и невозможности ко мне приехать, когда я сказал: «Все же я Вас, Валентин Феликсович, прошу приехать ко мне».

В этой фразе он усмотрел мой начальственный тон, хотя эта фраза мною была сказана вежливо, но твердо, когда я понял из его объяснений, что он ко мне явиться не желает.

Далее я ему ответил: «Вас, как большого ученого, уважают, уважаю и я, и никакого начальственного тона в беседах с Вами у меня не было и нет». Кроме того, заметил ему: «Вы не только ученый и лауреат Сталинской премии, Вы и архиепископ — управляющий епархией, а поэтому Вам, как управляющему епархией, является необходимым посещать меня и разрешать вопросы, связанные со мною, как уполномоченным. Если встретится необходимость и у меня, буду Вам звонить и просить Вас приезжать ко мне».

Лука ответил: «В дальнейшем все необходимые вопросы я буду решать с Вами через своего секретаря», — показывая на Милославова, присутствовавшего при этом.

На это я ему сказал: «Не всегда и не все вопросы можно будет решать через Вашего секретаря, а иногда придется решать и лично с Вами».

Лука на это ничего не ответил, попрощался и ушел.

Сообщая о вышеизложенной беседе с архиепископом Лукой, прошу Вашего указания, как поступить с проведением в жизнь решения Совета от 25 сентября, протокол № 33, о слиянии приходов, вследствие того, что архиепископ Лука категорически отказался давать какие-либо указания по данному вопросу.

О его заявлении, сделанном мне, что он не будет меня посещать вследствие якобы моего «грубого» с ним разговора, считаю необходимым сообщить следующее: Лука

всем и всюду, всегда подчеркивает о своих заслугах как перед гражданскими лицами, так и среди церковников, что он большой ученый с мировым именем, лауреат Сталинской премии и как архиерей — один из первых среди них, пользующийся авторитетом не только в церковном мире, но и среди ученых за границей.

Говоря обо всем этом мне в присутствии своего секретаря Милославова, Лука, видимо, хотел показать себя и свое якобы преимущество перед мною, этим самым игнорируя меня, и, видимо, хотел показать своему секретарю, как ему со мной следует разговаривать.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 130–134.

№ 39
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

3–4 ноября 1948 г.

<...> По разработке архиепископа Крымского Луки за отчетный месяц от агентуры получены следующие данные:

30 сентября сего года Лука в кафедральном соборе города Симферополя говорил проповедь, в которой сказал:

«Господь через апостолов просит людей примириться с Богом. Но разве наш несчастный народ примирился с Богом? О нет, нет! Наш несчастный народ не только не примирился с Богом, наоборот, враждует с Богом, презирает Бога, поносит имя Его святое, богохульствует, вторично распинает Христа. Как это тяжело, что наш народ

враждует с Богом. Нет лучшего наказания, нет худшего несчастья во всем мире. Все те творят безбожие, которые никогда, никогда не слыхали о Боге, не знают Его.

Народ наш забывает Бога, те святые впечатления, которые у многих бывали прежде, скоро забыли. Неверующие смеются над пасхальным тропарем "Христос воскресе", в нем сказано, что" смертью смерть поправ". Смерть побеждает смерть, как это велико.

Неверующие это не могут понять. Христос говорил о пшеничном зерне, которое тлеет в земле, умирает, но вместо себя он [о] дает новую жизнь молодому новому зерну в огромном количестве. Так и человек, он умирает, но по смерти новая жизнь загробной жизни. Человек умирает, а дух живет. Неверующие думают, что, как пес сгнивает, съеденный червями, так и человек кончает свою жизнь. Нет, человек умирает, а дух его живет. У тех, кто возлюбил Христа, следует Его заповедям».

3 октября сего года Лука в своей проповеди, произнесенной в соборе города Симферополя, заявил:

«Каждый ремесленник стремится к своему делу, изучает его и стремится к совершенству. Так и каждый верующий должен стремиться к Господу, как каждое растение стремится к свету, так же и каждый верующий должен стремиться к свету Божьему. Угодники Божии стремились и достигли цели. Они чувствовали Бога в душе своей, живя на земле. А загляните вы в свои души, что вы в них увидите? Тьму увидите и только тьму. Там кишмя кишат змеи — змеи зависти, гордости, самолюбия, бесчестия, блуда, осуждения, клеветы, вражды, предательства. Вот почему нужно возненавидеть свою душу, ибо в наших душах кишмя кишат эти змеи, которых каждый человек боится, ненавидит и избегает их. Вот почему нужно погубить свою душу, возненавидеть ее».

10 октября сего года Лука в проповеди, произнесенной в одной из церквей города Симферополя, сказал:

«У нас в обществе имеют силу и славу богатые и ученые. У Господа, наоборот, бедные и убогие. Господь Себе избрал народ — учениками Своими простых рыбаков.

У Господа последние будут первыми, а первые будут последними. Вот видите, все наоборот.

Не стремитесь получить славу у людей, стремитесь получить славу у Господа. У нас ученые добиваются славы и богатства. Возьмите художников: они стараются получить за свою работу огромные деньги у людей и славы, этого не должно быть, художники должны жить для народа. Возьмите ученых: они тоже стремятся только [ради] выгоды и славы у людей, что бы им ни стоило, они составляют атомные бомбы и другие сооружения».

14 октября сего года, во время престольного праздника в симферопольской Покровской церкви, в день Покрова, Лука выступил с проповедью, в которой заявил:

«Этот праздник имеет значение и смысл только для нас, верующих людей, но если пришел бы в храм какой-либо неверующий человек, то он, конечно, посчитал бы нас глупыми.

Ну что же, пусть считает. Вообще нам, верующим, с безбожниками не по пути: мы идем своей дорогой, а они своей.

Надвигается третья империалистическая война, которая будет еще страшнее предыдущей, так как эта война будет атомными бомбами, от которых нет спасения, и час этот очень близок, а поэтому я призываю всех глубоко верующих людей сплотиться вокруг Христовой церкви и молить Бога, чтобы Он отвел от нас эту кару, а неверующих наставил на путь истинный».

Разработку архиепископа Луки и его связей продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Нач. отдел. «О» УМГБ Кр. обл.
майор Клименко.
3/4 ноября 1948 г.
№ 1/6/3318
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 4. Л. 89–92.

№ 40
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

4 декабря 1948 г.

<...> По разработке архиепископа Крымского Луки в отчетном месяце от агентуры получены следующие данные:

7 ноября с. г. осведомитель «Михайлова» сообщила, что после службы в кафедральном соборе Лука произнес проповедь, в которой заявил:

«Никто не смеет обвинять Бога за кару Божию, ибо мы все грешные, по заслугам несем наказание. В политическом мире есть лозунг — борьба за свободу и правду. Угнетенные страны и поныне борются за свободу, борются с угнетателями, жестоко борются, с кровопролитием, как, например, Греция и Китай, у них идет сильная борьба за свободу. Много жертв, много сил тратят, много кровопролития в этих странах ради свободы, ради правды. Но в нашем духовном мире Бог не ждет кровопролития. Господь только хочет покаяния, как в политическом мире, так и в духовном мире. Мы должны бороться со своими грехами, для этого тоже немало надо сил, борьбы и стремления к Богу. Мы не смеем роптать на Бога, мы не должны иметь вражду к своим врагам, которые мешают нам, духовной жизни и нашему спасению. Господь посылает нам за наши грехи наказание, которое мы должны терпеливо сносить».

9 ноября с. г. наш секретный осведомитель «Краснова» посетила племянницу Луки — Прозоровскую Веру Владимировну, которая сообщила, что Патриарх Алексий звонил из Москвы Луке и предложил ему выехать на службу в город Казань. Лука страшно возмущен тем, что получилось это так неожиданно. Священники собрали совет и решили 13 ноября послать в Москву делегацию в составе трех священников, чтобы просить Алексия

оставить Луку в Крыму. Но Лука якобы заявил, что «все, что делается, значит, так угодно Богу».

10 ноября с. г. Лука нашему агенту «Соколовскому» заявил следующее:

«Вчера вечером Патриарх Алексий вызвал меня по телефону и говорил мне, что думает меня перевести на старинную Казанскую кафедру, и спросил, как я смотрю на это. Я ответил: "Как Господу угодно, так пусть и будет". Патриарху этот ответ понравился, и он сказал: "Этот вопрос я согласовал с Карповым, он нашел такой перевод приемлемым"».

10 ноября с. г. архиепископ Лука на имя Патриарха Алексия отправил письмо следующего содержания:

«Святейший и дорогой владыко!

Я глубоко верю в то, что "стопы человека от Господа направляются", и потому принял Ваше предложение о переводе в Казань как волю Божию.

Одно только меня смущает: есть ли в Казани сколько-нибудь похожий на кафедральный собор храм? Вся жизнь моя теперь в храме, и если в Казани, как было два года назад, так называемая единственная маленькая кладбищенская церковь, то это будет большим горем для меня.

Кроме того, на моем попечении две племянницы с тремя детьми, тяжко пострадавшие от немцев на Украине и не имеющие специальности. Одна из них теперь учится на бухгалтерских курсах и кончит их 30 января. Потерпит ли ее до этого времени мой заместитель в епархиальном доме, хотя она никого не стесняет?

Возможно ли будет взять в Казань другую племянницу (с 18-летней дочерью), заботящуюся о всех моих житейских нуждах? Я ведь не знаю, каковы там квартирные условия.

Снизойдите, владыко святой, к моим печалям и не откажите рассеять мои сомнения.

Предстоит тяжелая разлука с моей любимой и горячо любящей меня паствой. Но что же делать? И казанская будет любимой и любящей.

Может быть, преосвященный Гермоген[49] написал бы мне, чтобы Вас не обременять?

Примите искреннюю любовь мою.

10 ноября 1948 г. *Архиепископ Лука*».

11 ноября с. г. с нашим агентом «Светловым» беседовала племянница Луки Прозоровская, которая по поводу перевода Луки в Казань сказала:

«Владыку переводят в Казань, видимо, в связи с тем, что в скором времени будет война и что в Казани много медицинских учреждений и госпиталей, где он как профессор-хирург будет весьма нужен и будет там руководить медицинской и хирургической работой».

18 ноября с. г. Лука получил от Патриарха телеграмму, сообщающую о том, что «архиепископ Гермоген остается в Казани, и на радость крымской паствы Лука остается на месте».

16 ноября с. г. Лука, прочитав в газете «Красный Крым» объявление о предстоящей 17 ноября с. г. публичной лекции в лекционном зале парткабинета горкома ВКП (б) города Симферополя на тему «Коммунизм и религия», дал распоряжение своему секретарю приобрести для него билет на указанную лекцию.

17 ноября в 7 часов вечера Лука вместе со священником Голубятниковым и нашими агентами «Соколовским» и «Светловым» зашел в зал парткабинета, в котором в это время почти все места были заняты. Лука смело направился в первый ряд, где ему и сопровождавшим были предоставлены места.

Во время лекции Лука перенес свой стул ближе к трибуне.

После окончания лекции Лука на своей автомашине уехал домой. В разговоре с Лукой в автомашине священник Голубятников спросил его мнение о лекции, на что Лука ответил:

«Здесь, в автомашине, не место разговаривать об этом».

Когда Лука приехал к себе домой, то в разговоре с вышеупомянутым священником в присутствии нашего источника «Соколовского» заявил:

«Я устал, одно скажу: в лекции много подтасовки».

На следующий день, 18 ноября, архиепископ Лука читал проповедь в кафедральном соборе г. Симферополя, в которой, как сообщила нам осведомитель «Михайлова», высказал:

«Наши правители, наши современники внушают людям ложные учения, и люди поддаются этому учению против Христа. Они возненавидели Его, поносят и попирают Его всюду. Да просветит их, слепых, крест Господний правдой Божьей».

20 ноября с. г. Лука нашему агенту «Соколовскому» в беседе о лекции сказал:

«Если бы мне дали возможность выступить после лекции, то я забил бы этого лектора и все его выступление отверг бы. Хотя лектор кандидат философских наук, но слаб, и, видно, он лекцию читал по заданию».

21 ноября с. г. после службы в кафедральном соборе Лука произнес проповедь на тему о существовании ангелов по случаю дня Архангела Михаила. В этой проповеди, как сообщил нам агент «Вологодский», он указал:

«Неверующие и безбожники отрицают существование невидимых духовных существ, которыми являются ангелы, архангелы, серафимы, херувимы, силы, господства и власти. Человеческая наука биология говорит об эволюции происхождения жизни на земле от самых невидимых глазом существ — микробов, затем инфузорий, бацилл, микроскопических животных и вплоть до человека. Следуя учению этой науки, никак нельзя согласиться с тем, что все это эволюционное развитие от микроорганизмов и до человека остановилось на человеке и дальше не пошло.

Если мы своим человеческим взором не в состоянии рассмотреть микроорганизма, но почему мы не можем быть уверены в том, что с точки зрения высшего духовного развития есть существа духовные, бесплотные? Это подтверждается Писаниями Старого и Нового Завета.

Много было случаев, когда ангелы являлись в образе человеческом разным святым людям. У каждого человека есть свой ангел-хранитель. Близкие к нам из духовных существ являются серафимы и херувимы, затем идут ангелы, господства и силы и, наконец, архангелы.

Среди духовных существ нет равенства только потому, что каждый из этих степеней выполняет различные Божеские задания.

Тем более не может быть равенства и на земле, среди людей. В самом деле, мы имеем на земле Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, ученых, врачей, инженеров и обыкновенных смертных, и между ними существует большая разница.

Безбожники верят в свою эволюционную науку развития жизни на земле и отрицают эволюцию духовной жизни. Пусть себе верят, их все равно мы не сумеем убедить, да это и бесполезно, но мы, верующие христиане, в своих воззрениях должны руководствоваться Божественными книгами Ветхого и Нового Завета, которые говорят нам о существовании духовного невидимого мира».

Об этой же проповеди аналогичного содержания сообщила нам и секретный осведомитель «Михайлова».

Разработка Луки ведется в направлении вскрытия его организованной антисоветской деятельности.

И. о. начальника Управления МГБ СССР по Крымской области
полковник Филиппов.
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко.
4 декабря 1948 г.
№ 1/6/3465
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 4. Л. 318–323.

№ 41

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

31 декабря 1948 г.

<...> 6 декабря 1948 года архиепископ Лука в своей проповеди, произнесенной в соборе города Симферополя, сказал:

«Вы слыхали, что сказано в Священном Писании: я есть Бог живых. Бог наш является для всех Богом; он Бог и для верующих, Бог и для язычников, Бог для всех людей земли. К Богу приходят только те, на кого Он посылает благодать Свою; многие лишены этой благодати по своему неверию. Счастливы те люди, которые исполняют Его волю и живут верой в Него. Бог сравнивает Себя с виноградником, а людей — с виноградной лозой. Всякую лозу виноградную, не приносящую доброго плода, отсекают и бросают вон. Так и с людьми: кто не слушает слов Божьих, кто не приносит плода веры Христовой, Бог отсекает и бросает вон. Так будет и с вами!

Слезы, слезы горькие мы польем с вами за тех, кто не верит в благодать Бога и не приносит плода христианского!

Слезы, слезы мы польем за тех, кому Господом уготовано вечное страдание и муки ада!

Апостол Павел говорит: "Мы творим дела добрые по благодати Бога; не я делаю добро, но благодать Божия, во мне пребывающая, делает добро". Поэтому мы не должны гордиться, если сделали что-нибудь хорошее. Чем же мы, грешные, можем похвалиться? Христос искупил Своей смертью грехи всего мира — грехи всех людей: и язычников, и православных. Все люди — творение Бога! Но благодать Бога только на верующих в Него! Говорите, что Господь есть, Он наш Бог, и вы получите спасение».

12 декабря Лука читал проповедь в кафедральном соборе города Симферополя, во время которой, как сообщили нам агенты «Федорова» и «Жизненный», сказал:

«Христос сказал: "Я пришел не для того, чтобы мир вам принести с Собой, а низвести огонь на землю и среди вас разделение".

Настанет время, когда пойдет брат против брата, отец против сына, сын против отца, жена против мужа, муж против жены и т. д.».

Затем, перечислив второстепенных членов семьи, сказал:

«А разве теперь не разделен мир на две части? Разве не разделен на тех, которые следуют за Христом и за дьяволом? Разве теперь не говорят многим тем, кто хочет идти в храм, — не идите туда, не надо. Идите лучше в кино или театр».

25 декабря 1948 года Лука выезжал служить в церковь поселка Зуя, где произнес проповедь, в которой, кроме религиозной темы, сказал:

«До меня дошло, что в вашем селении распространяются слухи, будто я в своих проповедях отрицаю науку, и в особенности науку современную. Подумайте, может ли это быть?

Я являюсь одним из крупных ученых, лауреат Сталинской премии, могу ли я отрицать науку как таковую? Я, как и всякий ученый, могу быть не согласен с некоторыми частными положениями, но отрицать науку вообще было бы бессмыслицей. Это ложь и клевета на меня».

Характерно отметить, что подобного высказывания Луки никогда не было.

26/XII-1948 года секретный осведомитель «Микрофон» сообщил, что Лука в своей проповеди заявил:

«Настанет время, когда в мире явится антихрист. Это не дух бесплотный, имеющий какой-либо особенный и страшный образ, это будет обыкновенный человек, проповедующий учение, противоположное учению Христа, отрицающий христианское учение во всех его основах. Многие за ним последуют, и воцарится он на земле.

Это не значит, что он будет царем. Вы знаете, что царей теперь почти нет. Может быть, это будет какой-либо

президент или другой какой-либо властитель, но он будет владыкой мира.

Однако придет на землю Христос, и антихрист будет побежден. Это не значит, что он будет побежден мечом, т. е. силой оружия. Победит христианская любовь и истина Христова учения, и антихрист и его последователи погибнут, и Царство Божие, восторжествовав, будет вечным, как вечна любовь и истина в мире». В декабре месяце Лука продолжительное время был болен и поэтому проповедей произносил мало. Разработку Луки продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко.
31 декабря 1948 г.
№ 1/6/3117
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 5. Л. 373–375.

№ 42

Из информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1948 года

5 января 1949 г.

Прием посетителей.

За отчетный квартал посетило меня 67 человек, в том числе:

1. Архиепископ Лука	1 посещение
2. Секретарь архиепископа	14 — " —
3. Духовенство	35 — " —
4. Члены церковных советов и ревкомиссий	4 — " —
5. Миряне	9 — " —
6. Представители советских организаций	4 — " —

1. Архиепископ Лука посетил меня 15 октября 1948 г., по приглашению.

Результаты беседы с ним при данном посещении и по каким вопросам мною подробно сообщены отдельной докладной запиской № 26/с от 18 октября 1948 года[50].

Вторая встреча с Лукой состоялась 31 октября 1948 г., в день его тезоименитства (именин) монашеского имени Луки.

Его секретарь священник Милославов явился ко мне 29 октября с приглашением от имени Луки посетить его на дому в день его именин 31 октября, и, при согласии, архиепископ пришлет за мной машину. Мною согласие было дано.

31 октября (в воскресенье) в 3 часа дня Лукой была прислана за мной машина.

К моему приезду к нему на дом все, им приглашенные, были в сборе.

После взаимного приветствия и поздравления его с днем именин состоялся обед. Приглашенных было немного, только симферопольское городское духовенство и 2 сельских священника, всего за столом было 12 человек.

Мною было сказано несколько поздравительных слов по адресу именинника.

Он же в ответном слове в моем лице пожелал здоровья правительству.

Обед был скромный, речей на нем не произносилось, и продолжался недолго.

Следует отметить только один момент, имевший место во время застольной беседы. Лука обратился ко мне с такими словами: «По нашим законам (церковным), в такие дни существует обычай именинникам преподносить подарки, и вот, Я. И., вы бы могли нам преподнести такой подарок, который обрадовал бы не только меня и духовенство, но и верующий народ, — это открытие в городе Балаклаве церкви; такой бы подарок от вас, Я. И., был бы нам очень дорог».

В ответ на это я ему сказал: такого подарка я преподнести не в силах, так как в гор. Балаклаве в здании церкви помещается районный дом культуры и по ходатайствам вашим и верующих имеется решение Исполкома Областного Совета депутатов трудящихся «О невозможности освобождения дома культуры и передачи здания верующим под молитвенные собрания».

Лука на это мне ответил: «Все зависит от вас, Яков Иванович, как от Уполномоченного, если пожелаете преподнести нам подарок, то церковь в Балаклаве будет открыта».

На этом разговор о Балаклавской церкви был и окончен. <...>

2. Секретарь архиепископа — протоиерей Милославов, настоятель кафедрального собора, посетил меня, главным образом по поручению архиепископа, 14 раз, на которых им было поставлено на мое разрешение или в порядке информации до 25 вопросов, например:

1) По вопросам перемещения, назначения и увольнения духовенства — 7.

2) По вопросам перерегистрации церковных советов и ревкомиссий и предоставления регистрационных анкет и списков двадцаток — 4.

3) По вопросу бывшего настоятеля Николаевского собора гор. Евпатории Ливанова Николая, его увольнения, об устройстве церковного бунта его сторонниками в Евпатории и др. (подробно о Ливанове мною сообщается выше, на стр. 5, 6 и 7) — 3 посещения.

4) По поручению Луки дать им письменное распоряжение о закрытии церкви в пос. Мичурино (быв. Топлы) Старо-Крымского района разъяснил Милославову, что никакого моего письменного распоряжения им не требуется и в нем нет надобности.

5) По поручению Луки сообщить им, по чьему распоряжению закрывается церковь в селе Ново-Царицыно Нижнегорского района, разъяснил Милославову, что в селе Ново-Царицыно молитвенный дом (не церковь) помещается в школьном здании, и на основании существующих

постановлений Правительства предложено приходской общине освободить школьное здание, а взамен его Советом общине предоставляется другое помещение для молитвенного дома, а поэтому он не закрывается, а переводится в другое помещение. <...>

г) Обращения с посланиями епархиального архиерея архиепископа Луки к верующим — не было. Да он с таковыми в письменной форме и не обращается. Но зато много произносит проповедей, обращенных к верующим, которые затем самими верующими распространяются среди населения.

Кроме того, Лука обязывает и всех приходских священников систематически говорить проповеди. Сам же он в кафедральном соборе говорит проповеди ежедневно за каждой службой, а иногда и два раза в день.

В отчетном квартале 19 декабря 1948 года Лука выезжал в Николаевскую церковь села Зуя Зуйского района в так называемый их престольный праздник «Николая» по приглашению церковной общины, по сведениям, полученным мною через председателя Зуйского райисполкома тов. Зинчук.

Лука при приезде в Зую никем из верующих встречен не был, к его приезду в церкви было очень мало народа, и священник Безродный вышел из церкви и приглашал заходить в последнюю всех находившихся на улице.

Что Лука такой встречей со стороны верующих и малочисленностью их остался недоволен.

По сообщению тов. Зинчука, на такое реагирование со стороны населения села Зуи к приезду Луки повлияла накануне прочитанная лекция на антирелигиозную тему. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 153–170.

№ 43

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

29 января 1949 г.

По разработке архиепископа Крымского Луки в отчетном месяце от агентуры получены следующие данные:

4 января сего года Лука вошел в канцелярию епархии с газетой «Медицинский работник», предварительно выпроводил всех из канцелярии, оставив только двух человек, в том числе нашего агента «Вологодского», закрыл дверь и, обращаясь к «Вологодскому», начал с возмущением и саркастически читать выдержки из газеты «Медицинский работник» относительно критики работы прежних ученых и профессоров медицины в области биологии, при этом заявил:

«Что это делается? Такая большая мировая величина среди ученых, как Орбели[51], совершенно отстранен от ученой деятельности как противник нового положения в биологической науке.

Не дают покоя даже умершим ученым, как, например, Пашутину[52] и Лукьянову[53], тоже в прошлом мировым величинам, осуждая их прошлую деятельность в области биологических наук.

Творится что-то невероятное! Друг на друга подличают, строят козни и, ради только подхалимства и эгоистического желания быть первым, не стесняются пользоваться любыми средствами в борьбе за торжество учения Мичурина[54] и Лысенко[55]. Никогда раньше не было такого антагонизма среди ученых, а теперь дошли до подлости и низости. Я не могу хладнокровно читать об этом в газетах».

9 января сего года Лука в адрес: Почтовое отделение Колтуши (село Павлово) Всеволожского района Ленинградской области, Физиологический институт

им. Павлова, академику Орбели Л. А. отправил документ следующего содержания:

«Многоуважаемый Леон Абгарович! Из письма сына моего я с возмущением узнал о бесчестной травле, которой Вы так долго подвергались от некоторых недостойных Ваших сотрудников по институту. Еще раньше я с тяжелым чувством негодования следил за газетной травлей почтеннейших ученых, во главе которых всегда стояло для меня Ваше имя.

По радио из Америки передавали полную глубокого возмущения речь одного из ученых, отказавшегося от почетного членства в нашей Академии наук. В этой речи он с глубоким уважением отзывался о Вас, а академика Лысенко назвал шарлатаном.

Низость дух [а] и моральная явлена была в речах тех Ваших ученых, которые на собраниях занимались доносами на своих почтенных коллег.

Но рекорд побил академик Страшун[56], которому мало было собачьего лая на живых ученых и понадобилось раскапывать могилы давно умерших Пашутина и Лукьянова и лаять даже на мертвых.

О времена, о нравы! Где прежнее благородство и справедливость, где даже простая нравственная порядочность!

Примите, Леон Абгарович, мое искреннее и глубокое уважение и сочувствие в посетивших Вас невзгодах.

Архиепископ Лука, Войно-Ясенецкий, бывший профессор хирургии, лауреат Сталинской премии».

7 января сего года, как сообщил нам агент «Вологодский» и с/о «Михайлова», Лука в соборе сказал проповедь, в которой высказал:

«Противники религии, безбожники вообразили лозунг о том, что христианство не одолеет, но они жестоко ошиблись, так как христианство на самом деле одолело все козни диавола и процветает уже в течение двух тысячелетий.

Правда, в современных условиях, когда процветает антирелигиозное направление, верующих людей очень

немного, но это малое Христово стадо есть результат происходящего Божественного отбора. Человеческая наука предусматривает два вида отбора в физиологической природе.

Маг и волшебник Мичурин, который жил в Козлове (ныне Мичуринск) и всю жизнь посвятил себя науке по созданию новых плодов, а Лысенко в области растениеводства.

Эти научные работы характеризуют так называемый искусственный отбор. Естественный отбор происходит постоянно в окружающей природе, в результате которого все непригодное отмирает, а на смену появляются здоровые, приспособленные к жизни виды животного мира.

В религиозной области, в мире духовном, тоже происходит отбор, но этот отбор является Божественным, неверующие отбрасываются, а все верующие сплачиваются в единое стадо.

Хотя оно и малое теперь, но зато сильное и крепкое, и христианство одолевает».

12 января сего года нами был арестован священник церкви города Старого Крыма Лобов; когда архиепископу Луке сообщили об этом, он сделал крайне изумленное, испуганное лицо и сказал:

«Как, неужели арестован? Час от часу не легче».

8 января Лука на имя митрополита Николая отправил письмо, в котором пишет:

«Пользуясь случаем высказать Вам, как редактору журнала, свою глубокую скорбь по поводу статей и докладов на "совещании" летнем архиепископа Гермогена[57]. Зачем ему надо было собрать все самое грязное, самое отрицательное в Римской церкви? Неужели нет в ней и светлого и положительного, нет чудес и святых! Разве церковь католическая только папа и кардиналы, только Ватикан, к политике которого мы все относимся отрицательно?

Разве церковь католическая не состоит из миллионов "простых людей" с чистыми сердцами? Зачем же

отравлять их статьями Гермогена, ставящими злые и тяжко греховные преграды между христианами? Зачем, зачем этот тяжелый грех на радость врагам церкви!»

16 января сего года в адрес с. Лебедок Полянского района Киевской области, Кохно Даниилу Марковичу, Лука отправил письмо, в котором указывал:

«Вы, Даниил Маркович, совсем оторваны от жизни и точно не знаете, в каких условиях мы живем. Ваш план борьбы с сектантством совершенно фантастический. Разве Вы не знаете, что по Сталинской Конституции религиозная пропаганда запрещена, что открывать молитвенные собрания мы не имеем права, что миряне проповедовать не смеют? Вести открытую борьбу путем проповеди против сектантов мы не имеем права.

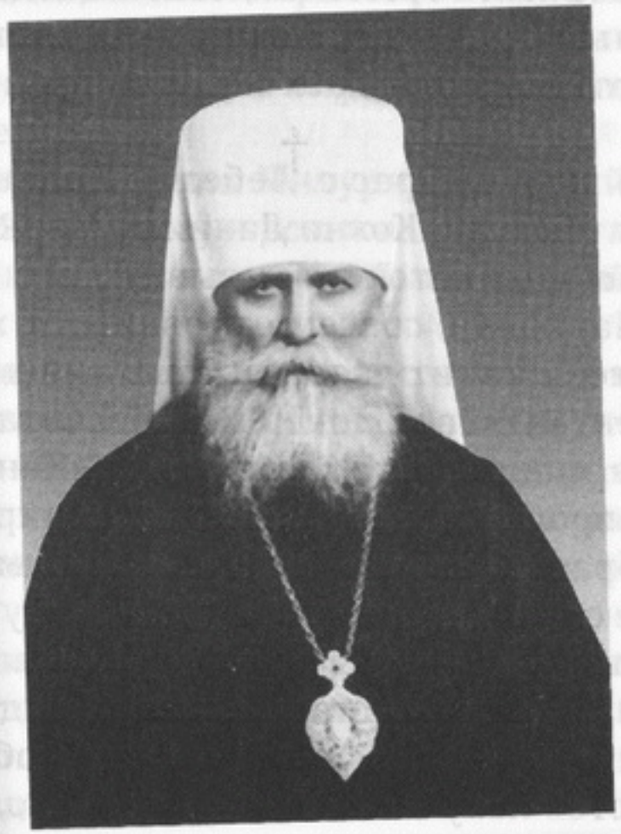
Я побывал однажды у здешних баптистов и держал долгую речь к ним, и за допущение меня в их собрание пресвитер баптистов получил выговор от их уполномоченного. Недавно у нас закрыли две церкви, а в открытии новых отказывают. Впрочем, сектантов у нас немного, всего 500–700 по всему Крыму.

О происхождении нашего сектантства от протестантского рационализма я говорил по 1,5 часа во многих городах и селах Крыма.

Второе Ваше письмо тоже наивно. Не в том, что люди не знают о своем спасении Сыном Божьим, а в том, что не хотят слышать о Нем. Не научным языком надо говорить об этом, ибо доводы от разума и наука никого не убеждают, а глаголом жечь сердца людей, что я и делаю ежедневно с большим успехом.

Вы глубоко ошибаетесь, думая, что причина духовной гибели людей лежит в их религиозном невежестве, она гораздо глубже — в извечной борьбе сатаны против Христа. Никакими убеждениями не обратить людей, которые предпочитают идти путем антихристовым».

17 января сего года доктору Молякову Михаилу Григорьевичу, проживающему в гор. Ташкенте по улице Каблукова, № 54, Лука написал:

Митрополит
Вениамин (Федченков)

«Вы, Михаил Григорьевич, забыли, что доктор Валентин Феликсович умер в 1923 году, а вместо него живет по Божьей милости архиепископ Лука, другой человек. Как ни важна была хирургическая и научная работа Валентина Феликсовича, но деятельность преосвященного Луки гораздо более важна и плодотворна. До меня в Симферопольском соборе в будние дни бывало не более 10 человек молящихся, а теперь до 250. В воскресные дни собор полон, а в большие праздники, при крайней давке, многие вынуждены стоять во дворе.

Слава Богу!»

4 января сего года из гор. Алушты в канцелярию епархии приехала жена священника Алуштинской церкви Клягина Порфирия; увидев ее, Лука сказал:

«Мне пишет митрополит Вениамин[58] из Риги о том, что он намерен летом приехать в Крым отдохнуть, и просит подыскать ему квартиру на берегу моря.

Самое лучшее, по-моему, устроиться ему в Алуште, а поэтому попросите отца Порфирия, чтобы он уже

теперь предпринял меры к подысканию ему квартиры, причем возможно, что и я буду жить вместе с ним во время летних каникул, месяца два.

Митрополиту, конечно, не обязательно быть вблизи моря, но, главное, он хочет жить изолированно от "советских людей", чтобы иметь полный отдых. Пускай учтет это отец Порфирий при подыскании квартиры».

Жена священника Клягина обещала передать мужу об этом.

Вследствие того, что митрополит Вениамин во время пребывания белых в Крыму служил в крымских церквах, выступал с контрреволюционными проповедями, имел большие связи с антисоветским элементом, с которым он снова может восстановить связи, нам крайне нежелателен его приезд в Крым на отдых.

24 января сего года Лука прислал к уполномоченному по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Крымской области тов. Жданову своего секретаря, священника Милославова, который сообщил ему, что Лука имеет намерение пригласить летом в Крым на отдых Патриарха Алексия, и просил у Жданова помощи в подыскивании для Патриарха подходящего помещения на Южном берегу Крыма.

Разработку Луки продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко.
29 января 1949 г.
№ 1/6/124
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 64. Т. 1. Л. 106–112.

№ 44

Харктеристика архиепископа Симферопольского и Крымского Луки, составленная уполномоченным

8 марта 1949 г.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) родился в апреле 1877 года в городе Керчи, в семье провизора.

В 1896 году окончил Киевскую гимназию и в 1903 году — Киевский университет по медицинскому факультету. 13 лет был земским врачом. С 1917 года — главным врачом и хирургом Ташкентской городской больницы.

С 1916 года — доктор медицины.

С 1920 года — профессор топографической анатомии и оперативной хирургии Ташкентского университета.

С 1921 года в сане священника. С 1923 года — епископ Ташкентский, позже — архиепископ Красноярский и Тамбовский.

С мая м-ца 1946 года — архиепископ Симферопольский и Крымский.

В 1945 году награжден медалью «За доблестный труд [в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. »]. В 1946 году получил Сталинскую премию первой степени за научную работу по хирургии.

Трижды подвергался высылкам, где находился 11 лет.

Имеет 3-х сыновей и 1 дочь, все врачи. Старший сын — профессор Львовского университета, средний — физиолог в клинике им. Павлова в Ленинграде. Младший — ассистент профессора Филатова в Одессе. Дочь работала в Наманганском облздравотделе Узбекской ССР.

При нем живут две «племянницы»[61] с детьми. По приезде в Симферополь в 1946 году архиепископ пытался подчинить меня своему влиянию, например, по приезде не явился лично, а прислал управделами епархии с сообщением о его прибытии и вступлении в управление епархией. На что мною было передано ему о личной явке.

Когда же явился он сам, то настаивал на том, чтобы я его называл архиерейским званием «Владыка» или «Ваше преосвященство» и т. п.

На что мною это его желание было отведено. Вначале не желал не только согласовывать, но даже предварительно информировать меня о проводимых им мероприятиях как по вызову им духовенства из других епархий, так и по назначению, увольнению и перемещению духовенства.

Только после того, когда я отказал в регистрации некоторым священникам, вызванным им из других епархий, Лука стал предварительно меня информировать о проводимых им мероприятиях, да и то не сам лично, а через своего секретаря, что делается и до последнего времени.

После своего приезда и до конца 1947 года проявлял активную деятельность по вопросам медицины.

Как хирург и профессор читал доклады, лекции врачам, являлся консультантом госпиталя инвалидов Отечественной войны, проводил операции больным и раненым, принимал больных, давал советы и т. д. Но так как он выступал с докладами и лекциями по вопросам медицины в своей архиерейской форме, что является не вполне нормальным, было рекомендовано ему читать доклады и лекции на медицинские темы не в архиерейской одежде, а в светской. Лука это делать категорически отказался.

Тогда его перестали приглашать для чтения докладов и лекций.

После этого Лука переключился исключительно на проповедническую деятельность, стал читать проповеди ежедневно, а иногда и по две проповеди в день в кафедральном соборе и других церквах гор. Симферополя, кроме того, для чтения проповедей стал выезжать и по приходским церквам области. Читает проповеди не только на евангельские темы, по толкованию т [ак] н [азываемого] Священного Писания, но и на разнообразные другие и даже философские темы, как «О науке и религии», «Об истоках современного безбожия», «О суетности

славы человеческой» и т. д. и т. п. Даже и проповеди на евангельские темы увязывает с современностью, как-то: охаивание молодежи, что последняя стала распущенной, безбожной, ходит по театрам и кино, а церкви не посещает, не молится Богу и т. д.

После указа Синода от 25 августа 1948 года и определения Синода от 16 ноября 1948 года его проповеди стали носить больше церковный характер, но он все же продолжает их читать ежедневно.

По своему характеру самолюбив, высокомерен, хвастлив, всем и всюду подчеркивает, что он большой авторитет не только среди духовенства, но и среди врачебного мира, что он известен не только в Советском Союзе, но и за границей, что эта известность ему создана Советским Правительством.

Имелись попытки с его стороны использовать не только меня как уполномоченного Совета, но и местные советские органы по установлению дисциплины в церковных общинах, как-то: удаления из церкви уволенного им церковного старосты Терно (пос. Советский) и др., на что ему разъяснялось о невмешательстве в церковные дела советских органов.

Иногда в его высказываниях проскальзывает недоброжелательность в отношении Советской власти, это подчеркиванием того, что он пробыл 11 лет в ссылках якобы без какой-либо вины. Что все духовенство, находившееся в местах заключения и ссылках, страдало невинно, а отсюда — приближение к себе и предоставление лучших приходов таким священникам, как он говорит, «страдавшим за веру».

Среди значительной части как духовенства, так и верующих Лука авторитетом не пользуется за запрещение им священникам носить гражданскую одежду и подстригать бороды.

Многие из них называют его «деспотом», что он хороший хирург, но плохой архиепископ, так как за малейшее нарушение так называемых канонических правил со священниками он расправляется жестоко: лишает сана,

увольняет за штат, переводит из одного прихода в другой и т. п., не считаясь ни с какими их желаниями и оправданиями.

Так, за время его нахождения в Крымской епархии с мая 1946 года состав духовенства переменился примерно на 80%. Все эти годы количественный состав священнослужителей был до 60 чел., из них выбыли за время его нахождения 42 человека, из коих только 8 человек выбыло помимо его. Остальные им уволены или ушли сами или выехали, не желая служить под его руководством.

За это же время вновь им принято или посвящено в священнический сан 44 человека, некоторые священники им увольнялись и вновь принимались по 2–3 раза.

Кроме того, многие священники и быв. священники, лишенные им сана, говорят о Луке так: «Будучи требователен к другим, нетребователен к себе, нарушает монашеские обычаи, повел борьбу со священниками-стариками, убеленными сединой, обличая их в прелюбодеянии (Дубинин, Нефедов, Алейников, Безталанный), тогда как сам имеет у себя в услужении женщину "племянницу", даже не одну, а две, да еще и несколько монашек, как они говорят, "у Луки целый гарем".

Когда по епархии им и его окружением был пущен слух, что он Патриархом переводится в Казанскую епархию, очень многие из числа духовенства и верующих высказывали свое удовлетворение.

После того как эти разговоры прекратились и его перевод не состоялся, высказывали недовольство.

О его отношении ко мне, как уполномоченному Совета и как представителю государства, можно привести его словами из его годовых докладов Патриарху; так, в докладе за 1947 год Лука писал:

«Работа с местным уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви настолько затруднена, что я вынужден был лично жаловаться на него председателю Облисполкома и трижды посылать жалобы в Совет»... и далее: «... основные условия, затрудняющие развитие церковной жизни, устранить их местными средствами

невозможно, особенно при нашем уполномоченном Совета, который просто отмахивается от них...»

В годовом отчете Патриарху за 1948 год он пишет так: «Крымский уполномоченный проявляет мало благожелательности в отношении церкви. Охотно закрывает церкви и неохотно содействует открытию новых. В Балаклаве народ усиленно ходатайствует об открытии храма, занятого под клуб, но уполномоченный ставит интересы клуба выше интересов христиан и не дает хода их ходатайству. Три раза приходилось жаловаться в Совет по делам Православной Церкви на действия уполномоченного, однако всячески стараемся сохранить приличные отношения...»

Вот примерно все то, что можно было дополнить к той характеристике архиепископа Луки, которая мною дается в информационных отчетах и в специальных докладных записках.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

№ 45

Из информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1949 года

1 апреля 1949 г.

<...> В отчетном квартале встреча с архиепископом Лукой состоялась только одна, при таких обстоятельствах: мне стало известно, что он лежит больной, а с ним было необходимо побеседовать по ряду вопросов.

23 марта утром позвонил ему по телефону. Вначале спросил его о здоровье. Лука ответил, что лежит

больной вторую неделю, на ноге язва, врачи запретили ходить и предложили лежать, и он, против своего желания, вынужден лежать. После этого я ему сказал, что «мы с вами давно не встречались (а не встречались со дня его именин, т. е. с 31/X-48 года) и желательно было бы встретиться; если я к вам подойду, сможете ли вы по состоянию здоровья принять меня?» Лука тут же по телефону высказал большое желание, чтобы я его посетил, несколько раз повторил «пожалуйста» и предложил подослать за мной машину. От машины я вежливо отказался.

Когда пришел к нему, он лежал. После взаимного приветствия Лука рассказал, что врачи положили его в постель, так как на ноге появилась язва от долгого стояния на ногах, а стоять ему приходится ежедневно во время службы по нескольку часов, а возраст 72 года, что сказывается. Кровообращение уже замедленное, и это отразилось на ноге, врачи рекомендуют ему сократить свою деятельность и стояние на ногах по меньшей мере на 50% и говорят: «Работаете как 50-летний, а вам 72 года, не забывайте этого».

На это я ему заметил: «Врачи правы, зачем же вам себя переутомлять ежедневными службами, а потом болеть, если врачи говорят, что вам необходимо сократить свою деятельность, т. е. ежедневные службы и стояние на ногах, то это, видимо, надо для вашего здоровья».

Затем беседа велась на разные мелкие темы. Спросил меня, часто ли я выезжаю в районы, о себе сказал, что он также давно никуда не выезжал, и тут же заметил, что скоро он летит в Москву, если с ногой не будет хуже, полетит 28 марта по приглашению Патриарха.

На мое замечание, что он, видимо, не был в Москве со времени приезда в Крым, Лука ответил: «Да, более 2-х лет», — и далее заметил, что он не любит ездить сам, без приглашений, а Патриарх не приглашал.

Далее рассказал, почему его приглашает Патриарх к себе, что он послал Патриарху письмо, в котором поставил ряд принципиальных вопросов.

На это письмо Патриарх прислал ему пространный ответ и приглашает приехать к нему для разрешения этих вопросов[60]. После этого Лука спросил меня:

«... Что же получается с делом растраты бывш. церковного старосты Евпаторийского собора Бондарь? Нарсуд присудил взыскать с него в пользу собора 23 тыс. рублей и даже привлечь к уголовной ответственности, но Бондарь обжаловал решение нарсуда, и после этого о деле ничего не слышно. На днях я поручил настоятелю Евпаторийского собора священнику Поветкину узнать у прокурора, в каком положении находится дело, и прокурор Поветкину смущенно ответил: "Дело прекращено"».

И Лука из этого делает вывод, что, видимо, здесь не обошлось без взяток, так как ему известно, что Бондарь хвалился, лучше лишится двух домов, нажитых за счет церковных средств, но добьется, что суда над ним не будет. Когда он будет в Москве, то специально по этому вопросу будет говорить в Совете с т. Карповым.

На это я ему ответил: чтобы здесь фигурировала взятка — сомневаюсь; видимо, нет достаточных доказательств о растрате, далее ему заметил, что дело против Бондаря было возбуждено помимо меня, материалов я не знал, в каком положении дело, мне неизвестно.

После этого Лука спросил меня: «Вы иногда по тому или другому вопросу читаете Милославову выдержки из документов на вопросы, касающиеся нас (церкви), но нам не известных, и когда Милославов просит у вас дать копии этих документов, вы отказываете — неужели эти документы секретные?» (Был случай, когда я Милославову зачитал отдельные места из инструкции Министерства финансов № 870 от 16/XII-46 г. «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов», «О самообложении», кто платит налог по ст. 19 и 5.)

На это я Луке ответил: «Когда Милославов обратился ко мне от вашего имени разъяснить, имеют ли право с членов церковного совета брать самообложения в сельских церквах как со служителей культа, а также почему

Крестный ход во время зимнего престольного праздника
Собор св. Александра Невского. г. Ялта. 1958 г.

с них берут подоходный налог по ст. 19, я Милославову разъяснил и в подтверждение этого зачитал ему выдержку из закона. Но вам иметь копии этих документов не обязательно, да и не нужно, что все вопросы, возникающие у вас, нужно ставить через меня, о чем я вас неоднократно предупреждал».

Лука на это заметил: и вопросы внутрицерковные? На это я ему ответил: нет, вопросы внутрицерковные — это ваше внутрицерковное дело, а те вопросы, которые вы ставите перед советскими государственными организациями, например перед Исполкомом, Нарсудом, Прокуратурой и др. Лука в ответ сказал, что он не знал об этом; на это я ему заметил: не может быть, что еще в начале его приезда об этом я ему говорил.

Далее наша беседа перешла на более серьезную тему. Я ему заметил, что в Ялтинском соборе не выполняют

Заседание Священного Синода
Слева направо: Святейший Патриарх Алексий I (Симанский),
митрополит Николай (Ярушевич) и архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

указы Патриарха и Синода от 25/VIII и 16/XI-48 г. в отношении проповедей о том, что священники могут говорить проповеди в воскресенье и праздничные дни по толкованию и объяснению Евангелия и что проповеди должны носить чисто церковный характер. Но в Ялтинском соборе проповеди произносятся ежедневно, да еще по два раза, во время утренней службы и вечерней.

Кроме того, священником Руденко два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, после вечерней службы проводятся беседы на «душеспасительные темы», и эти беседы не являются ли преподаванием Закона Божия?

О днях и часах бесед на входных дверях собора вывешено объявление.

В притворе при входе в собор на обеих стенах висят большие плакаты с рисунками, художественно

оформленными, на библейскую тему «О земной жизни Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя мира», под каждым рисунком имеется текст, составленный священником Руденко, по сути дела это — наглядная религиозная пропаганда; затем при соборе для прислуживания священникам имеются пять мальчиков-школьников.

Лука на это мне ответил так: «Что проповеди произносятся ежедневно — это хорошо, так и должно быть, так как он и сам их говорит ежедневно, с указами Синода в отношении проповедей и непреподавания Закона Божия он не согласен, о чем и писал Патриарху, что главным-то образом он и едет к Патриарху для беседы с ним по этим вопросам».

Если священник Руденко проводит вопросы на «душеспасительные» темы после службы — тоже неплохо, и эти беседы проводились испокон веков, он и сам, еще будучи священником в Ташкенте, такие беседы проводил, ничего в этом нет плохого; в отношении мальчиков сказал: да, это много и не нужно.

Далее Лука рассказал о своих проповедях, что его проповеди записываются.

В Тамбове запись вела стенографистка, и тамбовских проповедей у него большой том, более 200 проповедей, отпечатанных на машинке; здешних, крымских, у него два тома, записываются одной старушкой, хотя она и не стенографистка, но делает записи не хуже стенографисток, хотя ему приходится их потом исправлять, что он в своих проповедях иногда выступает против материализма.

И далее сказал следующее:

«... Хотя это вам, коммунистам, и не нравится, но ничего поделать нельзя, вы, коммунисты, ведете антирелигиозную пропаганду, а я — религиозную. Выступал против материализма в своих проповедях и буду выступать, говорю проповеди строго по Евангелию, а в Евангелии есть места против материализма. Многие проповедники в своих проповедях об этих острых

местах умалчивают и их обходят, но я этого никогда не делал и делать не буду, я знаю, что за моими проповедями следят, и очень аккуратно, из МГБ, и там в моих проповедях ничего не находят предосудительного. Но если они коммунистам не по душе, то тут ничего не поделаешь».

В заключение всего этого Лука сказал: «... не пора ли мне, Яков Иванович, уезжать из Крыма, здесь я многим, как видно, не нравлюсь, мешаю, надоел, и они рады были бы от меня избавиться», и тут же, смеясь, заметил: «... если перейду и в другое место, получится то же самое, буду так же мешать, мною будут недовольны, что такое положение со мной бывает везде, где бы ни находился».

И в заключение всего этого Лука сказал: «... хотелось бы прожить свой последний жизненный путь здесь, в Крыму, но ходят упорные слухи, что как будто бы предполагают перевести его в Одессу, но это только слухи, буду в Москве у Патриарха и там узнаю, слухи это или действительность».

На этом наша с ним беседа и окончилась. Прощаясь, пожелал ему выздоровления. Лука поблагодарил и сказал:

«... по приезду из Москвы беседу с вами продолжу и расскажу, как будут разрешены там поставленные мною вопросы».

Предложил мне машину, я вежливо отказался. <...>

Сам архиепископ Лука церковную жизнь по области характеризует следующим образом:

«... В городах церковная жизнь довольно быстро развивается и углубляется, особенно в Симферополе, где собор не вмещает молящихся и много далеких от церкви людей обращается к Богу. Но в сельских местностях церковная жизнь едва теплится и церкви почти пустуют. Основной причиной этого печального явления надо считать обязанность крестьян работать в воскресные и праздничные дни, но велики и успехи антирелигиозной пропаганды. Кроме того, низок

средний уровень духовенства в отношении образованности, общей и богословской, и слабость и бледность их проповедей. Огромный ущерб понесла Крымская Церковь вследствие выселения греков и болгар, которые составляли главный контингент верующих и с большой заботой и любовью относились к Церкви. Их сменили переселенцы из центральных областей России, в большинстве индифферентные к религии». (Из годового отчета за 1948 год архиепископа Луки Патриарху)[61]. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 10–14, 35.

№ 46
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

2 апреля 1949 г.

<...> По разработке архиепископа Луки добыты данные о том, что он среди окружающего его духовенства ищет нашу агентуру, так, например:

2 марта сего года Лука вызвал к себе вечером нашего источника «Зайцева», сразу же при его входе задал ему вопрос:

«... Скажи мне, ты работаешь тайным сотрудником МГБ или нет?»

На вопрос Луки источник ответил:

«... Дорогой владыко, я служитель Христов и не понимаю, о каком сотрудничестве Вы меня спрашиваете».

Выслушав «Зайцева», Лука заявил:

«... Так слушай, я тебе разъясню: чекисты, переодетые в гражданское платье, а иной раз и не переодеваются, вызывают людей, которые слабы духом и силой воли, и их очень ласково начинают упрашивать, а иной раз предлагают со всякими угрозами — заставляют работать у них тайными сотрудниками, говоря им: ведь вы должны быть преданными патриотами своей Родины и должны выдавать нам изменников. Вот таким образом и ведется работа среди массы народа. И вот они, эти люди, должны составлять конспекты и подписывать кличкой, которую им дают, и вечером в определенное время должны являться, где ожидает их чекист.

Вот я приведу тебе пример: в городе Ташкенте, где я служил, у меня в соборе был протодьякон, правда, это было во время обновленчества, который работал тайным агентом, и у него была кличка "Дохлая крыса", и он так работал, а когда меня арестовали, то в камере, встретившись со мной, этот протодьякон, оправдываясь, говорил: "Что ж, владыко, они меня заставляли работать". Да, много было и сейчас есть архиереев и священников, которые так работают».

На вопрос источника, как же они служили Богу, Лука, засмеявшись, ответил:

«А так и служили, и у нас в соборе немало таких, даже среди духовенства. Таким образом эти мерзавцы вызывают и отбирают подписку о сотрудничестве, а как дал подписку, так и пропал».

Выслушав Луку, источник заявил:

«... Меня пока Бог миловал, еще не вызывали, да и вообще, я не способен на это, ведь для этого, вероятно, есть особые люди. Вы, владыко, меня прямо напугали».

Засмеявшись, Лука предупредил:

«... Мой дорогой! Если эти сволочи тебя вызовут, смотри, не давай подписки, а пошли их ко всем чертям. Смело скажи им: я работать вам не буду, как это было однажды со мной, а ты еще молод и неопытен, и в жизни они могут что угодно сделать. Эти антихристы подкупают не таких, а от меня, как горох от стенки, отскочили. Теперь нужно

бояться своей тени, не только окружающих тебя. Собор наш полон шпионов».

«Зайцев» перекрестился и ответил Луке:

«... Спасибо, владыко, что предупредили, теперь я буду осторожен».

После этого разговора Лука снова предупредил «Зайцева»:

«... В случае чего — никаких подписок, а посылай их ко всем дьяволам».

На следующий день Лука вызвал к себе других служителей собора.

23 марта сего года по случаю болезни Луки его квартиру посетил уполномоченный по делам Русской Православной Церкви тов. Жданов. В процессе беседы о церковных делах Лука рассказал о своих проповедях, что его проповеди записываются. В Тамбове запись вела стенографистка. Тамбовских проповедей у него большой том, более 200 шт., а здешних, крымских, у него два тома, что он в своих проповедях иногда выступает против материализма, при этом он заявил:

«... Хотя это вам, коммунистам, и не нравится, но ничего поделать нельзя, вы, коммунисты, ведете антирелигиозную пропаганду, а я — религиозную. Выступал против материализма в своих проповедях и буду выступать, я говорю проповеди строго по Евангелию, а в Евангелии есть места против материализма. Многие проповедники в своих проповедях об этих острых местах умалчивают и их обходят, но я этого никогда не делал и делать не буду. Я знаю, что за моими проповедями следят из МГБ, и очень аккуратно, и там в моих проповедях ничего предосудительного не находят. Но если коммунистам не по душе, то ничего тут не поделаешь».

В заключение Лука сказал:

«... Не пора ли мне уезжать из Крыма? Здесь я многим, как видно, не нравлюсь, мешаю, надоел, и они рады были бы от меня избавиться», — и тут же, смеясь, он заметил: "если перейду в другое место, получится то же самое, многие будут недовольны"».

9 марта Лука на самолете вылетел в г. Москву к Патриарху.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко.
2 апреля 1949 г.
№ 1/6/478
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 64. Т. 1. Л. 334–336.

№ 47
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

30 апреля 1949 г.

<...> В религиозный праздник Пасху по сравнению с прошлым годом количество посетивших церкви в городах Крымской области значительно увеличилось, так, например:

		1948 г.	1949 г.
по Симферополю	в 4 церквах	5800 чел.	9000 чел.
—"— Севастополю	в 2 —"—	2600 —"—	6500 —"—
—"— Ялте	в 2 —"—	2000 —"—	3000 —"—
—"— Евпатории	в 2 —"—	1500 —"—	2000 —"—
—"— Джанкою	в 1 —"—	2000 —"—	2500 —"—
—"— Феодосии	в 3 —"—	3000 —"—	4600 —"—
—"— Керчи	в 2 —"—	2500 —"—	5000 —"—

Характерно отметить, что среди верующих, посетивших церкви в городах Крымской области, было молодежи 10–12%, в том числе были и учащиеся ремесленных училищ.

Каких-либо эксцессов и провокационных выступлений в Пасхальные дни не отмечено.

По разработке архиепископа Луки за отчетный месяц заслуживающих внимания материалов не поступило.

После приезда его из Москвы он стал очень редко читать проповеди, объясняя причину тем, что у него болит горло и резко ухудшилось зрение.

О своей беседе с Патриархом Алексием Лука никаких разговоров не ведет.

По сообщению нашего агента «Вологодского», Лука в данное время пересматривает свои проповеди за 1946, 1947 и 1948 годы и делает в них ряд исправлений.

Данные «Вологодского» подтверждаются последовавшим документом от Луки в адрес митрополита Николая, в котором он пишет:

«Я пересматриваю все свои проповеди и устраняю из них все сколько-нибудь неприятное для внешних».

Через агентуру нами заполучен первый том проповедей Луки, анализ по которому сообщим вам в докладной записке за май месяц.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
30 апреля 1949 г.
№ 1/6/60
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 64. Т. 2. Л. 123–124.

№ 48
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

1 июня 1949 г.

<...> По разработке архиепископа Луки за отчетный период заслуживающих [внимания] данных не поступило.

3 мая сего года секретный осведомитель «Светлов» сообщил, что Лука ехал в машине по городу Симферополю и на замечание одного из служителей культа о том, что в воскресенье назначен воскресник по городу, Лука, возмущаясь этим, заявил:

«Вот русские люди трусы, татары бы и не вышли ни один на работу, и никто бы ничего с ними не сделал. Если бы так поступили с татарами или евреями в их праздник, то ни один не вышел бы на работу. Ну а наши, русские, православные, как бараны, боятся и, несмотря на праздник, идут сатане навстречу».

Разработку Луки продолжаем.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко.
1 июня 1949 г.
№ 1/6/757
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 64. Т. 2. Л. 359.

№ 49
Из информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1949 года

2 июля 1949 г.

<...> Архиепископ Лука при посещении меня 11-го апреля с/г по своей инициативе рассказал о своей поездке в Москву, где якобы хорошо был принят Патриархом и митрополитом Николаем.

С ним они беседовали в отношении его проповедей, и в его проповедях Патриарх не находит ничего такого, что давало бы повод делать какой-либо вывод о его выступлениях в проповедях против власти (один экземпляр

своих проповедей отсылает в Патриархию), но Патриарх ему все же заметил, что в его проповедях имеются отдельные выражения, из которых малограмотные люди или слаборазвитые могут сделать вывод, что он, Лука, в проповедях выступает против власти.

После этого Лука сказал, что он дал обещание Патриарху в дальнейшем в своих проповедях быть более осторожным и не допускать таких выражений, которые давали бы повод заподозрить его в чем-либо предосудительном, а также обещал Патриарху все свои проповеди пересмотреть и все имеющиеся в них выражения, дающие повод предполагать о его якобы отрицательном отношении к власти, исправить и из проповедей удалить.

Из этого можно было сделать вывод, что ему Патриархом, видимо, было сделано серьезное внушение и предупреждение.

Во время этой же беседы Лука поставил передо мною следующие вопросы:

а) В селе Мазанка Зуйского р-на местные власти запрещают резать вербу к Вербному Воскресению, якобы это является уничтожением лесонасаждений. На это я Луке заметил, что в Крыму вербы как таковой нет, а для этой цели верующими используются все другие лесонасаждения, а в данное время имеется Постановление Правительства о сохранении всех лесонасаждений, посадке новых, а поэтому местные власти села Мазанки правы, когда запрещают уничтожать лесонасаждения под видом вербы.

б) В хоре кафедрального собора поет одна девушка, которая окончила институт по математическому факультету и была преподавателем математики в Сарабузской школе, и за то, что она посещала церковь и пела в хоре, ее из школы уволили.

На мой вопрос, как фамилия девушки и в какой школе работала (с тем чтобы проверить правильность его заявления), Лука ответил незнанием, но обещал сообщить. До сих пор никакого сообщения от него мне не поступило.

в) В алтаре кафедрального собора прислуживает мальчик — школьник 14 лет, его вызвала к себе учительница

и спрашивала, правда ли, что он в церкви прислуживает в алтаре, когда последний это подтвердил, учительница назвала его «холуем».

Лука спросил меня, имела ли право учительница называть мальчика «холуем» за то, что он прислуживает в церкви.

На это я ему заметил, если учительница действительно назвала мальчика-школьника «холуем», поступила неправильно и проявила грубость, но беседовать со школьниками, посещающими церкви, учителя должны и обязаны.

г) Далее Лука заявил, что в гор. Алушта на одном из собраний учителей и родителей было в очень грубой форме запрещено родителям пускать детей в церковь.

На мое замечание, когда это было и в чем выражалась грубость, Лука ответил незнанием, что об этом ему говорил священник Алуштинской церкви Клягин.

В тот же день посетил меня и Клягин; на мой вопрос рассказать об этом случае, в какой форме было запрещение и в чем была грубость, Клягин ответил, что сам он ничего не знает, рассказывала ему одна женщина, которая сама также не была на этом собрании, а слышала от других; на это я Клягину заметил: Вы, пользуясь только слухами, сообщаете архиепископу как о факте, которого, возможно, и не было.

д) Затем Лука спросил меня, известно ли мне о том, что в колхозах отменены всякие выходные дни, так как по воскресеньям не разрешают колхозникам ходить в церковь, а заставляют работать.

На это я ему заметил, что о какой-либо отмене выходных дней в колхозах мне ничего не известно. В каждом колхозе имеется устав, по которому и работают, и сами колхозники устанавливают рабочие дни и выходные; возможно, в разгар полевых работ в колхозах воскресные дни объявляются рабочими, а поэтому никаких исключений в эти дни для верующих не может быть если кто-либо из них вместо работы пойдет в церковь и ему этот день считается прогулом и, согласно устава, применяются соответствующие меры взыскания, то это вполне правильно и законно.

Далее я ему напомнил, что духовенству не следует забывать § 36 Положения об управлении Русской Православной Церкви, в котором записано:

«... Настоятели храма обязаны следить за тем, чтобы уклад и распорядок приходской жизни не препятствовал выполнению прихожанами гражданских обязанностей, например: в сельских местностях в период полевых работ богослужение должно совершаться только в часы, свободные от сельскохозяйственных работ, и т. п.».

Зачитывая эту выдержку из Положения, я хотел напомнить и самому архиепископу Луке об обязанностях духовенства во время разгара полевых сельскохозяйственных работ, так как он ежегодно в это время ставит вопрос о запрещении в колхозах работать в воскресные дни.

В конце беседы Лука сообщил, что во время его нахождения в Москве в Патриархии никакого разговора о его переводе из Крыма в другую епархию не было, по всей вероятности, он останется в Крыму, а что дальше будет, он не знает. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 11. Л. 51–53.

№ 50
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

Июль 1949 г.

<...> По разработке архиепископа Крымского Луки:

12 июня сего года после службы в кафедральном соборе в г. Симферополе Лука выступил с проповедью

о «Святой Троице», в которой коснулся о сказании про Вавилонскую башню и высказал:

«Как тогда люди захотели слишком многого, так и сейчас некоторые государства хотят забрать всю власть над миром в свои руки, применяя для этого в качестве оружия золото и атомные бомбы. И как тогда Бог покарал зазнавшихся, так и сейчас Он их покарает».

14 июня сего года Лука в адрес Патриарха Алексия направил письмо следующего содержания:

«Приношу Вам покаяние в том, что не вполне исполнил наказ Ваш не проповедовать ежедневно. Было бы слишком резким внезапное прекращение моих проповедей после поездки к Вам и неизбежно возбудило бы всякие догадки и кривотолки. Поэтому я решил не сразу прекратить будничные проповеди, а проповедовать только по средам и субботам.

Смиренно прошу прощения в этом и, по долгу послушания, прекращу по возвращении из летнего отдыха в Алуште и эти проповеди, если Вы прикажете.

Но не хотел бы я этого, ибо помню слова пророка Исаии: "О вы, напоминающие о Господе. Не умолкайте".

Вспоминаю и о том, что праведный Иоанн Кронштадтский проповедовал ежедневно.

Жду Вашего приговора и прошу молитв Ваших о моем недостоинстве. Praeterea*: Надо требовать открытия синодальной типографии и протестовать против того, что верующий народ оставлен без Библии и даже без Нового Завета.

Любящий Вас *Лука*». <...>

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
« [Число отсутствует]» июля 1949 г.

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 64. Т. 2. Л. 359.

* И вот еще что (*лат.*). — *Прим. изд.*

№ 51

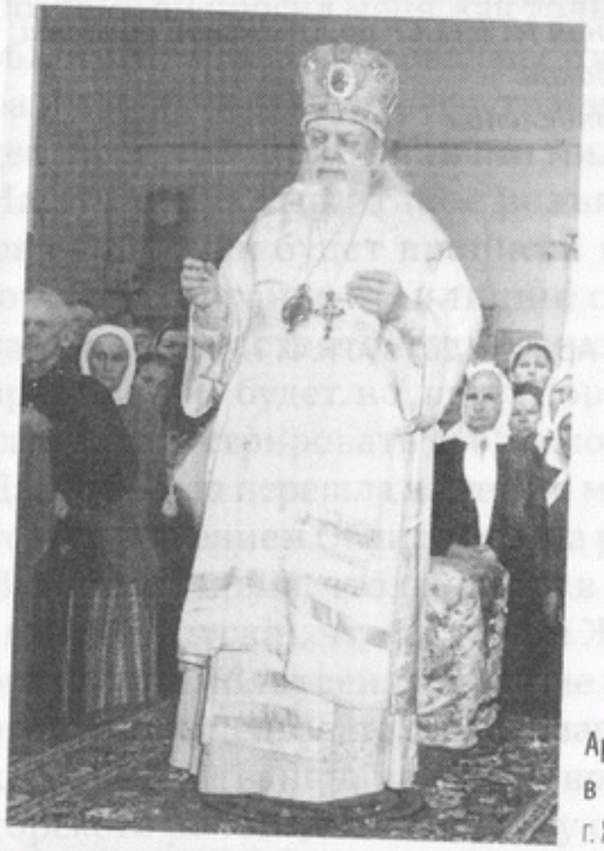
Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

8 августа 1949 г.

<...> По разработке архиепископа Луки за отчетный период заслуживающих оперативного внимания материалов не поступило. Как мы уже сообщали, Лука выехал на летний отдых в г. Алушту, где за ним установлено агентурное наблюдение.

По большим церковным праздникам и иногда по воскресным дням он приезжал в г. Симферополь на службу в кафедральный собор, где после службы выступал с проповедями на религиозные темы.

Так, 24/VII-49 года после службы Лука говорил проповедь на тему «О Царствии Христовом», в которой никаких политических тем не касался.

Архиепископ Лука
в церкви Феодора Тирона
г. Ялта. Середина 1950-х гг.

31/VII сего года Лука после службы говорил проповедь на религиозную тему, но политических вопросов не касался.

18/VI с/г Лука на имя Патриарха Алексия направил письмо, в котором писал:

«Обещаю вам, дорогой владыко, быть впредь осторожным в слове и не касаться в проповедях политики».

10 июня 1949 года Лука направил своему сыну Михаилу, проживающему в г. Львове, написанную им еще в декабре 1948 года известную Вам статью «Размышление о милосердном самарянине», которую он в январе 1948 года направлял в журнал «Московской Патриархии» вместе со статьей «К миру призвал нас Господь» для напечатания ее в журнале, но она напечатана не была, и просил его, чтобы он дал свой отзыв о ней, так как он намеревается ее прочитать в соборе в виде проповеди.

На эту статью Михаил дал отзыв, копию которого прилагаю. За деятельностью Луки продолжаем вести агентурное наблюдение.

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Начальник отделения
майор Клименко.
8 августа 1949 г.
№ 1/6/1100
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 64. Т. 3. Л. 126–127.

№ 52
Из информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1949 года

1 октября 1949 г.

<...> В отчетном квартале встреча с архиепископом Лукой состоялась одна — 23 сентября с/г.

Первым вопросом при беседе Лука поставил о Ялтинском соборе, что там остался только один священник Руденко, молодой, малоопытный, который должен находиться под руководством опытного священнослужителя, с этой целью он направил настоятелем Ялтинского собора протоиерея Коняхина, прибывшего из гор. Краснодара, но почему-то его органы милиции не прописали в Ялте.

Теперь он намерен пригласить на должность настоятеля Ялтинского собора из Одессы протоиерея Субботина, но он не уверен, что милиция его пропишет, так как протоиерей Субботин родился в Варшаве (Польша) и до 1945 г. жил и служил в Варшаве, после ее освобождения советскими войсками перешел в Советский Союз и с 1945 г. живет в гор. Одессе.

Поэтому он просил меня, как только прибудет Субботин, чтобы я его зарегистрировал настоятелем Ялтинского собора и выдал справку о регистрации независимо от того, будет ли он прописан органами милиции или нет.

На это я Луке дал такое разъяснение: если протоиерей Субботин будет прописан по месту жительства в гор. Ялте органами милиции, с моей стороны к его регистрации настоятелем Ялтинского собора никаких возражений не будет, но до тех пор, пока он не будет прописан, зарегистрировать его не могу.

Далее беседа перешла на тему о молитвенных домах, по которым решением Облисполкома расторгнуты договора.

Лука мне заявил, что он писал в Облисполком (во время моего отпуска), чтобы в селе Желябовка Нижнегорского района молитвенный дом не закрывали, а если уже этого сделать нельзя, то он предлагал вместо Желябовки закрыть молитвенный дом в Ново-Ивановке, тоже Нижнегорского района, но в этом ему отказали.

Отсюда Лука делает вывод, что это не что иное, как началось гонение на церковь и духовенство, закрытие церквей под тем или другим предлогом, аресты священников за те же преступления, за которые они уже отбыли наказание по 10 лет, — Лобов, Дубровин.

На мое разъяснение ему, что никто церквей не закрывает, а если решением Облисполкома по трем молитвенным домам расторгнуты договора, то они фактически не действовали за отсутствием священников больше года, а такое положение не может продолжаться бесконечно.

Вина самого Епархиального Управления, что продолжительное время не обеспечивало эти молитвенные дома священниками.

Священников за то только, что они священники, не арестовывают, а если арестован Дубровин и др., то, видимо, на это были основания, и об этом знают органы, которые арестовали.

Все это архиепископа Луку не убедило, он остался при том мнении, что началось гонение на церковь и духовенство.

Затем зашел разговор о приписных церквах, я ему объяснил, что у нас в Крыму приписных церквей быть не может, так как они все являются приходскими, но допускается, что в тех приходах, в которых нет священников, временное их обслуживание священниками ближайших церквей — не свыше 3-х месяцев. Лука и здесь усмотрел гонение на церковь и говорит: поскольку священников не хватает, старые кадры выбывают, новые готовятся слабо, а т. к. церкви, не действующие за отсутствием священников свыше 6-ти месяцев, должны закрываться, поэтому количество церквей все будет уменьшаться, и привел такой пример: «При епископе Иоасафе в Крыму было более 60 церквей, когда я прибыл в Крым, принял 58 церквей, а сейчас осталась 51, а через пару лет, видимо, останется 40 или еще меньше, и далее Лука сказал — так вы, коммунисты, и ведете к тому, чтобы церкви и религиозность среди населения свести на нет, а новых церквей не разрешаете

открывать, хотя население их желает иметь», привел пример с Балаклавой.

В заключение беседы Лука сказал:

«Когда я был у Патриарха и беседовал с ним на эту тему, последний мне говорил, что такое положение повсюду, количество церквей все уменьшается, а новых открывать не разрешают», — и далее заметил: «Поэтому вас, коммунистов, и ругают везде за границей, что в СССР гонение и преследование церкви, что так оно и получается, церкви закрывают, священники арестовываются и высылаются, — привел пример с себя, что я 11 лет пробыл в тюрьмах, в ссылках, и никакого мне обвинения не предъявлялось».

Мои замечания и разъяснения о неправильном его суждении убедить его не могли. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 11. Л. 79–81.

№ 53

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

5–6 ноября 1949 г.

<...> По линии церковно-православной к [онтр]р [еволюции] посылались в маршрутные командировки: агент «Зайцев» в город Севастополь, агент «Соколовский» в город Ялту и секретный осведомитель «Светлов» в Бахчисарайский район.

19 октября сего года наш агент «Мария» сообщила, что священник церкви с. Партизанское Бахчисарайского

района Крымской области — Коваленко Яков Сергеевич, 1867 года рождения, проживающий в доме рядом со школой, имеет портреты-открытки с изображением царской семьи и что он зазывает к себе детей-школьников и показывает им открытки, разъясняя, кто изображен на них, и при этом восхваляя жизнь при царизме.

20 октября сего года нами был направлен в маршрутную командировку в с. Партизанское к священнику Коваленко агент «Светлов», который подтвердил все изложенное выше.

Нами были приняты следующие меры:

20 октября об этом случае было сообщено зам. начальника отдела «О» МГБ СССР тов. Юсупову, который рекомендовал через представителей сельского совета изъять у Коваленко открытки.

21 октября в с. Партизанское выезжал начальник отделения «О» майор Клименко, который установил, что к священнику Коваленко действительно заходили школьники, которым он показывал портреты царей и восхвалял жизнь при царизме, и поручил председателю сельского совета вместе с заведующим школой изъять портреты у Коваленко и доставить их нам, оформив все это актом, что ими и было сделано 22 октября сего года.

Узнав от старосты церкви Поповой, что священник Коваленко имеет у себя портреты-открытки с изображением царской семьи, архиепископ Лука с целью самостраховки вызвал к себе Коваленко и в присутствии нашей агентуры заявил ему:

«Что ты там делаешь? Ты знаешь, что меня могут за это посадить в тюрьму?»

После беседы с Коваленко, по совету нашего агента «Вологодского», Лука издал 26 октября с. г. по этому поводу указ следующего содержания:

«Иеромонах Коваленко освобожден от исполнения обязанностей настоятеля Петропавловской церкви с. Партизанское Бахчисарайского района в связи со старческой слабостью».

После изъятия у Коваленко указанных выше портретов нами был поставлен в известность уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Крымской области тов. Жданов, и ему был дан совет поставить перед Лукой вопрос об окончательном увольнении Коваленко как служителя культа за проводимую им антисоветскую деятельность.

Священник Коваленко нами не арестован вследствие того, что он имеет преклонный возраст — 82 года и болен.

За Коваленко нами установлено агентурное наблюдение.

По этому поводу Лука написал 26 октября с. г. рапорт на имя Патриарха Алексия, в котором жалуется, что нет в Крыму священников и что, несмотря на это, он вынужден был «уволить за штат 83-летнего иеромонаха, не перестающего проявлять свою контрреволюционность».

Копия рапорта Луки прилагается.

За отчетный период по разработке архиепископа Луки заслуживающих оперативного внимания данных не поступило.

6/X-1949 года Лука с целью поднятия дисциплины среди церковников разослал всем священникам и диаконам епархии директиву, в которой призывает к поднятию дисциплины среди священнослужителей, указывая, что: «Если суровая воинская дисциплина совершенно необходима в армии, то она еще более необходима в церкви, имеющей задачи еще более важные, чем задачи охраны отечества военной силой, ибо церковь имеет задачу охраны и спасения душ человеческих».

Начальник Управления МГБ СССР по Крымской области
генерал-майор Кондаков.
Верно: Нач. отделения «О» УМГБ
майор Клименко
5/6 ноября 1949 г.
№ 1/6/1603
г. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 64. Т. 4. Л. 123–126.

№ 54

Из информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1949 года

31 декабря 1949 г.

<...> За отчетный квартал архиепископ Лука посетил меня дважды, и оба раза по моему приглашению.

1-го декабря 1949 г. архиепископ Лука был приглашен для ознакомления с закладками из фашистской газеты, имевшихся в «требнике», принадлежащем второму священнику Кладбищенской церкви г. Симферополя Человскому Василию, выпавших из требника в церкви и через соответствующие органы переданных мне.

В результате беседы по данному вопросу архиепископ Лука в тот же день, 1/XII, указом по епархии священника Человского уволил за штат, а настоятелю церкви священнику Кадуш Павлу объявил строгий выговор с внесением в послужной список за недосмотр за вторым священником Человским Василием, имевшем в своем «требнике» закладки из фашистской газеты.

В конце беседы Лука высказал жалобу, что постепенно у него в крымских церквах священники всё выбывают и выбывают, и церкви остаются без священников, а поэтому он опасается того, что они будут закрываться, а приглашаемых им священников из других епархий органы милиции не хотят прописывать.

15 декабря 1949 г. из Москвы по телефону председатель Совета тов. Карпов мне сообщил, что Патриархом получено письмо от архиепископа Луки с жалобой на меня, в котором Лука сообщает Патриарху, что:

«... Уполномоченный Жданов обязывает приезжающих в Симферополь по делам службы священников являться к нему, объявляет им ряд запретов, касающихся их пастырской деятельности в приходе. Об этих запретах я узнаю только от священников, что эти запреты многие священники поняли неправильно и их искажают. Например: в Джанкое считают запрещенными венчание браков и отпевание покойников. Жданов меня,

как епископа, игнорирует и отказывает в письменном со мною сношении и т.д...»

Тов. Карпов, ознакомив меня с содержанием данного письма, спросил, что в нем есть правдоподобного.

Мною было отвечено, что письмо является полнейшим вымыслом и не что иное, как клевета.

После этого тов. Карпов рекомендовал мне переговорить с Лукой.

В тот же день, 15/XII, был приглашен мною Лука. В начале беседы ему сказал, что звонил мне из Москвы тов. Карпов и сообщил, что Патриархом получено от вас письмо, в котором вы пишете Патриарху, что я, как уполномоченный, обязываю явкой к себе священников, объявляю им ряд запретов, что об этих запретах узнаете только от священников, вас игнорирую и т. д., и спросил Луку, чем вызвано данное письмо, в чем выражается мое игнорирование его, так как я никого из священников явкой к себе не обязывал и не обязываю, если нет на это необходимости, никаких запретов им не объявлял.

К тому же приводите в письме пример с Джанкоем, где поняли мои запреты неправильно и их исказили, тогда как священник Джанкойской церкви Подсадный, он же благочинный, не был у меня с ноября 1948 года, и несколько месяцев я его совершенно не видел, а у вас он за это время был, наверное, несколько раз, это уже говорит о том, что не мог я обязывать явкой к себе всех священников.

На это Лука мне ответил: о том, что я обязываю явкой к себе всех священников, сообщил ему об этом его секретарь протоиерей Милославов.

На это мною было Луке сказано, что Милославов передал ему неправду и ввел его в заблуждение, так как у нас с Милославовым шел разговор совершенно о другом, о том, чтобы священники, перемещенные из одного прихода в другой, за справками регистрации являлись лично, а не просили их высылки по почте или с другими лицами.

Из дальнейшей беседы с Лукой выяснилось, что после моей беседы с ним 23 сентября 1949 г. (о которой мною подробно освещалось в информационном докладе за третий квартал с/г[62] и в письме № 20/с от 19/X-49 г., в ответе на письмо Совета № 913/с от 10/X-49 г., также по рапорту Луки Патриарху[63]) секретарь архиепископа священник Милославов по его распоряжению разослал письма благочинным для сообщения священникам о полученном якобы от меня распоряжении, чего не могут совершать священники, те же вопросы, которые Лука писал Патриарху в рапорте от 26/IX-49 г., по которому мною уже давалось Совету объяснение.

Наша беседа с Лукой Милославовым в передаче по приходам была искажена, а поэтому ряд священников поняли его неправильно.

На это мною Луке было замечено: если священники неправильно поняли Ваше письмо, при чем же здесь я.

Далее ему заметил, что мне стало теперь понятным, почему за последнее время стали обращаться некоторые священники за разъяснением, имеют ли они право совершать погребение умерших, посещать верующих на дому по их приглашению, в каких случаях можно совершать крестные ходы и по ряду других вопросов.

На все это мною давались разъяснения в соответствии с имеющимися у меня указаниями и правительственными решениями.

По вопросу игнорирования мною его, он видит в моем нежелании сноситься с ним письменно по всякому вопросу. К этому он мне заявил, что будет писать письма на меня Патриарху и в Совет до тех пор, пока не добьется того, когда я с ним буду иметь письменное сношение.

Затем Лука спросил, что мне сообщил по телефону тов. Карпов в отношении его письма Патриарху, в котором, как он заявил, главным вопросом ставил о моем нежелании сноситься с ним письменно, что о сегодняшней беседе он также сообщит Патриарху.

На это я ему заметил, хотя Вы очень настаиваете на том, чтобы я имел с Вами письменное сношение, но оно,

по-моему, необязательно, да нет в нем и необходимости, так как все вопросы, которые у нас с Вами встречаются, разрешали при личных встречах, так будем их разрешать и дальше.

О том, что Вы намерены и дальше продолжать писать на меня письма, дело Ваше, только пишите правду.

В заключение беседы Лука сказал, что ему очень трудно руководить епархией, его «положение хуже архиерейского, — сказал смеясь, — хотя сам являюсь архиереем». Священники не слушаются, его указов не выполняют, приходится их жестоко наказывать, сельские церкви бедны, народ слабо посещает их, священников не хватает, несколько церквей не имеют священников, и он уже не знает, где их найти, приглашаемых им из других епархий органы милиции не хотят прописывать, придется, видимо, уезжать из Крыма куда-либо в другую епархию, где, наверное, будет ему легче, чем в Крыму, и смеясь заключил разговор: «Да и Вам, Яков Иванович, будет легче, не буду портить кровь своими жалобами».

Ко всему вышесказанному следует сообщить и следующее: 31-го октября были именины его монашеского имени Луки. 29 октября явился секретарь архиепископа священник Милославов с приглашением от его имени посетить его в день именин, 31 октября, после совершения ими богослужения, на дому у Луки, где у него будет устроен скромный обед.

Поблагодарив за приглашение, я Милославову сказал так: «Выезжаю в командировку в районы и, видимо, не смогу посетить архиепископа в день именин, о чем сожалею».

Утром рано выехал в район. Это непосещение мною его в день именин, видимо, также обидело, и расценил как игнорирование его. <...>

Архиепископ Лука в отчетном квартале выезжал в гор. Севастополь в дни храмового престольного праздника Покровского собора, где на его службах и проповедях собиралось немало народа, как собор, так и Кладбищенская церковь были переполнены.

По всем церквам области 21 декабря 1949 года, в день 70-летия Иосифа Виссарионовича Сталина, по распоряжению архиепископа Луки проводились торжественные молебны. Сам же Лука в этот день служил в кафедральном соборе и в конце службы сказал большую проповедь патриотического содержания о том, что наше правительство борется за мир, однако в проповеди имени вождя не касался. Присутствовали на его проповеди до 500 человек. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 11. Л. 107–110, 117.

№ 55

Из годового отчета о работе управления Крымской епархии за 1950 год

9 февраля 1951 г.

А. Общие сведения по епархии

1. Происшедшие в 1950 году изменения:

а) Территориального объема епархии, передачи части приходов в другие епархии или получение их из других епархий (кому или от кого и сколько).

Изменения против 1949 года не произошло.

б) Наличие и изменения в составе епископской кафедры и викарных епископов. Изменений нет.

2. Важнейшие события церковной и церковно-общественной жизни епархии.

а) Запрещение уполномоченным по делам Русской Православной церкви Крымской области совершения таинства крещения и различных треб вне приходского храма. В отдаленных селениях прихода он разрешает

крещение младенцев только при их болезни, по особому приглашению родителей, но посещение других крестьян, крещение детей и какие бы то ни было требы запрещает. Один из сельских священников, приехав по приглашению в дальнее селение, крестил там 17 детей, и уполномоченный считает это преступлением, за которое грозит снять священника с регистрации. Это запретное распоряжение приведет к тому, что в отдаленных селениях многие дети останутся некрещеными, ибо у крестьян нет средств передвижения, и нести детей за 30 километров в церковь они не могут. Кроме того, обязательства совершать крещения и все требы только в церкви весьма резко отразятся на заработке священников, ибо требы составляют их главный доход.

б) Отобрано здание молитвенного дома в районном селе Советском, и лишь весьма не скоро, с большими трудностями удалось купить другой дом. Такой же факт имел место в 1949 году в селе Ново-Царицыно. Вследствие такого бесцеремонного обращения с молитвенными домами место алтаря и престола невозможно сохранить в неприкосновенности, как это требуется церковными правилами, и на священном месте устраиваются сцены или кино.

в) В течение всего года происходила тяжелая церковная смута в г. Керчи, вызванная отречением от сана молодого священника Петра Горбанева, очень любимого большинством паствы. Главным виновником его отречения я считаю Ленинградского митрофорного протоиерея Василия Коняхина. Против этой смуты я принимал энергичные меры, два раза посылал в г. Керчь протоиерея с моими посланиями и увещаниями, и только при моем личном посещении г. Керчи смута была вполне ликвидирована и в Керченской пастве водворился мир.

г) Непреодолимые затруднения встречаю я в крайне необходимом назначении второго священника в Севастопольский Покровский собор, ибо областная милиция отказывает в пропуске в Севастополь всем назначаемым

мною священникам. Уполномоченный по делам Православной Церкви обещал свое содействие в этом деле, но в конце концов заявил, что когда обратился в милицию по этому поводу, то получил короткий ответ: «Не ваше дело».

3. Деятельность епископа в епархиальном руководстве.

а) Основные руководящие распоряжения по епархии, обращения Преосвященного к духовенству и верующим, епархиальные издания и т. п.

Основные руководящие распоряжения мною даны по следующим вопросам:

1) О неудовлетворительной деятельности благочинных. Им предложено возможно чаще посещать приходы своего благочиния и устанавливать надзор за деятельностью настоятелей, церковных советов и ревизионных комиссий.

2) О подыскании кандидатов на замещение епархиального духовника. Разрешение этого вопроса свелось мною к назначению духовников по территориальному обслуживанию причтов.

3) О необходимости проверки наличия двадцаток и церковных советов в приходах епархии, а также ведения церковных книг в соответствии с утвержденной инструкцией Моск [овской] Патриархии.

В течение отчетного года мною были посланы обращения к священнослужителям Крымской епархии, а также к чадам Православной церкви, которые соблазняются баптизмом.

Обращение Преосвященного к духовенству прилагается к отчету.

б) Посещение Преосвященным приходов и монастырей епархии, освящение им (или по его поручению) храмов и приделов, где именно.

В течение года я лично посетил 13 городских и сельских церквей, в некоторых из них совершал архиерейское служение, а в других присутствовал при литургии, совершаемой настоятелем, и в конце ее произносил проповедь. Это привлекало большое количество молящихся

и производило большое впечатление на них. Архиерейское служение в храмах епархии обходится дорого церквам, в большинстве бедным, и потому я остановился на том, чтобы только присутствовать при литургии настоятеля и проповедовать, приезжая для этого с диаконом и одним иподиаконом.

В течение года освящено 4 престола в храмах и приделах.

Монастырей и духовно-учебных заведений в епархии нет.

в) Благочиннические съезды, обсуждаемые на них вопросы и принятые решения.

В отчетном году съездов не было.

4. Строительно-ремонтные работы: наиболее значительные строительные, реставрационные, восстановительные и ремонтные работы (указать пункты, выполненные работы, положение дела к концу года) с указанием стоимости работ и за чей счет они сделаны. (В этом пункте даются также сведения по постройкам и ремонтам архиерейских и епархиальных домов и причтово-церковных зданий.)

В отчетном году было произведено строительно-ремонтных работ в общей сумме 372.073 руб. 58 коп. и, кроме того, затрачено церковных средств на покупку молитвенных зданий и для причтов всего 32.720 руб.

Епархиальное Управление из своих средств выдало наиболее нуждающимся церквам ссуды в общей сумме 36.300 руб., в остальной части ремонтно-восстановительные работы произведены за счет церковных средств.

Взамен отобранного в селе Советском молитвенного дома был куплен дом, на покупку и оборудование которого затрачено в отчетном году 30.385 р. 57 коп. и требуется еще затратить на дооборудование этого здания в 1951 г. — 7000 руб.

Капитальный ремонт наружного здания произведен также в г. Феодосии (Казанский собор), на который затрачено 31.000 руб.

Значительный ремонт произведен также в кафедральном соборе г. Симферополя (покраска внутренних стен масляными красками и реставрация всей живописи, переделка иконостасов, восстановление деревянного пола и ремонт крыши). На эти работы затрачено церковных средств из кассы собора 101.500 руб.

Наружные ремонты зданий проведены также и в других приходах епархии (г. Евпатория, г. Ялта, г. Севастополь, г. Джанкой, с. Войково, с. Старый Карантин, г. Керчь).

На предстоящий 1951 год намечено произвести строительно-ремонтные работы как снаружи, так и внутри зданий по 23 церквам епархии, на которые необходимо будет затратить 326.000 руб. Кроме того, предполагается осуществить строительство причтового здания при кафедральном соборе г. Симферополя с ориентировочной сметной стоимостью в 100.000 руб.

5. Наличие и работа в приходах церковных советов и ревизионных комиссий, взаимоотношения их с настоятелями церквей и мероприятия епархиального начальства в целях нормализации этих взаимоотношений.

Церковные советы и ревизионные комиссии по всем церквам епархии зарегистрированы в полном составе, но в отдельных церквах практикуется подмена должностей казначея церковными старостами, о чем через благочинных даны соответствующие указания о недопустимости такого подмена.

Не во всех приходах осуществляют активно свою деятельность ревизионные комиссии. Полное бездействие ревизионных комиссий отмечается в 3-х приходах.

Каких-либо ненормальностей во взаимоотношениях между настоятелями и церковными советами, а также и ревизионными комиссиями в отчетном году не отмечалось. Только в одном приходе (село Емельяновка) церковный совет пытался игнорировать права настоятеля как председателя Церковного совета, стремясь подчинить себе всю церковную деятельность, но своевременно

принятыми мерами через благочинного указанная ненормальность была устранена.

6. Мероприятия Епархиального Управления по обеспечению храмов богослужебными книгами, церковной утварью, облачениями и предметами богослужения. Как осуществляется снабжение церквей свечами в тех епархиях, в которых не имеется епархиальных свечных заводов.

Меры борьбы против внесения в храмы рыночных свечей.

Ввиду огромной нужды в богослужебных книгах было предпринято печатание их на пишущей машинке русским шрифтом. Эту работу исполнял священник, имевший собственную машинку. Были напечатаны и переплетены следующие книги: Октоих, праздничная Минея, Цветная Триодь, служба двунадесятых праздников, песнопения служб Минеи праздничной, требник.

Однако предприятие это оказалось неудачным, потому что большинство священников отказывается покупать такие книги, ссылаясь на большие затруднения в пользовании ими для чтецов, привыкших к славянскому шрифту.

Вообще нужда в богослужебных книгах ощущается в 32 приходах епархии. Облачения шьются в небольшом количестве на местах, но приобретение материалов для них весьма трудно, а нередко даже невозможно.

Утварь церковная изготовлялась в Симферополе своими средствами весьма недурно. Церкви епархии снабжаются свечами через Епархиальное Управление, которое, в свою очередь, заключило соглашение на снабжение свечами с Ивановской епархией.

Внесение в храм рыночных свечей — редкое явление в церквах Крымской епархии, и борьба с этим явлением осуществляется путем разъяснений с амвона о значении свечи как основного дохода церкви.

7. Постановка в приходах учета церковного имущества и средств; факты их расхищения, случаи ограбления

храмов. Мероприятия по улучшению учета и охране церковного имущества. Выполнение приходами обязательства о хранении церковных средств в сберкассах, притом на имя храма или церковного совета (а не настоятеля или церковного старосты).

Улучшение или ухудшение церковной доходности в 1950 году в сравнении с 1949 годом и принимаемые меры к повышению церковных доходов.

В большинстве приходов учет церковного имущества и денежных средств ведется в соответствии с требованиями Инструкции Московской Патриархии. Более крупные приходы имеют специальных счетных работников для ведения этого учета. Неудовлетворительная постановка учета отмечается только в 4 приходах.

В отчетном году по моему распоряжению были произведены ревизии епархиальным ревизором в 3-х приходах епархии. В результате этих ревизий недостача средств была обнаружена только в одном приходе в сумме 2500 руб., которая взыскивается, а в остальных двух приходах имели место ненормальности в ведении учета денежных и материальных ценностей.

Случаев ограблений храмов и расхищения имуществ в отчетном году не было.

Упорядочение учета средств и надлежащего хранения взято мною под особый контроль через благочинных епархии, которым в этом отношении даны самые строгие указания.

Как правило, почти все приходы обеспечивают хранение денежных средств в сберкассах или Госбанке на имя Церковного совета или общины, и только в двух храмах было обнаружено хранение средств в сберкассе на имя казначея. В данное время эта ненормальность устранена.

Общая доходность по церквам Крымской епархии в сопоставлении с 1949 годом снизилась на 6,8%, причем это снижение имеет место почти по всем доходным статьям. Только несколько приходов в отчетном году или

стабилизировали свою доходность, или несколько повысили по сравнению с 1949 г. (г. Севастополь — кладбище, г. Ялта, пос. Чехова, г. Алупка, г. Ялта — собор, г. Феодосия — Казанский собор, г. Судак, г. Старый Крым, г. Джанкой, г. Керчь).

Резко снизились показатели выполнения священнослужителями требоисправлений по сравнению с 1949 годом, что подтверждается следующими данными:

	1950 год	1949 год
1) крещений	9098	10093
2) браков	201	242
3) погребений	1329	1513

Снижение этих показателей главным образом отмечается по сельским приходам, где, по сигналам священников, резко снижается посещаемость храмов.

8. Основные нужды епархии и намечаемые мероприятия для их удовлетворения.

Крайнюю нужду испытывает епархия в священниках и псаломщиках, ибо приглашать священников, присылающих заявления из других епархий, лишь редко удается ввиду больших затруднений в прописке их в Крыму или отрицательных отзывов о них архиереев тех епархий, из которых они желают перейти. Из достойных священства жителей Крыма большинство двоеженцы или женатые не на девицах.

Нужда в псаломщиках настолько остра, что за отсутствием их приходится иногда допускать к исполнению должности псаломщика женщин, даже мало подготовленных к ней. Я пробовал устроить хотя бы элементарную школу для подготовки псаломщиков, но и это не удалось вследствие крайне малого числа желающих учиться.

Материальная обеспеченность священников и псаломщиков во многих местах не соответствует минимальному прожиточному минимуму, и многих из них

приходится поддерживать ежемесячными дотациями из епархиальных сумм. Это объясняется почти полными неурожаями в ряде районов Крыма в течение нескольких лет вследствие засухи и большой бедностью населения по этой причине. Только после проведения канала Каховка — Керчь можно надеяться на то, что Симферопольская епархия выйдет из числа самых бедных.

Управляющий Крымской епархией
Архиепископ Лука
Симферополь
9 февраля 1951 г.

ГААРК. Ф. Р-9647. Оп. 5. Д. 88. Л. 3–11.

№ 56

Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1950 года

1 апреля 1950 г.

<...> 11 марта с/г, в первый же день моего выхода на работу после болезни, позвонили из канцелярии архиепископа, спросили, смогу ли я принять «Владыку», мною было отвечено согласием.

В тот же день архиепископ Лука посетил меня. После взаимного приветствия он попросил ознакомить его с заявлением быв. священника Введенской церкви гор. Керчи Горбанева Петра о снятии его с регистрации духовенства (об этом факте мною сообщалось в информационном докладе за 4-й квартал 1949 г.).

Заявление Горбанева для ознакомления мною было дано.

Когда же он в заявлении прочитал такие слова: «... За истекший срок службы я убедился в пошлости, лицемерии, жадности, зависти и гнусных сделках духовной

касты, осознал свои ошибки, решил порвать навсегда всякие связи и отношения с духовным миром, поэтому прошу советскую общественность простить меня за то, что был священником, и принять в свою среду», — Лука был очень удивлен и сказал следующее: «Ведь это полное отречение Горбанева от духовного сана и разрыв с духовным миром».

Далее он заявил, что Горбанев ему телеграмму прислал, в которой сообщает, что если он совершил ошибку, то только по своей молодости и незнании канонических правил, а поэтому он просит простить его и принять обратно в духовную среду и назначить священником куда угодно.

Затем Лука спросил меня, как я нахожу данное заявление Горбанева, отречение или нет, на что Луке я ответил: видимо, отречение; далее я сказал: как Вы видите, заявление написано лично самим Горбаневым и им подписано, получил его по почте, уже после того, как был получен Ваш указ о запрещении Горбанева в священнослужении, на основании которого он и был снят с регистрации.

В заключение беседы Лука сказал, что теперь ему все понятно, верить таким лицам, как Горбанев, нельзя, и ему нет и не будет веры не только от него, но и от всего духовенства, и далее заметил: видимо, и гражданские организации ему верить не будут, как бы и что бы он ни писал, все же он является бывшим священником. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 1. Л. 14–15.

№ 57

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР

Июль 1950 г.

<...> По ранее заведенным разработкам получены следующие заслуживающие внимания данные:

По делу-формуляр № 6291

кличка — «Мракобес» — на Войно-Ясенецкого

окраска «церковно-православная к [онтр]-р [еволюция]».

В процессе разработки архиепископа Крымского Луки от агента «Вологодского» получены данные о том, что Лука перед отъездом на отдых в Алушту 8/VI с. г. написал письмо в Москву, в Патриархию, Управляющему делами Колчицкому Николаю следующего содержания:

«Уеду 21/VI — в Алушту… Пожалуйста, сообщите об этом Святейшему. Подходит к концу 4-й том моих проповедей, присылать ли его вам?

Не дают мне покоя больные. На беду, они так прославляют меня, что явилась мысль бежать от этой славы. Но куда бежать?

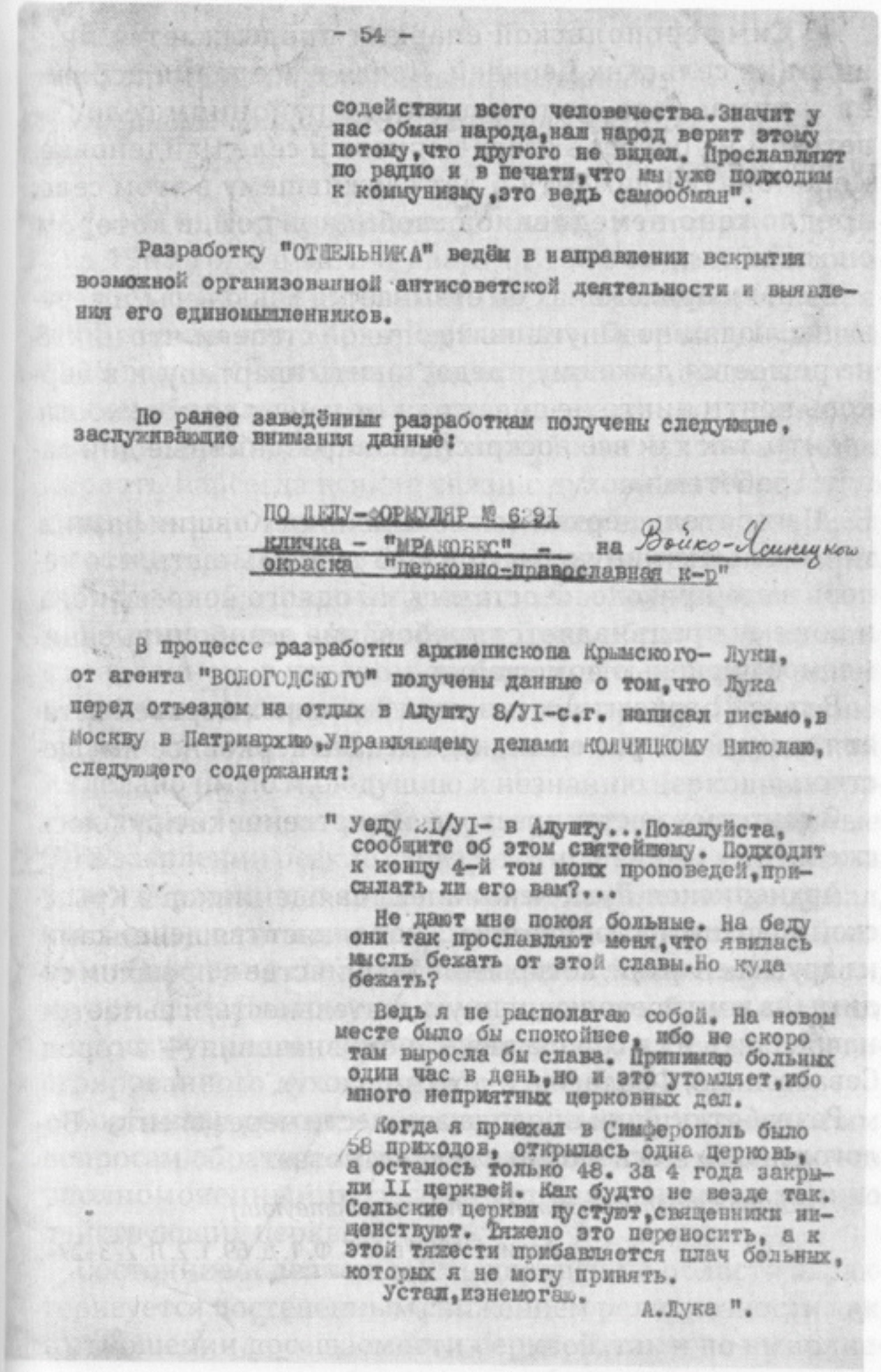
Ведь я не располагаю собой. На новом месте было бы спокойнее, ибо не скоро там выросла бы слава. Принимаю больных один час в день, но и это утомляет, ибо много неприятных церковных дел.

Когда я приехал в Симферополь, было 58 приходов, открылась одна церковь, а осталось только 48. За 4 года закрыли 11 церквей. Как будто не везде так. Сельские церкви пустуют, священники нищенствуют. Тяжело это переносить, а к этой тяжести прибавляется плач больных, которых я не могу принять.

Устал, изнемогаю.

А. Лука».

10 июня 1950 года в адрес Патриарха Алексия от архиепископа последовал следующего содержания рапорт:

- 54 -

содействии всего человечества. Значит у нас обман народа, наш народ верит этому потому, что другого не видел. Прославляют по радио и в печати, что мы уже подходим к коммунизму, это ведь самообман".

Разработку "ОТШЕЛЬНИКА" ведём в направлении вскрытия возможной организованной антисоветской деятельности и выявления его единомышленников.

По ранее заведённым разработкам получены следующие, заслуживающие внимания данные:

ПО ДЕЛУ-ФОРМУЛЯР № 6291
кличка - "МРАКОБЕС" - на Войно-Ясенецкого
окраска "церковно-православная к-р"

В процессе разработки архиепископа Крымского- Луки, от агента "ВОЛОГОДСКОГО" получены данные о том, что Лука перед отъездом на отдых в Алушту 8/VI-с.г. написал письмо, в Москву в Патриархию, Управляющему делами КОЛЧИЦКОМУ Николаю, следующего содержания:

" Уеду 21/VI- в Алушту...Пожалуйста, сообщите об этом святейшему. Подходит к концу 4-й том моих проповедей, присылать ли его вам?...

Не дают мне покоя больные. На беду они так прославляют меня, что явилась мысль бежать от этой славы. Но куда бежать?

Ведь я не располагаю собой. На новом месте было бы спокойнее, ибо не скоро там выросла бы слава. Принимаю больных один час в день, но и это утомляет, ибо много неприятных церковных дел.

Когда я приехал в Симферополь было 58 приходов, открылась одна церковь, а осталось только 48. За 4 года закрыли 11 церквей. Как будто не везде так. Сельские церкви пустуют, священники нищенствуют. Тяжело это переносить, а к этой тяжести прибавляется плач больных, которых я не могу принять.

Устал, изнемогаю.

А. Лука ".

Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР (июль 1950 г.)

«В Симферопольской епархии продолжается ликвидация сельских церквей. После выселения церкви из занимаемого ею помещения в районном селе Советском на очередь стала церковь в селе Найденовке. Иеромонаху Клименту, 5 лет служившему в этом селе, предложено немедленно освободить дом, в котором он жил 5 лет.

О своих прихожанах он отзывается как о весьма верующих людях, но запуганных до такой степени, что никто не решается даже ему предоставить квартиру, и в церковь почти никто не смеет или не имеет возможности ходить, так как все воскресные и праздничные дни заняты работами.

...Настоятель церкви села Магазинки Ковшик развил там столь активную пасторскую деятельность, что теперь в его приходе не осталось ни одного некрещеного, и вот ему предъявляется требование освободить занимаемое церковью помещение...

В связи с закрытием все новых и новых церквей встает трудный вопрос о том, куда девать церковное имущество...

В двух-трех местах престолы и жертвенники пришлось сжечь».

Архиепископ Лука некомплект священников в Крымской епархии последнее время пополняет священниками из других епархий, которые в большинстве в прошлом судимы за контрреволюционную деятельность, и пытается направлять их в города режимного значения — в город Севастополь, Феодосию и другие.

Разработку Луки продолжаем вести через агента «Вологодского» и осведомителя «Светлова».

[Дата и подпись в документе отсутствуют]

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 69. Т. 2. Л. 273–274.

№ 58
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1950 года

3 октября 1950 г.

<...> В информационном докладе за четвертый квартал 1949 года и за 1-й квартал 1950 года мною сообщалось о поданном заявлении священником Введенской церкви гор. Керчи Горбаневым Петром, рождения 1918 года, о снятии его с регистрации духовенства, так как он убедился в пошлости, лицемерии, жадности, зависти и гнусных сделках духовной касты, что он решил порвать навсегда всякие связи с духовным миром, что с данным заявлением был ознакомлен архиепископ Лука, а последним Горбанев был лишен священнического сана, которое якобы было подтверждено и Патриархом.

В конце июня с/г Горбанев Петр обратился ко мне с заявлением, в котором сообщает, что поданное ранее им заявление с приложением автобиографии[64] об исключении его из состава духовенства и т. д. было ошибкой и сделано им по малодушию и незнанию церковных правил, что об этом он глубоко раскаивается и написанные им в заявлении резкие слова по отношению духовенства берет обратно, что когда он писал заявление, не думал, что в связи с этим для него последствия будут очень плохими (лишение сана), он хотел быть только за штатом, но при сане. Поэтому он все написанное берет обратно и просит уполномоченного внести его в списки зарегистрированного духовенства.

Горбаневу рекомендовано по всем поставленным им вопросам обратиться к архиепископу и разъяснено, что уполномоченный регистрирует священников только действующих церквей. <...>

Состояние и деятельность церквей по области характеризуется постепенным снижением религиозности как в отношении посещаемости церквей, так и по выполнению религиозных обрядов и треб, что отмечает и само духовенство, примером может являться посещаемость

Праздничное богослужение у соборной иконы
г. Ялта. Собор св. Александра Невского. Середина 1950-х гг.

церквей в Пасху; так, в 1950 году по отношению 1949 года имело место уменьшение в среднем по области на 29,5%, из них по городским на 29%, по сельским — на 30,8%. Такое же явление было и в отношении выполнения треб и обрядов.

Попытки активизировать церковную деятельность со стороны архиепископа Луки проявляются таким путем: обязывает всех священников произносить проповеди на церковную тему во время каждого богослужения. Затем обязывает совершать церковные службы ежедневно не только в городских, но и в сельских церквах, хотя бы там никого не было: такое явление приходилось наблюдать в ряде церквей, как-то: в селе Пионерское Симферопольского р-на, в селе Орловка Раздольненского р-на, когда священник совершал службу совершенно пустому залу.

Ряд церквей по области давно бы прекратили свою деятельность, если бы архиепископ Лука их не поддерживал

материально за счет епархиальных средств, как-то: по ремонту, по содержанию священников и т. д., таких церквей до десятка в селах Емельяновка и Митрофановка Нижнегорского р-на, в селе Орловка Раздольненского р-на, в селе Найденовка Октябрьского р-на, в селе Шубино Кировского р-на и в ряде других, где посещаемость церквей верующими очень незначительная и постепенно все уменьшается.

Настоятель Николаевской церкви в селе Орловка Раздольненского р-на Шохин Федор, в данное время перемещен в Ялтинский собор, так характеризовал состояние церкви в селе Орловка: «Народ ее не посещает, доходов в церкви нет, службы проводятся 2 раза в неделю, в субботу и в воскресенье, в воскресенье бывает 4–5 старушек, а в субботу, как правило, в церкви никого, по большим церковным праздникам, как Преображение и др., бывает 25–30 человек, церковному причту, священнику и псаломщику этой церкви жить не на что, доходы очень мизерные, он лично имел не более 150 руб. в месяц, поэтому архиепископ Лука выдавал ему ежемесячно из сумм епархии 300 руб.».

Такое положение и с рядом других сельских церквей, но архиепископ Лука не желает с ними расставаться и принимает всякие меры к тому, чтобы они действовали.

Деятельность Епархиального Управления в отчетном квартале ничем особым не выделялась, сам архиепископ Лука все лето, с июня по конец сентября, жил в городе Алушта, поэтому никаких совещаний им не проводилось, поездок его по епархии также было мало, только в Ялту и Феодосию, в церковные престольные праздники, но в Алуштинской церкви, хотя он мало совершал служб, проповеди же на церковные темы говорил во время каждого богослужения.

В отчетном квартале 31 августа с/г архиепископом Лукой было направлено всем священникам и диаконам епархии письмо, так называемое «Братское увещание о братолюбии», следующего содержания:

«Знал я добрых и благочестивых священников, всячески избегавших близкого общения с другими священниками; знаю многих, отказывающихся от службы в многоклировых приходах; знаю протоиерея, с которым почти все отказываются служить. Распри и ссоры между духовенством, выживание друг друга — тяжелая язва церкви нашей.

Пишут мне верующие из Керчи: "Опротивели нам распри в духовенстве, нам нужно благочестие и моление в храме, а не выслушивание поношений священников друг другом". С болью в сердце должен я последовать завету св. Апостола Павла: "Согрешающих обличай пред всеми, чтобы и прочие страх имели" — и назвать имя протоиерея Виктора Куцепалова, всеми силами выживавшего вторых священников и доведшего до отчаяния несчастного молодого священника Петра Горбанева, довел до того, что он в заявлении уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви просил вычеркнуть его из списка духовенства и за это лишился священного сана. Впрочем, не один протоиерей Куцепалов виновен в этом».

После приведения ряда выписок из богословских книг «О братолюбии» Лука пишет о снижении религиозности следующее:

«Многие отошли от церкви в наше тяжелое время и раньше того, многие ушли в секты; и немало виновны в этом те священники, о которых мне пишут: "Опротивели нам распри в духовенстве. Нам нужны благочестие и молитва в храме, а не выслушивание поношений священников друг другом"». Лука спрашивает, что лежит в основе тяжкого греха «небратолюбия» и раздоров между священниками и диаконами, и отвечает:

«Прежде всего их неблагочестие, отсутствие страха Божия, леность в молитве и в чтении слова Божия. Ибо братолюбие и любовь приобретаются больше всего неустанным и всеусердным подвигом в молитве и посте; усердным и уставным совершением богослужений. Вторая и столь же важная причина небратолюбия — это

сребролюбие, которое св. Павел глубоко мудро назвал корнем всех зол. Именно из-за доходов церковных враждуют священники и диаконы и выживают друг друга».

Далее Лука призывает духовенство к смирению, кротости и усердию во всех делах пасторских и оставить раздоры между собою. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 1. Л. 54–56.

№ 59
Из отчетного доклада уполномоченного о положении и деятельности церкви в Крымской области и о своей работе за 10 месяцев 1950 года

11 ноября 1950 г.

<...> Попытки активизировать церковную деятельность со стороны архиепископа Луки проявляются в текущем году таким путем:

1) Обязывает всех без исключения священников во время церковных служений произносить проповеди на церковные темы.

2) Совершать церковные службы ежедневно, не только в городских, но и в сельских церквах, хотя бы во время таковой никого из молящихся в церкви не было. Со стороны отдельных священников их деятельность активизируется путем хождения по деревням, как они говорят, «по своему приходу», с так называемой молитвой, для крещения детей и других обрядов, независимо от того, приглашаются они верующими или нет.

В таких случаях мною запрещается хождение священников по населенным пунктам со всякого рода требами, особенно для крещений детей, без приглашения верующих, что для этого имеются храмы.

Отдельные священники все же продолжают ходить по селам, которые предупреждаются, что могут быть сняты с регистрации (Антонов, Попов и др.).

Со стороны архиепископа Луки принимаются всяческие меры к тому, чтобы количество церквей не уменьшалось, после того как в прошлом 1949 г. было закрыто по области 4 церкви, из них: одна — самим Лукой и три — в связи с тем, что долгое время не действовали за отсутствием в них священников.

В этом же году также все время 3–4 церкви не действуют за отсутствием священников. Боясь того, что они могут быть закрыты, Лука делает так: если в Найденовке церковь не действует за отсутствием священника месяца 3–4, тогда он переводит в нее священника из Емельяновки, а месяца через 3–4 — в Емельяновку переводит из Ново-Ивановки и т. д. Это один его метод сохранения количества церквей, другой — это выдача церкви и духовенству ссуд и дотаций.

Есть ряд церквей, которые, как говорят, «дышат на ладан», доходов не имеют, посещаемость их верующими очень слабая, и священники не хотят в них оставаться, требуют перевода в более обеспеченные приходы, тогда Лука выдает им дотации, освобождает эти церкви от налога на содержание епархии и патриархии, выдает ссуды на ремонт и т. д., а таких церквей по области до десятка.

Деятельность епархиального управления ничем особым в текущем 1950 году не выделялась.

Никаких совещаний, ни благочинных, ни других каких-либо, архиепископом Лукой не проводилось, поездок его по приходам епархии также было мало. В первой половине года только практиковал вызовы священников в кафедральный собор для проверки их знаний церковной службы.

Сам он летом около четырех месяцев, с июня по сентябрь, жил в гор. Алушта.

Из его посланий можно отметить только одно более или менее характерное, это письмо всем священникам и диаконам епархии, так называемое «Братское увещание» от 31/VIII-50 г., в котором он отмечает среди духовенства распри и ссоры, выживания друг другом, в результате чего многие из верующих отошли от церкви, ушли в секты и т. д.

Случаев грубого нарушения постановлений Правительства и указаний Совета, относящихся к церкви, как со стороны духовенства, так и представителей советских организаций не отмечалось.

Взаимоотношения с архиепископом в текущем году были нормальными и строго деловыми, личная встреча была только одна, в марте м-це, связь и все вопросы им со мною осуществлялись через секретаря священника Милославова. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 11. Л. 84–86.

№ 60
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1950 года

6 января 1951 г.

<...> 10 октября 1950 г. при отношении № 1589 из Совета по делам Русской Православной Церкви поступила копия рапорта (жалобы) архиепископа Луки на имя Патриарха такого содержания:

«В Симферопольской епархии продолжается ликвидация сельских церквей. После выселения церкви из занимаемого ею помещения в районном селе Советском

на очередь стала церковь в селе Найденовка, иеромонаху Клименту, 5 лет священствовавшему в этом селе, предложено немедленно освободить дом, в котором жил он 5 лет. О своих прихожанах он отзывается как о весьма верующих людях, но напуганных до такой степени, что никто не решается даже ему предоставить квартиру, и в церковь почти никто не смеет или не имеет возможности ходить, так как все воскресные и праздничные дни заняты работами. Церковь в Найденовке придется закрыть.

Почти такое же положение в селе Орловка, где тоже невозможно будет сохранить церковь. Вопиющее положение в селе Магазинка. После ликвидации церкви в соседнем селе Воинка в 1944 г. под церковь отдали полуразрушенную хату в селе Магазинка. На средства и трудами верующих из развалин был сделан хорошо оборудованный молитвенный дом. Настоятель этой церкви протоиерей Стефан Ковшик развил там столь активную пастырскую деятельность, что теперь в его приходе не осталось ни одного некрещеного. И вот ему предъявляют требование освободить занимаемое церковью помещение на том основании, что оно принадлежит колхозу, и, сверх того, требование оплатить колхозу арендную плату и страховую за 1944–1950 гг.

Между тем церковный совет ежегодно (с 1944 г.) уплачивает в Райфо арендную и страховую плату. Это не принимается в расчет, и требуют вторичной уплаты колхозу.

В связи с закрытием все новых и новых церквей встает трудный вопрос о том, куда девать церковное имущество, иконостасы, иконы и прочее и т. д.».

Советом по делам Русской Православной Церкви предлагалось обстоятельно проверить факты, указанные в рапорте архиепископа Луки, и о результатах информировать Совет, что в данном докладе мною и делается.

В результате тщательной и обстоятельной проверки ни один факт в изложении архиепископа Луки не под-

тверждается, и весь его рапорт является не чем иным, как клеветой на местные советские органы.

По каждому отдельному факту, изложенному в рапорте архиепископа Луки, положение было таково:

а) В пос. Советском Советского р-на церковь была открыта в период немецкой оккупации в 1942 году в клубе рабочих машинно-тракторной станции, в котором никогда церковь не находилась, это здание решением облисполкома № 279 от 29/III-50 г. у общины было изъято, для подыскания другого помещения взамен изымаемого приходской общине был дан определенный срок; последняя, с разрешения уполномоченного, там же, в пос. Советском, купила частновладельческий дом, переоборудовала его под молитвенный, в котором и проводятся церковные службы. Поэтому никем в пос. Советском молитвенный дом не закрывался и вопрос об этом не ставился.

б) В селе Найденовка Октябрьского р-на церковь была открыта в период немецкой оккупации в колхозном клубе. До революции в этом здании было волостное правление, затем некоторое время в нем была немецкая кирха.

В прошлом в селе Найденовка (Табулды) и в окружающих селах жили немцы.

Лука в своем рапорте пишет, что иеромонаху Клименту, 5 лет священствовавшему в этом селе, предложено немедленно освободить дом, в котором он жил 5 лет, и т. д.

Проверкой на месте мною установлено: священник Наконечный (иеромонах Климент) действительно в этом селе находился около 5-ти лет и жил в доме, принадлежавшем сельскому совету, приходская община за него платила 73 руб. 36 коп. в месяц, жилая площадь дома 49 кв. метров. Никакого договора у сельского совета с общиной о сдаче в аренду этого дома не было.

Сельский совет решил избавиться от этого дома, предложил его колхозу, колхоз отказался за ненадобностью, было предложено священнику и церковной общине его купить, последние также отказались якобы

за отсутствием средств. Тогда сельсоветом дом был продан конторе Заготживсырье Октябрьского р-на, а священнику было предложено его освободить и найти себе квартиру в частном доме.

Священник Наконечный дом освободил, но другой квартиры не пожелал искать, так как у него было намерение выехать из этого села, только ждал повода, который и нашелся.

Сообщил архиепископу Луке, что его выселяют из дома, а другой квартиры не дают, а поэтому просил архиепископа перевести его в другой приход, что последний и сделал, перевел Наконечного настоятелем церкви в село Митрофановку Нижнегорского р-на.

Священник Наконечный (иеромонах Климент) у верующих села Найденовка и других окружающих деревень не пользовался авторитетом и доверием, последние очень хотели, чтобы он от них ушел.

В своем хозяйстве он имел корову, телку, несколько овец, пчел, гусей, держал у себя двух работниц (как говорят верующие — прислуг), которые не хотели работать в колхозе, одной женщине — 45 лет, другой, ее племяннице, — 18 лет. Поэтому среди населения шли разговоры, что «батюшка» хотя и монах, но живет не по-монашески.

Кроме того, обязывал церковную общину оплачивать все его расходы по дому, за топливо и др.

Все это настроило верующих (стариков) против него. Никаких препятствий к посещению церкви верующими никем не чинилось, это исключительно выдумка самого архиепископа Луки.

Мною предлагалось сельсовету возбудить ходатайство об изъятии у общины здания молитвенного дома как бывшего колхозного клуба, на это в сельсовете получил такой ответ, что клуб у них имеется и использовать это здание вряд ли смогут, поэтому и не ставят вопроса об изъятии его у общины.

В своем рапорте Лука пишет: «Церковь в Найденовке придется закрыть», но этого-то он как раз и не хочет делать, зная, что эту церковь посещают единицы.

После перевода священника Наконечного Климента из Найденовки в Митрофановку с 5 июня 1950 г. она не действовала за отсутствием священника около шести месяцев. Архиепископ Лука, боясь того, что она действительно может совсем прекратить действия, в первых числах декабря 1950 г. священника молитвенного дома в дер. Ново-Ивановка Нижнегорского р-на Антонова Николая перевел в Найденовку. Теперь, за отсутствием священника, не действует молитвенный дом в Ново-Ивановке.

в) Далее архиепископ Лука пишет:

«Почти такое же положение в селе Орловка (как в Найденовке), где тоже невозможно будет сохранить церковь».

Из этого якобы вытекает то, что местные советские органы намерены закрыть церковь в селе Орловка или не разрешают верующим посещать ее. Там положение другое совершенно.

В селе Орловка Раздольненского р-на церковь не действует, за отсутствием священника, с сентября 1950 г.

Последний священник этой церкви Шохин Федор, по его настойчивой просьбе в сентябре м-це архиепископом Лукой переведенный из Орловки в гор. Ялту, дал такую характеристику церкви села Орловки:

«Церковь народ не посещает, доходов нет, службы проводятся два раза в неделю и в большие церковные праздники.

В субботу, как правило, во время службы в церкви никого не бывает, в воскресенье — 4–5 старушек, по большим праздникам — 25–30 человек. Церковному причту — священнику и псаломщику — здесь жить не на что, доходы их очень мизерные, он, Шохин, имел не более 150 руб. в месяц в течение пяти месяцев, поэтому Архиепископ Лука выдавал ему дотацию ежемесячно в размере 300 руб. из сумм Епархиального Управления».

Орловская церковь, хотя одна на весь Раздольненский р-н, но она находится от районного центра примерно в 20 км, в небольшом селении, имеющем не более 25–30 дворов.

В прошлом, до революции, это была помещичья усадьба и церковь была домовой помещика. Ближайшие села также небольшие, от церкви в 5–6 километрах. Поэтому посещаемость ее верующими очень незначительная.

За последние годы священники не желают служить при этой церкви, так как их доходы при ней не дают возможности существовать даже одиноким.

Если до 1948–1949 гг. священники при этой церкви, как говорят, жили и существовали, то это было за счет их хождения по селам р-на с целью совершения всякого рода треб и обрядов независимо от того, приглашают их или нет.

После того как хождение их по селам значительно сократилось, доходность резко снизилась.

Вот те причины слабой деятельности церкви в селе Орловка, а не действие местных органов, как пишет Лука. Несмотря на все это и что церковь в Орловке, как говорят, «дышит на ладан», я не сомневаюсь в том, что Лука, с тем чтобы ее сохранить в числе действующих, как только будет подходить к 6-ти месяцам ее бездействия, за отсутствием священника снимет такового с другого прихода и пошлет в Орловку.

2) Затем архиепископ Лука пишет в рапорте о каком-то «вопиющем положении в селе Магазинка», что в этом селе настоятель молитвенного дома протоиерей Ковшик Стефан развил там столь активную деятельность, что в приходе не осталось ни одного некрещеного, и вот ему предъявляется требование освободить занимаемое церковью помещение на том основании, что оно принадлежит колхозу, и уплатить колхозу арендную плату за 1944–1950 гг. и т. д.

По этому молитвенному дому дело обстоит таким образом: в период немецкой оккупации в 1942 году была открыта церковь в селе Воинка Красноперекопского р-на в районном клубе (до войны в селе Воинка был районный центр).

После освобождения Крыма от оккупантов в июле 1944 г. районными советскими органами было предложено церковной общине здание клуба освободить, а себе

для молитвенных целей найти другое помещение. В селе Воинка община такового не нашла.

Тогда колхозом «Свобода» в селе Магазинка, в 5-ти километрах от Воинки, был предложен церковной общине бывший жилой дом, к которому последней была сделана пристройка алтаря и с другой стороны немного удлинен, тогда же, в 1944 г., в этом здании был открыт молитвенный дом.

Поскольку это здание принадлежало колхозу, в том же 1944 г. при заключении договоров райисполкомами с церковными общинами о передаче в их пользование церковных зданий мною в отношении этого здания предлагалось райисполкому передать его церковной общине на условиях аренды.

Несмотря на это, оно колхозом было передано общине в бесплатное пользование.

В текущем 1950 году вопрос об изъятии этого здания у церковной общины ставился как райисполкомом, так и правлением колхоза, но так как здание не являлось в прошлом зданием общественного пользования (клуб, школа и т. д.), а был обыкновенный сельский жилой дом, вопрос на заседании облисполкома об изъятии его у общины не ставился.

Было рекомендовано председателю к-за «Свобода» по вопросу расторжения договора с общиной и взыскания арендной платы с последней за пользование зданием за прошлые годы обратиться в Народный суд.

А секретарь архиепископа Луки (для сообщения последнему) был мною предупрежден о необходимости общине подыскать себе под молитвенный дом другое помещение, в порядке аренды или покупки частного дома, а занимаемое возвратить колхозу, поскольку оно принадлежит последнему.

Настоятель молитвенного дома священник Ковшик Стефан, видимо, не желая заниматься подыскиванием другого помещения и другими вопросами, в сентябре 1950 г. потребовал у архиепископа перевода в другой приход, что последним и было сделано.

Таким образом, молитвенный дом в селе Магазинка Краснoперекопского района с конца сентября 1950 года, за отсутствием священника, не действует.

Так обстояло дело с этим молитвенным домом, никакого там «вопиющего положения» не было и нет, как сообщает архиепископ Лука.

3) 27 декабря 1950 г. из Москвы по телефону член Совета по делам Русской Православной Церкви тов. Иванов мне сообщил, что к ним поступила жалоба архиепископа Луки о том, что мною якобы было отказано в регистрации священнику Юркевичу Леониду, не имея к этому никаких оснований.

В тот же день, 27/XII-50 г., беседовал с архиепископом Лукой по телефону, сообщил ему, что мне передали из Москвы о его жалобе на меня, что мною было отказано в регистрации священнику Юркевичу Леониду, тогда как таковой у меня никогда не был и я его совершенно не видел, поэтому отказать ему в регистрации не мог.

На это Лука ответил, что он на меня никакой жалобы не писал в Совет, а писал Патриарху и спрашивал его, имеет ли право уполномоченный отказывать в регистрации священников, и привел пример с Юркевичем. Далее Лука сказал, что Юркевич Леонид в Крыму не был, но он с ним имеет переписку уже более года, Юркевич просил его (Луку) принять его в свою епархию, чтобы он мог с ним послужить и получить его совет, как профессора, о состоянии своего здоровья. Что еще более года тому назад он направлял мне с протоиереем Милославовым автобиографию Юркевича, его заявление и др. материалы и я якобы не возражал о его приглашении в Крым (Юркевич Леонид бывший униат, служит священником в Дрогобычской области). Но поскольку он тогда не мог предоставить ему место священника, приглашения не посылал.

Теперь же он Юркевичу может предоставить место священника, поэтому около м-ца тому назад он опять посылал ко мне Милославова узнать у меня, будет ли Юркевич

мною зарегистрирован, если его они пригласят приехать, и якобы я заявил Милославову, что Юркевич мною не будет зарегистрирован.

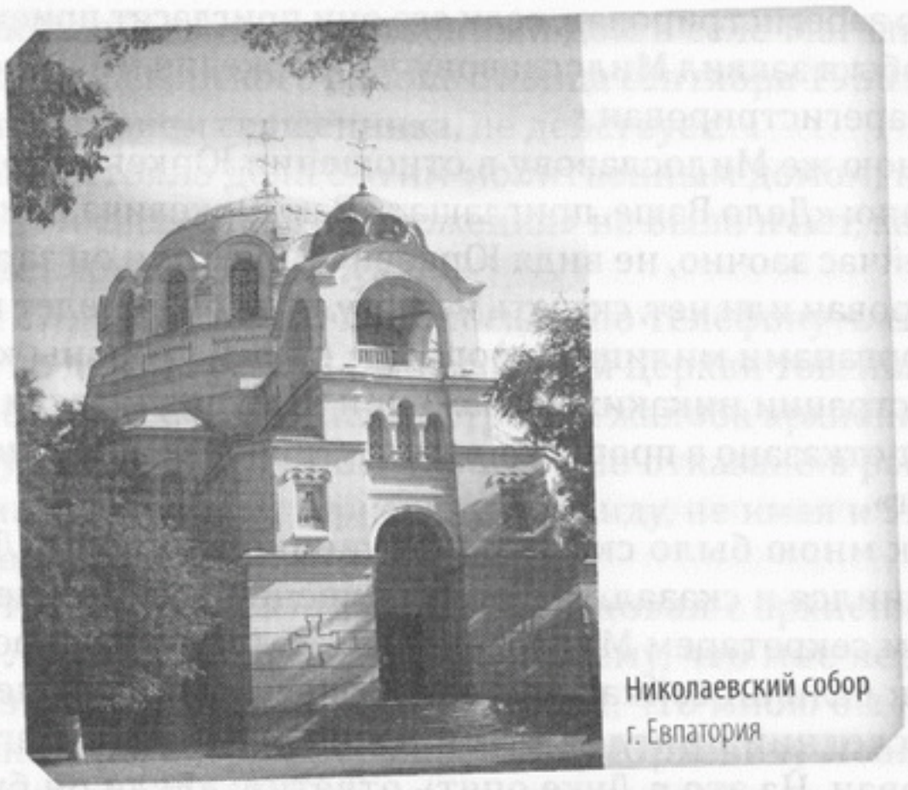
Мною же Милославову в отношении Юркевича было сказано: «Дело Ваше, приглашать Вам Юркевича или нет, но сейчас заочно, не видя Юркевича, будет ли он зарегистрирован или нет, сказать не могу, если он приедет и будет органами милиции прописан, с моей стороны к его регистрации никаких возражений не будет, но если ему будет отказано в прописке, зарегистрирован, конечно, не будет».

Так мною было сказано и архиепископу Луке. Лука извинился и сказал, что он был введен в заблуждение своим секретарем Милославовым. Затем Лука спросил меня: если он сейчас пошлет Юркевичу приглашение и последний приедет, то он мною будет ли зарегистрирован. На это я Луке опять ответил: «Если он будет прописан по месту жительства, препятствий в регистрации его не встретится».

В заключение беседы я Луке заметил, что все такие вопросы хорошо было бы разрешать при личных встречах, а не через вторых лиц, а мы с Вами не встречались с марта м-ца. Лука с этим согласился и сказал, что будет у меня в первые дни после праздника Нового года. <...>

Деятельность Епархиального Управления в отчетном квартале ничем особым не выделялась. Никаких совещаний архиепископом Лукой не проводилось.

В течение квартала он выезжал в три прихода. 1) Николаевский собор гор. Евпатории по приглашению причта. 2) В Николаевскую церковь гор. Белогорска в ее престольный праздник. 3) В гор. Керчь для разбора дела бывшего священника Горбанева Петра, лишенного сана, который стал распускать слухи среди верующих гор. Керчи, что никакого заявления он уполномоченному не писал об отказе от священнического сана, о разрыве с духовной средой и т. д., что это выдумано архиепископом Лукой с уполномоченным.

Николаевский собор
г. Евпатория

В связи с чем пошли всякого рода слухи и разговоры среди верующих, как говорит Лука, поднялось целое волнение, стали поступать к нему письма бранного содержания и с требованием вернуть сан священнику Горбаневу. Тогда архиепископ решил выехать сам в гор. Керчь, как говорит, для успокоения верующих, взяв у меня подлинник заявления и автобиографии Горбанева, чем и доказал верующим действительную подачу заявления Горбаневым о разрыве с духовной средой и т. д. и, по его выражению, внес успокоение. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 1. Л. 89–107.

№ 61
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1951 года

3 апреля 1951 г.

<...> 4) 2 января 1951 г. архиепископ Лука передал мне жалобу гр-ки Киселевой Елены Сергеевны, прихожанки Евпаторийского собора, о преследовании школьной учительницей ее дочери за религиозность.

В результате проверки данной жалобы на месте было установлено: называемая Киселевой Еленой ее духовная дочь (племянница) Нина, 8 лет, учится во 2 классе 3-й женской средней школы гор. Евпатория, никакого преследования ее за религиозность со стороны преподавателей школы не было и нет.

Дело было таким образом: еще в прошлом году, когда девочка училась в первом классе, она приходила в школу, имея на шее крестик, с нею беседовала учительница Белявская, чтобы она его сняла или спрятала, кроме того, девочка делала часто прогулы в так называемые церковные праздники. Учительница Белявская была у нее на дому и беседовала с Киселевой и ее сестрой Винюковой (воспитательницей детского сада), у которых живет эта девочка, чтобы они не мешали школе воспитывать ее и не забивали ей голову церковными молитвами и т. д.

Архиепископу Луке через его секретаря было сообщено, что проверкой никакого преследования девочки за религиозность со стороны учительницы места не имело.

5) В первых числах января 1951 г. от архиепископа Луки на мое имя, в копии председателю Облисполкома, поступила жалоба хористки Евпаторийского собора Хитровой Марии, в которой последняя писала, что ее сын, Хитров Кирилл, 23 лет, работал в Евпаторийском горпищекомбинате подмастером конфетного цеха. В результате преследования его за религиозность, насмешек, оскорблений и т. п. со стороны директора Горпищекомбината Кашлова ее сын заболел сильным нервным

расстройством, был отправлен в психиатрическую лечебницу гор. Симферополя и был помещен в буйное отделение, а там был так избит, что потребовалась операция, была удалена селезенка и зашита печень.

В результате проверки изложенных фактов на месте мною было установлено, что никакого преследования за религиозность со стороны директора Горпищекомбината тов. Кашлова по отношению Хитрова Кирилла не было. При беседе с его матерью, Хитровой Марией, которая изложенные ею в жалобе факты гонения ничем подтвердить не могла.

В отношении избиения Хитрова Кирилла в психиатрической больнице, в которую он поступил как страдающий душевным заболеванием в форме шизофрении, факты подтвердились, т. к. один из больных, раздраженный состоянием Хитрова, набросился на него и нанес ему удар в живот. Вследствие полученной травмы Хитров был оперирован.

В связи с этим Облздравотделом в больнице проведены мероприятия по улучшению надзора за психбольными.

На виновных наложено административное взыскание.

Архиепископ Лука через его секретаря с результатами проверки жалобы и принятых мер ознакомлен. <...>

Архиепископ Лука в отчетном квартале посетил меня один раз при следующих обстоятельствах.

В докладе за 4-й квартал 1950 г. мною сообщалось, что во время телефонного разговора с ним 27 декабря 1950 г. по вопросу его письма Патриарху он сказал, что посетит после Нового года, что и сделал 2 января 1951 года.

В начале беседы Лука рассказал, что к нему поступают жалобы со стороны верующих гор. Евпатории о преследовании их администрацией учреждений или предприятий за посещаемость церкви, а в школах учительницами — детей, носящих кресты, и передал мне одну такую жалобу гр. Киселевой. О результатах проверки этой жалобы мною сообщается выше на стр. 7 и 8.

Других фактов, кроме жалобы Киселевой, он привести не мог, но что он якобы поручил церковному старосте Евпаторийского собора такие собрать.

До сих пор от него никаких фактов какого-либо преследования за религиозность, как он говорил, не поступило.

Будучи в Евпатории, на эту тему беседовал с церковным старостой собора Мальцевым, последний сказал, что некоторые верующие, посещающие собор, говорили о каком-то их преследовании администрацией по месту работы за посещение собора, но когда он предлагал им обо всем этом написать архиепископу, писать отказывались, он также не мог привести какого-либо случая преследования верующих за посещаемость церкви.

Далее Лука спросил, в каком положении находится дело с помещением молитвенного дома в дер. Магазинка Красноперекопского р-на. Может ли он туда направить священника вместо переведенного в другой приход в сентябре м-це священника Ковшика Стефана.

Мною ему было разъяснено, что помещение никем не занято, молитвенный дом с учета не снят, община не распущена, дело его, направлять туда священника или нет.

Затем спросил, было ли получено мною его письмо, в копии председателю Облисполкома, с приложением жалобы хористки Евпаторийского собора Хитровой Марии о том, что ее сын в результате преследования за религиозность на производстве, где работал, сошел с ума. Был помещен в психиатрическую больницу в Симферополе как буйно помешанный, а в больнице его покалечили, где один больной, также буйно помешанный, повалил его на пол и встал на живот, в результате чего у него была оторвана селезенка и почки, просил это расследовать.

Такого его письма и жалобы я не получал, о чем и сказал Луке.

Примерно через час после его ухода из его канцелярии это письмо с жалобой Хитровой было мне доставлено.

Результаты проверки и принятых мер по этой жалобе мною изложены выше на стр. 8 и 9. После чего перед ним мною был поставлен ряд вопросов, например:

1) О неразрешении детям до 14-летнего возраста прислуживать в церкви, а с 14 до 18 лет — только с согласия родителей. На это Лука ответил, что ему его секретарь

Милославов об этом докладывал, и он все это провел в жизнь. Даже сам остался без мальчиков, и его теперь во время архиерейских служб обслуживают два старика, монашка и сторож собора.

2) Крещение детей должно быть только с согласия родителей, если такого согласия не будет и священник совершит крещение, родители могут его привлечь к судебной ответственности.

Лука спросил меня, какое должно быть согласие, устное или письменное. На мой ответ, что согласие может быть и устное, и письменное, Лука сказал, что это, по сути дела, запрещение, так как многие родители письменного согласия не дадут, а от устного, в случае чего, могут отказаться, и заявил, что он с таким моим указанием не согласен, запросит Патриарха.

3) За деятельность прихода отвечает только 20-ка, т.е. лица, подписавшие договор, а поэтому никаких общих собраний прихожан той или другой церкви не должно быть ни по каким вопросам, ни по выборам исполнительных органов, которые избираются только из лиц, подписавших договор, ни по каким-либо др.

На это Лука заметил, будет лучше, тогда не будет таких явлений, как было в Керчи после того, как он лишил сана Горбанева Петра, где прихожане устроили форменный бунт, когда его улаживать пришлось выезжать ему самому. Или как в Евпатории, когда там был священником Ливанов, назначенного им настоятелем собора Кудрявцева Ивана прихожане не пустили в храм.

4) Хождение священнослужителей по домам, особенно на селе, из хаты в хату, не должно быть и не допускается. Что посещение верующих на дому для совершения той или другой требы может быть только по их приглашению в каждом отдельном случае индивидуально, особенно не должно быть группового крещения детей, когда священник приходит в село специально для крещения детей, останавливается в одной из хат, куда к нему сводят или сносят детей, и он крестит, что для этого есть храм, где и должно все это совершаться.

Привел ему пример со священником Розановым Николаем в гор. Судаке, который продолжает ходить по селам р-на для совершения треб и обрядов.

Так, в декабре 1950 года он в одном из сел р-на окрестил сразу 17 детей, в том числе и ребенка члена партии. Луке я заметил, что уже не раз обращал внимание его и священников о недопущении массовых крещений детей на дому; Розанова следовало бы за это снять с регистрации.

Архиепископ Лука мне заявил, что с этим не согласен: «Священник в своем приходе должен посещать села, особенно отдаленные, и там крестить детей, иначе получается запрет крещений. Не все колхозники могут доставить в церковь своих детей для крещений, собственного транспорта они не имеют, а колхозы для таких целей [транспорт] не дают. Это был должен делать и священник Розанов, так как у него приходом является весь район».

На это я ему ответил: «Церковь установленных границ прихода не имеет. Приход каждой церкви составляется из верующих, ее посещающих, поэтому никаких границ прихода у Судакской церкви нет».

Лука ответил, что он с этим не согласен и запросит разъяснений Патриарха.

5) Затем архиепископа Луку я спросил, известно ли ему о имевшемся случае так называемого «обновления» иконы в гор. Ялта (о котором мною доложено Совету специальным донесением и в докладе за 4-й квартал 1950 г.).

Лука ответил, что ничего об этом не знал. Но из дальнейшей беседы можно было понять, что ему об этом было известно. Сам он верит в «обновления», привел случай [о] когда-то якобы имевшемся обновлении в Киеве на одном из храмов наружных икон, кроме одной, и сказал, что он убежден в том, что обновления бывают.

В заключение беседы архиепископ Лука заявил, что у него в епархии ряд сельских церквей очень бедны, которые он вынужден освободить от налога на епархию,

и выдает дотации на содержание священников. Привел пример с церковью в селе Чистенькая Симферопольского р-на, где священник Гречаный за неделю заработал только 2 руб. 50 коп., последний требует перевода в другой приход, поэтому он вынужден был эту церковь освободить от налога на епархию и выдавать дотацию на содержание священника.

Несмотря на то что сам Лука признает бедность ряда приходских церквей, которые он вынужден освобождать от налога на содержание епархии и за счет епархии содержать священников этих церквей, все же не хочет допустить их самоликвидации или закрытия, надеясь на какие-то лучшие времена. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 1 а. Л. 12–20.

№ 62
Внеочередное донесение уполномоченного председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову о случае обновления иконы

14 июня 1951 г.

Гр-ка Коневец Ольга, рождения 1892 г., нигде не работает, проживает в гор. Симферополе по ул. Безбожной, 20, спекулянтка, ее дочь в 1944 году после освобождения Крыма от оккупантов была осуждена и выслана, 20 мая с/г распустила слух, что у нее «обновилась» икона. В результате чего к ней на квартиру пошли верующие

и неверующие посмотреть на эту икону, в общем, вокруг нее поднялся шум.

21 мая с/г об этом стало известно органам милиции, откуда в тот же день по телефону было предложено секретарю архиепископа, он же настоятель кафедрального собора, протоиерею Милославову, чтобы не было шума вокруг этой иконы, немедленно забрать ее с квартиры гр-ки Коневец в церковь.

Милославов доложил архиепископу Луке, последний предложил второму священнику кафедрального собора, так называемому ключарю, Еремееву Николаю, икону с квартиры гр-ки Коневец привезти в собор.

Когда Еремеев брал с квартиры икону, там была толпа примерно до 100 человек. Еремеев взятой им в руки иконой благословил эту толпу и призывал ее приходить в собор на поклонение «обновившейся» иконе.

По доставлении иконы в собор последняя вначале была помещена в алтаре, и если бы она там и находилась, на этом бы весь шум с ее обновлением и закончился, но через два дня архиепископ Лука вторично посылает священника Еремеева на квартиру гр-ки Коневец расследовать, как проходило «обновление» иконы, и донести ему рапортом.

Еремеев после беседы с гр-кой Коневец и рядом других старух в своем рапорте архиепископу Луке сообщил:

Икона «действительно обновилась», в подтверждение чего сослался на то, что якобы на квартиру гр-ки Коневец приходили представители городского совета с художниками, которые подтвердили, что никакой подделки нет, то есть вмешательства человеческих рук не было.

После этого архиепископ Лука дал распоряжение «подремонтировать» икону, положить ее на аналой под стекло и вынести из алтаря на середину храма (собора) для всеобщего поклонения и обозрения.

Священники собора Милославов, Еремеев и Дунаев это распоряжение архиепископа Луки выполнили немедленно, в тот же день икону вынесли на середину храма,

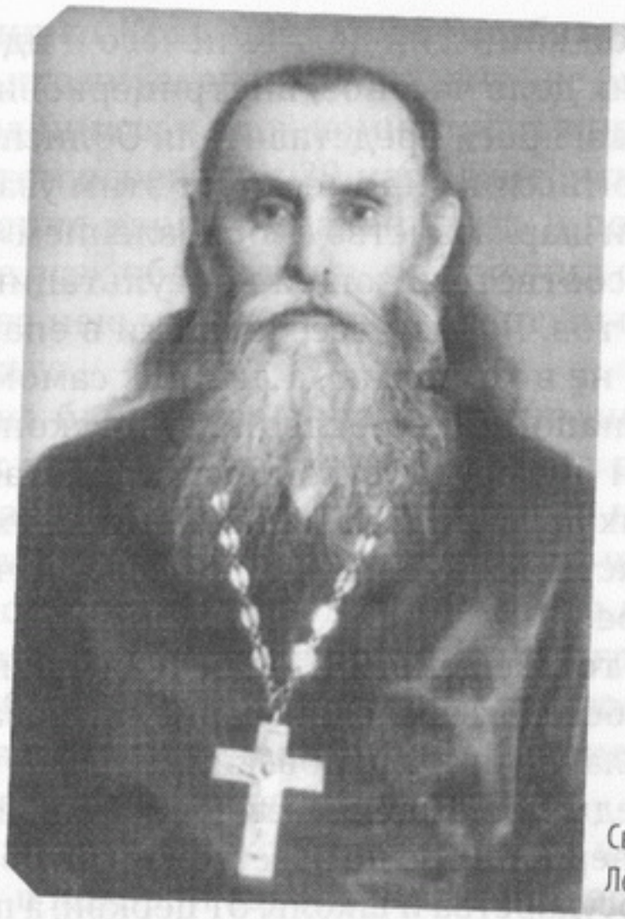
около нее поставили большой подсвечник и блюдо для сбора пожертвований и поставили гр-ку Коневец давать объяснения, как происходило «обновление».

Началось паломничество к иконе.

25 мая архиепископ Лука распорядился, чтобы весь причт собора, 3 священника и 2 диакона, облачились в праздничные одежды и совершили молебен, а он сам произнесет проповедь, и чтобы об этом было широко оповещено верующее население города. В тот же день, 25 мая, молебен около этой иконы в торжественной обстановке был совершен. И сам архиепископ Лука произнес проповедь, рассказал о имеющихся якобы случаях «обновления» икон когда-то в Киеве, Одессе, Севастополе, Ленинграде и т. д. и совершавшихся якобы чудесах в результате «обновления» икон. И о данном случае «обновления» в Симферополе. Лука сказал, что икона действительно «обновилась», в подтверждение чего сослался на каких-то представителей горсовета и художников, которые якобы подтвердили, что никакого вмешательства человеческих рук не было, тогда как там никаких представителей горсовета и художников не было и никто их не посылал.

После совершенного молебна всем причтом собора и проповеди самого архиепископа Луки паломничество к иконе в собор и приток пожертвований еще более усилились. Затем архиепископ Лука, видимо, поняв, что с «обновлением» иконы и со своей проповедью, в которой ссылался на представителей горсовета, допустил что-то неладное, поэтому 28 мая издает указ о назначении комиссии из 4-х священников и 2-х мирян, которой поручает расследовать случай с «обновлением» иконы и дать ему свое заключение.

Но с тем, чтобы в этой комиссии присутствовал и представитель государственных органов, архиепископ Лука поручил своему секретарю, настоятелю собора Милославову, пойти к уполномоченному, а если его нет, обратиться к председателю Облисполкома с просьбой, чтобы последний выделил представителя Облисполкома для

Священник
Леонид Дунаев

участия в созданной им комиссии для расследования, — иначе говоря, для подтверждения «обновления» иконы.

Но так как уполномоченный в это время лежал в больнице, а председателя Облисполкома не было, Милославов с этим поручением архиепископа обратился к первому заместителю председателя тов. Лялину, тов. Лялин обещал Милославову прислать представителя Облисполкома. После чего он поручил главному госарбитру тов. Нордэн пойти туда, но участия в комиссии не принимать, а послушать, что там будут говорить.

Тов. Нордэн, получив точное указание тов. Лялина, пришел ко мне в больницу за советом, следует ли ему пойти в комиссию, созданную архиепископом, или нет, если пойти, то каково должно быть его участие в этой комиссии.

Мною было тов. Нордэну разъяснено, что никакого участия представителей государственных организаций в комиссиях, создаваемых церковниками, не должно

быть, и ему в этой комиссии делать нечего и идти туда не следует, это их дело частное, внутрицерковное. Что архиепископ Лука, прося представителя Облисполкома для участия в комиссии, видимо, хочет этим узаконить совершенное ими шарлатанство с «обновлением» иконы.

Затем, после соответствующей консультации, было рекомендовано тов. Нордэн все же пойти в епархиальное управление не в комиссию, а лично к самому архиепископу Луке, напомнить последнему о законе об отделении церкви от государства и что представители государственных органов ни в каких комиссиях, создаваемых ими, участвовать не могут, это дело их частное, внутрицерковное.

Тов. Нордэн в тот же день, 28/V, посетил архиепископа Луку, при его беседе с последним присутствовали священники Милославов и Крашановский.

Во время беседы тов. Нордэн заметил архиепископу Луке, что ему, наверное, хорошо известен закон об отделении церкви от государства и школы от церкви, а поэтому представители государственных органов ни в каких церковных комиссиях не участвуют, это Ваше частное дело.

Созданная архиепископом Лукой комиссия в составе:

1) настоятеля кафедрального собора протоиерея Милославова,

2) настоятеля Благовещенской церкви протоиерея Голубятникова,

3) настоятеля Севастопольского собора протоиерея Крашановского,

4) настоятеля Алуштинской церкви протоиерея Клягина и одного мирянина в тот же день, 28/V, выходила на место, на квартиру гр-ки Коневец, для расследования, было ли «обновление» иконы или нет. Комиссия опросила Коневец и ряд др. старух.

Гр-ка Коневец там же этой церковной комиссии заявила, что перед Пасхой она икону мыла и чистила.

Мнение комиссии, было ли «обновление» иконы, распалось. Два священника, Милославов и Клягин, настаивали на том, что «обновление» иконы было; два

священника, Крашановский и Голубятников, настаивали на том, что никакого «обновления» не было, к их мнению присоединился и член комиссии из мирян.

На этом основании 29 мая архиепископ Лука дал распоряжение икону с аналоя снять и повесить на стене в числе всех общих икон, но поручил священнику Еремееву за нею наблюдать, не будет ли она и дальше обновляться.

Икона была повешена на стене, но выделена особо, так как на полу против нее был положен коврик и поставлен большой подсвечник, а настоятель собора Милославов распорядился около иконы поставить большой поднос (блюдо) для сбора пожертвований. А священник Еремеев организовал группу старух, которые бы стояли около иконы, наблюдали за ней и давали разъяснения подходящим к иконе. Паломничество к иконе продолжалось.

30 мая архиепископ Лука в соборе выступил с проповедью, в которой заявил, что он на основании результатов расследования комиссии «обновление» иконы не признает, и тут же заявил молящимся: а вы как хотите, хотите — верьте, хотите — не верьте.

Несмотря на то что архиепископ Лука заявил в проповеди, что он «обновление» иконы не признает, священники собора Милославов, Еремеев, Дунаев всячески способами продолжали распространять по городу слухи, что икона «обновилась» и т. д., а поэтому паломничество к ней продолжалось до последнего времени. Об этом мне стало известно в больнице 7 июня, тогда я 8 июня по телефону связался с секретарем архиепископа, он же настоятель собора, протоиереем Милославовым, предложил ему, как настоятелю собора, немедленно икону снять со стены и убрать в такое место, чтобы ее не видели, предупредил Милославова, что если он этого не сделает, то будет мною снят с регистрации.

Затем мне стало известно, что об этом моем указании Милославов доложил архиепископу Луке, который

запретил ему выполнять мое указание и икону с видного места на стене не снимать. Икона была снята со стены и перенесена в алтарь только 9 июня.

Гр-ке Коневец вместо взятой у нее иконы из собора была выдана другая, и несмотря на то, что архиепископ Лука не признал «обновления», священник Еремеев 7 июня дал согласие гр-ке Коневец отслужить у нее на квартире молебен в 11 часов утра 8 июня. Коневец об этом объявила по ближайшим улицам, и к 11 часам утра 8/VI у нее на квартире собралось человек 25–30, но благодаря сложившимся обстоятельствам, не зависимым от священника Еремеева, молебен отслужен не был.

Многие верующие высказывают свое недовольство по отношению архиепископа Луки и священников собора, а также возмущаются, почему советские органы не привлекут их к ответственности за шарлатанство и обман с целью наживы.

Мои предложения:

1. Архиепископа Луку, как главного шарлатана в данном случае, окончательно скомпрометировавшего себя среди верующих и вызвавшего возмущение местных советских и партийных органов, удалить в какой-либо монастырь на покой, с тем чтобы он больше не распространял мистические суеверия в массах.

2. Священников кафедрального собора Милославова, Еремеева и Дунаева, несмотря на то что архиепископ Лука, наконец, не признал «обновление» иконы, продолжавших до последнего времени распространять среди населения суеверные шарлатанские слухи об «обновлении» иконы в целях личного обогащения и наживы, с регистрации снять и сообщить следственным органам.

3. В отношении гр-ки Коневец следственные органы уже занимаются.

Причина моей несвоевременной информации Совету та, что, когда началась вся эта шарлатанская история с «обновлением» иконы 20 мая, я находился в Москве,

когда прилетел из Москвы 24 мая, сразу же попал в больницу с сильным приступом бронхиальной астмы, где находился по 10 июня.

Прошу Ваших срочных указаний.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 1 а. Л. 33–40.

№ 63

Докладная записка заместителя начальника Управления МГБ СССР по Крымской области начальнику 2-го отдела 5-го управления МГБ СССР полковнику Лутову

Июнь 1951 г.

Спецсообщение.

21 мая 1951 г. в Управление МГБ по Крымской области поступили данные о том, что в гор. Симферополе, в доме № 20 по ул. Безбожной, у проживающей в этом доме Коневец «обновилась» икона.

Для проверки этого факта был направлен оперативный работник, который установил, что в квартире жильца этого дома Коневец Ольги Евграфовны собралось около 100 человек женщин, толкующих об «обновлении» находящейся в этой квартире иконы.

Отрекомендовавшись представителем горисполкома, оперативный работник предложил Коневец в целях прекращения сбора людей закрыть квартиру, никого в нее не впускать и разговоры об «обновлении» иконы прекратить.

Наряду с этим от имени Управления милиции было сообщено в канцелярию Крымской епархии и предложено изъять эту икону у Коневец.

По распоряжению архиепископа Крымского Луки Войно-Ясенецкого на квартиру Коневец был направлен священник Еремеев Николай, который изъял эту икону, доставил ее в Симферопольский собор, поместил у клироса для обозрения.

25 мая с/г архиепископ Лука отдал распоряжение отслужить в соборе молебен и сам произнес по этому поводу проповедь, в которой говорил об «обновлениях» икон, и при этом прочел рапорт священника Еремеева об «обновлении» иконы у Коневец, в связи с чем усилился приток людей в собор и сбор средств.

В этот же день архиепископ Лука направил сообщение на имя Патриарха Алексия, в котором излагал об «обновившейся» иконе.

Наш агент «Соколовский», служащий священником в другой церкви г. Симферополя, находившийся в это время в командировке, по возвращении в беседе с Лукой высказался отрицательно по поводу поднятого шума вокруг «обновившейся» иконы и посоветовал ему прекратить это дело.

Следуя совету «Соколовского», Лука издал указ о создании комиссии в составе четырех священников и двух прихожан для проведения следствия в отношении «обновившейся» иконы.

В составе комиссии оказались два наших агента, «Соколовский» и «Евстафьев», которые и провели следствие, отрицая факты этого «обновления».

В этот же день, 28 мая, Лука в дополнение к своему прежнему сообщению донес Патриарху, что по делу «обновления» иконы им назначено следствие и до получения результатов икона помещена в алтаре.

Агент «Соколовский», возглавлявший эту комиссию, по окончании следствия представил Луке заключение о том, что факт «обновления» иконы не подтвердился.

На основании этого заключения Лука сообщил Патриарху следующее:

> «… Доношу Вашему Святейшеству, что, на основании результатов следствия об "обновлении" иконы Спасителя, я не признал достоверным факт "обновления" и велел повесить икону на стене собора в ряду обычных икон.
> Народ вполне успокоился. Со стороны правительственных властей не было и нет никаких проявлений неудовольствия».

30 мая с. г. Лука объявил в соборе прихожанам, что икона не обновлялась, в связи с чем авторитет Луки среди отдельных верующих оказался подорванным.

По данным агента «Соколовского» от 30 мая с. г., при допросе Коневец О. Е. последняя показала, что икону она периодически протирала и промывала, но протокол ее допроса Лука забрал себе и комиссии не возвратил.

В отношении Коневец нами добыты следующие данные:

Коневец Ольга Евграфовна, 1892 года рождения, уроженка с. Сергеевки Ново-Троицкого района Херсонской области, беспартийная, одинокая, без определенных занятий, проживает в гор. Симферополе по ул. Безбожной в доме № 20.

По учетам Коневец не проходит.

Нами направлена агентура на выявление возможно имевшего место сговора для организации «обновления» иконы со стороны актива церковников и священнослужителей.

Зам. нач. Управления МГБ СССР по Крымской области
подполковник Горьков
Верно: Ст. оп. уп. Ботяев
« [число отсутствует]» июня 1951
г. гор. Симферополь

Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 78. Т. 6. Л. 282–284.

№ 64
Дополнительная информация уполномоченного о случае обновления иконы

16 июня 1951 г.

В дополнение к моему внеочередному донесению № 12/с от 14 июня с/г о так называемом «обновлении» иконы сообщаю, что архиепископ Лука дал установку священникам кафедрального собора и церковнослужащим, всем, кто будет спрашивать, почему «обновленную» икону убрали с видного места в алтарь, объяснять, что это ими сделано по распоряжению властей, что сам он верит в «обновление», но с тем чтобы не было больших неприятностей для них, распорядился икону убрать.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 1 а. Л. 41.

№ 65
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1951 года

3 июля 1951 г.

<...> Архиепископ Лука в отчетном квартале посетил меня один раз при следующих обстоятельствах:

13 апреля с/г он направил отношение за № 153 начальнику милиции Крымской области, в копии УМГБ и мне, такого содержания:

«Настоятель Евпаторийской Ильинской церкви протоиерей Иоанн Улезко сообщил мне, что в ночь на 10-е апреля с/г в церковь забрался вор и учинил там форменный погром. На неоднократные

заявления об этом в милицию протоиерей Улезко получил издевательский ответ: "Поймайте вора и вредителей, тогда мы примем меры". Ежедневно школьники бьют из рогатки стекла в окнах церкви. Против этого милиция также не желает принимать никаких мер.

Прошу Вас побудить евпаторийскую милицию к исполнению ее обязанностей.

Управляющий Крымской епархией *Архиепископ Лука*».

Данное отношение архиепископа Луки в некоторой части не соответствует сообщению ему священником Улезко, которое при этом также привожу полностью:

«Высокопреосвященный Владыко!

С глубокой скорбью извещаю Вас, что в ночь с 9-го на 10-е апреля с/г ночью вор влез в церковь, вынувши в окне шибку. Видимо, вор был мальчик, не более 10 лет, и притом очень худенький, более взрослый никак не может пролезть. Решетки в окнах есть. Вор в церкви перевернул все аналои, неизвестно, что он думал найти. Затем вошел в алтарь, перевернул жертвенник и, не нашедши ничего, обратился к престолу. Сбросив верхний платок, и там не нашел ничего. На престоле лежал новый Орловский антиминс. В темноте, не зная, что это святыня, он почел его за шелковый платок и забрал. Все ценности были спрятаны в кассе.

Несколько раз заявляли в милицию, и устно, и письменно, но получали один ответ: "Поймайте вора и вредителей, тогда мы примем меры". Ежедневно, идя из школы, ученики рогатками бьют в церкви окна».

Данное сообщение настоятеля Ильинской церкви Улезко в результате проверки выездом на место в некоторой части не подтвердилось, это в том, что они якобы несколько раз заявляли в милицию устно и письменно, этого не было, да и не могло быть, кража совершена в ночь на 10/IV, сообщение архиепископу Луке послано 11/IV-51 г., сторожа при церкви совершенно не имеется.

Мною было настоятелю церкви Улезко и церковному совету предложено немедленно установить охрану церкви и церковного имущества и предупредил, что

невыполнение этого будет рассматриваться как нарушение договора.

26 апреля с/г на мое имя от начальника Управления милиции УМГБ Крымской области поступило письмо за № 21/222 от 21/IV-51 г. такого содержания:

«Прошу Вас сообщить управляющему Крымской епархией архиепископу Луке, что случай кражи из Евпаторийской церкви в ночь на 10 апреля с/г действительно имел место и принятыми мерами преступник установлен. Факт нетактичного обращения с протоиереем Улезко со стороны работников милиции, как утверждает архиепископ Лука в своем письме от 13-го апреля с/г за № 153, не соответствует действительности. Что же касается охраны здания церкви, то это в функции милиции не входит. Прошу дать указание архиепископу Луке о найме сторожа, которому и поручить охрану здания церкви».

Для ознакомления с данным письмом начальника Управления милиции архиепископ Лука мною был приглашен 5 мая с/г.

Прочитав письмо очень внимательно, архиепископ Лука минут пять сидел ничего не говоря. Но по всему его виду чувствовалось его недовольство, почему данное письмо начальником милиции не было лично ему направлено. Затем он сказал: «Что же, меня старик Улезко обманул в своем письме».

Далее наша беседа с ним перешла на разные темы. Он высказал жалобу и обиду на то, что «у него в епархии очень тяжелое положение с кадрами, священников не хватает, несколько приходов продолжительное время находятся без священников, и заместить их некем. Что самых лучших его священников арестовали и выслали на пожизненную высылку только за то, что они ранее отбывали наказание». Назвал Дубровина Сергея, Рогова Михаила, Безродного Григория и Ковшика Степана и еще повторил, что это были его самые лучшие священники.

В заключение беседы архиепископ Лука сказал: «Быть сейчас архиереем тяжело. Приходится нести очень тяжелый крест».

Покровский собор
г. Севастополь

Я же напомнил ему о посланном им письме Патриарху в отношении Севастопольского собора, что ни один факт, изложенный им в письме, ничем не подтверждается. На это мне он ответил, письмо писал на основании доходивших до него слухов. На это я ему заметил только: не всякому слуху нужно верить. <...>

Взаимоотношения уполномоченного с архиепископом Лукой можно назвать нормальными, связь с ним в основном осуществлялась через его секретаря протоиерея Милославова, личных встреч с ним в отчетном квартале была одна, при посещении им меня 5/V-51 года.

Посещений уполномоченным архиепископа не было. К этому все же следует сказать, что архиепископу Луке очень бы хотелось иметь уполномоченного такого, который бы был верующим, склонял перед ним голову, целовал руки и называл его «Ваше высокопреосвященство», позволял бы ему нарушать постановления Правительства, относящиеся к церкви, и указания Совета, давал бы ему возможность как можно глубже распространять суеверия в массах, а поскольку уполномоченный Совета

Жданов ему и духовенству этого делать не позволяет, отсюда бесконечные его рапорта и жалобы Патриарху на уполномоченного Жданова. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 1 а. Л. 69–71, 74.

№ 66
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1951 года

4 октября 1951 г.

<...> Каких-либо совещаний и собраний архиепископом Лукой не проводилось, сам он все лето жил в гор. Алушта, иногда по церковным праздникам выезжал в Симферополь для совершения своих архиерейских служений или произнесения проповедей в соборе.

Проповеди архиепископ Лука говорить любит и говорит их часто, но иногда он не ограничивается в них только церковными вопросами, но касается и других. Например: во время своей проповеди в воскресенье, 23 сентября с/г, в Алуштинской церкви на тему «Воздвижение Креста Господня» говорил всякую чушь об этом Кресте, затем об апостоле Павле. Что Павел оставил все мирское и следовал за Христом и им только хвалился. Далее Лука сказал: «А чем мы сейчас хвалимся, своими достижениями в науке, в политике, экономике, полученными орденами, премиями, но все это ничто по отношению Христа, и разрешит ли Он нам, хотя бы спотыкаясь и падая, следовать за Ним» и т. п.

Об этой проповеди его поклонниками было широко оповещено по Алуште. К началу его проповеди в церкви было человек 150. К концу осталось не более 30, да и то больше

старухи. Многие, уходя из церкви во время его проповеди, говорили: «Какую же он говорит чепуху, и в своем ли он уме, а еще профессор, лауреат Сталинской премии» и т. д.

Взаимоотношения с архиереем

Взаимоотношения уполномоченного с архиепископом Лукой в отчетном квартале были нормальными. Личных встреч с ним не было, а связь его со мною осуществлялась через его секретаря протоиерея Милославова и других священников. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 1 а. Л. 89–90.

№ 67
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1951 года

5 января 1952 г.

<...> От архиепископа Луки поступило письмо с представлением заявлений настоятелей Николаевского собора и Ильинской церкви гор. Евпатории, в которых последние ему сообщают: «Дети школьного возраста из рогаток бьют стекла в окнах церквей, об этом неоднократно заявлялось ими милиции, где получают один ответ: "Поймайте и приведите". На площадках у входа в церкви школьники устраивают футбольные игры, особенно в то время, когда идет богослужение, и молящимся в это время нельзя зайти в церковь и выйти из нее. Кроме того, мячами выбиваются стекла в церквах».

Архиепископ Лука в своем письме просит принять надлежащие меры «против надругательства над этими храмами».

1-го декабря 1951 года выезжал в город Евпаторию для проверки фактов, изложенных в заявлениях.

Факты подтвердились, больше того, данный вопрос, т. е. игра школьников в футбол на площадке около церкви, был поднят на сессии городского совета депутатов трудящихся 30 октября, что стекла ребята выбивали из рогаток и футбольными мячами не только в церкви, но и в конторе связи, находящейся недалеко от церкви, кроме того, когда на этих площадках ребята играют в футбол, никому нельзя пройти, а работники милиции с этим явлением не вели никакой борьбы.

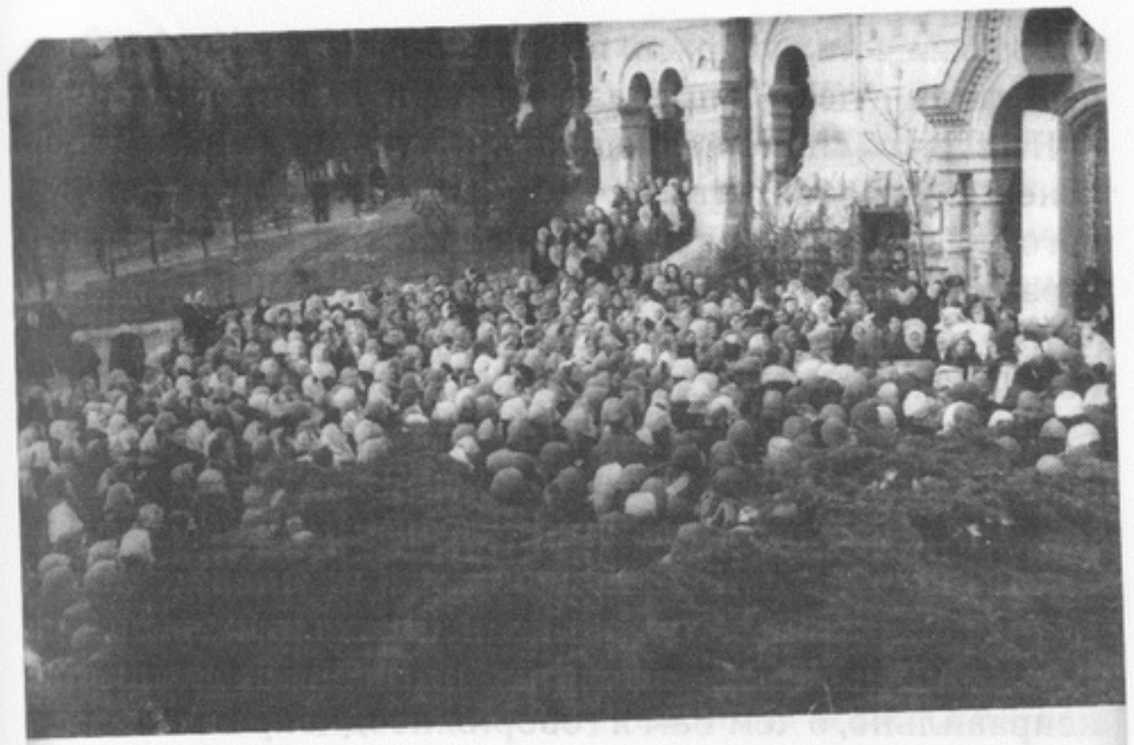
В связи с этим 1 декабря у зам. председателя горсовета было созвано совещание, на котором присутствовали зав. гороно, начальник горотдела милиции и др. руководящие работники города, на котором было решено провести соответствующую работу в школах среди детей, на родительских собраниях и др. меры к предотвращению битья стекол детьми и т. д. <...>

В отчетном квартале архиепископ Лука посетил меня один раз — 20 декабря 1951 года.

Утром 20 декабря мне позвонили из Епархиального Управления, смогу ли я принять архиепископа Луку. Мною было отвечено согласием.

Около 12 часов дня последний прибыл, и беседа наша с ним продолжалась более часа. Вопросы, побудившие его прибыть ко мне, были налоговые:

1) Почему подоходный налог на духовенство в 1951 г. по отношению к 1950 г. был значительно увеличен при равных их доходах, как и в 1950 г. Например, он лично, как управляющий епархией, все время получает 2 тыс. руб. в месяц, или 24 тыс. руб. в год, и с таких 24 тыс. руб. он платил в 1950 г. подоходный налог в сумме 6700 руб., а в 1951 г. с этой же суммы пришлось уплатить до 8700 руб. Такое же положение и со всем духовенством; спрашивает, для всех ли такое увеличение подоходного налога или только для духовенства, если только для духовенства, то нет ли здесь соответствующего нажима на духовенство путем налога.

Праздничная служба
Собор св. Александра Невского. г. Ялта

В связи с полученной мною раньше консультацией в Облфо по данному вопросу было архиепископу Луке разъяснено, что увеличение подоходного налога за 1951 г. относится ко всем лицам, платящим налог по ст. 19, поэтому никакого нажима на духовенство не было и нет. На это он заметил, все же запросит Патриарха.

2) До последнего времени за ремонтные работы в церквах с рабочих, производивших ремонт, подоходный налог с выплаченных им сумм удерживался по ведомостям, как с рабочих, по ст. 5. Такое было раньше и разъяснение финансовых работников.

Последнее время ему стали поступать жалобы от ряда церковных общин, как-то: Феодосии, Ялты и др., что фининспектора требуют за ремонтные работы с рабочих удерживать подоходный налог по ст. 19. Например, в кладбищенской церкви гор. Феодосии в связи с этим за счет церкви пришлось доплатить одну тыс. руб., такое же положение и с кафедральным собором гор. Симферополя, где в 1951 г. в церковной ограде выстроен для сторожки дом. Все расчеты по нему с рабочими закончены, подоходный

налог был с них удержан по ставкам как с рабочих, а теперь фининспектор предлагает платить по ст. 19.

На все это мною архиепископу Луке было дано разъяснение в соответствии с полученным мною из налогового отдела Облфо разъяснением, изложенным выше, на странице 8.

На этом официальная часть беседы у нас с архиепископом Лукой и закончилась.

После чего он мне сказал: «Мы (духовенство) отмечаем, что Вы к нам, Яков Иванович, подобрели». На это ему заметил: «Я всегда был таков, и если бы мы с Вами почаще встречались и лично беседовали, недоразумений и не было бы. Видимо, те лица, которым Вы поручаете разрешать со мною те или другие вопросы, Вас информируют неправильно, о чем Вам я говорил неоднократно».

На это Лука мне ответил, что он очень занят и посещать меня чаще не имеет возможности, даже до сих пор не смог выбрать время посетить в Симферополе картинную галерею.

Его, как профессора, очень много посещает больных, приходят к нему не только с болезнями, связанными с его специальностью как хирурга, но и со всякого рода другими болезнями, приходят и психопаты, и его племяннице, ведущей учет и запись больных к нему на прием, приходится выслушивать немало всякого рода оскорблений от лиц, которым она отказывает в записи на прием к нему.

Далее он сказал, что намерен начать писать новую книгу о медицине, называемую «Регионарная анастезия», по его дипломной работе 1916 года, за которую тогда получил звание профессора и доктора медицинских наук, тогда же, в 1916 г., эта его дипломная работа была издана как книга, которая стала сейчас библиографической редкостью. Запросил директора Медгиза, если она будет Медгизом издана, то он приступит к ее писанию.

Затем сказал, что его книга «Очерки гнойной хирургии», за которую ему дано звание лауреата Сталинской премии, также становится редкостью, и предполагается ее переиздание[65].

Далее сказал, что за это лето хорошо отдохнул в городе Алушта.

О бывшей церкви в селе Орловка Раздольненского района Лука заметил, что им хотя и отдано распоряжение из нее все культовое имущество доставить в Симферополь, но он сожалеет, что данная церковь ликвидировалась, все же там хотя небольшая, но была настоящая церковь, а больше всего его беспокоит то, что если в ней будет клуб, то в алтаре будет сцена и на месте Престола будут танцевать и т. п., а по их каноническим правилам место Престола должно быть отгорожено. В отношении молитвенного дома в селе Октябрьское того же района я ему сообщил: ввиду того, что в здании, занимаемом молитвенным домом, до 1941 года размещались районный парткабинет и детский сад, Октябрьский райисполком возбудил ходатайство об изъятии этого здания у церковной общины для размещения в нем парткабинета и детского сада, взамен которого общине райисполком предоставляет другое помещение. Облисполком это ходатайство поддерживает, квартиры причту молитвенного дома также будут предоставлены. На это архиепископ Лука заметил, что он не сторонник перевода церкви или молитвенного дома из одного помещения в другое, здесь опять стал ссылаться о месте, где стоит Престол, что оно должно быть огорожено и т. д., и сказал, нельзя ли все же молитвенный дом оставить в старом помещении и его не трогать, а в помещении, которое предполагается предоставить общине взамен занимаемого сейчас, разместить парткабинет и детский сад.

Мною на это было ему замечено, что решение данного вопроса от меня не зависит. Лука сказал, что он все же напишет Патриарху. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 1 а. Л. 109–110, 113–116.

№ 68

Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1952 года

8 апреля 1952 г.

<...> Архиепископ Лука в конце декабря 1951 г. по вопросам налогового обложения духовенства обратился в Крымский областной финансовый отдел с таким письмом:

«Из практики налогообложения прошлых лет усматривается, что во многих районах Крымской области священнослужители облагаются налогами в размерах, совершенно не соответствующих получаемым ими годовым доходам, что в значительной мере ущемляет материальное состояние духовенства, обрекая их на нищенское содержание. Финансовые органы на местах в большинстве случаев при определении размеров обложения руководствуются не данными, декларированными священнослужителями по их фактическим причтовым доходам, а какими-то своеобразно-надуманными исчислениями облагаемых доходов.

Об этих фактах я получал и получаю донесения с мест от священнослужителей с просьбой оказать им содействие в урегулировании этого вопроса в соответствующих областных организациях.

Наиболее приемлемым и закономерным способом улучшения материального благосостояния духовенства я считаю установление персональных твердых ставок зарплаты священникам, выплачиваемых из дохода церкви при условии, конечно, поступления всех причтовых доходов в кассу церкви.

При таком способе оплаты труда священников для финансовых организаций на местах будет значительно легче ориентироваться при исчислении налоговых доходов, не прибегая к непозволительно голословным методам обложения.

Не предрешая практическое осуществление этого вопроса, я счел необходимым предварительно обратиться к вам за разъяснениями, насколько приемлема с точки зрения финансового законодательства указанная выше форма оплаты труда священнослужителей, тем более что при проведении в отдельных церквах этого

мероприятия финансовые органы на местах не признали такого способа исчисления доходов священнослужителей в форме твердых ставок и исчисления налоговых доходов производили на прежних основаниях.

Управляющий Крымской епархией *Архиепископ Лука*».

В январе 1952 г. областной финансовый отдел на мое имя прислал письмо такого содержания для разъяснения архиепископу Луке:

«Управляющий Симферопольской и Крымской епархией 25 декабря 1951 г. обратился в Облфо с письмом, в котором просит разъяснения о приемлемости формы оплаты труда священнослужителям в персональных твердых ставках зарплаты. Облфинотдел просит разъяснить управляющему Симферопольской и Крымской епархией, что форма оплаты труда не входит в компетенцию финансовых органов.

В соответствии с письмом Министерства финансов СССР от 13 декабря 1946 г. № 870 при исчислении налогов со служителей культов учитывается финорганами весь доход, полученный ими за совершение религиозных обрядов, независимо от того, от кого они получили этот доход, — от епархии, прихода или непосредственно от верующих».

С данным разъяснением Облфо архиепископ Лука мною был ознакомлен, но с которым он не согласился и обратился с этим же вопросом к Патриарху, который прислал архиепископу Луке разъяснение, а последний его разослал всем священникам для руководства, такого содержания:

«Относительно просьбы Вашей выяснить вопрос о твердой ставке для священнослужителей в целях избежания произвола со стороны местных финансовых органов в деле обложения духовенства налогом — должен сказать, что эта мера, как показывает опыт, не обеспечивает желательного справедливого обложения. Общее положение таково, что финансовые инспектора обязаны доверять показаниям деклараций, подаваемых духовенством о своих доходах,

и не должны прибегать к незаконным приемам проверки этих показаний в храмах путем подсчета просфор, записок и т. д. Поэтому, если где отдельные причты или лица считают себя неправильно облагаемыми, они могут не только апеллировать в соответствующие финансовые органы, но и через своих епархиальных архиереев представлять определенные данные, просить Совет по делам РПЦ содействовать освобождению их от излишнего обложения. Таково положение.

Патриарх Алексий». <…>

Архиепископ Лука никаких собраний и совещаний с духовенством не проводил.

Взаимоотношения уполномоченного с архиепископом Лукой в отчетном квартале были нормальные. Личных встреч с ним была одна при следующих обстоятельствах.

После того как я вышел из больницы и приступил 24 марта к работе, на следующий день меня посетил его секретарь протоиерей Милославов по вопросам, связанным с перемещением духовенства. Во время беседы на вопрос о моем состоянии здоровья мною было сказано, что в больнице у меня установили болезнь почек (воспаление). Об этом Милославов, видимо, сообщил архиепископу Луке, так как последний на следующий день мне позвонил и просил зайти к нему, захватив справку из истории болезни и соответствующие анализы, что он все это просмотрит и порекомендует мне методы лечения. Я, его поблагодарив, обещал зайти, к тому же мне с ним встретиться было необходимо для сообщения об изъятии из общественного пользования «Журнала Московской Патриархии» № 6 за 1945 г. или изъятии из этого журнала статьи о Югославии.

На следующий день, 27/III, получив в больнице копии анализов из истории своей болезни, я, предварительно позвонив архиепископу Луке, посетил его на дому. Вначале у нас с ним была беседа о моей болезни (воспаление почек и бронхиальная астма). Просмотрев анализы, рекомендовал строгую диету в питании и др. После чего

я его поставил в известность о необходимости изъятия «Журнала Московской Патриархии» № 6 за 1945 г. или статьи из него о Югославии.

Затем архиепископ Лука попросил меня порекомендовать ему хорошую, грамотную машинистку и сказал, что он приступил к писанию большой научной медицинской книги «О регионарной анастезии».

В конце беседы он заметил, что ежедневно принимает до 6 чел. больных, просил меня знакомить его с анализами моей болезни.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 2. Л. 12–13, 23–24.

№ 69

Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1952 года

2 июля 1952 г.

<…> Архиепископ Лука никаких собраний и совещаний с духовенством не проводил. С 20 июня с/г он находится на отдыхе в гор. Алуште.

Взаимоотношения уполномоченного с архиепископом Лукой в отчетном квартале были нормальные, личных встреч с ним не было. Какие-либо вопросы, требовавшие моего разрешения или согласия, разрешались с его секретарем — протоиереем Милославовым.

Был у нас с ним только один телефонный разговор. В первый же день по возвращении из командировки по заданию Обкома ВКП (б) 13 мая с/г позвонил мне архиепископ Лука и сообщил, что 10 мая с/г он прилетел из Москвы, где пробыл более 2-х недель и проделал

большую работу в библиотеке, просмотрел свыше 400 печатных трудов на английском, немецком и французском языках, сделал много различных выписок для своего большого научного труда, собрал кучу материалов и теперь приступает к писанию книги «Регионарная анастезия», что в Москве в библиотеке он работал ежедневно по 5–6 часов; при посещении Грузинского Патриарха в гостинице, когда рассказал последнему о своей работе, последний, его похвалив, сказал, что Вы не 75-летний старец, а 35-летний мужчина по своей трудоспособности.

Затем он сообщил, что 9 мая присутствовал на конференции всех церквей и религиозных объединений в СССР, а 10 мая улетел домой. Закончил он беседу опять книгой, что книга его будет большая, не менее 300 печатных страниц, что за эту книгу он надеется вторично получить Сталинскую премию.

Я пожелал ему плодотворной работы над книгой. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 2. Л. 55–56.

№ 70
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1952 года

3 октября 1952 г.

<...> Взаимоотношения с архиепископом Лукой в отчетном квартале были нормальные, личных встреч с ним была одна.

Письмом № 951 от 7/VI с/г Совет предлагал мне переговорить с архиепископом Лукой по его письму к Патриарху об оказании содействия общине верующих села Октябрьское — об оставлении за ней старого здания, занимаемого молитвенным домом, — разъяснить ему, что Совет не находит возможным пересматривать решение по данному вопросу, считая, что общине верующих предоставляется вполне пригодное для молитвенных целей помещение, что мною и было выполнено при посещении его 17 июля с/г в гор. Алуште. Следует сказать, что решение Совета в отношении изъятия у общины верующих села Октябрьское здания, занимаемого молитвенным домом, и предоставления взамен его другого до сих пор не выполнено, так как райисполкомом предоставляемое общине здание не освобождено от жильцов. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской
области Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 2. Л. 82–83.

№ 71
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1953 года

2 апреля 1953 г.

<...> Архиепископ Лука никаких собраний и совещаний с духовенством не проводил. В отчетном квартале с его стороны какой-либо активной церковной деятельности не проявлялось в связи с его болезнью.

Взаимоотношения с архиепископом Лукой были нормальные. Осуществлялись они через его секретаря, протоиерея Милославова. Личных встреч с ним была одна, посетил его я на дому, как больного, 27 февраля с/г, пробыл у него минут 25–30, во время беседы церковные

вопросы нами не затрагивались. Моим посещением Лука был очень доволен и рад.

Во время беседы Лука заметил, что он хотя и сам болен, но не отказывает в приеме больным, приходящим к нему на консультацию как к профессору, посещение которых усилилось после разоблачения врачей-убийц[66], что даже приезжают к нему больные из других городов. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Крымоблисполкоме
Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 3. Л. 21–22.

№ 72

Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1953 года

6 июля 1953 г.

<...> Архиепископ Лука посетил меня 29 мая с/г по вопросам происходящей склочной борьбы между прихожанами за руководство общиной в молитвенном доме пос. Советский Советского района и молитвенного дома в селе Почтовое Бахчисарайского района.

Архиепископ Лука сообщил, что:

1) В молитвенном доме пос. Советский группа прихожан, возглавляемая быв. псаломщиком Орловым Николаем и прихожанином Жариковым Фомой, не признает действующую там 20-ку и церковный совет со старостой Терно Александром, представители этой группы повесили свои замки на двери молитвенного дома. Быв. псаломщик Орлов живет в церковной сторожке, освобождать ее отказался, а прокурор и нарсуд пос. Советский заявление церковного совета о выселении Орлова от-

казались принять к рассмотрению, объясняя тем, что выселение Орлова из церковной сторожки — внутрицерковное дело.

Поэтому он намерен провести такие меры: в ближайшие дни прибудет к нему священник Краснов из Винницкой области, которого он намерен послать настоятелем молитвенного дома в пос. Советский, но запретит ему приступать к совершению церковных служб до тех пор, пока сами прихожане не выселят из сторожки Орлова и не ликвидируется «бунт» в общине. Затем спросил меня, будет ли зарегистрирован приглашенный им священник Краснов.

Архиепископу Луке было отвечено так: приглашенного священника Краснова, если органы милиции пропишут по месту жительства, к его назначению настоятелем молитвенного дома в пос. Советском возражений не будет. Происходящий конфликт среди отдельных групп верующих в пос. Советском — внутрицерковное дело, ликвидация его должна проводиться своими мерами, какими они (архиепископ) найдут целесообразными.

Далее архиепископ Лука сообщил, что:

2) В молитвенном доме села Почтовое Бахчисарайского района церковный совет и ревкомиссия состоят только из 2-х избранных лиц. Поэтому исполнительные органы общины необходимо доизбрать, 20-ка также неполная, ее следует дополнить новыми членами, но он опасается того, что в 20-ку могут попасть такие лица, которые задались целью закрыть молитвенный дом, а такие лица, по его убеждению, имеются не только в селе Почтовом, но и в других общинах. Поэтому он после долгого размышления пришел к заключению, что члены 20-ки должны избираться на собраниях верующих, на которых верующие давали бы характеристику как вновь вступающим в 20-ку, а также и состоящим в ней; с тем чтобы членами 20-к общин состояли достойные этого лица из числа верующих, он решил послать директивное письмо по данному вопросу всем настоятелям. Будет ли это законным и нет ли каких замечаний с моей стороны.

Архиепископу Луке ответил так: по положению, члены 20-ки верующими не избираются, а членом 20-ки может состоять любой гражданин из числа верующих, который должен быть местным жителем, совершеннолетним, не лишенным по суду избирательных прав; будет ли членам 20-ки верующими даваться характеристика и каким образом — это их внутрицерковное дело. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР при
Крымоблисполкоме Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 3. Л. 49–50.

№ 73

Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1953 года

2 октября 1953 г.

<...> Архиепископ Лука каких-либо собраний или совещаний с духовенством не проводил. Весь отчетный квартал он жил в гор. Алушта и взаимоотношения у нас с ним были вполне нормальные. Личных встреч с ним было две, и обе — при моем посещении его в Алуште на даче. Первая встреча состоялась 26 июля с/г. Моя цель посещения была проконсультироваться о своем состоянии здоровья (бронхиальная астма и болезнь почек). Встретил он меня хорошо и высказал благодарность, что его посетил. О моем состоянии здоровья спросил, какие методы лечения применяют врачи, когда ему об этом рассказал, он нашел их правильными и рекомендовал продолжать.

В дальнейшей беседе он мне рассказал, что на следующий день к нему прилетает из Ленинграда старший

сын Михаил — профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук, со своим сыном, а его внуком, закончившим медицинский институт, затем он заметил, что, возможно, у него будет и средний сын, также находящийся в Ленинграде, кандидат биологических наук, — тут же он прихвастнул, что все дети и внуки пошли по ученой линии[67].

Затем вопрос коснулся его научных трудов, сказал, что он хотел переиздать свою книгу, но из Медгиза и министр здравоохранения Третьяков рекомендуют ему ее в некоторой части переделать в свете павловского учения, но так как он стал плохо видеть, то решил эту работу поручить своим сыновьям, им это сделать будет легче, так как они павловское учение знают, видимо, наизусть.

В отношении его нового научного медицинского труда, который у него написан на две трети и из-за болезни глаз им приостановлен, решил пригласить к себе одного врача, бывшего своего ученика, и при помощи ее закончить книгу, и что последняя согласна.

Далее он сказал, что написал две большие статьи для «Журнала Московской Патриархии», которые уже отослал, что одна статья, по вопросу борьбы за мир[68], была им написана по заказу редакции журнала, полученного им по телефону, а вторая статья, богословская, написана им по личной инициативе.

Затем архиепископ Лука рассказал, что 31 мая с/г исполнилось 50-летие его врачебной и научной медицинской деятельности, в связи с этим он получил поздравительное письмо от министра здравоохранения СССР тов. Третьякова такого содержания:

«Симферополь, Госпитальная ул.. Д. 1, В. Ф. Войно-Ясенецкому.

Многоуважаемый Валентин Феликсович! На днях я случайно узнал, что 31-го мая с. г. исполнилось пятидесятилетие Вашей врачебной и научной деятельности. Не могу отказать себе в желании сказать Вам в связи с этим знаменательным днем Вашей жизни несколько слов искреннего приветствия и пожеланий.

Работники медицинской науки хорошо знают Вас как одного из выдающихся деятелей советской медицины, создателя большого, отмеченного Сталинской премией научного труда по важным вопросам хирургии.

Медицинские работники многих научных лечебных учреждений знают и чтут Вас как одного из видных хирургов страны, как бывшего ведущего хирурга многих крупных лечебных учреждений, как отзывчивого руководителя, всегда живо и охотно откликающегося на помощь практическим работникам.

Многие тысячи людей, в том числе воины нашей Советской Армии, знают Вас как чуткого и отзывчивого врача, оказавшего им квалифицированную медицинскую помощь, избавившего их от тяжелых страданий и давшего возможность многим вернуться к труду и защите нашей Родины.

Не каждому дана возможность отметить пятидесятилетие своей деятельности. Вы же имеете право отметить эту дату с чувством удовлетворения и известной гордости.

Поздравляю Вас с пятидесятилетием Вашей деятельности и от души желаю Вам сил, здоровья и энергии для новых трудов и для достижения новых успехов на пользу нашего советского здравоохранения.

Я слышал, что Вы пишете новый научный труд, — желаю самого большого успеха и в этом Вашем начинании.

А. Третьяков».

Данное письмо — на официальном бланке Министерства здравоохранения СССР. Копию [письма] архиепископ Лука вручил мне, содержание которого и изложено выше.

При беседе на эту тему, о его пятидесятилетии врачебной деятельности, архиепископ Лука высказал обиду, что его поздравили только двое — министр здравоохранения СССР тов. Третьяков и один профессор. На мое замечание, возможно, мало кто знал, что в 1953 г. исполнилось 50 лет его врачебной и научной деятельности, он мне ответил: «Нет, не это; о том, что в текущем году исполнилось 50-летие моей медицинской деятельности, очень многие знали и знают, а видимо, помешало поздравить меня мое архиепископство».

В заключение нашей беседы с ним архиепископ Лука поблагодарил меня за оказанное содействие в оставлении за Епархиальным Управлением квартиры умершего регента собора.

Вторично я его посетил 3 сентября с/г после возвращения из отпуска. Встретил он меня очень радушно. Беседовали часа полтора. Рассказал мне об имевшемся, как он выразился, «нехорошем случае» со священником Дунаевым, который при произнесении проповеди в кафедральном соборе в день празднования иконы Казанской Божией Матери и читая канон, посвященный иконе, в котором записано: «Кто не почитает иконы, анафеме предан», и отдельные верующие эти слова, сказанные Дунаевым, поняли как предание им всех неверующих «анафеме».

Далее Лука стал мне разъяснять, что такое слово «анафема», понимают его неверно, оно относится только к верующим христианам, которые не почитают икон, и оно принято на 7-м Вселенском Соборе в VIII веке, когда сильно было распространено иконоборчество, для чего и был созван 7-й Вселенский Собор, на котором был предан анафеме один из последних византийских императоров, уничтожавший иконы. Что предавать анафеме кого-либо не может даже Патриарх, а только соборы (съезды). И если Дунаев что-либо и сказал в этом роде, то только по своей малограмотности и неразвитости, что он ему сделал серьезное внушение и переведет на другой приход, если не будет каких-либо возражений с моей стороны. На это я ему ответил: «Это дело Ваше», после чего Дунаев им был переведен 2-м священником Ялтинского собора. Затем архиепископ Лука заметил, что трудно сейчас быть архиереем, священников недостаток, почти постоянно 2–3 прихода не действуют за отсутствием таковых, поэтому ему приходится приглашать священников из других епархий, а желающих приехать в Крым, особенно из западных областей Украины, немало, но он в их приглашении очень осторожен и не всем желающим на приезд дает свое согласие.

В отчетном квартале архиепископ Лука активной церковной деятельности не проявлял, по приходам не ездил, почти все время находился в Алуште, но в Алуштинской церкви часто говорил проповеди на церковные темы, хотя сам служб не совершал.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Крымоблисполкоме
Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 3. Л. 79–83.

№ 74

Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1953 года

7 января 1954 г.

<...> Встреч с архиепископом Лукой была одна, по его просьбе, у него на дому 24 октября. Прибыл ко мне его шофер и передал записку, в которой архиепископ Лука сообщает, что ему в связи с болезнью врачами запрещено выходить из дома, а у него имеются такие вопросы, которые необходимо разрешить со мною, поэтому он просит меня подъехать к нему и что он меня ожидает.

Прибыв к нему, после взаимных приветствий архиепископ Лука, извинившись за то, что он меня просил посетить его на дому, рассказал следующее. Он дал распоряжение вновь назначенному настоятелю Евпаторийского собора Рогожину провести в воскресенье, 25 октября, собрание 20-ки собора для выбора церковного старосты взамен уволенного им Ильиных, но он опасается того, что может получиться так, как было 11 октября, а так как я был в Евпатории и знакомился с имевшимся случаем 11 октября на собрании 20-ки собора, поэтому он просит меня ознакомить его с результатами моего ознакомления.

21 октября от него поступило мне письмо с сообщением, что им с 19 октября уволен настоятель Николаевского собора гор. Евпатории Романовский Димитрий за то, что пригласил на собрание 20-ки милиционеров, и о назначении настоятелем собора прибывшего из Сумской области священника Рогожина. Данный вопрос для меня был не совсем понятен. В тот же день просил зайти ко мне бухгалтера-ревизора епархиального управления Ельцова, замещавшего тогда секретаря архиепископа Милославова ввиду болезни последнего.

Ельцов сообщил мне следующее. Распоряжением архиепископа Луки церковный староста Евпаторийского собора Ильиных снят с должности старосты, и взамен его необходимо было избрать другого. Для этой цели настоятель собора Романовский 11 октября созвал собрание 20-ки, но, боясь того, что на собрании 20-ки Ильиных может потребовать объяснения, почему он снят с должности старосты, и что на этой почве может получиться скандал, Романовский пригласил милиционеров, их пришло трое, два из них находились в ограде, а один присутствовал на собрании. Когда Ильиных стал шуметь, тогда Романовский попросил присутствовавшего милиционера вывести его с собрания, что и было сделано, но собрание было сорвано. За то, что Романовский пригласил милиционеров на собрание, архиепископ Лука и снял его с должности настоятеля.

На следующий день, 22 октября, я выехал на место в гор. Евпаторию проверить, так ли было в действительности, как мне рассказал Ельцов; если были на собрании 20-ки милиционеры, то почему и кем они туда были направлены, так как данный случай является грубым вмешательством во внутрицерковные дела.

При беседе с Романовским и некоторыми членами 20-ки последние рассказали, что во время проведения собрания 20-ки 11 октября Ильиных и его сторонники устроили шум, стали оскорблять священника Романовского, называть его разными непристойными словами (толстопузый, пьяница и т. д.), тогда кто-то из членов

20-ки пошел на улицу и пригласил милиционеров, один из них зашел на собрание, предложил Ильиных не шуметь и покинуть собрание.

Заместитель начальника горотдела милиции мне объяснил так, что 11 октября было воскресенье, а по воскресным и праздничным дням они на улицу высылают усиленные наряды, так было и 11 октября. Наряд из 3 милиционеров находился в районе собора, и когда они проходили по улице мимо собора, к ним обратился кто-то из церковного актива и заявил им, что в бывшей часовне, находящейся в ограде собора, происходит собрание 20-ки, туда зашли хулиганы и не дают возможности проводить собрание, поэтому он их просит пойти и удалить хулиганов, что в данной просьбе они не имели права отказать. Когда один из милиционеров зашел в помещение, где проводилось собрание, спросил, кто здесь хулиганит и не дает возможности проводить собрание, священник показал на Ильиных, тогда милиционер предложил последнему покинуть собрание, что последним и было сделано. После чего ушел и сам милиционер. Мною было замечено зам. начальника горотдела милиции, что все же они поступили неправильно, когда милиционер удалил с собрания 20-ки церковного старосту Ильиных, еще никем не замененного, [за то], что они на собрании шумели, это их внутрицерковное дело.

Когда я рассказал архиепископу Луке, как обстояло дело с приглашением милиционеров на собрание 20-ки 11 октября в Евпаторийском соборе, он заметил, что положение принимает совершенно иное освещение — как его информировали сторонники Ильиных. Романовский виноват, но не так, как он предполагал, поэтому его он не уволит, а только переведет в другой приход. Затем архиепископ меня опять спросил, как ему быть с собранием 20-ки, не сорвал бы его Ильиных опять. Я порекомендовал ему направить на это собрание своего представителя, и в его присутствии, возможно, никакого шума не будет. Архиепископ с этим согласился и сказал, что это будет правильным выходом из создавшегося там

ненормального положения, что пошлет он Кудрявцева, настоятеля Белогорской церкви, он же епархиальный следователь. Побеседовав еще по ряду малозначащих вопросов и видя, что он утомился (действительно был болен), я распрощался и ушел. 26 октября посетил меня священник Кудрявцев, представил протокол собрания 20-ки Евпаторийского собора о выборе церковного старосты вместо Ильиных и сообщил, что собрание 20-ки прошло очень спокойно. Никакого шума не было. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР при
Крымоблисполкоме Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 3. Л. 125–127.

№ 75

Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-е полугодие 1954 года

5 июля 1954 г.

<...> С архиепископом Лукой в первом полугодии 1954 года у меня было 3 встречи, из них: дважды он посетил меня и один раз — я его. Как первое его посещение меня 5 марта, так и второе 16 марта в основном были по вопросам подоходного налога духовенства. При посещении меня 5 марта он представил мне копию коллективного заявления причта кафедрального собора (4 священника и 2 диакона), адресованного Крымскому областному финансовому отделу, в котором сообщалось, что:

«Городской финансовый отдел гор. Симферополя начислил подоходный налог от причтовых доходов духовенства кафедрального собора в произвольных, ничем не обоснованных размерах почти в два раза больше прошлого года, что этот налог они не в состоянии уплатить,

а могут уплатить только в размере не более прошлого года, и что если налог не будет сокращен до пределов прошлого года, духовенство собора вынуждено будет прекратить дальнейшее служение в соборе».

Архиепископ Лука к этому дополнил, что все священники кафедрального собора поставили перед ним вопрос о переводе их в сельские церкви. Далее он заметил, что будет очень нехорошо, если действительно священники откажутся служить в соборе, верующие скажут, что собор закрыли финансовые органы, наложив на духовенство непосильные налоги.

Тут же, в присутствии его, я позвонил начальнику налогового отдела Облфо тов. Ломаковскому и попросил его проверить правильность начисления подоходного налога духовенству кафедрального собора.

Далее он мне сообщил, какие он намерен произвести перемещения среди священников и по каким причинам.

Вторично он меня посетил 16 марта, тоже по этому же вопросу, так как в Облфо в пересмотре начисления подоходного налога духовенству собора было отказано.

В начале беседы он стал защищать священников и ругать финансовых работников, что последние подходят к обложению подоходным налогом духовенства нереально, предвзято, определяют несуществующий доход, который увеличивают в 2–3 раза и больше. Предъявленной к уплате суммы подоходного налога духовенство собора уплатить не может, и если не уплатит, то что из этого может получиться (не будут ли их за это судить).

Мною было ему разъяснено, что после его первого посещения меня 5 марта я знакомился в Облфо с делом по обложению подоходным налогом духовенства кафедрального собора, и что же оказалось? Годовой доход всего причта собора за 1953 год был определен по показаниям настоятеля собора протоиерея Милославова Ивана, который показал, что доход причта собора в 1953 г. по отношению 1952 г. увеличился на 25%. На этом основании в Горфо и была определена доходность и сумма подоходного налога. Здесь какого-либо предвзятого

отношения работников Горфо к духовенству собора не было и нет. Доход их был определен по показателям настоятеля собора, другие священники собора отказались давать какие-либо показания о своих доходах работникам Горфо, заявляя, что об их доходах знает настоятель, так как у них общая кружка и они ему доверяют.

Далее я заметил: если священники собора находят неправильным решение Облфо, они могут его обжаловать в Министерство финансов как Украины, так и Союза.

В заключение беседы архиепископ Лука сказал, что ему ничего не было известно, что доход причта собора был определен по показаниям настоятеля собора Милославова, если бы ему было известно об этом, он не стал бы меня беспокоить по данному вопросу.

Затем мне стало известно, что после того, как духовенству кафедрального собора были вручены извещения о подоходном налоге на 1954 г. с превышением на 25% по отношению 1952 г., отдельные священники стали высказывать недовольство этим, о чем стало известно архиепископу Луке, тогда он весь причт собора, 4 священников и 2 диаконов, вызвал к себе и предложил им не платить налога больше прошлогодней суммы, а в Облфо подать коллективную жалобу, в которой предупредить финорганы, что если им налог не будет снижен до пределов прошлогодней суммы, они прекратят дальнейшее служение в соборе, а он его закроет и сообщит в Москву Патриарху и в Совет, что был вынужден закрыть кафедральный собор из-за непосильных налогов, наложенных на духовенство собора.

Третья встреча с ним состоялась 5 мая с/г при моем посещении его на дому. Во время беседы он меня спросил, как я рассматриваю имевшиеся случаи хулиганства во время пасхальной службы в церквах гор. Белогорска и села Красногвардейского. Я ему сообщил, что для проверки рапортов священников Кудрявцева и Кокорева, поступивших от него, выезжал на место, в результате проверки оказалось, что их рапорта являются намного преувеличенными и написано немало того, чего в действительности не было, например: по их сообщениям,

милиция совершенно бездействовала и никакой борьбы с хулиганством во время пасхальных служб в церкви не вела, что это неправда, представители органов милиции не допускали хулиганства, где оно имело попытки к этому. Поэтому рапорта Кудрявцева и Кокорева являются не что иное, как дискредитация советских органов и милиции, а поэтому не всему можно верить и священникам. Архиепископ Лука с моим таким замечанием согласился.

Секретарь архиепископа, он же настоятель кафедрального собора протоиерей Милославов, посетил меня 28 раз, его посещения являлись в основном по вопросам назначения, увольнения и перемещения духовенства, о регистрации и получении справок об этом. Но ставились им по поручению архиепископа и такие вопросы: <...>

3) Дать согласие на отпечатание в типографии визитных карточек архиепископу Луке такого содержания:

«Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука — лауреат Сталинской премии 1-й степени», так как Облито без моего согласия не дает разрешения на отпечатание таковых.

После соответствующей консультации с начальником Облито в даче согласия на отпечатание визитной карточки вышеприведенного содержания мною было отказано и разъяснено, что ему Сталинская премия была присуждена не как архиепископу Луке, а как профессору — доктору медицинских наук за научный труд по вопросам медицины; в таком содержании, без указания его духовного звания, отпечатать могут, кроме этого, со слов начальника Облито, мною Милославову было замечено, что у нас сейчас в СССР визитные карточки не в моде и ими не пользуются. Не имеют их советские ученые, профессора и т. д. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР при
Крымоблисполкоме Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 6. Л. 47–51.

№ 76
Протокол съезда благочинных Крымской епархии, состоявшегося в г. Симферополе

8–9 декабря 1954 г.

На съезде присутствовали: 1) Управляющий Крымской епархией Архиепископ Лука; 2) Секретарь Архиерея протоиерей Иоанн Милославов; 3) Благочинные: протоиерей Виталий Карвовский, протоиерей Иоанн Кудрявцев, протоиерей Михаил Рыхлицкий, протоиерей Алексей Подсадный, протоиерей Димитрий Романовский и священник Василий Поветкин; 4) Ревизор-бухгалтер Епарх. Управления Ельцов В. В.

ПОВЕСТКА СЪЕЗДА:

1. О свечах, стоимости их, а также о просфорах.
2. О беднейших церквах и дальнейшем их существовании.
3. О «запечатывании» вместо отпевания.
4. О псаломщиках и пономарях.
5. О таинстве Крещения.
6. О неисполнении распоряжений Архиерея.
7. О замене икон, написанных малярами.
8. О переплете растрепанных богослужебных книг.
9. Как отразилась антирелигиозная пропаганда на количестве молящихся в церквах.

Председатель съезда — Архиепископ Лука.

Секретарь съезда — Ельцов В. В.

1. СЛУШАЛИ: О свечах, стоимости их, а также о просфорах.

Архиепископ Лука информирует всех собравшихся о порядке закупки и продажи свечей, практикуемом в Епархиальном Управлении. Раньше Управление отпускало свечи церквам по отпускной цене в 200 руб. за кг, а теперь, в связи с намечаемым получением свечей по более дешевым ценам, можно подумать о снижении отпускной цены для церквей.

Желательно обсудить вопрос о возможности снижения продажных цен в церквах для верующих.

В прениях по данному вопросу выступили следующие лица:

1) Протоиерей Кудрявцев: Очень приятно слышать, что Епархиальное Управление имеет возможность снизить отпускную цену для церквей, это обстоятельство создаст дополнительные ресурсы для церквей. Я предлагаю установить отпускную цену для церквей из Епархиального Управления в размере по 120 руб. за кг, что даст возможность церквам почти удвоить покупку свечей со склада Епархиального Управления. Что же касается снижения продажных цен свечей в церквах, то этим вопросом мы в свое время уже занимались и пытались провести снижение цен для молящихся, но потом принуждены были кричать «караул», так как от этого снижения резко упали доходы церквей. Не надо забывать, что продажа свечей в церквах является единственным реальным доходом для содержания церквей, а поэтому к этому вопросу надо подходить с большой осторожностью. Я лично предлагаю это снижение провести не за счет снижения продажных цен, а за счет повышения качества и сорта свечей, а именно: свечи сорта 300 штук в кг продавать по 3 руб. за шт., а сорт 150 штук в кг продавать по 5 руб. за шт. Этим самым мы дадим возможность верующим за более низкую цену получать в церквах более качественные свечи.

2) Протоиерей Карвовский: Соглашается с возможностью снижения отпускной цены Епархиальным Управлением, но интересуется, не отразится ли это снижение на уменьшении доходности Епархиального Управления. В церквах продажные цены снижать ни в коем случае нельзя.

3) Протоиерей Подсадный: Настаивает на необходимости снижения продажной цены в церквах, так как все верующие смотрят на цену, а не на сорт свечей. Бояться этого снижения не следует.

4) Протоиерей Кудрявцев: Я настаиваю на своем прежнем предложении и объясняю метод расчета по покупке и продаже свечей. Если снизить цены на свечи до 3 руб.,

то моя, например, церковь потеряет до 20.000 руб. в год, а расходы по церкви нисколько не изменяются.

5) Протоиерей Рыхлицкий: В тех церквах, где свечи продавались по 3 руб., повышать до 5 руб. неудобно. Снижать цены не следует, так как уже все верующие привыкли к прежним ценам. Качество свечей улучшить, безусловно, необходимо, но продажную цену не изменять.

6) Священник Поветкин: По качеству свечи у нас очень низкие. Больно смотреть, как верующие, покупая свечи за свои деньги, обращают внимание на неполноценность свечей, так как они прямо в руках тают, гнутся и плывут. На улучшение качества свечей надо обратить сугубое внимание.

7) Протоиерей Романовский: Всецело поддерживаю предложение протоиерея Иоанна Кудрявцева. Там, где священники объясняют народу, из каких средств составляются доходы церкви и содержится храм, никакого ропота на дороговизну свечей не было. Продажную цену в церквах не менять, а только изменить сорт свечей.

8) Протоиерей Рыхлицкий: Предлагает отпускную цену епархии установить в размере по 150 руб. за кг, имея в виду необходимость сохранения бюджета Епархиального Управления.

9) Архиепископ Лука: Из выступлений выявилось два мнения. Мне очень понравилось выступление протоиерея Подсадного, из которого видно, что он проявляет заботу о молящихся, тогда как другие говорят исключительно об интересах бюджета церквей. Вопрос о снижении цен требует кардинального разрешения, так как много разговоров среди молящихся о дорогой стоимости свечей. Необходимо также решить вопрос и о просфорах. В церквах продают их по 3 руб. за шт., я предлагаю установить во всех церквах по 2 руб. за шт.

10) Протоиерей Кудрявцев: О просфорах, по моему мнению, говорить не следует. Менять существующую цену на просфоры не следует. Это возможно провести только в сельских церквах, где выпечка просфор производится из пожертвованной муки. Необходимо иметь в виду, что

церковь закупает муку на рынке, а в государственных магазинах доставать ее нет возможности. Следовательно, если снизим продажную цену, то будем иметь дополнительное снижение доходности.

Этого же мнения придерживается и протоиерей Карповский.

ПОСТАНОВИЛИ: 1) с 1 января 1955 года отпускную цену для церквей со склада Епархиального Управления установить в сумме руб. 120–00 за кг независимо от сорта свечей.

2) Продажную цену в церквах для молящихся с 1 января 1955 года установить в следующем порядке:

а) Сорт № 300 шт. продавать по 3 руб. за шт. По этой же цене следует продавать и сорт № 400 шт. впредь до ликвидации прежних запасов. В дальнейшем выработку свечей сорта 400 шт. прекратить.

б) Сорт № 150 шт. продавать по 5 руб. за шт.

в) Сорт № 100 шт. продавать по 10 руб. за шт.

г) Сорт № 75 шт. продавать по 15 руб. за шт.

3) Продажную цену на просфоры для всех церквей в городах и районных центрах установить в размере по 3 руб. за шт., а в сельских церквах, где выпечка просфор производится из пожертвованной муки, продажную цену установить по 2 руб. за шт.

Введение этих цен установить с 1 января 1955 года.

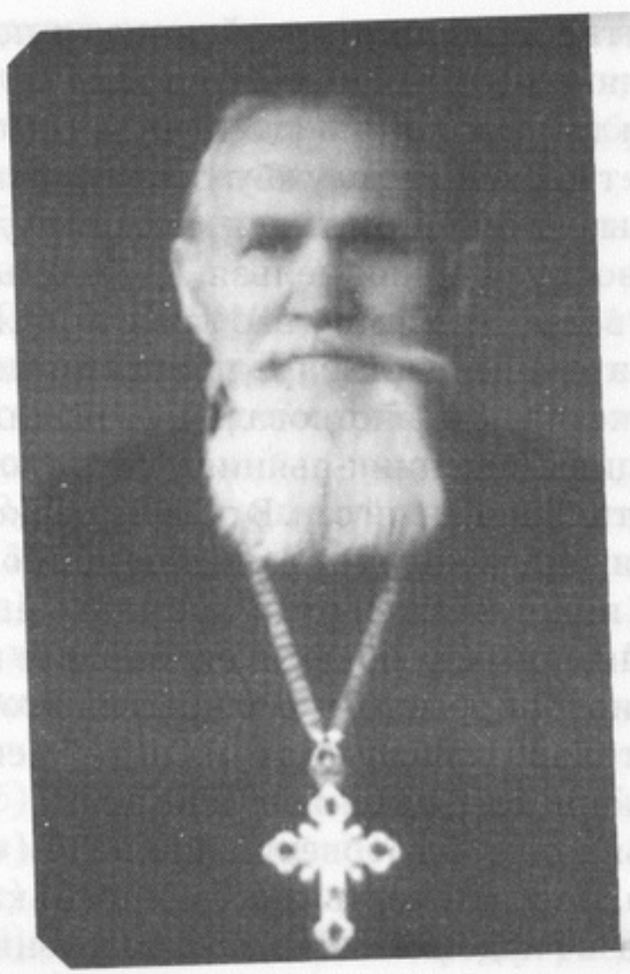
2. СЛУШАЛИ: О беднейших церквах и дальнейшем их существовании.

Архиепископ Лука: У нас в епархии имеется 3 церкви, в которых прихожане отказываются содержать священников. Возьмем, например, с. Мускатное, туда поступил новый священник и говорит, что он имеет только натуральные доходы, а денежных доходов совершенно нет. Он пробыл очень недолго и уехал в другую епархию, я не мог его удержать, так как других мест в епархии не было. Все священники, которые там были, говорят, что посещаемость церкви очень маленькая, до 5–9 человек в праздничные дни, а из самого села Мускатного ходит не более 3 человек. Треб совершенно мало, и священни-

ку жить нечем. Молитвенный дом малый, внизу в подвале и вверху на чердаке местный колхоз устроил складочное помещение, и там постоянно стоит шум, гомон и ругань, что нарушает церковную службу. Возле церкви проходят автомашины, и постоянная езда мешает службе. Устроить ограду вокруг церкви нельзя. Церковный совет и верующие на вопрос, почему у вас такое положение, отвечают, что в этом виноваты предшественники священнослужители, которые пьянствовали и развалили приход. Там служил один священник-пьяница, с которого я принужден был снять священный сан. В общем, церковная жизнь в этом приходе находится в стадии полного развала, и у меня не поднимаются руки посылать еще кого-либо туда из священников, обрекая его заранее на жалкое существование. Вопрос стоит о закрытии этого храма, но я предварительно сообщу об этом Святейшему Патриарху, а какое он примет решение — я не знаю.

Церковь в с. Емельяновке. Там совершенно нечем содержать священника. Посещаемость совсем маленькая, молитвенный дом грозит падением стен, по заключению технадзора. На ремонт этого здания требуется около 20.000 рублей, причем средств в церкви совершенно нет, а они просят у Епархиального Управления ссуду сроком на 5 лет. Там был последний священник Ольшанский, который недавно прибыл из заключения. У него недавно было кровоизлияние в мозг, и он прислал мне заявление об уходе с прихода.

Церковь в с. Партизанском. Там были хорошие священники, и последний священник Клаас, очень хороший священник, поднял храм на должную высоту, но он, к сожалению, отказывается от этого прихода. Его придется перевести в лучший приход, чтобы не потерять его совсем. Староста церкви говорит, что, кроме подкармливания священника, ничего сделать нельзя, так как население бедное. Староста сам получает от церкви 100 рублей зарплаты, а священнику ничего выделить не могут. Я говорил старосте, что во многих церквах старосты работают бесплатно.

Протоиерей
Виталий Карвовский

Что же делать с этими церквами? Прежде всего относительно Мускатного. В отношении церкви в с. Партизанском у меня имеется особое мнение.

В прениях выступили следующие лица:

1) Священник Поветкин: Я по должности благочинного был в с. Мускатном, и я считаю, что все зависит от священника. Если бы там был такой священник, как Маликов, он бы сумел поставить этот приход на должную высоту, как он это сделал с приходом в с. Шубино, который тоже был на грани развала. Во всем виноваты прошлые священники: Горбачев, Шарко и другие, которые своим поведением и неумелым руководством привели приход к упадку. Рядом с с. Мускатным имеется с. Митрофановка, где священник очень уважаем всеми, и туда все стремятся и даже просят его перевести в с. Мускатное. По моему мнению, в с. Мускатном лучше обстоит дело, чем в с. Емельяновке.

2) Архиепископ Лука: Когда я приехал в Крымскую епархию, в ней было 58 церквей, а теперь осталось 49 церквей; если закрыть еще две церкви, то будет всего 47 церквей. Это очень печально. В других епархиях существует система приписных церквей, а у нас в Крыму почему-то запрещают иметь приписные церкви. Это надо выяснить.

3) Протоиерей Карвовский: Церковь в с. Мускатном следует закрыть.

4) Протоиерей Кудрявцев: Я прослужил в с. Емельяновке 3 года и никуда не хотел уходить оттуда, а епископ Иоасаф против моей воли перевел меня оттуда в гор. Белогорск. Народ там мало посещал храм — 5–4 мужчин, а женщин много, и с требами обращались очень многие. На первых порах народ в с. Емельяновке был какой-то диковатый, мы, мол, не привыкли ходить в храм, но мы люди верующие. За требы платили очень хорошо: за погребение платили по 100–150 руб. деньгами. Ходил с молитвой, и мне давали большие деньги. Сейчас там народ не может быть таким, потому что они постепенно разложились вследствие того, что там были очень плохие священники. Священник Шарко вел себя хорошо, но не мог привлекать народ, а священник Заяц больной, не выдерживал никакой критики. Он был форменным попрошайкой, страшно неряшливый. После таких священников приход совершенно разложился, но народ там очень хороший. Восстановить этот приход совершенно невозможно.

5) Протоиерей Подсадный: Я был в с. Найденовке как благочинный. Там служил о. Климент Наконечный. Мы служили втроем, говорили проповедь, но народу не было ни одной души. Отслужили литургию, были только певчие, отслужили молебен, а после этого был устроен обед, и что бы вы думали; за обеденным столом собралось не менее 90 душ. Вот какие бывают казусы. Приходы в Мускатном и Емельяновке подобны указанному выше приходу, и поддержать эти приходы нельзя.

ПОСТАНОВИЛИ: Рекомендовать Преосвященному Архиепископу Луке обратиться к Святейшему Патриарху

за разрешением вопроса о перспективах дальнейшего существования церквей в с. Мускатном и в с. Емельяновке.

3. СЛУШАЛИ: О «запечатывании» вместо отпевания.

Архиепископ Лука: Священник Николай Мищук был приглашен в дальнее селение для погребения умершей; авария машины задержала его на 3 с половиной часа. Родные, не дождавшись его, сами закопали умершую. Он совершил на могиле отпевание. Требовали от него еще «запечатать» могилу, говоря, что именно ради этого пригласили его. О [тец] Николай Мищук просит разъяснить, что такое «печатание» могилы? Я сам не знаю, что такое «запечатывание», так как до приезда в Крым нигде об этом не слышал, и прошу о. о. благочинных разъяснить мне это.

В прениях выступили следующие лица:

1) Протоиерей Кудрявцев: В разных местах обряд отпевания покойников называется разными именами. В Крыму это называют «запечатывание». Переселенцы из Курской области, например, ко мне обратились «отпустить душечку», то есть то же, что отпеть покойника. При погребении покойника священник бросает в могилу землю и говорит: «Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущие в ней». Но иногда по каким-либо причинам верующие не могут своевременно пригласить священника на погребение покойника, а потому приносят после в храм немного земли с могилы и просят «запечатать», т. е. совершить чин отпевания над землей.

2) Протоиерей Романовский: В Ростовской епархии на Дону тоже практикуется чин «запечатывания», но этот чин есть ни больше ни меньше как чин полного отпевания с произнесением обычной формулы: «Господня земля и исполнение ея, вселенная...».

3) Священник Поветкин: Чин «запечатывания» совершается в очень немногих местах и, в частности, практикуется в Крыму, причем при «запечатывании» произносится следующая формула: «Печатается гроб, или раб (раба) Божий до второго страшного пришествия».

4) Протоиерей Романовский: этот чин «запечатывание» возник на Западе, где он практикуется очень давно. Это подтвердил и протоиерей Карвовский.

5) Протоиерей Карвовский: Читает выдержки из руководства Булгакова по вопросу об обычае печатания гробов до будущего Суда и всеобщего Воскресения.

6) Архиепископ Лука: Только что прочитанная резолюция Архиепископа Арсения Харьковского по вопросу о «запечатывании» гробов совпадает с моим личным мнением по этому вопросу, которое возникло у меня еще до ознакомления с этой резолюцией Преосвященного Арсения. Меня тревожит то, что у нас начинает укореняться обычай хоронить покойника без отпевания, которое у нас заменяется принесением в церковь земли для «запечатывания». Если не принять своевременно мер к искоренению этого обычая, то люди забудут церковный чин погребения умерших. Надо совершенно запретить священникам производить чин заочного отпевания, если отпевание покойника не могло быть произведено по каким-либо особо важным причинам. Что же касается «запечатывания» гробов до Страшного Суда, то это выдумано кем-то, но укоренилось, очевидно, уже давно, а поэтому к нему надо отнестись более серьезно. Необходимо усиленно разъяснять значение церковного чина погребения и искоренять суеверное «запечатывание».

7) Священник Поветкин: Если сейчас отменить «запечатывание» гробов, то среди верующих поднимется ропот, надо очень осторожно подойти к разрешению этого вопроса.

8) Протоиерей Подсадный: Если кому-либо будет разрешено произвести «запечатывание» гроба, то и все захотят произвести это «запечатывание», так как этот обычай очень укоренился в народе и он считает самым главным в отпевании произнесение слов «печатается гроб до Страшного Суда».

9) Протоиерей Романовский: Из практики в Крыму я усматриваю, что под словом «запечатывание» разумеется полное отпевание. Надо только разрешить

произносить такую формулу, которая предусмотрена в требнике над землей.

10) Архиепископ Лука: Надо отучить народ от слова «запечатывание». Это во многом зависит от самих священников, которые повседневно должны разъяснять верующим смысл чина отпевания покойника. Я боюсь, что если не принять мер, то со временем совсем прекратится отпевание покойников.

ПОСТАНОВИЛИ: 1) Вменить в обязанность всем благочинным произвести в своем благочинии проверку, как совершается священниками чин погребения покойников.

2) Принять к сведению, что Преосвященный Архиепископ Лука в ближайшее время даст письменное указание относительно заочного погребения и «запечатывания».

4. СЛУШАЛИ: О псаломщиках и пономарях.

Архиепископ Лука: Говорит, что в Крымской епархии во многих церквах нет псаломщиков и найти их почти невозможно. Приходится исполнение обязанностей псаломщиков возлагать на женщин, нередко плохо знающих устав и пение на 8 гласов, но могущих только прилично читать по-славянски. У нас есть, например, одна женщина-псаломщик, которая знает только 6-й глас, а других гласов не знает. Плохо также обстоит дело с пономарями, без которых, по церковным правилам, священник не может служить литургию. Скажите, пожалуйста, откуда взять псаломщиков и пономарей и что предпринять в этом отношении?

В прениях выступили следующие лица:

1) Протоиерей Кудрявцев: Спрашивает, где в данное время отсутствуют псаломщики и пономари?

2) Архиепископ Лука: Отвечает, что это должны в первую очередь знать благочинные.

3) Протоиерей Кудрявцев: Во всех церквах моего благочиния имеются псаломщики и пономари, за исключением только гор. Судака, где нет псаломщика, а также в гор. Старом Крыму. В гор. Феодосии в соборе заболел псаломщик и, кажется, нет надежды на возвращение его к служению, но я это еще сам проверю и тогда сообщу.

4) Протоиерей Романовский: В моем благочинии отсутствует хороший псаломщик в нашем Покровском соборе гор. Севастополя, а в остальных церквах дело обстоит благополучно.

5) Священник Поветкин: В Советском благочинии отсутствуют псаломщики в церквах с. Советского и с. Мускатное.

ПОСТАНОВИЛИ: 1) Обязать всех благочинных дать секретарю епархиального Архиерея протоиерею о. Иоанну Милославову сведения, в каких именно церквах отсутствуют псаломщики и пономари.

2) Разрешить настоятелям тех церквей, где невозможно найти пономаря, заменить его устройством крючков на северной двери алтаря, на который может вешать в свое время кадило какая-либо женщина, приглашенная для раздувания кадила. С этого крючка священник будет брать готовое кадило для каждения. Можно просто подавать кадило священнику через северную дверь.

5. СЛУШАЛИ: О таинстве Крещения.

Архиепископ Лука: Относительно совершения таинства Крещения только погружением я написал всем священникам ряд посланий, и тем не менее все почти священники продолжают крестить по-старому. Я не сомневаюсь, что, помимо запрещенного мною священника Осипова, есть еще священники, которые крестят обливанием, а не погружением. Их я должен буду запретить. Мне известно, что один молодой интеллигентный человек был «крещен» прямо в одежде обливанием головы, и он считает, что он остался некрещеным, а потому не может ходить в церковь. Как быть с этим? Упускают также молитвы на освящение воды и вместо этого подливают в купель немножко воды от водосвятного молебна. Это никуда не годится. Что же делать? Нечестивых священников трудно исправить и наказаниями. Они ссылаются на то, что в западных епархиях крестят обливанием. В нашей епархии я ни в коем случае не допущу таких нарушений в исполнении таинства Крещения.

В прениях выступали следующие:

1) Протоиерей Кудрявцев: Дайте нам, благочинным, наказ строго следить за исполнением всеми священниками чина таинства Крещения, а также просим Вас, Владыко, написать последнее послание всем священникам с наставлением бить беспощадно архиерейским жезлом всех нарушителей чина таинства Крещения. Это будет последнее и предупреждающее послание.

2) Протоиерей Романовский: Предложение о. Иоанна Кудрявцева в той части, что благочинные должны следить, по-моему, ничего не даст, так как в данном случае благочинные бессильны. Они смотрят, стараются, наставляют, но цель не достигается.

3) Протоиерей Рыхлицкий: Благочинные должны всесторонне обследовать приходы своего благочиния и проследить за правильностью совершения таинства Крещения. Я нахожу, что нам, благочинным, надо дать указание строго относиться к исполнению своих обязанностей. Там, где нельзя благочинным отлучиться из своей церкви в дни праздников, следует посылать в их церкви кого-либо для временного служения.

4) Священник Поветкин: Я считаю, что наилучший способ внедрения правильности совершения таинства Крещения является следующий. Надо просить Владыку составить послание всем священникам о том, как правильно надо совершать таинство Крещения, и это послание поручить священникам прочитать верующим с амвона в церквах. После этого вряд ли кто из священников осмелится совершать крещение обливанием, так как народ будет знать, как именно следует совершать таинство Крещения.

5) Протоиерей Подсадный: В моем благочинии все священники крестят погружением. В с. Магазинке я лично проверял священника, и там было все благополучно.

6) Архиепископ Лука: Не во всех церквах есть купели для крещения подростков, надо требовать, чтобы сделали эти купели, а также обязательно, особенно в зимнее время, крестить в подогретой воде, а не в холодной, как это делают некоторые недобросовестные священники.

ПОСТАНОВИЛИ: 1) Принять к сведению, что Преосвященный Архиепископ Лука в последний раз напишет всем священникам предупреждение о необходимости правильного совершения таинства Крещения и о том, как именно следует совершать это таинство, с тем, чтобы это послание было прочитано священниками в церкви с амвона во всеуслышание.

2) Обязать всех благочинных строго следить при обследованиях приходов своего благочиния, как именно совершается таинство Крещения, и о всех нарушителях немедленно доносить Владыке.

3) Разрешить во всех церквах Крымской епархии, т. е. в сельских, районных и городских, производить крещение взрослых, для какой цели необходимо срочно изготовить соответствующие кадки и купели для крещения взрослых. Прежнее распоряжение о посылке из некоторых церквей взрослых для крещения в городские церкви отменяется с момента изготовления купелей. Благочинные обязаны проверить исполнение этого распоряжения.

6. СЛУШАЛИ: О неисполнении распоряжений Архиерея.

Архиепископ Лука: Многие священники не желают выполнять моих распоряжений. Если всех наказывать, то это равносильно удалению с прихода, так как на место запрещенного необходимо назначать другого, а когда он кончит срок наказания, где я его потом устрою? В общем, наказание равносильно удалению из епархии, а кроме того, наказываются и верующие. Как быть в этом случае?

Священник Иванов из гор. Керчи сообщил мне, что хористы не подчиняются его требованиям петь стихиры и вообще игнорируют его распоряжения. Я приказал ему распустить хор и набрать новый состав, но священник Иванов не выполнил этого распоряжения. Я поручил расследовать это дело благочинному. Кроме того, я в свое время уволил священника Иванова и поручил произвести в его церкви перевыборы совета протоиерею Куцепалову или Безталанному, а между тем эти перевыборы произвел все же уволенный священник Иванов. В некоторых церквах мои разосланные на места

послания и распоряжения не сохраняются в делах церкви, а кем-то уничтожаются. Это свидетельствует о том, что священники не ценят моих посланий, тогда как в ленинградской, например, Духовной Академии мои послания настолько ценятся, что их прорабатывают со студентами во время лекций.

В прениях выступили следующие лица:

1) Протоиерей Кудрявцев: Всех, кто не исполняет распоряжений, надо строго наказывать.

2) Протоиерей Карвовский: То, что не сохраняются в делах церкви архиерейские распоряжения и послания, свидетельствует, наоборот, о том, что все послания Владыки очень ценны, так как священники, уходя с прихода, забирают их с собой на память.

ПОСТАНОВИЛИ: 1) Обязать всех настоятелей церквей при приеме дел церкви и сдаче их составлять особую опись всех распоряжений и посланий Архиерея, хранящихся в церкви.

2) Обязать всех благочинных проверить во всех приходах их благочиния, какие именно послания отсутствуют в церквах и кто виновник их уничтожения.

3) Поручить протоиерею Карвовскому составить перечень всех распоряжений и посланий Архиерея, разосланных в церкви начиная с 1947 года по н/время, и этот перечень разослать для сведения всем благочинным епархии.

7. СЛУШАЛИ: О замене икон, написанных малярами.

Архиепископ Лука: Во многих рапортах благочинных я читал, что многие иконы в церквах написаны просто малярами, и их поэтому надо заменить художественной иконописью. Очень важно, чтобы благочинные дали мне сведения, какие именно иконы и в каких церквах необходимо заменить, и Епархиальное Управление примет к этому надлежащие меры.

В прениях выступили следующие лица:

1) Протоиерей Романовский: По-моему, не обязательно все иконы заменять, а можно некоторые просто изъять из церквей. Я, например, сделал это в своем соборе.

2) Протоиерей Кудрявцев: У меня малярных икон нет, написаны они как будто художниками, но исполнены скверно. Плохо написана икона Благовещения, а также Евангелисты на алтарной двери. Как быть с ними?

3) Архиепископ Лука: Да, я согласен, что [бы] некоторые иконы просто изымать из церкви. Вот, например, в Белогорском соборе надо изъять икону Благовещения, а с Евангелистами надо несколько повременить.

ПОСТАНОВИЛИ: Одобрить мероприятие Преосвященного Архиепископа Луки в отношении реставрации малярных икон.

8. СЛУШАЛИ: О переплете растрепанных богослужебных книг.

Архиепископ Лука: Богослужебные книги погибают, если их не переплетать своевременно, а заменить их нечем. Мы потребовали от всех настоятелей церквей, чтобы все растрепанные книги были немедленно переплетены. Точно так же надо изготовить дароносицы, так как во многих церквах они отсутствуют. Это все я решил делать организованным порядком, а именно: переплетать книги я, например, поручил запрещенному священнику Вязовому, а дароносицы и дарохранительницы выпишем из Одесского епархиального склада.

ПОСТАНОВИЛИ: Одобрить мероприятие Преосвященного Архиепископа Луки относительно переплета растрепанных богослужебных книг и приобретения дароносиц и выразить благодарность Архиепископу Луке за его заботу о нуждах епархии.

9. СЛУШАЛИ: Как отразилась антирелигиозная пропаганда на количестве молящихся в церквах.

Архиепископ Лука: Вы, конечно, все читали статью Хрущева с постановлением ЦК КПСС[69]. Наш уполномоченный Жданов интересуется, как относятся к этому священники. Проведенная до этого антирелигиозная пропаганда встревожила всех верующих. Ко мне многие обращались с просьбой реагировать на эту пропаганду, но я не считал нужным опровергать эти пропагандистские выступления в печати. Я только ограничился одной

проповедью, которую я произнес в соборе на тему «Не бойся, малое стадо». Вот эту проповедь я предлагаю сейчас вам прочесть.

(Протоиерей Романовский зачитал проповедь.)

Мне нужно знать, как обстоит дело с посещаемостью храмов; мне многие говорят, что после пропаганды посещаемость церквей увеличилась.

В прениях выступили следующие лица:

1) Протоиерей Кудрявцев: Я лично сказать ничего не могу, так как при посещении приходов не интересовался этим вопросом. Что же касается моего собора в гор. Белогорске, то посещаемость благодаря дождям и грязи уменьшилась, а требы увеличились.

2) Протоиерей Романовский: После пропаганды народу в церкви прибавилось.

3) Протоиерей Милославов: У нас в соборе стало больше мужчин.

4) Протоиерей Кудрявцев: Самое главное, что после постановления ЦК нет пренебрежительного отношения к священникам, и особенно со стороны военных.

Относительно изменения отношений к священникам со стороны посторонних лиц в лучшую сторону высказались также протоиерей Карвовский и протоиерей Романовский.

ПОСТАНОВИЛИ:

Приветствовать постановление ЦК КПСС, касающееся Православной Церкви, и обязать всех священников поддерживать престиж священства, сохраняя незыблемо церковные каноны.

Председатель съезда
Архиепископ Лука
Секретарь
Ельцов В. В.

ГААРК. Оп. 5. Д. 99. Л. 46–57.

№ 77
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-е полугодие 1954 года

6 января 1955 г.

<...> Деятельность правящего епископа — архиепископа Луки — во втором полугодии 1954 г. ничем особым не выделялась, до октября месяца он находился в Алуште, часто болел, выездов его по епархии за полугодие всего был один, в церковь с. Зуи, где он сказал проповедь.

Совещаний благочинных за весь 1954 г. было им проведено одно, которое состоялось 8–9 декабря 1954 г. На этом совещании были поставлены такие вопросы:

1) О свечах, стоимости их, а также о просфорах.

2) О беднейших церквах и дальнейшем их существовании.

3) О «запечатывании» вместо отпевания.

4) О псаломщиках и пономарях.

5) О таинстве крещения.

6) О невыполнении распоряжений архиерея.

7) О замене икон, написанных малярами.

8) О переплете растрепанных богослужебных книг.

9) Как отразилась антирелигиозная пропаганда на количестве молящихся в церквах.

По вопросам, обсуждавшимся на совещании благочинных, считаю необходимым на некоторых из них остановиться:

1) О свечах: своего свечного производства в Крымской епархии не имеется, свечи закупаются епархиальным управлением в Одесской епархии, а затем отпускаются церквам по 200 руб. за килограмм. Причем епархиальное управление имело прибыли от свечей 100%, а церкви при продаже свечей молящимся имели прибыль до 1000% и более. Совещание благочинных приняло решение снизить отпускные цены для церквей с 200 руб. до 120 руб. за килограмм, а затем снизить и продажные цены в церквах, имея «заботу о молящихся», также решено снизить продажные цены

и на просфоры в сельских церквах. Все другие предметы закупаются в патриархии, своих мастерских в Крымской епархии нет.

2) О беднейших церквах и дальнейшем их существовании: по данному вопросу характерно выступление самого архиепископа Луки, которое привожу полностью (из протокола):

«У нас в епархии имеется три церкви, в которых прихожане отказываются содержать священников. Возьмем, например, село Мускатное, туда поступил новый священник и говорит, что он имеет только натуральные доходы, а денежных доходов совершенно нет. Он пробыл очень недолго и уехал в другую епархию (Зиманенко), я не мог его удержать, так как других мест в епархии не было. Все священники, которые там были, говорят, что посещаемость церкви очень маленькая, до 5–9 чел. в праздничные дни, а из самого села Мускатного ходит не более 3 чел. Треб совершено мало, и священнику жить нечем. Молитвенный дом малый, внизу в подвале и вверху на чердаке местный колхоз устроил складочное помещение, и там постоянно стоит шум, гомон и ругань, что нарушает церковную службу. Возле церкви проходят автомашины, и постоянная езда мешает службе. Устроить ограду вокруг церкви нельзя. Церковный совет и верующие на вопрос, почему у вас такое положение, отвечают, что в этом виноваты предшественники священнослужители, которые пьянствовали и развалили приход. Там служил один священник-пьяница, с которого я принужден был снять священный сан. В общем, церковная жизнь в этом приходе находится в стадии полного развала, и у меня не поднимаются руки посылать еще кого-либо туда из священников, обрекая его заранее на жалкое существование.

Вопрос стоит о закрытии этого храма, но я предварительно сообщу об этом Святейшему Патриарху, а какое он примет решение, я не знаю.

Церковь в селе Емельяновка, там совершенно нечем содержать священника, посещаемость совсем маленькая, молитвенный дом грозит падением стен, по заключению

технадзора. На ремонт этого здания требуется около 20.000 руб., причем средств в церкви совершенно нет, а они просят у Епархиального Управления ссуду сроком на 5 лет.

Там был последний священник Ольшанский, который недавно прибыл из заключения. У него недавно было кровоизлияние в мозг, и он прислал мне заявление об уходе с прихода.

Церковь в селе Партизанском. Там были хорошие священники, и последний священник Клаас, очень хороший священник, поднял храм на должную высоту, но он, к сожалению, отказывается от этого прихода. Его придется перевести на лучший приход, чтобы не потерять его совсем. Староста церкви говорит, что, кроме подкармливания священника, ничего сделать нельзя, так как население бедное. Староста сам получает от церкви 100 руб. зарплаты, а священнику ничего выделить не могут. Когда я приехал в Крымскую епархию, в ней было 58 церквей, а теперь осталось 49, если закрыть еще две церкви, то будет 47 церквей. Это очень печально. В других епархиях существует система приписных церквей, а у нас в Крыму почему-то запрещают иметь приписные церкви, это надо выяснить».

Благочинные высказались за закрытие церквей в селе Мускатное и Емельяновка и приняли такое постановление: "Рекомендовать Преосвященному архиепископу Луке обратиться к Святейшему Патриарху за разрешением вопроса о перспективах дальнейшего существования церквей в с. Мускатном и в с. Емельяновке"».

6-й вопрос: о неисполнении распоряжений архиерея. Архиепископ Лука сказал:

«Многие священники не желают выполнять моих распоряжений. Если всех наказывать, то это равносильно удалению из прихода, так как на место запрещенного необходимо назначать другого, а когда он кончит срок наказания, где я его потом устрою? В общем, наказание равносильно удалению из епархии, а кроме того, наказываются и верующие, как быть в этом случае?

В некоторых церквах мои разосланные на места послания и распоряжения не сохраняются в делах церкви, а кем-то уничтожаются. Это свидетельствует о том, что священники не ценят моих посланий, тогда как в Ленинградской Духовной Академии мои послания настолько ценятся, что их прорабатывают со студентами во время лекций».

Благочинными было принято такое решение: «1) Обязать всех настоятелей церквей при приеме дел церкви и сдаче их составлять особую опись всех распоряжений и посланий архиерея, хранящихся в церкви. 2) Обязать всех благочинных проверить во всех приходах их благочиния, какие именно послания отсутствуют в церквах и кто виновник их уничтожения. 3) Поручить протоиерею Карвовскому составить перечень всех распоряжений и посланий архиерея, разосланных в церкви начиная с 1947 г. по настоящее время, и этот перечень разослать для сведения всем благочинным епархии».

9-й вопрос: как отразилась антирелигиозная пропаганда на количестве молящихся в церквах. Архиепископ Лука сказал так:

«Вы, конечно, все читали статью Хрущева с постановлением ЦК КПСС. Проведенная до этого антирелигиозная пропаганда встревожила всех верующих. Ко мне многие обращались с просьбой реагировать на эту пропаганду, но я не считал нужным опровергать эти пропагандистские выступления в печати, я только ограничился одной проповедью, которую я произнес в соборе на тему "Не бойся, малое стадо" (зачитывается проповедь). Мне нужно знать, как обстоит дело с посещаемостью храмов; мне многие говорят, что после пропаганды посещаемость церквей увеличилась».

Протоиерей Кудрявцев сказал:

«Я лично сказать ничего не могу, так как при посещении приходов не интересовался этим вопросом. Что же касается моего собора в гор. Белогорске, то посещаемость благодаря дождям и грязи уменьшилась, а требы увеличились».

Протоиерей Романовский (Севастополь) сказал:
«После пропаганды народу в церквах прибавилось».
Протоиерей Милославов (Симферополь) сказал:
«У нас в соборе стало больше мужчин».
Затем Кудрявцев, Романовский и Карвовский сказали:
«Самое главное то, что после постановления ЦК КПСС нет пренебрежительного отношения к священникам, изменилось отношение к ним со стороны посторонних лиц».

Благочинными по данному вопросу было принято такое решение: «Приветствовать постановление ЦК КПСС, касающееся Православной Церкви, и обязать всех священников поддерживать престиж священства, сохраняя незыблемо церковные каноны». <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР при Крымоблисполкоме
Я. Жданов

ГААРК. Оп. 4. Д. 6. Л. 106–110.

№ 78
Справка уполномоченного с описанием празднования именин архиепископа Луки

31 октября 1955 г.

В 2 час. 50 мин. секретарь епархии протоиерей Милославов передал по телефону приглашение архиепископа Луки посетить его в день рождения в 3 час. 05 мин.

К указанному времени я пришел в квартиру епископа. В приемной было человек 20 священников из симферопольских 4-х церквей, Севастопольского собора, Зуйской церкви, из церкви Кировского района и много других, которых я еще не знаю.

Меня провели в кабинет архиепископа Луки, который сидел в конце стола, обращенного к иконостасу. Длинный стол был весь уставлен закусками и бутылками с минеральными водами и вином.

Меня посадили рядом с епископом по левую руку. Я поздравил его с днем рождения, пожелав ему долгой и счастливой жизни, и пожал руку. Места за столом заняты были священниками, причем по правую руку епископа сел заштатный епископ Серафим. Перед началом обеда был совершен 5-минутный молебен, который закончился многолетием епископу. После молебна архиепископ благословил пищу, и стаканы были наполнены вином. Сидевший рядом со мной священник вел программу торжества. Он провозгласил тост за архиепископа. Некоторые священники произносили хвалебные речи, называя Луку необыкновенным человеком, сравнивая его с евангелистом Лукой, с той лишь разницей, что епископ был профессором, а евангелист простым врачом. Похвалы были настолько противны, что, казалось, кроме возмущения, они ничего не вызовут со стороны епископа. Оказалось, совсем наоборот, епископ стал хвалиться тем, что на профессора хирургии он нигде не учился, дошел до этого самоучкой. Также он не имел богословского образования, а учился самоучкой.

Один из священников задал Луке вопрос: «Вам не жаль было, Владыко, оставить карьеру профессора хирургии и перейти на духовную службу?» Лука сказал, что это произошло во время революции (Октябрьской), когда правительство начало гонение на архиереев и высшие чины церкви. «Присутствуя в Ташкенте на одном религиозном собрании в качестве мирянина, а собрание проводил епископ Иннокентий[70], я выступил с горячей речью в защиту религии. На пути к дому я зашел в кафедральный собор, где застал епископа Иннокентия. Увидев меня, он подошел ко мне, взял меня под руку. Мы вышли из собора и стали ходить вокруг церкви. Епископ сказал, что ему очень понравилось мое выступление, а потом он предложил мне стать священником. Я дал согласие.

Столь неожиданное переключение из профессоров в священники я рассматривал как перст Господень, позволяющий мне вступить на путь Божий. 2,5 года я пробыл священником, а затем была совершена тайная хиротония, и я стал архиереем. В первые дни моей службы ночью постучали ко мне на квартиру и сказали, что пришли из ГПУ, и я был арестован. Это была первая ссылка, за нею было еще 2 ссылки.

Я сейчас являюсь членом Духовной Академии, а если бы оставался профессором хирургии, то был бы избран членом в Академию медицинских наук. За свои знания по хирургии я получил звание профессора и Сталинскую премию первого разряда. В 1956 году я вновь издам труд по хирургии, труд еще более серьезный, чем первый труд, в 25 тысяч экземпляров. Большинство этого издания пойдет за границу, о чем меня просят». (От священников слышны голоса: «Владыко, оставьте и для нас».)

После рассказа епископа о его жизнедеятельности он, наклонившись ко мне, тихо сказал: «Я бы мог стать большевиком». Это его сообщение я понял как внезапно возникшее чувство сожаления о его прошлой лечебной деятельности и так же тихо сказал ему, что если бы он вместо Иннокентия встретился с большевиком, который мог бы оказать иное влияние. Он понял, что этот разговор может принять для него нежелательный оборот, и он поспешил заверить, что с детства был религиозным человеком, а религия преследовалась властью.

Провозглашали три тоста за епископа, тост за Советское правительство и Коммунистическую партию, тост за нашу делегацию, выступавшую в защиту мира в Женеве. Возникла беседа о борьбе за мир. Я пояснил позицию, занимаемую Советской делегацией по этому вопросу. Был предложен тост и за уполномоченного. Нужно сказать, что руководителем вечера являлся священник Карвовский, западник, который распоряжался вечером как хозяин. Это обстоятельство вызвало острое недовольство от группы священников, руководимых священником Севастопольского Покровского собора Романовским.

Романовский под хмельком громко негодовал против западников, называя их холуями и подхалимами епископа.

Обращаясь к епископу, Карвовский сказал: «Владыко, Вас все священники любят», на это последовала реплика епископа: «Любят, да не все». И он прав, так как многие священники его не только не любят, но ждут не дождутся его замены. Пробыв около часа, я поблагодарил хозяина, простился с присутствующими и уехал к себе на работу.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Крымоблисполкоме
А. Яранцев

ГААРК. Оп. 4. Д. 8. Л. 14-15.

№ 79

Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-е полугодие 1955 года

17 января 1956 г.

<...> Встречи с архиепископом Лукой.

В течение трех месяцев моей работы личных встреч с архиепископом было 5. Первая встреча состоялась 26 сентября 1955 года в резиденции архиепископа в Симферополе. Беседа продолжалась час.

1) В беседе Лука жаловался на начальника областной милиции за задержку ответа на его обращение по поводу разрушенной церковной ограды молодежью села Красногвардейского. Он просил ускорить ответ.

При проверке оказалось, что начальником милиции ответ был дан, виновные привлечены к ответственности.

2) Архиепископ передал жалобу священника Осипова из г. Саки на то, что около церковной сторожки поставлен столб электросети высокого напряжения, без

изоляции, что опасно для останавливающегося тут автотранспорта и колхозных подвод. Стоянка указанного транспорта находится под окнами квартиры священника, ругань пьяных извозчиков и шоферов проникает в квартиру. Просьба священника Осипова об урегулировании этих вопросов успеха не имела.

Этот вопрос был решен священником Поповым, который занял место Осипова. Он договорился с директором подстанции о перенесении столбов, а стоянка транспорта ему не мешала, и разговор людей в квартиру не проникал.

3) Архиепископ просил помочь выяснить вопрос: законно ли занимает сельсовет в Свято-Серафимовской церкви Октябрьского района церковный дом с 1948 г., выселив из него церковных служащих.

При выезде в Октябрьский район выяснил в сельсовете, что бывший церковный дом, занимаемый сельсоветом, не значился в договоре с церковной общиной Свято-Серафимовской церкви, и поэтому претензии общины на этот дом неосновательны.

4) В свою очередь, я просил архиепископа дать мне список духовенства, назначенного и освобожденного в период после смерти Жданова до моего назначения (с мая по 15 авг. 1955 г.).

Мною было сообщено архиепископу, что выбывший из епархии священник Клаас не сдал регистрационной карточки. Архиепископ сделал распоряжение секретарю написать Клаасу о высылке регистрационной карточки, но до сих пор карточка не получена.

В конце беседы архиепископ сообщил, что за последнее время увеличилось число разных кляуз на священников, анонимных писем. Кляузы не прошли и мимо [н]его. Бывший председатель ревкомиссии Ильинской церкви г. Евпатории Сошников Анатолий Александрович сообщил Экзарху Украины, что якобы архиепископ Лука физически не пригоден руководить Крымской епархией, за него руководят другие, а он только подписывается. Лука категорически отрицает эту кляузу: епархией руководит он сам.

Вторая встреча состоялась 12 октября в Алуште в резиденции архиепископа по вопросу о выделении священников для встречи иностранных делегаций.

На мое предложение о выделении священников таких, которые были бы культурными, патриотами нашей страны, чтобы они смогли правильно ответить на вопросы иностранцев, иногда вопросы каверзные, для этого нужно выделить людей с разбором, чтобы они по своей малограмотности не наговорили таких «истин», которые со смаком могут помещать зарубежные газеты, архиепископ пообещал мне подобрать священников, отвечающих требованиям, о которых мы договорились.

15 октября архиепископ разослал 13 священникам следующие письма по городским церквам:

«Вполне возможно, что в Крым будут приезжать иностранные делегации, и некоторые из них могут изъявить желание посетить православные храмы. Для ведения переговоров с этими иностранными делегациями во всех храмах города я уполномочиваю Вас.

О всех таких посещениях прошу докладывать мне особым рапортом.

п/п Управляющий Крымской епархией
Архиепископ Лука».

В сельские районы, находящиеся на автомагистралях, настоятелям церкви Лука направил следующее письмо:

«Вполне возможно, что в Крым будут приезжать иностранные делегации, и некоторые из них могут изъявить желание посетить православные храмы. Я считаю необходимым предупредить Вас, что в разговоре с этими иностранными представителями надо быть очень осторожными и опасаться наговорить им того, что может послужить во вред нашей Родине и Советскому правительству.

В случае посещения Вашего храма какой-либо иностранной делегацией я обязываю Вас сообщать мне особым рапортом об этом с изложением в рапорте всех разговоров, какие Вы вели с иностранными представителями.

п/п Управляющий Крымской епархией
Архиепископ Лука».

О разосланных письмах я сообщил по телефону в Киев тов. Корчевому Г. А.[71], который мне сообщил, что лучше было бы подобные письма не рассылать священникам, и посоветовал по возможности письма отозвать в епархию.

В разговоре с секретарем архиепископа священником Милославовым я высказал свое мнение о возвращении писем архиепископа, т. к. священники с ними ознакомились и надобности в них больше нет, если не будет возражать архиепископ, письма следует возвратить. Милославов заверил, что письма будут возвращены.

Проверкой установил, что письма все-таки не отозваны, причиной к тому, может быть, было несогласие с отзывом архиепископа или Милославов мог забыть по старости (79 лет) о данном обещании.

В конце беседы архиепископ сообщил мне, что «сегодняшняя наша встреча очень кстати, так как я получил сообщение от настоятеля церкви в поселке Чехово Мосиенко, что там 8/X-55 г., во время всенощной, ученики средней школы стали бросать камнями в окна церкви, разбили стекла в окнах алтаря, облили стены церкви чернилами, загадили паперть нечистотами. Молящиеся в церкви и духовенство были так напуганы, что разбежались, и служба была прекращена. Директор школы якобы потворствовал ученикам».

Учитывая важность сообщения, я сказал архиепископу, что 13/X я буду в Чехово и проверю сообщенное Вами. Лука уверял меня в правильности сообщения.

13/X я был в Чеховской церкви вместе с представителем Ялтинского горисполкома, председателем Чеховского сельсовета, заместителем начальника Ялтинской гормилиции. Проверкой была установлена правдивость сообщения Луки.

О происшествии в Чеховской церкви мною направлено в Москву и Киев внеочередное донесение, в котором подробно сообщено о предпринятых мерах к хулиганам, бившим стекла.

31 октября произошла 3-я встреча с архиепископом Лукой в день его рождения. Об этой встрече мною

подробно были информированы председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР тов. Карпов Г. Г. и уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Украинской ССР тов. Корчевой Г. А.

1/XII-55 г. состоялась 4-я встреча с архиепископом Лукой. По предложению архиепископа позвонил мне секретарь Милославов и передал просьбу Луки посетить его.

В 11 часов я был у архиепископа. Он извинялся передо мной за вызов, сказав, что последнее время он чувствует серьезное недомогание на почве ухудшения сердечной деятельности, и поэтому ко мне явиться не мог. Архиепископ Лука попросил рассказать о моей поездке в Москву.

Пришлось сообщить, что я был вызван в Москву для утверждения в Совете по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР тов. Карповым Г. Г.

22/XI я был утвержден уполномоченным по Крымской области, а 24/XI был на приеме у тов. Карпова, который сделал ряд указаний и советов по моей будущей работе и сообщил, что примерно в марте месяце будет проведено в Киеве республиканское совещание уполномоченных.

Сообщил Луке, что пришлось встретиться с румынским министром религиозных культов Константинеску-Деж.

Разговорились о совещании министров иностранных дел в Женеве, пребывании тт. Булганина и Хрущева в Индии, о поездке в Бирму и в Афганистан.

Говорили о роспуске Национального собрания Франции, исключении из партии радикалов Эдгара Фора.

Лука сказал, что хотя он и не видит, но газеты для него читают секретарь епархии или кто-либо из присутствующих священников.

Увидев, что Лука устал, я, пожелав ему здоровья, ушел. Поэтому не пришлось переговорить о регистрации священников и о других вопросах, относящихся к церковным делам.

Следующее, 5-е и последнее, свидание с архиепископом Лукой в 1955 году состоялось 23/XII. В этот день

Протоиерей Андрей Кухарчук

я посетил архиепископа по вопросу выделения священников для встречи с иностранными делегациями по 4 маршрутам Крыма, по которым расположены соответствующие церкви. (Маршруты высланы в Москву и Киев.)

Первый маршрут проходит по автотрассе Симферополь — Евпатория, который захватывает 7 церквей, с 7-ю священниками, обслуживающими церкви.

Второй маршрут проходит по автомагистрали Симферополь — Ялта. Этот маршрут охватывает 4 церкви, которые будут обслуживаться настоятелями этих 4-х церквей.

Третий маршрут проходит по автотрассе Симферополь — Джанкой. На этом маршруте расположены 3 церкви, которые будут обслуживаться 4-мя священниками.

К церквам сел Октябрьское и Красногвардейское добавлен один священник из кафедрального собора Симферополя, Кухарчук Андрей Павлович, который особенно подходящ для встречи с иностранцами, хотя он приехал из западной Ровенской области.

Четвертый маршрут проходит по дороге Симферополь — Бахчисарай и имеет одну церковь в Бахчисарае, обслуживаемую одним священником. Этот маршрут рекомендуется для тех, кто пожелает познакомиться с крымской стариной, с музеем ханского дворца и пещерным городом «Чуфут-Кале».

По маршруту № 1 в первом варианте были внесены 2 церкви города Севастополя, но Обком партии посоветовал Севастополь исключить из маршрута. Также исключен из маршрута пионерский лагерь «Артек».

Со всеми священниками церквей, расположенных по маршрутам, пришлось беседовать как при посещении церкви, а также при приезде священников в Симферополь.

Думаю, что все священники подготовлены к встрече иностранных делегаций неплохо. Правда, до сих пор я не имею замечаний по посланным маршрутам в Москву и Киев.

Против составленных мною маршрутов архиепископ не возражал и не возражал против указанных в маршрутах священников для обслуживания делегаций, но задал мне вопрос о том, как отвечать делегации, если они зададут такой вопрос: «Как у вас дело обстоит с церковными книгами?» Ведь книг у нас нет. Я знаю, что в свое время к Патриархии обратилась английская церковь, предлагая миллион церковных книг на разных языках. Правительство отказало, заявив, что Патриархия сама печатает книги, а книг нет до сих пор, несмотря на то что в свое время Сталин обещал типографию для печатания книг. До сих пор обещание Сталина не выполнено. Патриархия приобрела печатные машины, а вот помещения нет, и машины лежат без движения.

Я сказал, что когда я был в Москве, то слышал, что Патриархия печатает церковные книги, свидетельством чего является выпуск журнала «Московской Патриархии».

Кроме того, едва ли иностранные делегации здесь будут задавать вопросы о книгах, так как этот вопрос

они могут задать в Москве Патриархии, которая может удовлетворить их любопытство, показав им патриаршую типографию, и ознакомит их с издательством церковных книг. Иностранцы понимают, что от областной епархии едва ли можно требовать, чтобы она занималась издательством церковных книг.

Лука задал вопрос: «Как быть с такими людьми, как бывший председатель ревкомиссии Евпаторийского района Сошников, которого я недавно выгнал из 20-ки за клевету на священника и разные кляузы? Таких Сошниковых, к сожалению, много имеется в Ялте, Джанкое, Красногвардейске и самом Симферополе. Сошниковы и аналогичные им люди всеми способами постараются очернить священников в глазах иностранцев. Все меры будут изыскивать для встречи с иностранцами, чтобы облить грязью духовенство и церковь».

На этот вопрос я ответил, что я сомневаюсь, чтобы с иностранцами могли встретиться клеветники, а если бы и произошла такая встреча, то ее не следует бояться, так как разоблачить всякие ложные сообщения Вашим представителям будет легко, а если что будет сообщено правдиво, то едва ли следует отрицать правду даже со стороны доносчиков.

Архиепископ обратил внимание на мое замечание о священниках Кокореве Октябрьского района и Корженевском Красногвардейского района, которые, по-моему, нуждаются в помощи со стороны более опытного священника и более опрятного, чем указанные священники. Лука не стал возражать против назначения к этим старикам-священникам молодого, образованного и опрятного священника, назвав таким священником Кухарчука из кафедрального собора Симферополя. С этой вполне подходящей кандидатурой я согласился.

Архиепископ поставил меня в известность, что он написал указ об освобождении от должности настоятеля кафедрального собора и секретаря епархии Милославова и назначении его казначеем епархии. Настоятелем собора и секретарем епархии назначается протоиерей

День Святой Троицы. Встреча архиепископа Луки
В центре – священник Михаил Семенюк
Александро-Невский собор. г. Ялта

Кудрявцев, бывший благочинный из г. Белогорска. Архиепископ спросил мое мнение, я не возражал.

Архиепископом был задан вопрос о возможности перевода церкви из Магазинки в Воинку (4 км от Магазинки), где раньше была церковь в клубе, занятом при немцах. Я сказал ему, что, по-моему, не следует переводить церковь в Воинку, т. к. там нет ни общины, ни церкви, ни земельного участка, а в Магазинке имеется договоренность с колхозом по вопросу об аренде помещения и стоимости аренды. Нужно лишь уплатить задолженность за год арендной платы, допущенной ушедшим в Джанкой священником Малевичем.

Лука сообщил мне, что, по имеющимся у него сведениям, в поселке Чехово около церкви возведена стена высотой в 5 метров, которая отрезала все тропы, ведущие из города в Чеховскую церковь, вследствие чего посещаемость церкви верующими резко снизилась. Дело дошло

до того, что для очередного взноса денег в епархию настоятель Мосиенко вынужден был взять деньги из сберегательной кассы.

Епископ просил выяснить этот вопрос, сказав, что разве нельзя в этой стене сделать калитку для прохода верующих в церковь? Я обещал проверить это сообщение.

Прощаясь со мной, архиепископ сказал: «Пока мы с Вами все вопросы решаем в контакте». Пожелав всего хорошего и здоровья, я оставил архиепископа. <...>

О заявлениях и жалобах

24 октября посетил настоятель Ялтинского собора священник Семенюк Михаил Иванович[72], 1892 года рождения, Львовской области, окончил реальную гимназию в городе Броды и духовную семинарию в городе Буге в 1914 г. Не судим, на оккупированной территории находился в Каменец-Подольской области. Посетил, как он сказал, чтобы познакомиться с новым уполномоченным. В разговоре Семенюк сообщил, что он приехал из Волынской области, посвящен в священники в Полтаве. Высказал недовольство вторым священником, Дунаевым Леонидом, который, по словам Семенюка, является большим склочником и о каждом моем шаге доносит архиепископу; Дунаев большой ханжа, рисуется перед верующими, что он очень набожный человек, поощряет кликуш.

Семенюк высказал недовольство Лукой, который запрещает брить бороды, стричь волосы и носить гражданскую одежду, вследствие чего нельзя в Ялте выйти на улицу, пройтись по набережной. Стыдно ходить с длинными волосами, с бородой, в рясе, особенно среди курортников, которые иногда впервые видят попа в рясе.

Когда приглашал меня архиепископ в Крым, говорит Семенюк, то в телеграмме написал: «Если будешь носить длинные волосы, не будешь брить бороды и будешь ходить в рясе — приезжай, если не будешь, то лучше не езди».

Архиепископа Луку Семенюк характеризует как несговорчивого своенравного старика, который не способен

Священник Михаил Семенюк
с внучкой Анной

воспринять новых веяний в жизни православного духовенства. «Вот в Москве, Одессе и других епархиях священники бреют бороды, стригут волосы, носят гражданские платья, поэтому чувствуют себя свободно».

21 декабря 1955 г. был на приеме настоятель Успенской церкви села Чистенькое Симферопольского района священник Гречаный Григорий Федорович, рождения 1886 года, духовного образования не имеет, светское образование — начальное земское училище.

К уполномоченному Гречаный явился с извинением за то, что во время приезда уполномоченного в церковь 20/XII его, Гречаного, там не было по болезни. Разговор долго не клеился, Гречаный чувствовал себя настороженным и с трудом отвечал на мои вопросы, такие, как, например: в полном ли составе 20-ка, нет ли склок, каковы отношения с сельсоветом, председателем колхоза, с директором МТС, каково его экономическое положение, что его заставляет, имея службу в Чистенькой, квартиру иметь в Симферополе (14 км), величина месячных взносов в епархию. Когда я задал вопрос, сколько лет Гречаный работал на производстве, он оживился. Оказалось, что Гречаный 38 лет работал на производстве

Члены православной миссии в Варшаве
Пятый слева (сидит) священник Михаил Семенюк

механиком-практиком. Симферополь знает его как опытного теплотехника. Во время немецкой оккупации Гречаный был арестован немцами за отказ пойти к ним на работу. От расправы за отказ спасся ввиду болезни сыпным тифом. Немцы в это время оставили Крым, и Гречаный по состоянию здоровья пошел в псаломщики и вскоре посвящен в диаконы.

Гречаный высказал недовольство архиепископом Лукой, который направил его в бедную церковь при его возрасте 70 лет. Он говорит, что если бы я был приезжим с запада, тогда бы Лука направил меня в одну из Симферопольских церквей, а поскольку я русский, то и получил приход, в котором с голоду не умрешь и сыт не будешь.

Далее, говорит Гречаный, архиепископ создал вокруг себя окружение целиком из западников: в кафедральном соборе священники Довбенко, Моссейчук, Кухарчук — западники. В Благовещенской церкви (домовая

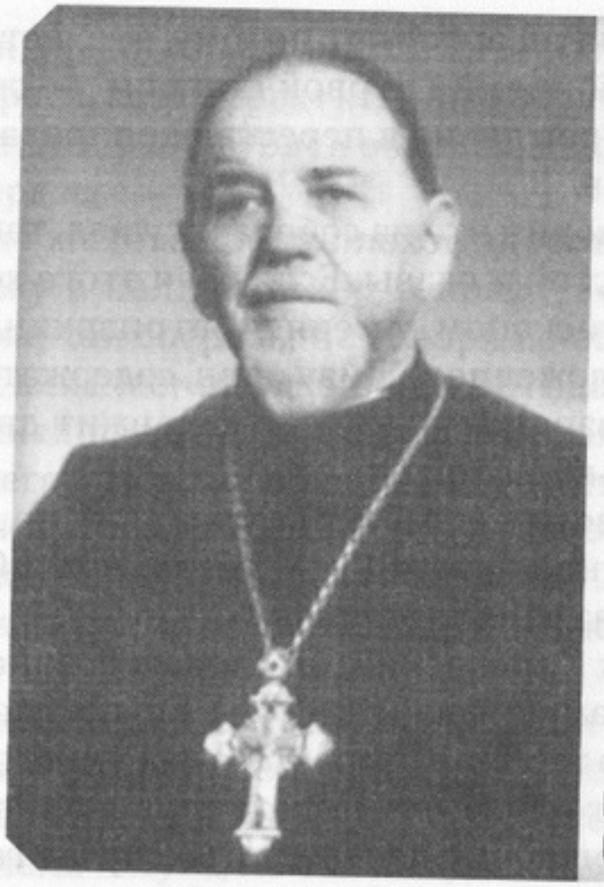
Православная миссия по борьбе с униатами
В центре — **митрополит Алексий (Громадский)**
Во втором ряду третий слева — **священник Михаил Семенюк**

церковь Луки) настоятель Карвовский — западник. Такое окружение не случайно, говорит Гречаный, сам Лука также не русский: Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. В 1954 году из Польши в гости к Карвовскому приезжал епископ Михаил без усов и бороды, стриженый. Квартира Карвовского находится в том же доме, где проживает архиепископ.

Известно, что западные священники — бывшие служители папы Римского, не желают добра православной церкви, говорит Гречаный.

Мне Лука предлагает поселиться с семьей в деревне Чистенькая, но там нет квартиры, квартира у меня в Симферополе, складывается такая обстановка, что на старости лет приходится оставлять службу, думаю, что работу я найду, а то Лука за отказ от переезда в деревню может выгнать со службы, как это он сделал со священником Розановым, говорит Гречаный.

27 декабря 1955 года посетил меня настоятель Свято-Троицкой церкви в Ново-Александровке Симферопольского района Розанов Николай Николаевич, 1887 года

Протоиерей
В. Довбенко

рождения, образование — окончил ветеринарный институт в 1937 году, Петроградскую военную академию в 1918 году, начальник штаба в 6-й стрелковой дивизии (1918–1920 гг.). Духовное образование: духовное училище в Варшаве (1903 г.), 4 класса Холмской духовной семинарии. Посвящен в священники в 1942 году, в Крыму с 1950 года. Судим не был. Был на оккупированной территории. Эвакуируя общественный скот в 1941 году, дорога была отрезана немцами. Немецкое командование предлагало ехать в Германию, мне не хотелось. Мне предложили выход: стать священником, что я и сделал. В Крыму был назначен ключарем в кафедральный собор в Симферополе, где каждый день проводил службу Лука и говорил проповеди. Мне также приходилось выступать с проповедями. За образец в проповедях я взял архиепископа Луку и стал читать проповеди по его методу. Однажды Лука мне сказал, чтобы я не читал проповеди так, как читает их он. "Тебя за такие проповеди могут арестовать". "А как же Вас не арестуют?" — сказал

Розанов.“ Меня не арестуют потому, что я стар и лауреат Сталинской премии первой степени”,— сказал Лука. “После предупреждения я перестал копировать Луку”,— сказал Розанов.

Розанов говорит, что из собора он ушел, так как не добивался почестей и славы. Если бы я этого хотел, я давно бы стал епископом, у меня в Патриархии есть люди с большим положением. Живу один, содержать женщину епископ не разрешает, хотя сам содержит двух племянниц и несколько монашек.

Розанов говорит, что Луку священники не любят. Както в откровенной беседе Лука сказал: если 50% священников меня уважает, это хорошо.

Священник Карвовский, по словам Розанова, принимал меры к замене архиепископа западником, об этом знает Лука, но терпит Карвовского как умного священника, без которого Лука уже не сможет управлять епархией.

Архиепископ копит деньги, а при случае говорит, что он бессребреник, сказал Розанов. Верит ли в Бога Лука, сказать трудно, говорит Розанов, раз он епископ, значит, и верит в Бога; я тоже вот верю в Бога, раз я стал священником.

22/XII был на приеме настоятель Федоро-Тироновской церкви священник Мосиенко Алексей Артемьевич, рождения 1897 года, из поселка Чехово города Ялты. В сане священника с 1921 года, перерыв 21 год. Был осужден на 10 лет, находился на оккупированной территории. Образование духовное, окончил Одесскую духовную семинарию в 1919 году, окончил Киевский горный институт в 1934 году, с 1919 года — учитель сельской школы по 1921 год, с 1921 года по 1930 год — священник в приходах Киевской области. С 1954 года, после возвращения из ссылки, назначен архиепископом Лукой настоятелем Чеховской церкви. Мосиенко говорит, что приехал в епархию сдать очередной месячный взнос 1000 рублей, а по пути зашел к уполномоченному. Я спросил Мосиенко, бьют ли в церкви окна? Он ответил, что не бьют. Пожаловался, что церковь почти не

посещается, проливные дожди в Ялте размыли все тропинки и дороги, по которым ходили в церковь верующие. Чтобы уплатить 1000 рублей епархии, деньги пришлось взять в сберкассе.

Мосиенко жаловался на плохое здоровье, нужно лечиться, хожу в поликлинику, а приду на квартиру — некому даже чай согреть, не говоря об обеде, живу бобылем, так как с женой разошелся 22 года [тому назад]. Просил архиепископа дать разрешение взять племянницу, дочь моего брата, погибшего в Отечественную войну, не разрешил; тогда я сказал, что некоторые архиепископы имеют по 2 молодых племянницы. Лука ответил: можете взять племянницу или другую женщину, если ей 70 лет.

Мосиенко говорит, что окружение Луки такое, что без взятки к ним не ходи. Берет взятки секретарь, племянницы архиепископа. Я лично, говорит Мосиенко, 9 дней ожидал приема к Луке, но так как дать мне было нечего (возвратился из заключения), не был принят.

Теперь в связи с резким спадом церковного дохода нужно было просить архиепископа Луку о снижении епархиального налога с церкви вместо 1000 рублей хотя бы 500 рублей, но, зная, что епископа окружает такая шантрапа, говорит Мосиенко, я решил, что просить бесполезно.

Просить Патриархию через голову ничего не выйдет, так как Луку считают там чуть ли не святым, с ним считаются, а не знают, что старик выжил из ума, он не помнит через 5 минут, о чем он говорил, сказал Мосиенко. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Яранцев

ГААРК. Оп. 4. Д. 10. Л. 9–29.

№ 80
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-е полугодие 1956 года

21 июля 1956 г.

<...> Встречи с архиепископом Лукой

За 6 месяцев 1956 года встреч с архиепископом Лукой было 4; 3 встречи в епархии и одна — в учреждении уполномоченного.

Первая встреча состоялась 6 февраля. Беседа началась о коммюнике Эйзенхауэра[73] с Иденом[74] («Правда» от 4/II-56 г.).

Лука сказал, что, по его мнению, события развертываются с приближением к войне. Я сказал, что коммюнике, хотя и составлено с угрозой по адресу коммунистических держав, но в п. 6 Иден и Эйзенхауэр, как бы испугавшись, что они наговорили в 5-ти пунктах, заявили, что не намерены добиваться намеченных в их политической линии планов путем открытой войны, зная, что монополистами атомного оружия они не являются и симпатии народов к капиталистическим странам уменьшаются.

В беседе я сообщил Луке, что присутствовал на его проповеди о крещении Христа и что неплохим моментом в его проповеди было то место, где говорилось о величайшей неправде по отношению к 600-миллионному китайскому народу, который до сих пор не принят в Организацию Объединенных Наций, и о разбойничьем захвате Америкой острова Тайвань, издревле принадлежащем Китаю. Беззаконие творят итальянские помещики, расстреливая бедных крестьян за то, что они пашут, засевают неиспользованные, непригодные земли помещиков, фабриканты и заводчики Америки заставляют работать рабочих за ничтожную плату.

Затем я сообщил Луке, что ко мне обращаются с жалобами священники русские, украинцы и верующие на засилье священников, приехавших из западных областей. Они говорят, что богатые городские приходы предоставляются священникам-западникам, а местные священники снимаются с городских приходов и рассылаются по отдаленным бедным сельским приходам. На жалобы я никак не реагировал, т. к. расстановка духовенства является делом правящего архиепископа. «Ни советов, ни пожеланий я Вам не даю, а просто сообщаю о фактах», — сказал я Луке.

Местные священники особенно жаловались на священника Карвовского, называя его поставщиком западных священников — своих родственников или близких знакомых.

Архиепископ Лука поблагодарил меня за сообщение и сказал, что о жалобах местных священников на засилье западников ему известно.

Большой приезд западников объясняется тем, что на Волыни очень много церквей в радиусе 2–3 километров. Доходы от таких церквей стали настолько ничтожны, что в последнее время приходы стали объединять по два в один, а иногда и больше.

Так оказалось большое количество лишних священников, которые переводились в заштат.

«У меня, — говорит Лука, — много есть заявлений от священников запада, и я их принимаю, так как они почти все имеют семинарское или высшее богословское образование, все они, как правило, хорошие проповедники, а наши русские священники малограмотные, есть и безграмотные. Такие священники не могут выступать с хорошей проповедью, поэтому епархия заинтересована в подборе более грамотных священников, и поэтому на днях был мною послан в Старый Крым священник-западник Люткевич. Он окончил семинарию с миссионерским уклоном, работал как миссионер, а в Старом Крыму бывший русский священник Паршинцев — малограмотный человек, очень грубый. А в Старом Крыму развилось много сектантов, особенно баптистов, которые говорят, что Паршинцев сочувствует им и чуть ли сам не был участником секты.

Назначение Паршинцева вторым священником в гор. Саки под начало опытного и образованного священника Поветкина позволит Паршинцеву исправиться.

Карвовский считается одним из лучших священников в епархии.

Вопросы приглашения священников решаю я, причем не исключаю возможности по некоторым священникам рекомендации Карвовского. Ведь не так уж много в Крыму священников-западников. Даже в кафедральном соборе два священника с запада и два — русские».

Пришлось дать ему справку, что в Крыму 15 священников с запада, что составляет 27%.

Перед уходом я еще раз заявил архиепископу Луке, что его дело — назначение священников по приходам, но что антагонизм среди священников существует.

Разговор перешел на работу архиепископа, которую он теперь выполняет: «Я теперь работаю над посланием к пастырям и верующим.

В послании будут отображены поездки наших церковных делегаций в Америку, Англию, Канаду и другие страны. В свою очередь, будут отражены поездки иностранных церковных делегаций по церквам Советского Союза.

Обмен церковными делегациями имеет большое значение не только для церкви, но и для государства, так как иностранные делегации с большой похвалой отзываются о поездках по Советскому Союзу. В послании также будет отражено, что повысился авторитет Русской Православной Церкви в глазах руководителей Советского государства. Во время торжества 38-й годовщины Советской власти в Кремле были приглашены руководители Православной Церкви, которые сидели вместе с Булганиным[75] и Хрущевым[76]».

В конце беседы Лука еще раз поблагодарил меня за сообщение, и, пожелав ему здоровья, мы расстались.

9 мая посетил архиепископа Луку по вопросу нарушения закона о регистрации священников.

4/V-56 г. на имя уполномоченного от архиепископа поступило сообщение, что с 2 по 15/V для службы в Феодосийском соборе был командирован заштатный протоиерей Потменский.

По закону (еще до командировки) епархии нужно было просить у уполномоченного разрешение на службу Потменского путем регистрации.

Регистрация не была произведена, так как Потменский был направлен в Феодосию раньше на 2 дня просьбы о регистрации.

Через бухгалтера епархии Ельцова В. В. 4 мая мною по телефону был передан протест архиепископу Луке против направления Потменского без регистрации и просил наказать виновников правонарушения, сообщив их фамилии.

Ельцов по телефону мне передал, что во время подписания Лукой командировки Потменскому секретарь епархии Кудрявцев заявил Луке, что командировка якобы согласована с уполномоченным, и Лука командировку подписал.

Не желая дискредитировать архиепископа, я решил ограничиться заявлением, переданным архиепископу через Ельцова, чтобы такие случаи в будущем были исключены.

5/V-56 г. по приезде в Михайловскую церковь в Алупке в 8 час. вечера я узнал, что настоятель церкви Максаков Иринарх 4 недели лежит больной и службу совершать не может.

Зайдя в церковь, я встретил в алтаре 2-го священника Ялтинского собора Дунаева Леонида, который готовился к началу службы.

Дунаев мне сообщил, что для службы в Алупке он был направлен архиепископом Лукой.

Зная, что для службы в Алупке Дунаев не только не зарегистрирован, но уполномоченный не был даже поставлен в известность, я решил по этому вопросу обратиться к архиепископу Луке, что мною и было сделано 9 мая в 4 часа 30 минут.

После сообщения мною Луке о нарушении закона о регистрации с Потменским и Дунаевым Лука вызвал к себе секретаря Кудрявцева и бухгалтера Ельцова, который подтвердил Луке, что Кудрявцев при подписании

В первом ряду: **священники Леонид Дунаев** (первый слева), **Алексей Галущак** (третий слева), **протодиакон Николай Бондаренко** (крайний справа). Во втором ряду: **священник Михаил Семенюк** (слева)

командировки Потменского сказал, что вопрос согласован с уполномоченным.

Я сказал, что, казалось бы, после предупреждения о непосылке священников без регистрации нельзя было посылать Дунаева также без регистрации ровно через одни сутки после моего протеста. Раньше, когда секретарем епархии был Милославов, правонарушений в регистрации не было, а при Кудрявцеве они происходят часто. Я это понимаю как прямое игнорирование распоряжений Советской власти и исходя из этого решил снять с регистрации священника Дунаева из Ялтинского собора. Этой же участи заслуживает и секретарь епархии протоиерей Кудрявцев — настоятель кафедрального собора в Симферополе.

На мое заявление о снятии с регистрации Дунаева Лука долгое время сидел молча, опустив голову, с распростертыми руками на столе. После оцепенения он нашел

мою руку, пожал ее в сильном волнении и глухим голосом проговорил: «Простите меня, простите меня! Вы правы, мы совершили нехорошие дела».

На просьбу Луки простить его я ответил, что, считаясь с его болезнью и имея в виду, что его подвел Кудрявцев, на этот раз я исполняю просьбу архиепископа и не сниму с регистрации Дунаева. На этом закончилась наша беседа, и мы расстались.

15/V-56 г. в 10 ч. 30 м. мне позвонил архиепископ Лука и просил принять его. Я сказал, что рад его буду встретить у себя. В 11 ч. 25 м. позвонил секретарь епархии Кудрявцев и сообщил, что Лука просит уполномоченного приехать к нему, так как приехать к уполномоченному Луке трудно.

В 12 час. я был у Луки. Поздравив его с теплым весенним днем, я сел за стол, за которым сидел и Лука. Взглянув на него, я увидел, что он чем-то сильно встревожен. Он стал извиняться, что ему не пришлось приехать ко мне по вине секретаря Кудрявцева, который обманул его, сообщив уполномоченному, чтобы он приехал к нему сам.

За отмену распоряжения Луки о поездке к уполномоченному он объявит Кудрявцеву выговор.

«Я хотел встретиться с Вами, — сказал архиепископ, — по вопросу посылки жалоб Патриарху группой верующих кафедрального собора гор. Симферополя». Лука спросил меня о том, знаю ли я, что жалоба подана Патриарху?

Я ответил: мне известно, что жалоба подана Патриарху и тов. Карпову, так как ко мне приходили 3–4 раза верующие с жалобой на действия священника Довбенко, выбросившего из алтаря иподиакона Федора Рябых со словами: «Ты холуй» — и ударившего его дверью Царских врат по спине.

Пришедшим ко мне верующим я сказал, что происшедшее в церкви никакого отношения к уполномоченному не имеет, так как является чисто внутренним делом церкви. Решать этот вопрос может только церковное начальство, поэтому вам нужно обратиться к архиепископу Луке.

Федор Рябых после этого заявил, что он 2 раза пытался попасть к Луке на прием, когда Лука был на даче в Алуште, но Лука его не принял, несмотря на то что сам приглашал Рябых приехать.

В Симферополе Рябых вновь пытался встретиться с Лукой, но его не допустили священники и родственники, окружающие Луку.

Лука сказал мне, что первое время после происшествия он не принял Рябых потому, что в это время не было закончено следствие по делу Рябых, а после этого о приеме к нему никто не обращался. «Нам ничего не оставалось, как подать жалобу Патриарху, раз в это дело не хочет вмешиваться архиепископ», — говорили верующие.

После первого посещения верующие снова посетили меня и спросили, не имею ли я каких сведений из Москвы по своей линии о жалобе Патриарху?

Я ответил, что никаких сведений не имею и не могу иметь, так как жалоба, поданная на имя тов. Карпова, им также рассматриваться не будет ввиду ее чисто церковной сущности. Не получая ответа от Патриарха на жалобу, верующие решили повторить жалобу Патриарху. Так была направлена вторая жалоба.

В третий приход верующие заявили, что ответа от Патриарха на жалобу нет и что они не знают, известно ли архиепископу об их жалобах, стали просить меня пойти с ними к архиепископу, считая, что со мной их допустят до архиепископа.

Я категорически отказался, заявив, что в это дело, чисто церковное, я вмешиваться не буду.

В последний раз верующие пришли ко мне в большом количестве; среди них был некто Демидов, который в грубом тоне стал требовать от меня посещения архиепископа вместе с верующими и рассказать ему, что творится в соборе, так как, по его словам, священники, проводившие следствие по делу Рябых, до такой степени замазали это дело, что Рябых из потерпевшего превратился в обвиняемого, и архиепископ снизил ему

Священники Иоасаф Краплин и Михаил Семенюк (в центре) **с прихожанами**
Ялтинский собор

зарплату с 700 руб. до 300 руб., оставив сторожем вместо иподиакона.

Мой отказ пойти к архиепископу с верующими возмутил их. Демидов заявил, что он будет жаловаться на безучастность уполномоченного в Областной комитет партии, будет жаловаться тов. Карпову и поедет специально в Москву с жалобой в ЦК Коммунистической партии Советского Союза на уполномоченного, который продался духовенству.

«Нам известно, — заявил Демидов, — что уполномоченный был в день рождения Луки у него на именинах». На угрозы о жалобах я сказал, что жаловаться они могут куда захотят, но вмешиваться в этот чисто церковный конфликт я не буду.

После этого архиепископ спросил меня, известно ли мне о намерении верующих выступить в соборе с амвона о происшедшем. Я ответил, что мне об этом известно. Архиепископ спросил мою точку зрения на возможное выступление. Я ответил, что меня верующие

также спрашивали об этом. Я сказал им, что никаких советов по таким вопросам не даю, так как этот вопрос уполномоченного не касается.

Архиепископ Лука сказал, что смутьяны, которые недовольны решением Патриарха и моим, хотят поднять великую смуту в церкви. Мне страшно становится, когда я представлю их выступление с амвона о случае в архиерейском соборе и как будут реагировать верующие на это. Я знаю, говорит Лука, что большинство верующих относится ко мне с большим уважением, и поэтому думаю, что после первых же слов с амвона раскольников верующие набросятся на них и изобьют. В свою очередь и ябедники начнут кричать и ругаться, и тогда получится всеобщая свалка.

Боже, сохрани от этого, закончил Лука. Я прошу Вас посоветовать, как мне поступить в этом вопросе. Я сказал, что мне трудно дать совет по вопросу церковной склоки. Не как уполномоченный, а как просто гражданин, имеющий к Вам уважение, я выскажу следующую мысль: вызвать к себе подписавших жалобу Патриарху и священников, на которых подана жалоба, попросить их высказаться в присутствии Вас. Эта беседа поможет Вам окончить инцидент миром.

Архиепископ повторил несколько раз, что он обязательно воспользуется высказанной мной мыслью.

Я понял, что архиепископ сильно был обеспокоен возможностью выступления группы верующих с амвона.

В конце беседы я сообщил Луке, что жалобу, посланную верующими Октябрьской церкви ко мне, я направил в епархию. В жалобе говорилось о краже церковных денег священником Кокоревым в сумме 7000 рублей. Из епархии эта жалоба почему-то была возвращена мне за подписью Вашего секретаря Кудрявцева.

Лука вызвал Кудрявцева и грубо ему сказал: кто дал ему право присланную жалобу уполномоченного в епархию направлять обратно без указания архиепископа. Кудрявцев всячески оправдывался и наконец заявил, что по этой жалобе давно было вынесено решение архиепископа, о чем он, видимо, забыл.

Пожелав здоровья и всего хорошего Луке, я оставил его.

Задержав мою руку, Лука сказал, что он просит принять его в четверг на той неделе (24/V-56 г.). Сказав, что буду рад его видеть у себя, я вышел.

24/V-56 г. в 12 ч. посетил меня архиепископ Лука в первый раз за время моей работы с августа 1955 года.

В помещение из машины Луке помогали идти шофер и стенографистка архиепископа.

Я встал и помог ему войти в кабинет, так как дверь узкая, пришлось повернуть его боком, и, усадив на диван, сказал, что рад его видеть у себя.

Завязалась беседа. Лука спросил о результатах моей поездки в Покровскую церковь города Джанкоя и церковь в селе Магазинка. Я сказал, что сведения о закрытии церкви в Магазинке на замок председателем колхоза Нечитайло, полученные Лукой от благочинного гор. Джанкоя Малевича, не соответствуют действительности. Церковь никто не запирал.

Также не подтвердилось, что церковь была обложена колхозом на 1800 руб.

Никакого налога колхоз не предъявлял церкви, да и не мог предъявлять. Наоборот, церковь до сих пор не уплатила 2400 руб. арендной платы колхозу за помещение церкви.

Лука был встревожен ложной информацией и решил выяснить виновников.

О положении Покровской церкви города Джанкоя.

Я сказал Луке, что при посещении церкви 2-го священника Слуцкого в Джанкое не было — уезжал на похороны. Мною был вызван церковный староста Долгополов и член 20-ки Гарагуля, которым была подписана телеграмма о вызове уполномоченного в гор. Джанкой.

В разговоре они сообщили мне, что во время службы всенощной в церкви возник беспорядок; женщины подняли шум, кричали на настоятеля церкви священника Малевича за то, что он сократил самолично церковный хор на 50%, а кроме того, выживает из церкви молодого

священника Слуцкого Александра, недавно приехавшего из Дрогобычской области.

По словам Гарагули, священник Малевич своего племянника — псаломщика церкви уговорил задушить священника Слуцкого за то, что Слуцкий пользуется авторитетом среди верующих, Малевича верующие не уважают.

Старосте Долгополову и члену 20-ки Гарагуле в присутствии настоятеля церкви Малевича я заявил, что заниматься вашими церковными неполадками я не буду, обращайтесь по этим вопросам в епархию. В Джанкой я заезжал по пути из Магазинки.

Лука внимательно выслушал мое сообщение и сказал, что в происшедшем скандале в Покровской церкви виновен священник Слуцкий, который старается выжить старого священника Малевича, а сам хочет занять его место. Перейдя к вопросу склоки в кафедральном соборе, Лука обвиняет в ней иподиакона Рябых и старосту Сизаря. Они просят наказать священника Довбенко за то, что тот за шиворот вытащил Рябых из алтаря, а в противном случае угрожают выступить с амвона перед верующими и рассказать, что произошло в соборе. «Я ужаснулся такой возможности», — сказал Лука.

«Если бы это произошло, то в церкви могла бы произойти настоящая драка. После моего разговора со старостой Сизарем они наконец осознали свою вину, покаялись перед настоятелем Кудрявцевым и дали слово не заводить больше склок».

По мнению Луки, все это произошло оттого, что в 20-ку пробрались неизвестные ему люди. Раньше 20-ка была стабильной организацией и регистрировалась уполномоченными, а теперь, с ноября 1955 года, регистрация отменена и в состав 20-ки проникают разные люди. Лука хочет написать Патриарху о том, что не следовало бы отменять регистрацию 20-ки уполномоченным. Лука сообщил мне, что он получил от Патриарха письмо, в котором он спрашивает, есть ли в Крыму иеромонахи и архимандриты и сколько?

«Не кажется ли Вам, — спросил Лука, — что вновь будут открывать монастыри, и нет ли указаний правительства об этом?» Я сказал, что монастыри у нас и теперь есть, распоряжений правительства об открытии новых монастырей у меня нет.

Лука перешел к вопросу о сближении церкви с Советским правительством.

За последнее время, кроме встреч Патриарха Алексия с Булганиным и приема Булганиным католикоса Армении, на различных заседаниях правительства участвуют представители духовенства, как Николай Крутицкий, Колчицкий[77] и другие, что свидетельствует об улушении контакта между Правительством и Церковью.

Мне известно, говорит Лука, что руководители Православной Церкви выезжают в иностранные государства на различные конференции и совещания не только религиозного, но и политического значения. Не может быть такого положения, чтобы иностранные поездки совершались без согласия правительства.

За последнее время поездки руководителей Советского государства стали частыми, участились также поездки православного духовенства.

Выступления митрополита Николая на конгрессах мира с протестами против войны, за запрещение атомного оружия сделали известным его имя всему миру.

«Чем объяснить, на Ваш взгляд, происходящее сближение Церкви с правительством?» — спрашивает Лука. Я сказал, что было время, когда церковь от открытой борьбы против Советской власти после Октябрьской революции перешла к выжиданию, что будет дальше. В период Отечественной войны большинство церковнослужителей искренне оказывало поддержку правительству в победе над фашистской Германией, показало себя патриотами и оказало материальную помощь нашей доблестной Красной Армии.

Это патриотическое дело не забыто Советской властью. В борьбе за мир Президиум Верховного Совета СССР отметил патриотическую деятельность митрополита

Крутицкого Николая и наградил его высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Повышение патриотического чувства к Советской родине среди служителей Православной Церкви привело к тому, что улучшились отношения к церкви со стороны органов Советской власти, тем более что органы власти не вмешиваются во внутрицерковную деятельность духовенства. «Как же нам не выступать за мир, против войны, если даже папа Римский выступает против войны и запрещение атомного оружия!» — воскликнул Лука.

Я сообщил Луке о посещении индонезийской делегацией Ялтинского собора 19/V-56 г. и сказал, что настоятель собора протоиерей Семенюк хорошую приветственную речь произнес при встрече и ответил очень хорошо на заданные делегацией вопросы, а потом пригласил делегацию в церковь, где члены делегации пробыли около 20 минут на службе всенощной.

Я сообщил Луке о жалобе настоятеля Ялтинского собора Семенюка на 2-го священника Дунаева, который связался с кликушами, украл 175 руб. пожертвованных на храм денег, своего девятилетнего сына заставлял сидеть на паперти с нищими и просить подаяния, чтобы продемонстрировать материальную необеспеченность православных священников. Дунаев нелегально совершает требы на территории, относящейся к приходу чеховской церкви Феодора Тирона. Лука поблагодарил меня за сообщение и сказал, что подобное скрывают от него окружающие священники. Возвратясь от Вас, я сразу же приму меры против этого прощелыги (Дунаева).

Беседа продолжалась больше часа. <...>

Выезды в города и районы

В первом полугодии я побывал в следующих церквах городов и районов по следующим вопросам.

19/I-56 г. посетил Троицкий кафедральный собор в Симферополе. Литургию служил архиепископ Лука.

Архиепископ Лука в церкви Феодора Тирона
Священники Михаил Семенюк (второй справа) и Алексей Галущак (третий справа)
г. Ялта. Середина 1950-х гг.

Народу была полная церковь. У большинства верующих была различная посуда: бутылки, котелки, миски для «святой» воды. Всего верующих было не менее 1200 чел. Службу вместе с архиепископом вели священники Кудрявцев, Довбенко, Моссейчук, Кухарчук, протодиакон Бондаренко и диакон Русаков. Ожидали, что Лука прочтет проповедь, а потом сказали, что Лука отказался от проповеди ввиду усталости. Служба продолжалась 4 часа, все это время Лука вел службу, периодически присаживаясь на приготовленный для него стул.

Когда по службе приходилось Луке произносить молитву, он произносил настолько тихо, что не было слышно даже вблизи. Лишь по шевелящимся губам можно было угадать, что он что-то говорит. В церкви присутствовало мужчин не менее 300–400 человек. Не менее 50 человек было в возрасте от 20 до 35 лет. Остальные от 35 лет до 70 и выше. Среди мужчин заметил 2-х отставников-офицеров. Среди женщин было не менее

Святитель Лука в Свято-Троицком соборе г. Симферополя
Справа: **протоиерей Виталий Карвовский**. Слева: **протоиереи Андрей Моссейчук** (первый), **Алексей Галущак** (второй) и **Михаил Семенюк** (четвертый)

Священник Михаил Семенюк, матушка Анна Харитоновна, Мария Лохмоткина, староста храма Ирина
г. Ялта

300 чел. в возрасте от 18 до 30 лет. От 30 до 50 лет было не менее 300–350 чел., остальные старухи, детей школьного возраста не заметил. Детей дошкольного возраста вместе с родителями видел человек 15.

Причащалось 32 чел., из них 6 чел. ребят, которых приносили на руках родные. Причащалось 8 чел. девушек до 18 лет; причащался один отставник-офицер. В конце службы народ вышел из церкви, вышли и священники. Лука остался в алтаре. Вынесли хоругви, с которыми священники с народом обошли церковь, после чего верующие брали из кадки «святую» воду в принесенную посуду.

22/I-56 г. в 12 часов посетил кафедральный собор в Симферополе. Секретарь епархии Кудрявцев сообщил, что 22/I архиепископ Лука произнесет проповедь, которая им была подготовлена к празднику Крещения. В 12 часов началось причащение. Причащалось 19 человек, 7 — маленькие дети, 3 — девушки 17–20 лет, 1 парень 20–22 лет, изящно одетый, остальные женщины и мужчины пожилого возраста. Верующих было не более 400–450 человек средних лет. Молодежи было немного. Один мальчик школьного возраста, один — дошкольного. В 12 ч. 30 минут из алтаря был выведен под руки диаконами Лука. В левой руке он держал посох, украшенный живыми цветами, на голове лиловый клобук. Одет был в желтоватую ризу.

В 3–5 шагах от алтаря был сооружен помост, на который сел Лука и стал говорить слабым старческим голосом какие-то слова, которые разобрать было невозможно, хотя я стоял не более 10 метров от проповедника. Когда голос Луки настолько окреп, что слышимость доходила до меня, я разобрался, что проповедь была посвящена празднику Крещения. Проповедник рассказал, как когда-то на берега пустынного Иордана пришел Иоанн и стал крестить народ, как потом из далеких стран подошел молодой человек, в котором Иоанн почему-то признал Христа. Иоанн говорит, что он должен получить крещение у Христа, Христос говорит, что

должен получить крещение у Иоанна. Спор закончился крещением Христа у Иоанна, так как на это будто бы было указано свыше. Дальше слышны были голоса с неба, потом появился Бог Отец, поздравивший Сына с крещением, а Дух Святой в виде голубя сел на голову крестившегося Иисуса.

После изречения этих «истин» Лука перешел к характеристике имеющихся в мире правд и неправд. Он сказал, что правда есть в отношениях народов друг с другом, в отношениях государств между собой, есть правда в отношении семьи, есть правда в отношениях мужа и жены. Но много в мире есть неправд.

Для всех народов видна черная неправда, когда 600-миллионный китайский народ не принимается в Организацию Объединенных Наций. Разве это правда, когда исконную китайскую землю, остров Тайвань, разбойники насильно отняли у Китая?

А какая черная неправда происходит в наше время в Италии? Там есть много земли, которая даже не обрабатывается. Вот эту-то землю безземельные крестьяне начали распахивать, а хозяева земли — помещики — пригнали солдат и стали расстреливать крестьян. Много крови было пролито только за то, что безземельные голодные крестьяне хотели иметь хлеб, чтобы самим не умереть от голода и накормить своих детей, а взяли они лишь куски не обрабатываемой помещиками земли, — разве это правда? Разве не следует, чтобы земля принадлежала тем, кто ее обрабатывает? В Африке давно уже льется человеческая кровь. Крестьяне и рабочие сотнями, тысячами погибают только за то, что требуют для себя свободы. Алчным грабителям мало того, что на них работают целые народы, они хотят превратить их в бессловесных животных. Разве лучше обстоит вопрос с владельцами фабрик, заводов, с капиталистами, которые держат народ в полуголодном состоянии? Очень много, как видите из приведенного мной, в мире существует неправды. С седой старины, во время крещения Иисус стал проповедовать правду, которую Он

подтвердил чудесами, а потом Своею смертью на кресте и Воскресением из мертвых. Казалось бы, что утвержденной Христом правды народ должен был верить в правду Христа и быть твердым в этой вере. Но в действительности у нас много есть неверующих. Веру в Христа надо укрепить! <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Яранцев

ГААРК. Оп. 4. Д. 10. Л. 75–104.

№ 81

Письмо архиепископа Луки уполномоченному А. С. Яранцеву по вопросу о своем служении в алуштинской церкви

4 сентября 1956 г.

Многоуважаемый Андрей Степанович!

Я огорчен и удивлен тем, что мой секретарь протоиерей Кудрявцев почему-то счел нужным беспокоить Вас разговором о моем служении в Алуштинской церкви. Мне кажется, что произошло какое-то недоразумение, ибо каждый епископ имеет право служить в любом храме своей епархии с участием своего клира, и для этого не требуется никакой регистрации у Вас. Так было всегда при Вашем предшественнике, покойном Я. И. Жданове.

Если Вы имеете иные указания от Совета по делам Православной Церкви, то прошу Вас не отказать уведомить меня о них.

С совершенным почтением и уважением,

Архиепископ Лука

4 сент. 1956 г.

ГААРК. Оп. 5. Д. 105. Л. 142.

№ 82
Справка уполномоченного о беседе с секретарем Крымской епархии священником Кудрявцевым

15 сентября 1956 г.

Был вызван из епархии секретарь Кудрявцев, который сообщил архиерею о том, что уполномоченный интересовался службой архиепископа в Алуштинском храме с приглашенными им священниками.

Из письма архиепископа явствует, что сообщение Кудрявцевым о службе с приглашенными священниками в Алуште уполномоченному было изложено как бы в форме просьбы о разрешении этой службы уполномоченным архиепископу Луке.

Такое толкование слов Кудрявцева было сделано архиепископом, и поэтому в своем письме от 4 сентября 1956 г. на имя уполномоченного архиепископ пишет:

«… Каждый епископ имеет право служить в любом храме своей епархии с участием своего клира, и для этого не требуется никакой регистрации у Вас.

Так было всегда при Вашем предшественнике, покойном Я. И. Жданове.

Если Вы имеете иные указания от Совета по делам Православной Церкви, то прошу Вас не отказать уведомить меня о них. С совершенным почтением и уважением

Архиепископ Лука

4/IX-56 г.».

Когда я дал прочитать это письмо Кудрявцеву, то я увидел, что он сильно, читая, был взволнован, что видно было по его приливу крови на лице и учащенным сильным вздохам. Прочитав письмо, Кудрявцев, стараясь быть спокойным, сказал, что архиепископ, видно, не так понял меня. Я, говорит Кудрявцев, не говорил владыке, что уполномоченный требует разрешения на службу архиепископа в той или иной церкви, а говорил о том, что

уполномоченного следует ставить в известность о поездке архиепископа с клиром в ту или иную церковь.

На мое замечание Кудрявцеву, что я никогда раньше не требовал от епархии не только регистрации священников, едущих с архиепископом для службы в ту или иную церковь, но не требовал и сообщения о подобных поездках, но когда мне сообщали об этом те или иные служащие епархии, я принимал такие сообщения как простую, совершенно не обязательную информацию.

На мое замечание Кудрявцев заявил, что он считает необходимым о каждой поездке архиепископа для службы с клиром в храмы епархии ставить в известность уполномоченного. Я еще раз подтвердил, что даже не только разрешения на поездку я не требую, но и сообщений о поездке я тоже не требую. Тогда Кудрявцев заявил, что уполномоченный должен знать, что делается в епархии.

Третий раз я сказал Кудрявцеву, что я этого не требую и думаю, что Вы сообщили архиепископу Ваш вымысел с целью создать антагонизм между архиепископом и уполномоченным, другого объяснения Вашему вымыслу я не нахожу. Кудрявцев начал уверять меня, что он не заинтересован в антагонизме архиепископа с уполномоченным, но если так объективно получилось, то он просит простить его.

Кудрявцеву я сообщил, что мне желательно по этому вопросу лично переговорить с архиепископом. Кудрявцев мне сказал, что 26/IX-56 г. Лука приедет в Симферополь, тогда можно будет встретиться с ним.

Кудрявцев мне сообщил, что при поездке в Ялту архиепископ Лука получил жалобы на Семенюка, и Семенюк, узнав об этом, стал просить Луку об уходе из Ялты. Лука будто бы при глухоте не расслышал просьбы Семенюка об отставке.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. С. Яранцев

ГААРК. Оп. 5. Д. 105. Л. 124–125.

№ 83

Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой

28 сентября 1956 г.

Сегодня в 11 ч. 30 м. посетил архиепископ Лука. Разговор происходил по вопросу, затронутому Лукой 4/IX-56 г. в его письме на имя уполномоченного.

Беседа началась с заявления архиепископа: «Я хочу Вам сообщить нечто новое о себе. Я являюсь одним из старейших архиереев Русской Православной Церкви в стране. 34 года, как я посвящен в архиереи; имею Сталинскую премию первой степени, за которую получил награду 200 тысяч рублей. Этой высокой наградой удостоен за свой литературный труд по гнойной хирургии. 130 тысяч рублей из премии передал в фонд больным и раненым бойцам Советской Армии. Состою действительным членом Президиума Духовной Академии. Недавно была передача по лондонскому радио обо мне, где меня превозносят как знаменитого ученого-хирурга, сопоставляя меня с академиками Павловым и Филатовым. Моя книга о гнойной хирургии вышла 3-м изданием неслыханным для подобных книг тиражом в 30 тысяч экземпляров, причем 15 тысяч экземпляров распространено в заграничных странах, а оставшиеся 15 тыс. экземпл. поступили в продажу в книжные магазины и через какой-нибудь час — были все распроданы».

На этом Лука закончил свое сообщение и попросил меня рассказать о моей беседе с секретарем епархии И. Кудрявцевым.

Я сообщил, что в одно из своих посещений меня Кудрявцевым он сообщил мне, что архиепископ собирается произвести службу в Алуштинской церкви, а мне предложил на эту службу выслать духовный клир из Симферопольского собора. Кудрявцев спросил меня: «С Вашей стороны возражений не будет против поездки симферопольских священников в Алушту?» «С моей стороны возражений нет», — сказал я. Я спросил Кудрявцева: почему

он сообщает мне о службе архиерея с симферопольским клиром, ведь раньше таких сообщений не делалось, а уполномоченный не требовал подобных сообщений? Кудрявцев сказал, что, по его мнению, уполномоченный должен знать обо всем, что делается в епархии. Известно ли Вам, сказал Кудрявцев, что в Краснодарском крае священников назначает по церквам уполномоченный. Я ответил, что мне это не известно, и добавил, что этого не может быть. Кудрявцев сказал, что в подобном назначении, по его мнению, ничего предосудительного нет, а получается большая осведомленность уполномоченного о делах церкви.

Прочитав Ваше письмо, где Вы пишете, что мой предшественник Жданов Я. И. не требовал от Вас разрешения на службу в той или иной церкви своей епархии с необходимым причтом и спрашиваете меня, может, я получил какие-либо указания от Совета по делам Русской Православной Церкви по этому вопросу? Вы знаете, что я ни от Вас, ни от Вашего секретаря никогда не требовал разрешения на служение в церкви с необходимым для Вас причтом. Уполномоченный не вмешивается в Ваши поездки и не интересуется ими, так как это является внутренним делом церкви. Видимо, дело обстояло так, что секретарь епархии Кудрявцев почему-то извратил мои слова и передал Вам. Вы встревожились и написали мне об этом письмо от 4/IX-56 г.

После получения Вашего письма я вызвал священника Кудрявцева к себе, дал прочитать Ваше письмо и спросил, чем вызвано это письмо? Кудрявцев ответил, что, вероятно, тем, что архиепископ не так понял меня, и добавил, что, по его мнению, о всяких поездках архиепископов надо ставить в известность уполномоченного. На это я ответил, что ни разрешений, ни даже сообщений о поездке по епархии архиерея уполномоченный не требует.

Я задал вопрос Кудрявцеву: «Может, Вы сознательно извратили мои слова, передавая их архиерею, чтобы нас поссорить?» Он отрицал это, но все же просил простить

Святитель Лука после богослужения
Впереди — **протоиерей Михаил Семенюк**
Собор св. Александра Невского. г. Ялта. 1957 г.

его, если он не совсем точно мои слова передал архиепископу.

Лука мне задал вопрос: какие были бы Ваши выводы из всего этого дела? «Выводы сделать должны Вы, Валентин Феликсович, а я буду просить Вас на будущее время для связи с уполномоченным посылать другого человека».

«Значит, Вы не доверяете Кудрявцеву?» Я сказал, что вопрос не о моем доверии, так как Кудрявцев не сотрудник уполномоченного, а Ваш. Лука на это заметил, что обвинение Кудрявцева настолько велико, что его нельзя оставлять на этой работе, раз ему нет доверия со стороны уполномоченного. «Да если бы я и оставил Кудрявцева на работе, то он сам бы заявил об отставке, когда бы узнал, что для сношения с уполномоченным я назначил другого священника».

После этого Лука говорит, что у него нет священников, из которых можно было бы назначить секретаря. «Мне казалось, — сказал он, — что Кудрявцев хороший священник и неплохой хозяин, а теперь я увидел, что хозяин он плохой, собор довел до такого состояния, что хуже некуда».

«Кого бы я посоветовал на место Кудрявцева?» — спросил Лука.

«Никаких советов по этой части делать я не буду, так как это дело не мое, а Ваше».

После небольшого раздумья Лука сказал: как я смотрю, если назначить секретарем Семенюка? Вы мне говорили о хорошем выступлении Семенюка перед какой-то иностранной делегацией.

Я подтвердил, что выступление Семенюка перед парламентской делегацией Индонезии было неплохим; но можно ли судить по выступлению о пригодности Семенюка секретарем, судите сами.

Лука сказал, что когда он был 12/IX в Ялте, то узнал, что Семенюк провел хороший ремонт собора и вообще является хорошим хозяином, поэтому он будет неплохим секретарем. «Это Ваше дело», — сказал я.

После этого разговор перешел на другие вопросы. Лука стал жаловаться на отсутствие жилья для священников в Ялте и просил меня довести до сведения его просьбу перед Карповым о передаче церкви одного из двух принадлежащих в прошлом домов церкви храму. Я обещал, что о просьбе Луки я сообщу тов. Карпову.

Дальше Лука просил помощи в освобождении помещения в церковном доме Войковской церкви от жильцов, самовольно занявших помещение и проживающих 8 лет без квартплаты. Я обещал выяснить это дело.

Беседа продолжалась 1 ч. 10 минут.

В заключение Лука спросил, может ли он разговор со мной передать Кудрявцеву? Я ответил согласием.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Яранцев

ГААРК. Оп. 5. Д. 105. Л. 133–135.

№ 84

Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-е полугодие 1956 года

8 января 1957 г.

<...> Встреча с архиепископом Лукой

Во втором полугодии с архиепископом состоялась только одна встреча, т. к. прогрессирующая старость и болезни мешают ему активно участвовать в работе и связь с уполномоченным он держит через своего секретаря.

Посещение архиепископа было связано с увольнением секретаря Кудрявцева — пьяницы и стяжателя, который подрывал авторитет Луки и решал вопросы иногда по своему усмотрению. Секретарем был назначен

протоиерей Карвовский (западник), настоятель Благовещенской церкви г. Симферополя, не пользующийся уважением духовенства, но угоден Луке.

Недовольство архиепископом и секретарями расшатывало дисциплину в рядах церковников. Раньше, если появлялись неполадки в общинах, то достаточно было грозного послания Луки, и смута прекращалась. Теперь послания такого действия не имеют.

Для примера сообщаю письмо архиепископа на мое имя.

«5 сентября 1956 года.

Многоуважаемый Андрей Степанович!

Бунт против моей власти в городе Джанкое все еще не прекращается. Он начался несколько месяцев тому назад крайне возмутительным письмом ко мне, в котором группа бунтовщиков требовала от меня увольнения настоятеля церкви протоиерея Владимира Малевича и назначения на его место второго священника той же церкви Александра Слуцкого.

В этом письме было прямо заявлено, что теперь власть народа, и потому все церковные дела должны решаться только по требованию народа, а не властью епископа, которая грубо отразилась.

Священник Слуцкий за время службы зарекомендовал себя совершенно отрицательно и по своим нравственным и служебным качествам ни в коем случае не мог быть терпим в Симферопольской епархии.

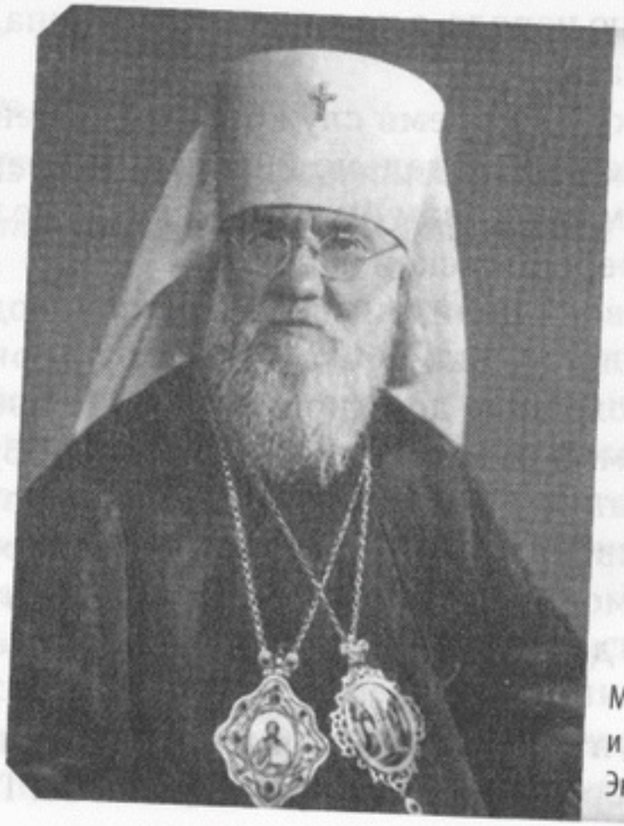
Чтобы добиться своей цели, он собрал группу людей, которым нужно было только обогащаться от церкви, и обещал им всем доходные должности в случае избрания его настоятелем. В ответ на этот церковный бунт я послал свое увещание джанкойской пастве, которое было прочитано с амвона моим секретарем протоиереем Кудрявцевым, и это мое увещание не образумило бунтовщиков, и они дошли до того, что заперли церковь своим висячим замком.

Ввиду того что бунт не унимался, я должен был прибегнуть к крайней мере, запретив в причащении Св. Тайн

на определенные сроки главных виновников, и лишить их навсегда права быть избираемыми на какие-либо церковные должности.

От бунтовщиков посылались делегации с жалобами на меня сперва к Экзарху Украины Киевскому митрополиту Иоанну, а позже и Святейшему Патриарху Алексию. Экзарху я дал весьма обширное исчерпывающее объяснение, которым он был удовлетворен, а Управлению делами Патриарха протоиерею Николаю Колчицкому сообщили о том, что все необходимые объяснения уже посланы Экзарху Украины. Этим и он был удовлетворен. Однако на перевыборах членов 20-ки, произведенных благочинным Джанкойского округа священником Алексием Марковским, продолжалось неподчинение мне, и часть членов 20-ки отказалась признать законность моего осуждения виновников бунта и не успокаиваются.

Прошу Вас, многоуважаемый Андрей Степанович, прочесть прилагаемое при сем письмо Екатерины Викторовны Лехницкой, в котором она подтверждает полную правильность той позиции, которую я занял в этом тяжелом

Митрополит Киевский и Галицкий Иоанн, Экзарх Украины

Джанкойском деле, и своей властью уполномоченного поддержать мой архиерейский авторитет».

Успокоения в этой церкви так и не наступило. Оставить настоятелем церкви священника Малевича так архиепископу и не удалось. Однажды верующие хотели силою удалить Малевича из церкви, но он сам дал обещание верующим уехать из Джанкоя. На место Малевича был назначен благочинный Марковский, который заявляет, что он в Джанкое долго не задержится. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Яранцев.

ГААРК. Оп. 4. Д. 11. Л. 8–10.

№ 85
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-е полугодие 1957 года

25 июня 1957 г.

<...> 27 апреля я был приглашен посетить архиепископа в день 80-летия рождения Луки. Передал по телефону о приглашении секретарю Обкома [партии] тов. Чирва, он мне посоветовал принять приглашение, что мною и было выполнено. Около 16 часов в квартире архиепископа собралось до 20 человек благочинных и священников. Все они прибыли со службы в кафедральном соборе; служба продолжалась в течение 5 час. Служил сам Лука.

Протоиерей Виталий Карвовский читает приветственное послание святителю Луке

Приглашенные после 5-часовой службы быстро расселись за стол, набросились на закуску и выпивку. На столе было много поставлено десертных вин, шампанского и водки. Почти все в первую очередь почтили своим

Протоиерей Виталий Карвовский читает приветственное послание святителю Луке

Священник Михаил Семенюк, диакон Петр Шулеренко

вниманием водку, а потом, под изрядным хмелем, перешли на десертные вина.

Перед началом обеда приглашенные встали и трижды пропели «Христос воскресе», после чего Лука освятил пищу и питие. Секретарь архиерея Карвовский высокопарной речью поздравил Луку со славной годовщиной 80-летия и сообщил, что крымские пастыри, тронутые торжеством 80-летней годовщины, от своих щедрот преподносят в дар архиепископу автомашину марки «ЗИМ». (Лука в это время замахал руками и чуть слышно сказал: «Этого не следовало бы делать».)

Настоятель кафедрального собора Коломеец Макарий от имени духовенства собора выступил с пожеланием долгой и счастливой жизни архиерею. За Коломейцем выступил с поздравлением настоятель Севастопольского собора Романовский Димитрий. Потом разговор зашел о поздравлениях, полученных Лукой по телефону от большого количества архиереев и работников Патриархии. Лука предложил стенографистке принести поздравительную телеграмму от еврейской религиозной общины, которая шлет ему горячие поздравления. Лука рассказал, что поздравления еврейская община прислала потому, что он в одной из проповедей сказал о важной миссии еврейского народа, и поэтому меня благодарят.

Обед продолжался недолго. Как только духовенство насытилось, начались шумные разговоры, архиепископ после 5-часовой службы в соборе и обеда задремал, сидя в кресле и начал посвистывать носом. Заметив утомление и сон архиепископа, священники разошлись. <...>

Встречи с архиепископом Лукой

За отчетный период состоялись три встречи и один разговор по телефону по следующим вопросам.

Первая встреча произошла 2/II-57 г. в резиденции архиерея, где произошла следующая беседа:

Я поздравил архиепископа с выздоровлением, на что он заметил, благодаря Богу, он чувствует себя хорошо. Сердце помолодело на 5 лет, перебоев нет. Отек ног,

беспокоивший 30 лет, прекратился. Даже прекратился диабет.

Улучшение здоровья позволяет ему совершать службу в церкви, читать проповеди. Свое выздоровление он приписывает Промыслу Божию. Новогоднее послание Патриарха Лука расценивает как дальнейший шаг установления добрых отношений между государством и церковью. Уже то, что новогоднее послание было опубликовано в газете «Известия», говорит о многом.

Лука сказал, что вместе с Патриархом Алексием Православная Церковь возмущается злодеяниями израильтян, англичан и французов, которые пролили столько крови невинного египетского народа. Он говорит, что ненавидит Организацию Объединенных Наций за ее двурушническую политику в вопросах вывода войск из Египта. Он высказал удовольствие сообщению печати о требовании Конгресса отставки Даллеса[78] за политику Америки в Египте.

Разговор коснулся событий в Венгрии[79]. Лука считает, что много в Венгрии было пролито крови напрасно. На мое замечание о контрреволюционном заговоре и его последствиях в случае победы заговорщиков Лука промолчал.

Беседа затронула вопросы отношений Советского Союза с капиталистическими странами. Усилившуюся напряженность с капиталистическими странами Лука рассматривает как подготовку к III мировой войне. В вопросах внутреннего положения нашей страны остановился на итогах первого года шестой пятилетки — в области роста нашей промышленности и сельского хозяйства.

По вопросам промышленности недостаток угля Лука объясняет забастовкой рабочих Донбасса. Я объяснил, что никакой забастовки в Донбассе не было, а заминка с углем произошла вследствие увеличения потребностей на уголь. Теперь строится много новых шахт в Донбассе, угля будет достаточно для промышленности и народного потребления.

В беседе по сельскому хозяйству Лука спросил: «Верно ли, что в 1956 году на Украине была большая гибель скота от бескормицы, так как много земли было использовано под свеклу?» Эти слухи являются злостным вымыслом злонамеренных людей. Если бы была гибель скота от бескормицы, то как же Украина в нашей стране занимала бы первое место по выходу мяса на 100 гектар и надою молока? Беседа перешла на церковные вопросы.

Лука сообщил о намерении направить в Алупку вместо умершего священника Краплина из Старого Карантина в Керчи, но его не пускают прихожане, среди которых Краплин пользуется большим уважением.

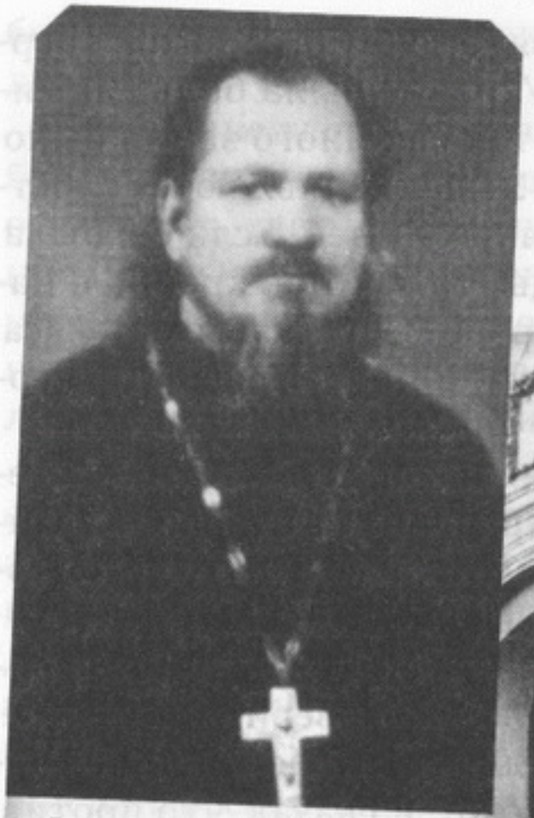
Лука просил меня разрешить ему ожидаемого священника из Хмельницкой области проверить на службе в кафедральном соборе, и если испытания он не выдержит, не будет принят на службу. Я сказал, что против испытания я не возражаю, что касается его регистрации в будущем, то об этом теперь говорить преждевременно.

7/II с/г был разговор по телефону с Лукой о посещении мною церкви в Соленом озере Джанкойского района, об утрате типового договора на церковь.

Лука поблагодарил за сообщение.

11/IV-57 г. в 11 часов позвонил по телефону архиепископ Лука и сказал, что ему очень нужно встретиться со мною по вопросу настоятеля Ялтинского собора Семенюка; у Вас встретиться неудобно, так как у Вас нет отдельной комнаты для разговора. Если можно, я просил бы Вас приехать ко мне, сказал Лука. Поблагодарив Луку за приглашение, я сказал, что я не возражаю против встречи у него.

В 11 ч. 30 м. я был у архиепископа. Лука сказал, что он хотел видеть меня и переговорить о священнике Семенюке, настоятеле Ялтинского собора. Он сказал, что для него непонятно, почему для Ялты не подходит такой хороший священник, как Семенюк? Вы в свое время говорили, что Семенюк хорошо провел встречу индонезийской

Протоиерей Иоасаф Краплин

Справа налево (сидят):
священник Михаил Семенюк, митрополит Иоанн,
преподаватель Ленинградской духовной академии
Во втором ряду: **пономарь Федор Лохмоткин** (первый справа)
и протодиакон собора Георгий Орлов
Во дворе собора св. Александра Невского. г. Ялта

парламентской делегации. Я получил письмо от верующих ялтинской делегации, в котором расхваливается Семенюк, и верующие просят Луку об оставлении Семенюка в Ялте. Что я могу сказать этим верующим в ответ? Я скажу всю правду, что освобождение Семенюка произошло не по моему предложению, а, видно, под нажимом неизвестных мне организаций. В ответ на это я сказал Луке, что недавно от Вашего имени мне передал Ваш секретарь Карвовский, что Вы решили освободить Семенюка из Ялты, так как к Вам поступило много заявлений, требующих верующими Ялты удаления из Ялты священника Семенюка, который, по заявлениям верующих, ведет службу по католическим правилам, крещение производит не в купели, а обливанием водой, проповеди читает непонятно. Поскольку Семенюк приехал с Запада, а раньше находился в Австрии, то он является униатом. Мы не хотим, заявляют верующие, чтобы в православном соборе Ялты был священник униат, к тому же он большой пьяница. Все это приводит к тому, что у нас многие верующие перестали посещать церковь и собрания верующих проводят по домам.

На вопрос архиерея, как ему ответить верующим Ялты, приславшим письмо, о причине отстранения от службы Семенюка, я сказал: «У Вас и Патриарха, говорили Вы, было много писем на Семенюка, рисующих с самой плохой стороны, и лишь одно письмо получено Вами, восхваляющее Семенюка, — так почему же Вы собираетесь ответить на единственное письмо, восхваляющее Семенюка, и не хотите ответить на ряд жалоб, требующих удаления Семенюка? Если бы Вы ответили верующим Ялты, что Вы освободили Семенюка под чьим-то давлением, Вы поступили бы нечестно, необъективно. Ответить честно Вам можно лишь так, что к Вам поступило много писем, требующих верующими Ялты снятия Семенюка как нарушающего каноны и догматы православной церкви. С другой стороны, у Вас имеется письмо с хорошими отзывами о Семенюке, в котором просят оставить его на месте.

Сопоставляя жалобы с требованием верующих о снятии Семенюка с одним письмом, в котором просят оставить Семенюка в Ялте, Вы решаете освободить Семенюка из Ялты, — чем не было бы честным такое Ваше решение. Народ, узнав о таком Вашем решении, сказал бы о мудрости такого решения. И наоборот, если бы решили сказать верующим, что Вы решили снять Семенюка под чьим-то давлением, это было бы нечестно, необъективно, так как Вы при этом не посчитались бы с массой верующих Ялты, а посчитались бы с заявлением одного человека, настаивавшего на оставлении Семенюка в Ялте.

Лука на это ответил, что заявление верующих против Семенюка он расценивает как заявление безбожников.

Для меня, говорит Лука, необъяснимо заявление, что Семенюк униат, потому что он с запада. Вообще, мне непонятно, почему не любят здесь приехавших с запада? Мы в хороших отношениях находимся с Польшей, с Украиной, а вот священников, приехавших с запада, не любят. Вы тоже их не любите, сказал Лука.

Вы не правы, сказал я. По-вашему выходит, что одних священников, русских и украинских, уполномоченный любит, а западников не любит. Для меня все священники одинаковы, как русские и украинские, а также западники, лишь бы они соблюдали законы Советской власти и лояльно, как патриоты, относились к нам. Вы, вероятно, Валентин Феликсович, нерасположение уполномоченного к западникам заключили из того, что я Вам говорил, что со стороны священников русских и украинцев имелось и поступало много жалоб на то, что их архиепископ снимает с доходных городских приходов и посылает в бедные отдаленные приходы, а доходные места Вы передаете священникам, приехавшим с запада, родственникам и знакомым Вашего секретаря Карвовского.

Вам жаловаться на притеснения русские и украинцы не смеют, так как знают о Ваших симпатиях к западникам, говорят: «Владыка имеет фамилию Войно-Ясенецкий

Валентин Феликсович. В фамилии и отчестве слышится происхождение от какого-либо знатного польского рода». Отсюда разговор: лучше к владыке не ходить жаловаться, так как в гневе своем Вы наложите наказание вплоть до снятия сана, а то и изгоните со службы. Как же Вы после этого можете говорить о нелюбви уполномоченного к западникам? Возможно, Вы сказали это под влиянием Вашего секретаря?

Я хочу Вам напомнить, в связи с Вашим представлением о любви и нелюбви уполномоченного к группе священников, о джанкойском «бунте», в котором уполномоченный помог священнику Марковскому, и теперь там водворился порядок, что Вы сами подтверждаете, а ведь Марковский западник.

В Евпатории в Ильинской церкви систематически били стекла. Настоятель этой церкви Михаил Севбо обратился ко мне за помощью. Теперь стекла не бьют, после моего вмешательства, и ребятишки не устраивают концертов перед окнами квартиры священника, а ведь священник Севбо также является западником. Не Вы ли мне сами сказали, Валентин Феликсович, что западные священники лучше, чем русские и украинцы, так как они более образованные и являются лучшими проповедниками. Безграмотность русских и украинцев Вы образно раскрыли, сказав, что они пишут «чево» вместо «чего». Что же Вы удивляетесь, что западников некоторые русские и украинские священники не совсем долюбливают, когда Вы их назначили в богатые приходы, а другие с трудом перебиваются в захудалых приходах при Ваших дотациях 100–150 руб. в месяц. Это я Вам сказал в ответ, Валентин Феликсович, поскольку Вы затронули этот вопрос. Священники захудалых приходов особенно возмущаются Карвовским. Про него говорят: «Этот западник, облеченный властью секретаря епархии, перетянул с запада всех своих родственников и знакомых, и мы теперь боимся, что и наши захудалые приходы, может быть, потребуются для бедных родственников Карвовского. Крымские церкви превращаются

в вотчину Карвовского». Для меня, как уполномоченного Советской власти, безразлично, кто и в какой церкви будет настоятелем. Расстановка священников — Ваше внутреннее дело, Вы здесь полный хозяин. Что касается Семенюка из Ялты, то мне кажется, что те заявления, которые приходили к Вам через меня на него, и заявления специальных делегаций, требующих освобождения Семенюка, я считаю, что Вы поступили правильно, передав через Карвовского мне об отзыве Семенюка из Ялты. По Семенюку нельзя судить об уполномоченном, что он против западников. Вы знаете, что Ялта у нас является воротами на Запад. В Ялту приезжают интуристы из ряда стран. Многие из них посещают церкви, особенно Ялтинский собор. Священник Семенюк, по Вашему сообщению мне, Валентин Феликсович, находится в переписке с жителями Парижа и Америки. Вы говорите, что эта переписка носит невинный характер. Но, как и я, стали бы утверждать о невинном характере того, чего мы не знаем?

Вы знаете, что теперь более, чем когда-либо, весь советский народ и в отдельности каждый гражданин должны быть особенно бдительны, так как против Советской страны ведется большая вражеская работа.

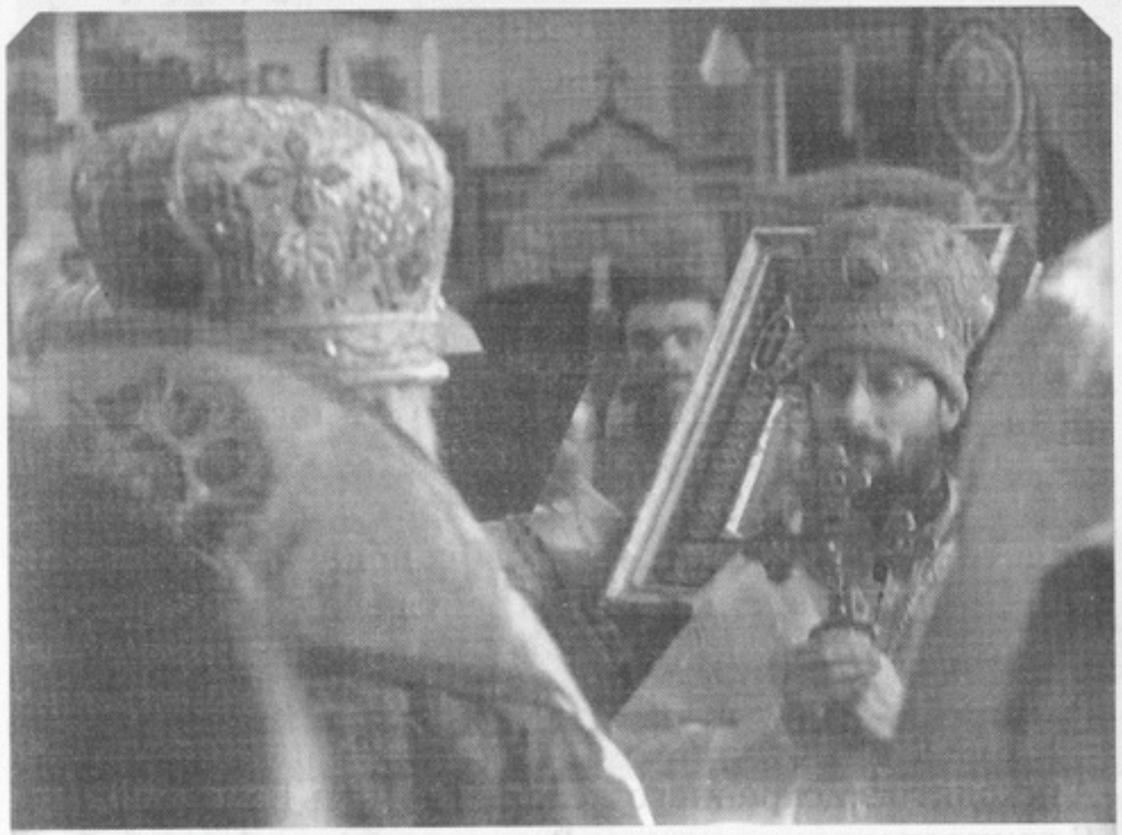
Враждебные элементы всячески нащупывают наши слабые стороны и, найдя их, наносят нам вред. Вы помните, примерно так и было в Венгрии. Патриотами в нашей стране являются все советские люди. Я думаю, что патриотами являются и православные священники. Я думаю и уверен, что и Вы являетесь патриотом нашей Родины и заинтересованы, чтобы в ялтинские ворота с Запада не просочились сведения на руку нашим врагам.

О высоком нравственном долге перед Родиной говорит новогоднее послание Патриарха Алексия о вражеских маневрах империалистов в Венгрии.

Чувство патриотической любви ярко проявляется в другом послании Патриарха к русским людям, которые путем провокаций, обманов оказались за границей.

Встреча архиепископа Луки
В центре — **митрополит Пражский и всея Чехословакии Иоанн, протоиерей Михаил Семенюк**
Собор г. Ялта

Святитель Лука и митрополит Иоанн

К этим людям по-отечески обращается Патриарх, призывая их возвратиться на свою Родину. Лука молча выслушал меня, а потом спросил: «Вы зарегистрируете на место Семенюка в Ялту священника Калишевича из Феодосии?» Отвечая на вопрос, я сказал, что в Крыму, как пограничной зоне, имеются города, в которых требуется предварительное согласие на прописку. Калишевич до регистрации у уполномоченного должен будет в Ялте прописаться. Когда он пропишется, я его зарегистрирую.

Лука сказал, что Калишевича в Ялте не пропишут, так как он тоже западник. Затем Лука почему-то перешел к характеристике священника Осипова, настоятеля Бахчисарайской церкви. Дав отрицательную характеристику Осипову, он сказал, что Осипова нельзя будет назначить в Ялту. Мне кажется, добавил Лука, у меня не найдется никого для назначения в Ялту.

Я задал вопрос: «Разве Вам не разрешается обращаться в присылке священников к Патриарху или митрополиту Киевскому Иоанну? Если разрешается, то почему не обратиться о присылке священника, достойного для службы в Ялтинском соборе?» На это архиепископ ничего не ответил, а задал мне вопрос: «Куда же я назначу священника Семенюка?» Я ответил, что у Вас имеется недостаток священников, например, в Войково нет священника. В Войково такой бедный приход, нельзя послать такого хорошего священника, как Семенюк, сказал Лука. А почему не послать Семенюка в Керчь, в Введенскую церковь? Ведь Вам известно, что против священника Куцепалова имеется большое недовольство. 120 чел. верующих подписались под петицией, направленной Вам, требуя его освобождения. Керченский приход еще более богатый, чем Ялтинский, и материальная сторона Семенюка не будет ущемлена. Все мои советы не являются желанием подменить Вас. А исходят из искреннего желания помочь Вам морально. Я заинтересован вместе с Вами, чтобы в общинах был порядок, были бы изжиты склоки. Ваше дело поступать,

В квартире святителя Луки
Митрополит Иоанн (в центре), священники Виталий Карвовский и Михаил Семенюк

как Вы хотите, я не вмешиваюсь во внутренние дела церкви. Это Ваша прерогатива.

В конце беседы Лука сообщил мне, что в Крым на лечение приехал глава Чехословацкой церкви митрополит Иоанн[80], для которого Лука нанял квартиру в Алупке. Лука сказал, что его просит оказать помощь митрополиту митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Лука просил меня оказать помощь приезжему митрополиту. Эту просьбу я обещал выполнить.

3 мая состоялась вновь встреча с Лукой по его просьбе у уполномоченного. Лука разговор начал издалека, с церкви в Войково, затем перешел к склоке в Керчи, Ново-Александровке и, наконец, перешел к Ялте. Лука сообщил, что Семенюка из Ялты он переводит настоятелем Введенской церкви в Керчь, но кого послать в Ялту, он не знает, так как Калишевича, по Вашим словам, в Ялте могут не прописать. На это я сказал Луке, что будет ли Калишевич прописан в Ялте, я не знаю и не могу знать, это дело специальных органов милиции. Прошлый раз я сказал Вам, что тот или иной священник, посланный Вами в Ялту, регистрацию у уполномоченного пройдет после прописки в Ялте. Что касается, кого послать в Ялту, этот вопрос решать Вам как архиепископу, хозяину Православной Церкви в Крыму. Тогда Лука сказал, что есть человек, который во всех отношениях может удовлетворить Ялту, это Романовский, настоятель Севастопольского собора, но он может не согласиться ввиду того, что квартира в Ялте не подойдет для Романовского. Рассчитывать на Москву с присылкой священника я не могу, я не пользуюсь там поддержкой. Даже Карпов относится ко мне так, что если бы он мог, то меня давно бы, несмотря на слепоту, перевели в самую ничтожную епархию. Карпов не любит меня за проповеди, он считает, что мои проповеди нельзя размножать через журнал Патриархии, о чем мне сам сказал, когда я обратился к нему по совету митрополита Николая Крутицкого и Коломенского. С тех пор, сказал Лука, я отказался писать что-либо в журнал

Патриархии. Долго мы говорили с Вами, но ни до чего не договорились (он имел в виду Ялту), и прошу Вас, сказал Лука, если поедете в Киев, посодействуйте мне перед митрополитом Иоанном получить священника в Ялту. Несмотря на слова архиепископа Луки об улучшении его здоровья, в действительности его здоровье все время и резко ухудшается. Все дела за него вершит секретарь Карвовский. Карвовский говорит, что Лука впадает в старческий маразм. В последнее время его преследует мания перестановки священников. Некоторые с 3 по 11/VI получили до 5 разных назначений, как священник Куцепалов в Керчи, а фактически находится на старом месте.

Недовольство архиепископом со стороны священников (за исключением западников) растет, а также верующих, которых он не допускает к встрече с собой, а если кто прорвется к нему, тех изгоняет.

Беседы с секретарем архиерея Карвовским и архиепископом Лукой, в которых я сообщал им о жалобах русских и украинских священников на засилье священников с запада, отразились в том, что за последнее время духовенство с Запада не вызывается.

За первое полугодие 1957 года, по определению Луки, имеют место церковные «бунты» в Керчи, Джанкое, Евпатории, Ялте, Симферополе и Ново-Александровке. Луке трудно понять, что виновником этих «бунтов» является деспотический характер самого архиерея.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Крымоблисполкоме
А. Яранцев

ГААРК. Оп. 4. Д. 11. Л. 35–46.

№ 86

Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленная председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову и и. о. уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Украинской ССР Г. С. Катунину

11 января 1958 г.

По приглашению архиепископа Луки навестил епархию.

После знакомства с Лукой секретарь епархии Карвовский вышел, и мы остались наедине.

Я спросил Луку о его здоровье, самочувствии. Лука сообщил следующее: «Чувствую себя, принимая во внимание мой возраст, хорошо, на здоровье не жалуюсь, видимо, это передалось по наследству. Мой дедушка прожил больше 100 лет, бабушка 90, отец 89, мать 79 лет. Правда, я так долго не проживу. Я много перенес житейских невзгод. 11 лет скитался по тюрьмам, и это не могло не отразиться на моем здоровье, причем меня к тому же беспокоит моя слепота», и как бы между прочим Лука рассказал один эпизод из своей жизни в тюрьме. Содержание этого эпизода следующее: когда я был в тюрьме, сказал Лука, то однажды ночью крупный чекист вызвал меня на допрос и прямо поставил вопрос — «друг я ему или враг?» Мой ответ ему был такой: «Я не консерватор, я далек от этого, но скажу Вам, что если бы я не был христианином, то я был бы коммунистом». И далее Лука, подумав, продолжая разговор на эту тему, сказал: «Вам ведь хорошо известно, что Советское правительство ведет антирелигиозную пропаганду, следовательно, я не могу быть целиком на Вашей стороне, а поскольку Вы являетесь гонителями христианства, я, совершенно понятно,

Митрополит Иоанн с ялтинскими священниками

Архиепископ Лука и митрополит Иоанн после богослужения
Свято-Троицкий собор. г. Симферополь

никак не могу быть вашим другом, хотя и можем сосуществовать». И на этом, как сообщил Лука, его разговор с чекистом был окончен, и к этому вопросу, по словам Луки, чекист никогда больше не возвращался.

На мой вопрос — можно ли сделать операцию и восстановить Вам зрение — Лука ответил, что сейчас уже поздно, и винит в этом своего большого друга Филатова, который, как он выразился, проглядел наступление слепоты, упустил время, несмотря на то что он приезжал ко мне на дачу в Алушту, посылал к нему в Алушту и своего ассистента (фамилию не указал).

Дальше архиепископ Лука спросил меня, известно ли мне, что в с. Войково Первомайского района директор МТС самовольно занял, в бытность уполномоченного Яранцева, церковную квартиру? Я ответил, что это мне неизвестно, так как это было не при мне. Тогда Лука сообщил следующее: директор МТС застращал бывшего там священника Коптева, и он бросил самовольно приход и, как трусишка, без ведома епархии, бежал из с. Войково. А когда этот священник бежал из прихода, директор МТС сократил церковную ограду, и домик, стоящий внутри ограды церкви, оказался вне ее территории. Директор МТС вселил туда своих жильцов и заявил: «Теперь нет такой силы, которая могла бы его заставить покинуть этот когда-то принадлежащий церкви дом». Лука заявил, что директор МТС открыто попирает советские законы, а председатель Облисполкома Филиппов содействует ему в этом, а не пресекает его беззаконные действия. Я написал письмо, сообщил Лука, Карпову, ответа еще не получил, но думаю, что «правда и советская законность восторжествуют».

Нельзя смириться с тем, что при наличии договора на использование церковью этого дома, сказал Лука, договор не выполняется органами Советской власти, и иеромонах Недбащук Трофим, настоятель этой церкви, вынужден нанимать квартиру за 4 км от места службы. Причем и на эту квартиру, занимаемую Недбащуком, истекает срок договора, после чего, видимо, под давлением

того же директора МТС, владелец дома откажется продлить договор с иеромонахом Недбащуком.

Лука дальше сообщил, что он не консерватор, он далек от этого, но вопрос этот нужно решать в пределах советских законов, и как бы в подтверждение своих слов заявил, что он целиком и полностью разделяет точку зрения Советского правительства по международным вопросам. Одабривает послания Булганина правительствам зарубежных стран. Целиком и полностью разделяет новогодний призыв Патриарха Алексия и Синода, размножил призыв на машинке, разослал во все приходы и дал указание зачитать его в церквах и молитвенных домах.

На вопрос Луки о незаконном занятии церковного дома в с. Войково я ответил так: «Поскольку Вы написали жалобу председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Карпову, то будем ждать от него ответ».

Хорошо было бы, заявил Лука, если наше правительство дало бы право и свободу переписки с заграницей не только Патриарху Алексию, но и нам, епархиальным епископам. Лука рассказал мне, что он однажды написал письмо в англиканскую церковь (кому — умолчал), но оказалось, что письмо попало в руки Карпову. Из этого я сделал вывод, заявил Лука, «каждый сверчок знай свой шесток», и я никуда больше за границу не писал и не пишу. Я совершенно не в курсе о жизни католической, англиканской, протестантской и других церквей мира, заявил Лука.

На мое предложение, что Лука, помимо писем за границу, мог бы писать статьи в «Журнал Московской Патриархии» и высказывать свою точку зрения через этот журнал, Лука ответил так: «Мои две статьи в свое время журнал поместил, а третью, Пасхальную проповедь, и четвертую статью — «Новое слово в богословии» — не напечатал, а напечатал статью митрополита Николая Крутицкого и Коломенского, и когда я обратился к секретарю редакции, он замялся, послал меня к Николаю Крутицкому, а тот — к Карпову, тогда я понял, что мои статьи вредны, и решил больше не писать в журнал ничего».

«Я не хочу, чтобы мой труд выбрасывали в архивные сундуки. А мой труд ценю не только я, но и Московская Духовная Академия», и в подтверждение своего высказывания сообщил, что он закончил XII том проповедей около 5,5–6 тыс. листов, напечатанных на машинке «В Московской Духовной Академии была создана авторитетная комиссия под председательством профессора гомилетики по изучению моих проповедей».

Комиссия дала моим проповедям, сказал Лука, необыкновенно высокую оценку и записала в своем заключении, что проповеди архиепископа Луки представляют исключительное явление в современной церковно-богословской литературе. Они представляют сокровищницу в Священном Писании. Труд мой был оценен достойно, сказал Лука, «я избран почетным членом Московской Духовной Академии, а это значит, что мне оказана почесть выше, чем доктору богословия», и дальше Лука сообщил, что из 13 почетных членов Академии 2 умерло, осталось 11. Причем из 11 почетных членов Академии архиепископ только он один.

На мой вопрос, будут ли его проповеди опубликованы, Лука ответил, что моими проповедями будут пользоваться только в библиотеке Московской Духовной Академии, они света не увидят до тех пор, пока не изменится отношение к церкви, а симптомы улучшения отношения правительства к церкви, сказал Лука, есть, основанием служит новогодний прием священнослужителей в Кремле и обмен церковными делегациями с зарубежными странами. Мной снова был задан вопрос Луке — почему же его проповеди не будут опубликованы, если они получили высокую оценку, какие к этому у него есть основания? Лука сказал так: «Они очень убедительны и неотразимы, против их устоять антирелигиозная пропаганда не может, а это невыгодно государству. Как лекции, так и современные статьи по антирелигиозной пропаганде слабенькие, неглубоки по своему содержанию и малоубедительны. Ну возьмем, к примеру, сказал Лука, антирелигиозные статьи выдаваемого себя за церковника Дулумана Евграфа[81]. Это

ведь грубое издевательство над религией, а не ее разоблачение. Я, прослушав одну его статью, больше и читать не велел». Такое же примерно выступление с антирелигиозными статьями было и в Куйбышеве, сказал Лука, эффект от этих статей невелик.

На мой вопрос Луке, если бы он не потерял зрение, вероятно, все же прочитал бы статьи Дулумана, Лука ответил отрицательно. Лука сказал, что он сейчас просит читать ему только газеты «Известия» и «Крымскую правду», мне, как я не стал писать статьи в «Журнал Московской Патриархии», не читают даже «Правду». Из журналов он просит читать ему только медицинские журналы, как наиболее близкие ему.

И Лука не удержался, рассказал мне, какие восхищенные отзывы он получил на свой труд «Очерки гнойной хирургии» (книга эта выдержала 3-е издание). Особенно высоко его труд оценен в Китае. «Мой труд в медицину, по отзывам зарубежной печати, является классическим трудом, а книга моя является у многих врачей настольной книгой, и я не могу этим не гордиться», — сказал в заключение Лука.

Архиепископ Лука сообщил мне, что в кафедральный собор он приглашает из Тамбовской епархии протоиерея Нестерова, и просил меня зарегистрировать его. Я Луке ответил, что это внутреннее дело епархии, и если он, Лука, хорошо знает Нестерова, то с моей стороны возражений не будет. Лука поблагодарил меня.

Лука сообщил мне, что священнику и преподавателю духовной семинарии Мисину из Саратовской епархии в назначении его священником в Крымскую епархию отказано. На мой вопрос, как Лука смотрит на отход православных христиан от церкви в Мазанке и переход их к сектантам, Лука ответил так: «Глупых умными не сделаешь». Отход от церкви к сектантам Лука расценивает как религиозное невежество. И дальше сообщил: «Однако я написал ряд проповедей по разоблачению сектантов, и у нас в Крымской епархии отход от церкви христиан, за исключением Мазанки, меньше, чем в других областях

Украины». Лука заявил, что он в Алуште провел через церковь большую работу (он читал летом там проповеди), и в лоно Русской Православной Церкви вернулось много бывших сектантов. Лука сообщил также, что священник в Мазанке Страшкевич Леонтий — малограмотный священник, говорит скороговоркой, и я даже боюсь, заявил Лука, что он читает мои проповеди. Он живет, как выразился Лука, в XIX веке и совершенно не понимает новой жизни.

В заключение Лука заявил, что сектантское движение усилилось после отделения церкви от государства. Это отделение породило смуту, бороться с сектантством мы почти бессильны. Сектантство как течение носит политический характер, со всеми [вытекающими] отсюда последствиями. Ведь не случайно появились (правда, у нас как будто бы их нет) бродяги-священники, которые проводят в частных домах службы и т. п. Мне сообщили, сказал Лука, что среди бродячих священников есть даже одна «баба священник» (где, он не сказал).

Насколько мне известно, обратился ко мне Лука, вы ездили в Москву, хотелось бы услышать, что Вы привезли нового из Москвы? Я Луке ответил, что нового ничего нет. Новое для меня было то, что я познакомился с работниками аппарата Совета по делам Русской Православной Церкви и другими работниками с периферии. Небезынтересно было видеть и новое строительство в Москве. Больше Лука к этому вопросу не возвращался.

На этом беседа была закончена. Прощаясь, Лука сказал, что он после Крещения сделает мне ответный визит. Я поблагодарил Луку за искреннюю, душевную и непринужденную беседу и, любезно распрощавшись с ним, вышел из стен Епархиального Управления.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Крымоблисполкоме
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 4. Д. 12. Л. 19–25.

№ 87
Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленная председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову и и. о. уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Украинской ССР Г. С. Катунину

23 января 1958 г.

В сопровождении секретаря Епархиального Управления Карвовского приезжал архиепископ Лука и поставил передо мной следующие вопросы.

Община верующих Михайловской церкви г. Алупки просит отведенный ей молитвенный дом, как разрушающийся с трех сторон оползнями и не соответствующий канонически своему назначению, заменить бывшим храмом, который занимается в настоящее время курортторгом под склад. Лука заявил, что курортторг отказался от капитального ремонта церкви под склад, а поэтому Епархиальное Управление с помощью Патриарха Алексия, который выделяет 45 тыс. рублей, отремонтирует и приведет эту церковь в порядок.

Алупкинский приход, заявил Лука, богатый приход, и он с ремонтом церкви справится. И дальше Лука сказал: «В Алупке отдыхают люди со всего Советского Союза, да и не только из СССР, но и из-за рубежа».

Мой ответ был такой: «Этот вопрос в кабинете решить невозможно, нужно ознакомиться на месте». Однако, как бы между прочим, заметил Луке, что общественные здания нужно беречь и своевременно ремонтировать, а не допускать их до разрушения. Оползни нужно бы было своевременно предотвратить, а не нацеливать священников и верующих после разрушения одного общественного здания на занятие другого, а потом, может быть,

Храм Архангела Михаила
г. Алупка

и третьего. После моего замечания Лука неудачно сформулированную им просьбу, исправляя ее, заявил: «Настоящий молитвенный дом в Алупке мал и не вмещает верующих. Приход большой — от Алупки до Балаклавы, это почти половина Южного берега Крыма».

На это я ответил, что Балаклава и близлежащие к ней селения обслуживаются севастопольскими церквами.

Вторым вопросом, поставленным Лукой, был вопрос о переводе из Ялты в Керчь священника Иванова, а из Керчи в Ялту — священника Семенюка. На это я ответил, что это дело епархии, но тем не менее заметил, что этот вопрос мы с Вами, Валентин Феликсович, в ноябре 1957 года всесторонне обсуждали, и Вы тогда заверили меня, что священника Иванова окончательно оставляете в Ялте, а Семенюка — в Керчи, и к этому вопросу Вы возвращаться больше не будете. Почему такое непостоянство у Епархиального Управления? Так решать вопросы тяжело, сказал я.

На это мне Лука ответил так: «Да, вы правы, этот вопрос действительно мы с Вами в свое время решили так, как Вы сейчас сказали, но в Ялте сложились обстоятельства так, что туда вместо Иванова нужен священник потому, что Иванов тяжело болен туберкулезом легких и вот уже как три недели лежит в постели, а второй священник Малевич тяжело больной бронхиальной астмой». И, как

это ни странно, Лука заявил, что священник Иванов может заразить квартиру, принадлежащую приходу, и его, Луку, это особенно беспокоит. Меня это крайне поразило, и я задал Луке встречный вопрос не только как архиепископу, но и как профессору, что опаснее, заразить квартиру или верующих? И вместо ответа на мой вопрос Лука сообщает мне о том, что он консультировался с керченским врачом (фамилии он не назвал), и тот сообщил ему, что жить Иванову в Керчи не противопоказано. В Керчи, сказал Лука, Иванову будет лучше, у него там свой дом, семья, и его в Керчи уважают прихожане. Я тогда заметил, что в Ялту специально приезжают на лечение больные туберкулезом и излечиваются, а Вы думаете Иванова перевести в Керчь, здесь нет логики. Лука не ответил. Тогда я снова задал вопрос — может ли, например, библиотекарь, имеющий открытую форму туберкулеза, работать в библиотеке? Лука ответил: «Нет!» Тогда я спросил, а почему может работать священником Иванов, если Вы боитесь заражения им даже квартиры? На это мне Лука ответил так: «Иванов человек культурный и будет себя с верующими вести осторожно». И Лука снова возвратился к вопросу о назначении в Ялту Семенюка. Я еще раз подтвердил, что перемещение священников — дело епархии, однако неплохо было бы иногда и ставить уполномоченного в известность о намечаемых передвижениях священников, так как к уполномоченному обращаются верующие со своими предложениями и просьбами. В заключение сообщил Луке, что на священника Семенюка, в бытность службы его в Ялте, много имеется заявлений от верующих, дискредитирующих его как священника и гражданина. Если Епархиальное Управление и после этого настаивает на переводе Семенюка, то это дело Ваше. Возражений с моей стороны не будет, если в Ялте Семенюка пропишут. После такого ответа Лука сказал: «Семенюка в Ялте не пропишут». Я в свою очередь ответил: «Не знаю». Тогда Лука еще раз попытался охарактеризовать Семенюка как самого культурного и подготовленного священника, способного принимать,

когда летом в Ялту будут приезжать, иностранные де-
легации. Лука привел примеры, в бытность Семенюка
в Ялте, как он умело и культурно принял индонезийскую
делегацию. Бывший уполномоченный Яранцев, сказал
Лука, от этого приема был в восторге. Также прекрас-
ный отзыв, сказал Лука, Семенюк получил и за прием им
в Ялте французской делегации. Тогда я поставил вопрос:
«Почему Вы перевели его из Ялты в Керчь, раз он такой
прекрасный священник?» На это мне Лука ответил так:
«Семенюка обвинили в переписке со старым знакомым,
выехавшим из СССР в Канаду. Мне письмо на имя Семенюка из Канады читала мой секретарь Лейкфельд Евгения Павловна, и я в этом письме ничего плохого не нахожу. Этот гражданин из Канады сообщает, что два его сына работают инженерами, ну и что же, сказал Лука, разве это плохо? Я Семенюка, добавляет Лука, не виню за переписку, так как эту переписку начал первый не Семенюк, а его знакомый из Канады, случайно узнавший его адрес». Я на это Луке ответил, что для меня относительно переписки Семенюка с Канадой известно стало только сегодня из беседы с ним, и сказать что-либо по этому вопросу я не могу. Лука, не добившись моего мнения по этому вопросу, спросил меня, буду ли я возражать, если он пригласит в Ялту священника Турбина Виталия, 67 лет от роду, из Днепропетровской епархии? Мой ответ был — у меня нет оснований возражать. Лука поблагодарил меня и продолжал, а буду ли я возражать, если он вместо священника Жиляева в Севастополь пригласит священника Пекарчука из Херсонской епархии, работающего сейчас в Голой Пристани? Я заявил Луке, что Пекарчука не знаю и что-либо по этому вопросу сказать не могу. Тогда Лука рассказал мне, что Пекарчук служил священником в Севастополе, имеет правительственную награду — медаль «За оборону Севастополя». Верующие к нему в Севастополе относились хорошо. Однако, сказал Лука, его сын в свое время был за хулиганские поступки выслан из Севастополя, и это, вероятно, послужит мотивом не прописать в Севастополе Пекарчука. На это я ответил так: «За дей-

ствия взрослого сына, живущего отдельно от отца, отец отвечать не может, да и не должен». Я попросил Луку, если он найдет нужным, ознакомить меня с личным делом Пекарчука, а я, в свою очередь, переговорю с уполномоченным Херсонского облисполкома, и тогда к этому вопросу можно возвратиться снова. Лука поблагодарил меня и сказал, что воспользуется моим советом и личное дело Пекарчука перешлет мне в ближайшие дни.

Я поинтересовался, почему Жиляев зачислен в заштат? Лука ответил, что он, Жиляев, двуличный человек и развел большую смуту в приходе. Перессорился с церковным старостой, запутал, будучи счетоводом, финансовые дела в приходе и после ревизии, видя, что он запутался, просил меня зачислить в заштат с переходом в другую епархию. После того как я издал указ об освобождении Жиляева, ко мне приезжали из Севастополя три довольно интеллигентные женщины, которые просят назначить в кладбищенскую церковь Пекарчука. Одновременно с этим хочу сказать Вам, заявил Лука, что, помимо этой делегации из Севастополя, приезжала еще одна женщина, которая заявила, что верующие, как только покинет приход Жиляев, закроют церковь на замок и никого, кроме Жиляева, не пустят. «Я эту богоотступницу, — заявил Лука, — не принял и приказал немедленно выгнать вон». Я, извинившись перед Лукой, поинтересовался, а почему Лука в первом случае делегацию женщин принял, а во втором — не принял и не выслушал ее доводов? Лука ответил так: «Здесь я увидел подлинное лицо Жиляева — это дело его рук. Верующий не может не уважать архиепископа, а следовательно и его указ, и никто из прихожан не имеет права, без ведома Епархиального Управления, вешать на храм Божий замок и выбирать священника такого, какого они хотят. Священники не избираются большинством голосов, а назначаются. В моей епархии священники назначаются только мной и больше никем. Я поблагодарил Луку за обстоятельный ответ.

Тогда, в свою очередь, Лука задал мне вопрос: «Может ли он самостоятельно, не согласовывая с уполномоченным,

ранее зарегистрированных священников в Крымской области перемещать из одного прихода в другой?» Я ответил Луке так: «Назначение священников, их перемещение, лишение священного сана или наложение на них каких-то других взысканий — дело архиепископа, о чем я говорил уже сегодня в начале нашей беседы. Однако еще раз подтверждаю, что, на мой взгляд, не будет хуже для Вас, если Епархиальное Управление по некоторым приходам и назначением в них священников будет ставить уполномоченного в известность, памятуя о том, что к уполномоченному обращаются верующие со своими жалобами, предложениями, просьбами и заявлениями, которыми, может быть, иногда, в интересах Епархиального Управления, пренебрегать не следует. И дальше я заметил Луке, что если он меня не будет ставить в известность о перемещении священников, то я окажусь в весьма затруднительном положении, мне значительно будет труднее следить за прохождением службы священников в приходах и [при] контактировании с ними в работе через наши советские органы на местах. На это мне Лука ответил, что он указы о перемещении священников будет направлять уполномоченному, а на основании указа уполномоченный будет отбирать старую справку у священников и выдавать новую справку о регистрации духовенства. Я на это Луке ответил, что у нас сейчас так и делается, и никаких недомолвок по этому вопросу с епархией пока еще не было, надеюсь, и в дальнейшем не будет. И как бы между прочим заметил, что мне стало известно, хотя и не через епархию, о том, что священник Жиляев получил указ о зачислении его в заштат с правом перехода в другую епархию. Лука на это ответил так: «Я Вас официально не поставил в известность только потому, что в Севастополе не подобрана еще замена, и как только будет подобран туда священник, Вы сейчас же будете поставлены в известность».

Я задал Луке вопрос, беседовал ли он со священником Покровской церкви г. Симферополя Соколовым относительно его проповеди, сделанной им 6/XII-57 г., в праздник «Введения во храм Богородицы», о чем я ставил

в известность Луку 11 января 1958 года? Лука ответил так: «Я Соколова вызывал к себе. Проповедь им напечатана на машинке, я ее прослушал, и она мной одобрена. Крамольного там ничего нет. Мы всегда в своих проповедях обращаемся к верующим с призывом чаще водить детей в церковь и воспитывать их в религиозном духе. Это наш долг перед Богом и верующими». И, сделав большую паузу, Лука сказал: «Чтобы дать правильную оценку той или иной проповеди, надо иметь огромные богословские знания». Я на это Луке заметил, что это совершенно не обязательно. В любой проповеди грамотный и политически подготовленный человек разобраться и определить, что к чему, сможет, хотя он и не будет иметь богословских знаний. Лука на это мне ничего не ответил. Я же, в свою очередь, дискутировать с Лукой по этому вопросу счел ненужным и для дела вредным. Для меня стало совершенно ясным, что такого рода проповеди священники читают не от себя, а по заданию Луки, а поэтому в каждом конкретном случае, если это будет нужно, тактично беседовать со священниками, в какой-то степени сдерживать их и, по возможности, нацеливать на более лояльное отношение священников к родителям и школе. Одновременно, подобрав побольше неотразимых фактов, вернуться к этому вопросу, если Лука и после этого будет продолжать такую же деятельность в части активизации своей работы по вовлечению в церковь детей школьного и дошкольного возраста через свою паству.

В заключение беседы с Лукой по вопросу проповеди Соколова он, похваляясь своим церковным опытом работы, сообщил о том, что он вот уже около 35 лет работает архиепископом, и через две недели исполнится 37 лет с момента посвящения его в священники, и как бы попутно заметил, что не каждый профессор может столько лет проработать и прожить, сколько проработал и прожил я.

Не удержавшись, я бросил Луке реплику: «Видимо, у них более напряженная работа, чем у Вас, и их организм изнашивается быстрее». Лука промолчал.

На этом беседа с Лукой была окончена. Прощаясь, он сказал: «Со всеми уполномоченными я находил общий язык, надеюсь, и с Вами у нас будут самые лучшие отношения и взаимопонимание». Я поблагодарил Луку за визит и, в свою очередь, сказал, что все, зависящее от меня, в смысле взаимопонимания и плодотворной работы епархии, я постараюсь сделать, и просил в этом архиепископа Луку не сомневаться.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Крымоблисполкоме
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 4. Д. 12. Л. 26–31.

№ 88
Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленная секретарю Крымского обкома КП Украины В. Г. Комяхову

20 марта 1958 г.

19 марта 1958 года беседовал с архиепископом Лукой. Лука сообщил о том, что он переутомил свой мозг и чувствует себя плохо. Он сказал, что закончил 12-й том своих проповедей и много работал по вопросам медицины. Работа, как он выразился, была очень плодотворной, чему он очень рад. И тут же не преминул похвалиться, что он и вся его семья — два сына и дочь — являются учеными, которые немало сделали и делают для науки.

Например: старший сын — профессор, работает в Ленинградском патолого-анатомическом институте. Издал по своей специальности большой важности труд

(какой — не сказал) и получил самый прекрасный отзыв академика-физиолога Орбели, что «этот труд — праздник для советской медицины», чем я, как ученый, сказал Лука, не могу не гордиться.

Второй мой сын, сообщил Лука, работает в Институте глазных болезней им. Филатова в окулистической клинике и прекрасно защитил кандидатскую диссертацию, а за свой труд, который издал, получил 20 тысяч рублей. Сейчас готовится защитить докторскую диссертацию.

Дочь моя, сказал Лука, заслуженный врач и работает в Узбекистане. На мой вопрос, переписывается ли Лука с детьми и бывают ли они у него, Лука ответил положительно.

После этой, если можно выразиться так, вводной беседы Лука задал мне вопрос: «может ли он распустить неугодную ему "двадцатку" в кафедральном соборе и провести перевыборы?» Прежде чем ответить на этот вопрос, я задал вопрос Луке, а почему он хочет распустить «двадцатку» и избрать новую? На это Лука мне сообщил: «в "двадцатку" проникли стяжатели, смутьяны, любители поживиться за счет церкви и неверующие люди, а поэтому от них нужно избавиться, и чем скорее, тем лучше». Я Луке ответил, что есть положение об управлении Русской Православной Церкви, принятое поместным собором, чем и следует руководствоваться, а вообще это — Ваше внутреннее дело, сказал я, и решайте сами.

Не получив от меня нужного Луке ответа, он просил меня по этому вопросу позвонить председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров тов. Карпову, а если нет т. Карпова, то его заместителю, а он, Лука, запросит по этому же вопросу Патриарха Алексия. Я это обещал Луке сделать и сделал. 20/III я позвонил т. Карпову, но его не было, разговаривал с его заместителем тов. Чередняк. Тов. Чередняк на мой вопрос ответил: «"двадцатка" — выборный орган, и административное вмешательство архиепископа, а тем более роспуск выборного органа единолично, недопустимы.

"Двадцатка" может быть распущена и избрана новая только при условии волеизъявления собрания верующих, которые эту "двадцатку" выбирали». О чем я 20/III-58г. через секретаря епархии Карвовского поставил Луку в известность.

На мой вопрос Луке, не может ли он мне ответить поконкретнее, в чем же все-таки выражается вина «двадцатки», особенно по обвинению ее Лукой в попытке поживиться за счет церкви?

На это Лука мне ответил так: «Бывший церковный староста Сизарь и назначенный Сизарем без моего ведома завхоз Федор Рябых, как показала ревизия, незаконно, бесхозяйственно и безотчетно израсходовали и присвоили себе церковные деньги в сумме 102 тыс. рублей.

Они, например, на каждую литургию, заявил Лука, списывали по бутылке красного вина, когда такого расхода, даже в Страстную Седмицу Великого Поста, когда больше всего причащается верующих, быть не может, списывали много масла, муки на изготовление просфор и многое, многое другое. Я им не верю, заявил Лука, они воры, они неверующие, они разлагают нашу общину».

На мой вопрос, как архиепископ Лука думает осуществить после роспуска «двадцатки» подбор людей в новую «двадцатку», Лука ответил: «чтобы осуществить новый подбор "двадцатки" правильно, я привлеку к подбору людей в нее священников собора, которые хорошо знают своих верующих. Вот тогда в "двадцатку" мы подберем действительно верующих людей, действительно любящих церковь, верующих, не хамов, которые церковь рассматривают только с точки зрения своего обогащения».

Помните ли вы, Андрей Степанович, кто раньше, в дореволюционной России, был старостой? И тут же, не ожидая моего ответа, продолжает — ведь тогда старостами были именитые купцы, которые не тащили из церкви, как это имеет место в некоторых приходах сейчас со стороны отдельных церковных старост, как Сизарь и им подобные, а сами жертвовали на церковь,

строили церкви, а сейчас староста без жалованья ему и работать не хочет. А вот когда честная женщина Дымченко хочет работать старостой бесплатно, «двадцатка» протестует, где же тут справедливость! — воскликнул Лука. Или я вам приведу второй разительный пример, сказал Лука. «В с. Грушевка Старо-Крымского района псаломщица малограмотная Семенюк не ограничивается предоставлением ей бесплатной церковной квартиры и окладом 600 рублей, а требует 900 руб. в м-ц, а чего доброго запросит, пользуясь отсутствием у нас в епархии кадров, 1500 руб. Где же тут призвание, где вера, где логика, когда врач, окончивший мединститут, идет и работает на ставке 600 рублей в месяц». Больше того, эта псаломщица, сообщил Лука, склочница и выживает священника Левицкого, который хотел навести порядки в церковном совете. Левицкий думает уехать от нас в Ростовскую епархию, откуда он к нам приехал.

На мой вопрос, а почему у нас в Крыму много работающих псаломщиками женщин? — Лука ответил: «Мужчины неохотно идут, а поэтому мы вынуждены ставить псаломщиками женщин».

Я как бы между прочим заметил, что, как мне сообщали верующие, дело не только в Сизаре, Сирице, Уппыре-Долбня, а, пожалуй, главным образом в ключаре-священнике Довбенко, которого верующие за его грубости и, как они выражаются, за хулиганский поступок (избиение сторожа Рябых Федора) терпеть не могут. А поэтому, чтобы разрядить склоку, создавшуюся в соборе, может быть, следует поговорить с Довбенко и предложить ему другой приход, посоветовал я. Лука категорически отказался от моего совета и заявил, что Довбенко прекрасный священник и его оклеветали, у него есть другой план, но он пока, сказал Лука, у меня окончательно не созрел, говорить о нем не будет.

На это я ответил Луке, что это дело его внутреннее и как он найдет нужным и правильным, так пусть и решает, а я считал своим долгом сообщить ему мнение

верующих, которые неоднократно приходили ко мне с жалобами на священника Довбенко.

Лука заявил мне, что оппозиционеры Сизарь, Уппырь, Сирица и др. писали жалобу Патриарху всея Руси Алексию, и он на их жалобе сделал такую резолюцию: «Жалоба нелепая, продиктованная злобой». Я копию этой резолюции послал всем бунтарям и думал, что на этом вопрос покончен, а постольку поскольку они на этом не успокоились, то я сейчас напишу указ о их действиях и отменю незаконное разбойничье собрание «двадцатки», проведенное ими в соборе 9 марта, и переизбрание, помимо моей воли, ревкомиссии не утвержу, а Сизарь, Сирицу, Уппыря, как главарей оппозиции, исключу из состава «двадцатки». Этот вопрос мной был поставлен перед Лукой потому, что мне стало известно, что Лука намерен снять настоятеля кафедрального собора Коломейца, который выступает сейчас против Луки и возглавляет оппозиционную группу, в которую входит Сизарь, Уппырь-Долбня, Наливайко, Зибало и другие, а вместо Коломейца пригласить в собор западника. Причем в этой церкви также освобождено место и регента с окладом 1200 руб. в месяц, куда Лука намеревается пригласить западника. И вполне понятно, что мы, в интересах нашего общего дела, заинтересованы не тушить эту развернувшуюся сейчас серьезную борьбу группировок в церкви, а всемерно способствовать ее росту и показывать верующим истинное лицо церкви, и в частности кафедрального собора как ведущей церкви, возглавляемой непосредственно архиепископом Лукой.

В дальнейшей беседе сообщил мне Лука о том, что он получил протокол Синода, из которого видно, что митрополита Саратовского Вениамина[82], несмотря на то что он неоднократно просил перевести его в другую епархию, Синод постановил перевести его в заштат и отправить в Псковско-Печерский монастырь на жительство, о чем Лука искренне сожалеет, и, как он выразился, Вениамин ведь все-таки последнее время был Экзархом

патриаршим в Америке. Я на это Луке ничего не ответил, хотя мне было известно еще в декабре 1957 года, что митрополита Вениамина отправят на покой в монастырь сейчас же после религиозного праздника Крещения.

Я обратился к Луке в порядке консультации, что представляет из себя старогреческое направление тихоновского течения[83], которое за последнее время появилось у нас в Крыму? На этот вопрос Лука мне ответил так: «Мне ничего об этих господах у нас в Крыму, особенно в последнее время, неизвестно. Это течение особенно распространено в Ростовской епархии, но они себя там называют истинно православными церковниками. Принципиальное расхождение у нас с ними по двум главным вопросам: 1) Они не терпят поминания предержащих властей во время литургии; 2) Не признают женатых архиереев и архиепископов женатых или бывших когда-то женатыми, называют их безблагодатными и на основании этого не посещают церковь.» На мой вторичный вопрос, а что же все-таки представляет из себя тихоновское направление, Лука на это мне ответил так: «при Тихоне не было поминовения в церквах предержащих властей, Тихон был за т. н. “чистую церковь”, то есть такую церковь, которая стоит в стороне от всех мирских дел и, в частности, от существующего Советского правительства». Однако, сказал Лука, если бы Тихон жил в наше время, трудно сказать, что бы он предпринял. Я Тихона знаю, сказал Лука, как умнейшего Патриарха, и у него никогда и нигде контрреволюционных выступлений не было, он достаточно, подтвердил Лука, был умен, чтобы не разбираться в той обстановке, с которой ему пришлось в первые дни Советской власти сталкиваться.

Лука рассказал мне историю церкви после Октябрьской революции, особенно остановился он на живой церкви, которая впоследствии была переименована в обновленческую, со своими архиереями и епископами. Народ эти бунтовщические действия отверг (надо

понимать, верующие, а не народ). Лука привел мне один пример, характеризующий отношение верующих к живоцерковникам-обновленцам. Возвращался один с вечерней службы в г. Симферополе живоцерковный епископ (фамилию мне не сказал), на него напали верующие и вырвали ему по клочкам бороду и усы. Это очень мучительная операция, заявил Лука, и этот обновленец после такого срама выехал из г. Симферополя.

Грозили убить и меня так называемые И. П.Ц. (признающие истинно-православную церковь, или, как они сейчас себя называют, сторонники старогреческого направления тихоновского течения) только за то, что я был женат, а поэтому, по их неправильному мнению, я не могу быть архиепископом. Они невежды, заявил Лука, и не знают истории. Они бросили однажды ко мне в квартиру через окно большой камень, но в меня не попали и я остался невредим. А вот в Ростове был случай, сообщил Лука, когда сторонники И. П.Ц. под квартиру епископа подложили бомбу замедленного действия, но благодаря тому, что это было своевременно обнаружено, епископ остался жив.

В заключение беседы Лука, прощаясь со мной, сказал: «У нас с Вами взаимоотношения налаживаются, и мы лучше начинаем понимать друг друга, но мне страшно не нравится, когда вы меня называете, обращаясь ко мне, "Валентин Феликсович". Я уже 35 лет как принял монашество, и мое имя Лука. Значит, я делаю из этого вывод, что вы меня как архиепископа не признаете», — закончил Лука. Я извинился и сказал, что у меня по документам значится имя-отчество Луки, а поэтому я считал и считаю себя правым Вас называть именно так, но если Вы, сказал я, настаиваете на своем, то я не возражаю называть вас архиепископом. Я подчеркнул, что вряд ли от этого изменится мое отношение и уважение к нему. Я еще раз подтвердил Луке, что я его признаю как руководителя епархии, а это так и есть, что он архиепископ Крымский и Симферопольский, я его уважаю и как человека, и как ученого, пользующегося мировой

известностью. Лука после этого успокоился и заявил: «Думаю, что у нас после этой беседы взаимоотношения еще более улучшатся, а это нужно нам в интересах дела, поскольку мы работаем с Вами, по существу дела, на одном фронте, хотя у нас позиции, сказал Лука, с Вами и разные».

На этом беседа была закончена.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 4. Д. 12. Л. 88–93.

№ 89
Из докладной записки уполномоченного председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову

19 сентября 1958 г.

Довожу до Вашего сведения, что, как мне стало известно, по поручению Патриарха Алексия в Крымскую епархию для ознакомления с деятельностью архиепископа Луки приезжал Кировоградский епископ Иннокентий[84].

Епископ Иннокентий, по имеющимся у меня данным, выезжал на дачу в Алушту, где уже 3 месяца отдыхает Лука, и дал положительную оценку его деятельности как управляющего епархией, тогда как в действительности Лука совершенно беспомощный, слепой старик и епархией управляет не он, а окружающие его близкие: племянница — она же экономка Вера Владимировна, западник протоиерей Симферопольского кафедрального собора Довбенко Владимир, секретарь епархии протоиерей

Святитель Лука по дороге домой на ул. Госпитальной
Слева — священник Виталий Карвовский, справа — Евгения Павловна Лейкфельд

Карвовский Виталий и личный секретарь Луки Евгения Павловна Лейкфельд, которая в дни оккупации Крыма в период Великой Отечественной войны была в гор. Севастополе переводчицей в гестапо[85]. Следовательно, мне все вопросы, касающиеся епархии и церковнослужителей, приходится решать не с Лукой, а с его окружающими, что, безусловно, является ненормальным положением и дальше оставаться так не может. Это мнение не только мое, но директивных и руководящих органов Крымской области.

Луке уже 2–3 года назад нужно было, как монаху, уйти на покой, но его жадность к деньгам довлеет над здравым смыслом, а кроме этого, ему этого делать, видимо, не разрешают его приближенные, которые ведут паразитический образ жизни и стремятся до конца жизни Луки пользоваться всеми благами, которые он им по мере его сил и возможностей создает.

Архиепископ Лука за последнее время ведет себя крайне обособленно, ни с кем и ни с чем считаться не желает, зная, что его, немощного, слепого, еле передвигающегося по комнате глубокого старика, никто и ни за что не накажет. Он на протяжении этого года усиленно, под влиянием окружающих его прихвостней, пытается перетягивать в Крымскую епархию наиболее реакционных священников, дьяконов и даже псаломщиков с Запада, которым не место в Крыму. (Чернобров Иван Афанасьевич — Черновицкая область, Остапчук Алексей Николаевич — Ровенская область, Хращеновский — из Волыни, Мирончук — из Винницы, Пилищук — из Ровенской области и многие другие.) <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 4. Д. 12. Л. 170–171.

№ 90
Справка уполномоченного
с описанием празднования именин
архиепископа Луки, направленная
председателю Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову

3 ноября 1958 г.

31 октября по приглашению архиепископа был, по согласованию с секретарем Крымского обкома КП Украины тов. Чирвой И. С., в Епархиальном Управлении на именинах Луки. На именины были приглашены 18 священников Крымской епархии.

Стол был накрыт исключительно богато, на столе было много водки, лучшие крымские вина, фрукты и виноград.

По предложению секретаря Епархиального Управления был провозглашен тост за здравие архиепископа Луки, второй тост был провозглашен священником Мищук из г. Судака за Советское правительство и третий тост был провозглашен настоятелем кафедрального собора г. Симферополь Коломейцем за всех священнослужителей Крымской епархии.

После провозглашения тостов духовенство все встало и пело «Многая лета».

Я был посажен вместе с Лукой. Лука, выпив бокал муската, попросил секретаря епархии Карвовского показать мне от руки написанное на бланке Патриархии Патриархом Алексием поздравление Луки с днем Ангела. Я это поздравление прочел и сказал Луке, что я радуюсь, что Патриарх ценит Луку. Архиепископ Лука, расхвалившись, сообщил, что Патриарх Алексий его исключительно ценит, и подтвердил это тем, что, когда Карвовский сопровождал митрополита Иоанна в Ростов, а из Ростова в Москву, Патриарх, несмотря на то что он очень больной и у него был постельный режим, принял секретаря Крымской епархии Карвовского и написал лично своей рукой поздравление Луке.

В дальнейшей беседе Лука сказал, что Московская Патриархия, и в частности управделами Московской Патриархии Колчицкий, ценит не только меня, но и секретаря епархии Карвовского, и просил Карвовского зачитать телеграмму Колчицкого. Всего поздравительных телеграмм было послано Луке, по его словам, более двухсот. Из них были зачитаны: из Ташкента, Новосибирска, Узбекистана, Ленинграда, Тюмени, Киева, Харькова, Красноярска, Одессы, от сыновей и дочери.

После зачтения трех телеграмм из Ташкента Лука попросил меня выслушать один печальный эпизод из его жизни в Ташкенте. И рассказал, как его там арестовали, посадили в вагон с решеткой. Он услышал три звонка, паровозный гудок, однако поезд не тронулся с места, и он, Лука, недоумевал, почему же поезд не трогается? Только через год, будучи в тюрьме, он узнал, что верующие

Встреча святителя Луки

легли на рельсы, этим самым подчеркнули любовь к Луке и осудили несправедливое решение о его аресте как священнослужителя.

В дальнейшей беседе Лука заявил, что если раньше он, откровенно говоря, побаивался ГПУ, то сейчас он никого не боится.

На мой вопрос, почему он раньше побаивался ГПУ, он ответил так: «Во-первых, оно безобразничало, а во-вторых, я был значительно моложе. Теперь же со мной никто и ничего сделать не может, я стар и слепой, чтобы меня наказывать. Я сейчас чувствую себя в полном смысле этого слова свободным и ни от кого не зависимым».

Видя такой оборот разговора Луки, к нему подошла его племянница и секретарь епархии Карвовский и предложили ему пойти отдохнуть, на что он дал согласие. Священники стали к нему подходить под благословение. Лука их всех благословил, и они стали расходиться. Я также попрощался с Лукой, пожелал ему

здоровья и долгих лет жизни и вышел в канцелярию епархии одеться. Распростившись с секретарем епархии Карвовским, со священниками кафедрального собора Коломейцем и Довбенко, я в их сопровождении вышел во двор епархии. Во дворе епархии была подготовлена машина, где уже сидел шофер Луки — Рахманов, а в руках у Довбенко торт, который предназначался мне как подарок детям. Я категорически отказался сесть в машину и взять торт и вместе с Коломейцем вышел со двора епархии.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 5. Д. 112. Л. 105–106.

№ 91
Справка уполномоченного о беседе с настоятелем кафедрального собора в Симферополе Коломейцем

18 ноября 1958 г.

Приходил настоятель кафедрального собора гор. Симферополя Коломеец и сообщил, что в епархии управляющий не Лука, а его личный секретарь Евгения Лейкфельд, глаза и уши Луки, ее боится и Карвовский, как секретарь епархии, и без ее совета он ничего самостоятельно не решает. Лейкфельд внушает Луке мысль о том, чтобы он не шел на закрытие малодоходных церквей, а всемерно помогал им деньгами через епархию. Возмущается закрытием церквей и священник Мороз, который эту точку зрения высказал в беседе с Моссейчуком, священником собора.

На мой вопрос, как он расценивает такого рода поведение Луки, Коломеец ответил: «Считаю безобразным,

совершенно недопустимым со стороны Луки как управляющего епархией».

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 5. Д. 112. Л. 116.

№ 92
Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленная председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову

1 декабря 1958 г.

29 ноября состоялась, в присутствии секретаря епархии Карвовского, встреча с архиепископом Лукой.

В начале беседы Лука сказал, что я, как уполномоченный, не являюсь помощником и защитником церкви, как это делали бывшие ранее уполномоченные Жданов и Яранцев, которые по-настоящему помогали во всех вопросах церкви, Епархиальному Управлению и мне как управляющему епархией. Лука заявил, что я не только не помогаю церкви, а наоборот, способствую ее закрытию.

На мой вопрос, где у нас в Крыму закрыты церкви с моей помощью, Лука ответил: в Алупке, Найденовке, Грушевке, Партизанском, Садовом. Я категорически опроверг это заявление Луки и сказал ему: во-первых, в этих населенных пунктах церкви не закрыты, а в них временно прекращена служба по вине настоятелей храмов, Епархиального Управления и лично архиепископа

Луки, не производившего ряд лет текущий ремонт, вследствие чего эти церкви находятся, как подтверждено актами технического осмотра, в аварийном состоянии. Следовательно, ни о каком закрытии церквей в нашей области и речи не идет. Кроме этого я заявил Луке, что никто из нас сейчас не может сказать, что у нас нет в Крыму еще церквей, находящихся в аварийном состоянии, а это не к лицу епархии, и ему, как управляющему, доводить до аварийного состояния церковные здания и не выполнять типового договора я бы не рекомендовал.

Лука в конечном результате признал свою вину и заявил, что он отремонтирует церкви и принимает сейчас к этому меры, договорился с Облкоммунхозом на составление проектно-сметной документации. Я сказал, что он, Лука, поступил правильно, решив ремонтировать аварийные церкви, а впредь их до такого состояния доводить не следует.

Лука в заключение нашей беседы сказал, что я напрасно на него обиделся, когда он мне дал такую суровую оценку как уполномоченному. Это он якобы высказал мне потому, что как лично он, так и верующие видят в моих действиях наступление на Русскую Православную Церковь, чего не замечается со стороны уполномоченного Совета по культам.

Лука буквально сказал так: «сектанты в Крыму живут вольготнее, чем мы». На это я ответил Луке, что я не берусь судить о действиях уполномоченного по культам и действиях сектантов, т. к. это не входит в мои функции.

На этом наша беседа была закончена.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 4. Д. 13. Л. 17–18.

№ 93
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1958 год

12 января 1959 г.

<...> Чтобы решить главный вопрос работы, как изучение деятельности церкви и их служителей, я принимал все меры к тому, чтобы установить нормальные деловые отношения с архиепископом Лукой и его секретарем Карвовским, священнослужителями, церковными исполнительными органами, партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими организациями. На мой взгляд, этот вопрос решен правильно, хотя на этом пути встречалось немало и трудностей, особенно с Лукой, о чем убедительно свидетельствует приложенная к отчету справка от 29 ноября 1958 года[86]. Однако необходимо сообщить, что Лука после нашей с ним последней беседы стал внешне относиться ко мне менее, если можно так выразиться, агрессивно и, по заявлению секретаря епархии Карвовского, сожалеет о такого рода разговоре со мной и приглашал меня, как только будет время, зайти к нему. Я Карвовскому ответил, чтобы он передал Луке, что я при первой же возможности постараюсь его навестить.

Однако считаю своим долгом еще раз заявить, что с архиепископом Лукой работать исключительно тяжело, и необходимо более настойчиво ставить вопрос о его замене как совершенно больного и беспомощного старца, которому нужно давно уйти на покой. Фактически работать мне приходится не с ним, а с его окружением, о чем я уже писал раньше.

Архиепископ Лука под влиянием окружающих его священников-западников отдал в последнее время указание по епархии производить крещение взрослых, что раньше делалось только в кладбищенской церкви города Симферополя.

Как установлено сейчас мной, крещение взрослых производится везде по-разному. Одни совершают через погружение, другие, как священник Клаас из Бахчисарая,

через поливание водой. Одни священники, как Маза-
ский, Судакский, требуют раздеваться догола, другие, как
Керченский Краплин и Осипов, оставляют крестящихся
в трусах или рейтузах. Некоторые из священников тре-
буют от взрослых крестящихся знание молитв, другие
читают сами и требуют только повторения за ними слов
молитвы кумом или кумой.

В 1959 г. необходимо больше поработать со священни-
ками, архиепископом Лукой и его окружением по воп-
сам прекращения крещения взрослых, добиваясь через
беседы, доклады, лекции, печать, радио, индивидуаль-
ную работу того, чтобы вообще свести крещение взро-
лых до минимума или совсем на нет. <...>

*Характеристика положения и деятельности духове-
ства*

Архиепископ Лука, обеспокоенный снижением по-
сещения церквей верующими и особенно молодежью
и детьми школьного возраста, подготовил проповедь
«Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы»
и разослал ее всем церквам для зачтения. В этой пропо-
веди Лука ропщет на то, что попущением Божьим много
церквей закрыто, особенно в селе, а поэтому он реко-
мендует организовывать домашние церкви, где и вос-
питывать детей в христианском духе. Лука сетует и на
то, что школа не учит Закону Божьему, и заключает: «Так
что же, неужели наши дети, христианские дети, обрече-
ны стать ничего не сведущими в Законе Божьем? О нет!
Нет! — восклицает Лука. — Да не будет этого великого
горя!.. Так учите, учите детей своих, и тогда Ваша семья
станет домашней церковью, и свет Христов из этой до-
машней церкви будет распространяться, невидимо для
Вас, за пределы Вашей семьи».

Политика Луки совершенно ясна и понятна, в этой
проповеди показал он и свое подлинное лицо как правя-
щего архиепископа. По существу этой проповеди я бесе-
довал со многими священниками, и большинство из них
согласились, что она неприемлема в наше время. Бесе-
довал по этому вопросу я и с Лукой. Он заявил, что ни чего

в ней крамольного нет, однако признал, что она резко-
вата и бьет прямо в цель без всяких обиняков. Я в спор
с Лукой не вступил, однако, как мне стало известно, он
ее священникам в церквах читать запретил, мотивируя
тем, что они эту проповедь могут не понять и трактовать
кто как вздумает.

Как показывает анализ работы за 1958 г., церковь пока
еще активизирует свою работу в городах и в поселках
районного типа и с каждым днем падает влияние цер-
ви в сельской местности. Это объясняется тем, что в этом
году более конкретно и целенаправленно была органи-
зована агитационно-массовая и пропагандистская ра-
бота среди верующих. С другой стороны, там, в деревне,
все верующие на виду у всех, и, в-третьих, председатели
колхозов и бригадиры более жестко поставили вопрос
в отношении использования транспорта для посеще-
ния церквей верующими, а также и то, что крестьянин
прежде всего практик. Он, когда увидел коренную пере-
стройку работы в колхозах, совхозах и что это дает ему
реальную выгоду, он не стал сейчас ждать милостей от
природы, а берет их, как говорил Мичурин, своими ру-
ками.

Имеет значение в нашей области по сдерживанию
активизации священнослужителей и увеличение подо-
ходного налога по сравнению с 1957 г. на 8–10%. Налог
сейчас в среднем на одного служителя культа составля-
ет в городе 15.400 рублей, а в селе 7 тыс. руб., а в среднем
по области — 10.000 руб.

Имеет свое действие при выездах на места и беседа
со священниками, церковными старостами и активом
«двадцатки» по вопросам отправления религиозных
праздников в страдную пору, когда церковь отрывает
верующих от работы. Понимая политическое значение
мероприятий, проводимых партией и советским прави-
тельством, многие церковники идут на это сознательно,
стараясь как можно меньше отвлекать людей от работы,
переносят службы на более раннее или позднее время
(Красногвардейский район, с. Соленое Озеро, Шубино

Богослужение в Введенском храме
г. Керчь

Кировского района, Советский район, Первомайский и другие районы).

Надо сказать, что наиболее эффективный результат в работе дают выезды на места, когда встречаешься и решаешь вопросы с руководством района или города.

Методы работы с церковниками

Изучив по имеющимся у меня карточкам учета и биографиям, я определил постоянно вести работу с настоятелем Севастопольского Покровского собора, он же и благочинный, Романовским, молодым священником кафедрального собора гор. Симферополя Морозом (рождения 1932 г.), настоятелем Семенюком и священником Кухарчуком, настоятелем Ялтинского Александро-Невского собора, бывшим секретарем Днепропетровской епархии Турбиным, настоятелем Всехсвятской кладбищенской церкви г. Феодосии Руденко — бывшим лектором областного лекционного бюро. С каждым из этих священников я знакомился при выезде на места.

Все они достаточно политически подготовлены, хорошо ориентируются в советском законодательстве и, если можно так сказать, шагают вместе с жизнью страны. С этими священниками я встречаюсь не менее раза в месяц. Или я у них бываю, или они у меня. Беседуем на политические, социально-экономические и культурно-просветительные темы. Никогда не было случая вступления с ними в спор, мы всегда в беседах находили общий язык.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 4. Д. 13. Л. 5–10.

№ 94

Статья Т. Соколова «Житие отца Виталия Карвовского» в газете «Крымская Правда»

21 июня 1959 г.

В церкви на Госпитальной улице Симферополя вот уже несколько лет служит священником Виталий Карвовский.

Облаченный в красивую сверкающую ризу, с крестом и кадилом в руках он возносит хвалу Всевышнему, проповедует слово Божье, предает анафеме грешников, призывает свою паству к благочестию и смирению во имя спасения души и вечного счастья в загробной жизни.

Слушая разглагольствования духовного наставника, верующие люди и не догадываются, что сей служитель Божий озабочен не тем — попадут ли его прихожане в Царство Небесное, а тем, как бы побольше нажиться за их счет и потуже набить собственную мошну.

Достаточно сказать, что отец Виталий на трудовые рубли одурманенных религией верующих построил себе виллу за пределами Крыма.

У священника Виталия Карвовского на первом плане всегда были интересы личной наживы. Но не только корысть руководила его весьма неблаговидными поступками.

В 1939 году, в момент воссоединения западных областей Украины с Украинской ССР, Карвовский бежал из Волыни в Польшу, оккупированную в то время гитлеровцами. Этот «святой отец» снюхался с фашистами, в 1941 году, в момент продвижения гитлеровских оккупантов на восток, на их колеснице возвратился в Волынскую область, где при содействии гитлеровского ставленника (впоследствии бежавшего за границу) епископа Поликарпа получил выгодную должность благочинного и настоятеля церкви села Раковичи (правильно: Рыковичи. — *Сост.*).

В Раковичах Карвовский представлял собою так называемую автокефальную церковь, служители которой пытались разжигать национальную рознь между украинским и русским народами, активно содействовал украинским буржуазным националистам.

Виталий Карвовский в Раковичах занимался не только богослужениями — он поддерживал связь с бандитами ОУН Кузьменко, Крылач и священником банды украинских националистов Бруком.

Дом Карвовского всегда был гостеприимно открыт для злейших врагов народа — украинских буржуазных националистов.

Жители села Раковичи никогда не забудут, как благочинный Карвовский устраивал в церкви и на могилах украинских буржуазных националистов, погубивших тысячи советских патриотов, торжественные богослужения.

Когда под ударами советских войск гитлеровские оккупанты откатывались на запад, отец Виталий застрял на Волыни. Не сумев прицепиться к немецко-фашистскому обозу и убедившись, что дни украинских националистов сочтены, что советский строй прочен и незыблем, опирается на могучую поддержку самых широких масс

После богослужения в Введенском храме

украинского народа, он быстро «перестроился». А чтобы замести следы своих грязных дел, в 1952 году перебрался из Раковичей в Крымскую область.

В Крыму Виталий Карвовский не удовольствовался скромной должностью приходского священника и быстро «выдвинулся» на доходный пост секретаря епархии.

Используя свое служебное положение и покровительство архиепископа Луки, он начинает перетаскивать в Крым одного за другим священнослужителей бывшей автокефальной церкви с весьма сомнительным прошлым. Не оставил он без внимания и своих родственников — Довбенко, Кирильчука. Теперь и они подвизаются на ниве Божьей в Крыму.

Пораженные религиозным дурманом люди должны знать, кто скрывается под маской благочестивого служителя церкви.

Т. Соколов
Крымская правда.
Симферополь,
1959. 21 июня.

№ 95

Письмо протоиерея Виталия Карвовского в редакцию газеты «Крымская Правда»

29 июня 1959 г.

В Вашей газете от 21.VI с. г. № 120 напечатана статейка под заглавием «Житие отца Виталия Карвовского», в которой автор статьи, судя по содержанию, явно стремится скомпрометировать меня как священника, не пренебрегая средствами к достижению цели. Автор обвиняет меня в том, что я прикрываюсь благочестием, преследую цель наживы и корыстолюбия, доказательством чего служит вилла за пределами Крыма, приобретенная на деньги одурманенных религией людей, а также стремление мое занять видное и «доходное» место на поприще церковного служения, как-то, например, благочинного в с. Рыковичах Волынской области, а в настоящее время секретаря Крымского Епархиального Управления.

Прежде всего заявляю, что у меня ни в Крымской области, ни вне ее пределов никакой виллы нет, а также что я никогда в Рыковичах благочинным не был, потому что в этом селе вообще никогда благочиния не было. Если бы даже оно и было, то всякому известно, что благочиние, кроме забот, никаких доходов не дает.

Епархиального секретарства я тоже не добивался, а принял его по настоянию Архиепископа, воли которого я не смею не подчиниться.

Что касается моего корыстолюбия, то я с чистой совестью могу сказать, что на протяжении моего 39-летнего служения в церкви никогда не требовал платы, а всегда принимал предлагаемое, о чем могут засвидетельствовать и нынешние мои прихожане. Я всегда жил с народом и для народа, исполняя честно возложенные на меня обязанности, много помогал своими средствами нуждающимся, за что был любим и по достоинству оценен народом. Если бы была о мне доля правды в вышеизложенной заметке Вашей газеты, то, несомненно, я в свое время понес бы наказание, как другие виновные лица, а ведь

я во время освобождения наших территорий Советской Армией, как в первый раз в 1939 году, так и [во] второй — в 1944 г., продолжительное время проживал в Рыковичах среди своего народа, меня прекрасно знавшего.

Относительно обвинения меня в том, что я в 1939 г. с приходом советских войск бежал из Рыкович за границу, где познакомился с фашистами, а затем в 1941 г. на колеснице гитлеровцев опять прибыл на свое место, что якобы при содействии гитлеровского ставленника епископа Поликарпа получил выгодное место благочинного в этом же с. Рыковичах, где якобы познакомился с бандитами Кузьменко, Крылачем и Бруком, а также часто якобы принимал в своем доме злейших врагов народа, буржуазных националистов, — заявляю: выехал я из Рыкович в г. Холм, находящийся в 80 км от моего села, в наших условиях это считалось не за границей, не сразу с прибытием Советской Армии, а по 10-месячном пребывании Советской власти, и не в 1939 г., а в мае м-це 1940 г., по вызову вдовы умершего моего брата для поддержки семьи, и выехал легально по документам Советской комиссии, а не бежал.

В 1942 г., а не в 1941 г., по болезни сына, который скоро умер, я возвратился обратно в Рыковичи, но прибыл туда не на фашистских колесницах, а [на] простой подводе моих рыковичских прихожан, специально приехавших за мной — своим священником.

В то время Волынская область в административном отношении была разделена между двумя правящими епископами — южная часть находилась в управлении архиепископа Алексия, а северная — Луцкий, Ковельский, Любомльский, Гороховский и Владимиро-Волынский уезды, где проживал я, — архиепископа Поликарпа, у которого с трудом получил назначение на старое место [в] с. Рыковичи, т. к. он считал меня своим врагом, как моего умершего брата, которого прогнал из г. Дубно, как русского по убеждению человека. Так что мое знакомство с Поликарпом закончилось этим первым свиданием, ибо через некоторое время архиепископ Алексий прислал во Владимир-Волынск своего сторонника епископа

Мануила, которому все мы — духовенство — подчинились и этим оставили поликарповщину.

Последний год до прихода Советской Армии, 1944 г., ввиду безвластия, вернее, власти партизан, контролировавшей движение каждого человека, — духовенство, в том числе и я, никуда не выезжало и не имело контакта и не примыкало ни к каким течениям духовной власти.

Что касается бандитов Кузьменко, Крылача и Брука, таковых не только что не видел, но и не слыхал о их существовании.

Во время немецкой оккупации, как всем известно, Западная часть Украины была полна разными партизанами, украинскими и советскими, вооруженными с ног до головы, так что вся власть по селам и деревням была в их руках. По распоряжению так называемых бандеровцев, которые свирепствовали днем и ночью, двери всех домов должны были быть открыты, чтобы они не были выбиты, и при открытии силой также никто не имел права отказать им в питании, если не хотел висеть на дереве.

Всем известно, что украинскими бандитами было убито 137 священников и 2 епископа только за то, что они отказались служить на украинском языке. Но, к моему счастью, в силу территориального расположения церкви и моей квартиры в селе, бандиты-бандеровцы почти меня не посещали, зато советская партизанская организация, как более смелая, всегда находилась в моем доме днем и ночью, получая отеческие заботы и приют.

Как в Симферополе в церкви и на кладбищах совершаю панихиды и читаю имена записанных в грамотках, так и в Рыковичах молился за умерших в церкви и на кладбищах у могил по приглашению прихожан. Никаких торжественных панихид на могилках украинских бандитов я не служил.

Если бы я имел намерение и хотел выехать с отступающими немцами на Запад, то это всегда сделал бы, ибо к тому были все возможности, немцы вывозили с собой при отступлении не только желающих, но и нежелающих, но я всегда любил свою великую Родину и свой русский народ и остался ему верен до конца дней своих.

В Крым я приехал не за тем, чтобы замести следы своих преступлений, которых у меня не было и нет, моя совесть чиста перед Родиной.

Никого из священников в Крым не вербовал, ибо не только в Крымской епархии есть священники с западных областей, но их есть еще больше в других областях. Со многими прибывшими в Крым священниками впервые встретился и познакомился здесь, в Крыму.

В заключение должен отметить, что «всезнающий» автор скрыл факты, доказывающие благородные отношения к людям, которых я спасал от смерти от фашистов и бандеровцев, рискуя жизнью своей и моей семьи. За сокрытие советских людей — убивали; так, зверски убили моего соседа, священника с. Ляхова Балицкого Феофилакта, за скрытие врача — еврея Энсера.

Итак, да будет известно автору Соколову, что, рискуя своей жизнью, я спас в своем доме жизнь местной еврейки Сони Рубинштейн, которая, как я недавно узнал, проживает сейчас в Польше, в г. Варшаве, по ул. Житня, № 79, кв. 13 и разыскивает меня — своего спасителя, о чем доказывает переданное мне письмо следующего содержания:

«Варшава 29.1.59 г. Многоуважаемый Добродетель!

Ко мне обратилась гр. Соня Рубинштейн с горячей просьбой узнать, как вы живете и где, это та самая, которую Вы девушкой спасли от неминуемой смерти во время тяжелых лет войны и оккупации. Благодаря Вашим благородным усилиям она осталась в живых, имеет нормальную семью и живет неплохо. Одновременно она об вас и Вашей благородной семье забыть не может. Вечно вспоминает своих спасителей со слезами на глазах.

Буду Вам благодарен, если сможете написать несколько слов о своем и семьи Вашей здоровье и благополучии. Одновременно не забудьте написать о семье св. Александра Переверзова. С высоким уважением, *Кличко*».

К этому живому свидетелю, которая проживала в моем доме во время лихого времени, все видела и слышала, советую обратиться автору за сведениями обо мне к ней — Рубинштейн.

Рискуя своей жизнью, я спас жизнь гр. Рыкович Марины Мороз, мужа которой — коммуниста — убили бандеровцы. Я спас жизнь нескольких мне неизвестных людей соседних сел, которых отступавшие немцы гнали в Германию.

Рискуя своей и семьи жизнью, днем и ночью в своем доме я принимал и оказывал помощь советским партизанским отрядам генерала Ковпака и других генералов, имена которых не помню.

Очень жаль, что эти мои благородные действия, проявленные в спасении советских людей, скрыл автор Соколов, а в статье написал клевету, не соответствующую действительности.

С уважением прот. Виталий Карвовский
29 июня 1959 г.

ГААРК. Оп. 5. Д. 121. Л. 39–42.

№ 96
Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленной секретарю Крымского обкома КП Украины В. Г. Комяхову, председателю Крымского облисполкома И. М. Филиппову, начальнику отдела УКГБ Н. С. Краснослободцеву

14 июля 1959 г.

13 июля 1959 года я посетил архиепископа Луку, перед которым поставил следующие вопросы:

1) О предварительном ознакомлении меня о назначении священников в приморские города Крыма;

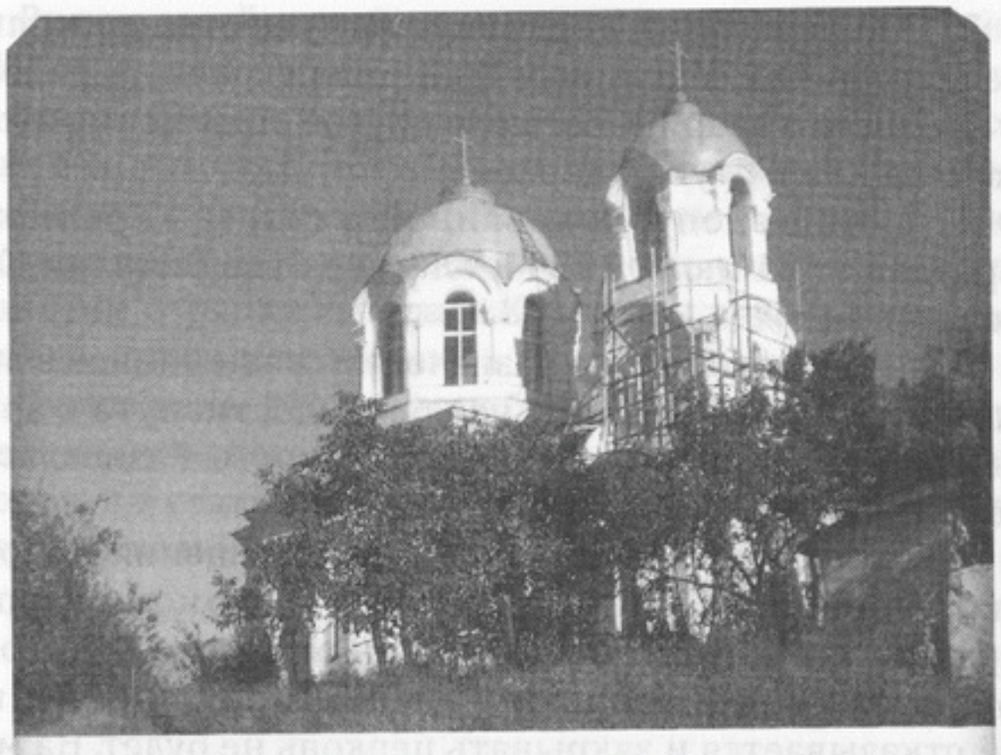
2) О передаче помещения Покровской церкви г. Симферополя стеклотарному заводу с его реконструкцией в соответствии с семилетним планом;

3) О перенесении церковного имущества из молитвенного дома с. Магазинка Красноперекопского района, в связи с его аварийностью, в другое помещение этого же села или в другую церковь;

4) О статье, опубликованной в газете «Крымская правда» от 21 июня 1959 г. «Житие отца Виталия Карвовского».

По первому вопросу о назначении священников в приморские города Крыма у нас была достигнута с архиепископом Лукой полная договоренность. Разногласий никаких не было.

По второму вопросу, о передаче помещения Покровской церкви г. Симферополя стеклотарному заводу, архиепископ Лука заявил, что он от прежней договоренности с ним старшего инспектора Совета и моей отказывается и закрывать церковь не будет. На мой вопрос, почему он изменил свое отношение, Лука ответил так: «Верующие бунтуют, не желают закрывать церковь». Я задал архиепископу Луке еще вопрос, откуда ему это известно? Лука ответил: «От отца Виталия Карвовского и священника Соколова». Я в присутствии Карвовского заявил архиепископу Луке, что его неправильно Карвовский и Соколов информировали и, как всегда, Карвовский сгустил краски. Я рассказал Луке истинное положение вещей и сообщил ему, что ко мне приходили три человека 6 июля, три человека 11 июля и 6 человек 13 июля, с которыми были обсуждены все вопросы, касающиеся закрытия церкви. Никакого бунта они не устраивали и не думают устраивать, а они просили меня о том, чтобы им разрешили открыть молитвенный дом в одном из помещений г. Симферополя. В этой просьбе я им отказал. Свой отказ мотивировал тем, что в г. Симферополе имеются еще три церкви, куда верующие могут ходить молиться и исполнять требы. Верующие заявили, что они поедут в Москву. На это я им сказал, что это их дело, но я не рекомендую затрачивать зря деньги верующих, вопрос все равно положительно решен не будет, т. к. никто не может отменить

Свято-Никольский храм
с. Мазанка. Зуйский район

реконструкцию и расширение завода, которые проводятся по решению Правительства.

Лука с моими доводами согласился и тут же сказал Карвовскому, что он свое решение отменяет, и предложил об этом известить священника Покровской церкви Соколова, благочинного Коломейца, мазанского и зуйского священников, которым 16 июля передать имущество Покровской церкви по акту.

Закончив этот вопрос, архиепископу Луке сообщили, что к нему на прием просятся 8 человек из Покровской общины г. Симферополя. Лука, извинившись передо мной, просил женщин к себе.

Одна из женщин, казначей церкви Маринина А. И., спросила Луку, согласован ли с ним вопрос о закрытии Покровской церкви? Лука ответил так: «Со мной этот вопрос не согласован, но я поставлен в известность, что это делается по решению Правительства». Эта же женщина задала снова Луке вопрос: «Как же это так, что Правительство с Вами не согласовывает такие вопросы, как

закрытие церкви, ведь нам известно, что церковь отделена от государства». Архиепископ Лука ответил так: «Разве Вам не известно, что Правительство заинтересовано только закрывать церкви, а не открывать». Женщины хором возмутились ответом Луки и наперебой загалдели, что разве их дети и мужья не умирали в дни войны, разве с ними и с нами Правительство не обязано считаться? Видя такой оборот, Лука заявил им: «Вот у меня находится уполномоченный, и я думаю, что он Вам все разъяснит». Лука попросил меня разъяснить женщинам, почему закрывается Покровская церковь. Мне ничего не оставалось сделать, как разъяснить женщинам, почему закрывается Покровская церковь. Одновременно с этим, в очень тактичной форме, и поправить Луку, что наше Правительство — единственное Правительство в мире, которое не на словах, а на деле провозгласило свободу совести, о чем пишет в своей книге Патриарх Московский и всея Руси Алексий, и оно отнюдь не заинтересовано «только закрывать церкви», как только что сказал архиепископ Лука. Наше Правительство закрывает Вашу церковь только потому, что производится реконструкция завода по семилетнему плану, а не потому, что кто-то захотел по какому-то капризу сделать. Ведь Вас 15 лет никто не беспокоил, когда этого не требовали условия завода.

В заключение верующие еще раз обратились к Луке с вопросом, может ли он не разрешать местным властям закрыть церковь? Лука ответил: «Я этого не могу сделать, потому что Правительство без него этот вопрос решило».

Тогда верующие заявили, что они поедут в Москву и добьются, чтобы им разрешили организовать молитвенный дом в их части города, где они живут. Лука ничего на это не ответил, и верующие женщины вышли из приемной.

Я архиепископу Луке после ухода женщин сказал, что его ответ женщинам был неудачный и он только разжег их страсти. Лука промолчал.

Тогда я поставил перед Лукой третий вопрос — о статье, опубликованной в «Крымской правде» от 21 июня 1959 г.

«Житие отца Виталия Карвовского», и спросил его, как он на нее реагирует. Лука ответил, что Карвовский дал обстоятельное опровержение[87], о чем Вы, как уполномоченный, знаете.

Я ответил Луке, что такого опровержения я не читал и не знаю. Лука удивился моему ответу и спросил Карвовского: «Разве Вы не дали этого опровержения уполномоченному и в редакцию газеты?» Карвовский сказал, что он дал только представителю Москвы Пашкину и думал, что Пашкин даст Андрею Степановичу прочитать, а в редакцию он не дал опровержения, зная заранее, что его никто не опубликует.

Я заметил, что если он, Карвовский, прав, то можно и нужно было добиваться опубликования его опровержения. Мной было сообщено Луке, что многие священники и верующие обращаются ко мне с вопросом, может ли дальше, после такой статьи, работать секретарем епархии Карвовский и как думает поступить архиепископ Лука? Будет ли он считаться с общественным мнением, изложенным в печати? Лука мне ответил, что Карвовский подал ему заявление об уходе из секретарей епархии (Карвовский при мне еще раз это подтвердил и просил Луку освободить его по болезни, ему нужно делать операцию), однако он его просьбу удовлетворить не может и не удовлетворит.

Как бы подытожив весь наш разговор, я обратился к Луке и сказал ему, что мы с ним все вопросы, поставленные перед ним мной, решили. Он ответил: «Да, как будто все вопросы решены, разногласий у нас нет».

Разговор на этом с Лукой был закончен.

Когда я вышел от Луки, Карвовский поблагодарил меня за поддержку его перед Лукой об уходе его из секретарей и заявил мне, что теперь он будет действовать более решительно и секретарем больше не будет. Одновременно с этим пытался выведать у меня, а что будет, если он уйдет из секретарей, не снимут ли его с регистрации и как настоятеля Благовещенской церкви? На это я ответил, а кто же его снимет, кого он имеет в виду?

Карвовский замялся и наконец сказал: «Уполномоченный Андрей Степанович».

Я пожал плечами, сделал удивленный вид и сказал, как до этого мог он, Карвовский, додуматься.

На этом разговор с Карвовским был закончен. И я, с ним попрощавшись, вышел из Епархиального Управления.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 4. Д. 13. Л. 98–101.

№ 97

Доклад уполномоченного на заседании Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР

15 августа 1959 г.

На 1 января 1959 г. в Крымской области церквей и молитвенных домов было 46. Из них: типовых церквей — 32 и молитвенных домов — 14. Священников в них — 51, диаконов — 7.

На 15 августа 1959 г. церквей и молитвенных домов — 41. Из них: типовых церквей — 30 и молитвенных домов — 11. Священников в настоящее время — 40, диаконов — 5.

В 1959 г. в заштат ушло по старости — 6 священников, перевелись в другие области — 2 священника и один диакон, умерло 2 священника, отказалось от сана 2 священника и 1 диакон, один диакон лишен сана Лукой и один диакон Вдодович посвящен в священники. Один священник, Марковский, снят с регистрации за допущенное им

шарлатанство с так называемым древом Животворящего Креста Господня.

В четырех церквах (с. Митрофановка, с. Шубино, Алушта, Джанкой) нет священников.

Три церковные общины не имеют зданий (Алупка, Магазинка, Соленое Озеро). В Алупке в течение года община не могла отремонтировать дом, и горсовет расторг договор; в Магазинке церковная община переданный ей дом по договору привела в полную негодность, и по акту технической комиссии он подлежит сносу. В с. Соленое Озеро дом принадлежит госмельнице, и райпромкомбинат его, как законный владелец, возвращает. Община этот дом захватила в период Великой Отечественной войны и договор на эксплуатацию ни с кем не заключила.

За этими тремя общинами сохранено право арендовать дома и проводить в них богослужения. Однако эти общины пока подходящих зданий не подыскали.

Считаю необходимым поставить в известность Совет о том, что работа в Крымской епархии, ввиду полнейшей немощи и слепоты архиепископа Луки, находится в своеобразных условиях.

Архиепископ Лука лишен возможности лично объезжать епархию и решать вопросы, возникающие в процессе богослужения священников на местах.

Руководство Луки, как главы епархии, строится исключительно на информациях секретаря епархии и приближенных к нему лиц, которые не всегда правильно его информируют, что не может не осложнять работу и взаимоотношения между Епархиальным Управлением и уполномоченным, вызывает ненужные недоразумения.

В мои функции не входит анализ работы предыдущих уполномоченных, но в партийных и советских органах сложилось такое мнение, разделяю и я его, что вся их работа была направлена на обслуживание духовенства и на ненужные уступки Луке. Свои уступки Луке уполномоченные Совета мотивировали тем, что Лука — крупный ученый, а как бы чего не вышло и он не обиделся, лучше его не беспокоить и жить с ним в мире и дружбе.

Архиепископ Лука не мог этого не видеть и стал делать что он хотел (проповедь о воспитании детей, организация домашней церкви, клевета на органы Советской власти, что государство закрывает церкви и т. п.).

В таком же духе он воспитывал свою паству, священнослужителей и окружающих к нему приближенных лиц. Все это привело к тому, что как архиепископ, так и некоторые священники, особенно западники, с мнением уполномоченного не считались и иногда делали то, что им не положено делать, о чем я скажу ниже.

Совершенно понятно, что приход нового уполномоченного и принятые им меры к наведению порядка согласно установок Совета, вызвали у Луки раздражение и рассматривались им как превышение власти, нажим, гонение и тому подобные броские слова.

Недовольство епархии работой уполномоченного было вызвано еще и тем, что некоторые местные органы и отдельные лица нарушали Конституцию Советского Союза по вопросу отправления религиозных треб и обрядов.

Проиллюстрирую это на конкретных примерах.

В 1958 г. председатель Малореченского сельсовета Алуштинского района тов. Сидунов не разрешил священнику Клягину по приглашению верующих провести крещение детей на дому, тогда как на освящение нового дома колхозницы дал согласие.

Этот факт стал известен Луке и вызвал недовольство, хотя мной и были через райисполком приняты меры и на председательсовета наложено взыскание за превышение власти.

В районном центре с. Черноморское имел место досадный случай нечаянного попадания нескольких пулек из пневматического ружья, произведенных выстрелов во время стрельбы из тира, расположенного вблизи церкви. Мной были приняты необходимые меры, и виновные товарищи Принь и Терещенко наказаны.

Был и такой случай, когда в с. Желябовке Нижнегорского района пьяный гражданин Петров оскорбил священника Наконечного, вызванного верующими на

похороны. За хулиганство Петров осужден народным судом, о чем я Луку известил.

Предупрежден был также и председатель Чистеньского сельсовета Симферопольского района тов. Титов за нетактичное выступление на учительской конференции против учительницы Чистеньской школы, являющейся дочерью церковного старосты и псаломщика церкви.

Как правило, все имевшие место случаи нарушения устранялись, и о них я своевременно ставил в известность партийные и советские органы для принятия необходимых мер.

Наблюдались нарушения и со стороны епархии и ее священнослужителей, как, например:

За систематическое игнорирование органов местной власти, о чем я ставил в известность Совет, снят был с регистрации священник Кокорев.

По моему требованию предупрежден был архиепископом Лукой священник Алуштинской церкви Клягин за отправление службы в Ялтинском соборе без моего ведома.

Приняты были меры воздействия через архиепископа и к священникам Морозу, Марковскому, Левицкому, Моссейчуку, выезжавшим для отправления службы в церквах и других приходах без разрешения уполномоченного.

Имел место факт, когда священник Чистеньской церкви Симферопольского района Гречаный во время исполнения треб разжигал вражду между верующими и неверующими. Настраивал верующих против работников сельсовета и активистов-агитаторов. Мной были приняты меры через архиепископа, и сейчас это со стороны Гречаного пока что не наблюдается.

Священник Загорской церкви Паршинцев и псаломщица Назаренко пытались организовать религиозную пропаганду среди детей школьников во дворе школы, а Назаренко допустила хулиганский поступок по отношению директора школы и учителей. Народный суд оштрафовал Назаренко на 500 рублей, а Паршинцев через архиепископа мной предупрежден.

Священник с. Черноморское Куцепалов обучал в церкви молитвам и церковным обрядам детей школьного и дошкольного возраста. Куцепалов мной предупрежден. Лука поставлен в известность.

Священник Джанкойской церкви Марковский объявил верующим в церкви, что ему посчастливилось достать кусочек дерева от Животворящего Креста Господня, и на этом кусочке дерева стал зарабатывать деньги. Марковский снят с регистрации. Крест этот Лукой изъят и находится сейчас в кафедральном соборе.

Такой же кусочек дерева приобретен евпаторийскими священниками Рыхлицким и Кирильчуком. Лука мной поставлен в известность. Лука настоятелю Рыхлицкому объявил строгий выговор с занесением в личное дело, а «святыню» изъял в кафедральный собор.

В феодосийской Екатерининской церкви настоятель Дунаев организовал сестричество и братство, в которое втянул человек пятьдесят верующих. Архиепископ Лука 13 августа 1959 г. поставлен в известность. Результаты ожидаю. Совет об этом также поставлен 13 августа в известность. С нашей стороны усилено наблюдение за деятельностью этого т. н. сестричества и братства в Феодосии.

В феодосийской кладбищенской церкви благочинный Калишевич, в день храмового праздника 28 июня, выступил с проповедью, в которой чернил нашу советскую школу и высшие учебные заведения, высказывая претензии к родителям, что они не водят детей в церковь и не воспитывают их в христианском духе, затрагивал в своей проповеди ряд других вопросов, совершенно не относящихся к религии и его проповеднической деятельности. Архиепископ Лука также об этом факте мной поставлен 13 августа в известность. Жду результатов.

О всех нарушениях священнослужителей я своевременно информировал Совет, Крымский обком КП Украины, облисполком, местные партийные и советские органы и архиепископа Луку.

Находясь в курсе жизни и деятельности церкви, церковных советов и общин верующих, партийные

и советские организации усилили научно-атеистическую и естественно-научную пропаганду и агитацию среди трудящихся. Необходимо отметить, что после принятых постановлений ЦК КПСС, ЦК КП Украины и обкома партии по вопросам усиления антирелигиозной работы у нас в Крымской области значительно снизилось отправление религиозных треб по отношению к 1957 г. Достаточно привести такие данные: доход церквей в Крымской епархии понизился почти на 1 млн. руб., количество крещений сократилось на 1800, церковных погребений на 330 и церковных браков на 80. Снизилось процентов на 10 и посещение верующими церквей в большие религиозные праздники. Снизилось и число говеющих.

В 1958–1959 гг. священники Зубов, Беляев, Горбачев и диакон Потапов порвали с религией и сняли с себя сан священнослужителей. Отречение их и снятие сана было опубликовано ими в областных газетах. Заявляю, что со стороны работников местных органов власти и уполномоченного никакого принуждения и нажима к их отречению не было.

Наряду с добровольным отречением от церковного сана имели место случаи, когда некоторые священники провоцировали местные органы и уполномоченного, заявляя о том, что они тоже желают отречься от сана. Приведу факты: священник с. Чистенькая Симферопольского района Гречаный пришел в Симферопольский райком партии к зав. отделом пропаганды и агитации тов. Богданову и заявил, что он решил порвать с церковью, но не знает, как это лучше оформить. Тов. Богданов, не поняв провокационных действий Гречаного, пришел вместе с ним ко мне в кабинет и рассказал о желании Гречаного отречься от сана священника.

В присутствии тов. Богданова Гречаный подтвердил мне свое желание пойти работать на завод, где он до Великой Отечественной войны долго работал. Не принять тов. Богданова и священника Гречаного я не мог, не мог ограничиться и молчанием на его добровольное

заявление. Я ответил Гречаному, что это дело его совести, и если он этот вопрос продумал до конца, то пусть делает так, как делают все те, кто порывает с религией. Однако, выйдя от меня, Гречаный пошел в епархию и в разговоре с архиепископом Лукой фальсифицировал истинное положение разговора.

Священник Сакской церкви Попов также неоднократно заявлял мне устно о своем желании порвать с саном священнослужителя после Пасхи, мотивируя это тем, что ему надоел глупый и дикий фанатизм верующих. На это я ему ответил, что это дело его совести и он волен поступать так, как находит нужным.

Однако Попов в своем письменном заявлении на имя благочинного Рыхлицкого исказил факты и сообщил Луке, что уполномоченный настаивает на его отречении от сана священника.

Двурушническое поведение священников Гречаного и Попова, неправильно информировавших Луку, отрицательно сказалось на взаимоотношениях с ним. Лука, не имея возможности лично проверить факты, сообщил об этом Патриарху Алексию.

Предметным уроком для меня явилась и беседа со священником Куцепаловым из Черноморска. Беседуя со мной, Куцепалов жаловался на бедность прихода, не обеспечивающего его прожиточного минимума.

Я посоветовал Куцепалову обратиться с заявлением к Луке и просить у архиепископа перевода в наиболее доходный приход, обещав ему, что я также при разговоре с архиепископом, если он этот вопрос передо мной поставит, замолвлю за него доброе слово.

Однако Куцепалов, желая очернить уполномоченного в глазах епархии и выслужиться перед Лукой, сообщил ему, чтобы он его никуда не переводил, так как другие священники в Черноморск не поедут, а церковь будет закрыта уполномоченным.

Провокация Куцепалова была воспринята архиепископом за действительность, и он об этом поставил в известность Патриарха.

В своей работе уполномоченного Совета я руководствовался решениями ЦК КПСС, ЦК КП Украины, советского правительства и Совета.

Я совершенно ясно себе представляю, что вся моя работа должна сводиться не к обслуживанию духовенства, как этого бы хотел архиепископ Лука, а прежде всего к осуществлению государственного надзора за деятельностью церкви и духовенства в целях охраны интересов государства, соблюдения законов, касающихся церкви. Считая себя прежде всего коммунистом, я обязан всемерно содействовать партийным организациям так, чтобы они чувствовали мою помощь, и это, как мне кажется, сделать удалось. В таком плане я проводил свою работу. Причем не было ни одного случая, чтобы по принципиальным вопросам я не советовался с секретарем ОК КП Украины, зав. отделом пропаганды или с работниками отдела пропаганды и агитации на местах.

Сложность моей работы объясняется тем, что значительное число священнослужителей являются западниками с сомнительным прошлым. Необходимо отметить и то, что моя работа осложнялась и тем, что я не имел достаточного опыта в этой сложной и ответственной должности, не имел даже инструкции Совета, которая была утеряна до моего прихода на эту работу. Все это привело к тому, что я, помимо моего желания, допустил ряд ошибок, отмеченных при обследовании моей работы тов. Пашкиным.

За оказанную помощь по Алуштинскому и Соленo-Озерскому молитвенным домам я признателен тов. Пашкину и исправил допущенные ошибки. С этими общинами, не имеющими церковных зданий, договоры были расторгнуты.

Были также исправлены ошибки по вопросам работы со священниками, церковными советами и двадцатками верующих.

Однако считаю своим долгом сообщить Совету, что с некоторыми выводами тов. Пашкина не согласен секретарь Крымского Обкома КП Украины и я, как уполномоченный.

Нельзя за имеющимися недостатками отрицать и положительную работу, о чем т. Пашкин решил умолчать.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько абзацев из записки тов. Пашкина.

Например, тов. Пашкин ссылается на то, что в период оккупации Крымской области действовало 82 церкви, в 1944 г. зарегистрировано — 70, на 1 июня 1959 г. — 41, и делает вывод, что количество действующих церквей сократилось на 50%.

Очевидно, тов. Пашкин хотел убедить этими данными Совет в том, что в Крыму спешат с закрытием церквей, но ведь это не соответствует действительности.

Количество действующих церквей в период оккупации меньше всего волнует каждого из нас, да я думаю, что и самого тов. Пашкина. Уж если быть объективным, то нужно было исходить из данных после освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков, а не в период немецкой оккупации.

В мою бытность уполномоченного снято с регистрации всего 6 церквей, не функционирует из-за отсутствия зданий — 3 церкви и из-за недостатка священников — 4 церкви, вот это будет объективно и правдиво.

Тов. Пашкин в справке пишет: «Подготовку к снятию с регистрации общин начали с того, что вызывали членов двадцатки и исполнительных органов общин в сельсоветы и райисполкомы, где их убеждали подать заявления о выходе из состава двадцатки, так было в с. Садовое, Найденовка, Мускатное, Грушевка».

Это абсолютно не соответствует действительности, и тов. Пашкин ни в одном из этих сел не был. Откуда он это взял — непонятно. Вызов церковного старосты по делам церкви был в Черноморский райисполком и зам. церковного старосты в Межводненский сельсовет этого же района. Больше в Крыму вызовов верующих, кроме этих двух случаев, в райисполкомы и сельсоветы не было и нет. Зачем это потребовалось тов. Пашкину вводить в заблуждение Совет, по меньшей мере для меня странно.

Для ясности сообщаю, что с верующими и активом церкви велась, проводится сейчас и будет в дальнейшем проводиться индивидуальная работа, и совершенно неправильно тов. Пашкин сделал вывод, что всю эту работу проводят райисполкомы и сельские советы, а не партийные организации и не агитаторы.

А если верующие члены двадцатки подавали заявления в сельсовет, то это делалось в соответствии с типовым договором, пункт 11, где записано: «Каждый из нас, подписавший договор, может выбыть из числа участников договора, подав о том письменное заявление исполкому Совета депутатов трудящихся...» Ведь этот пункт договора Советом не отменен, не отменен он и Правительством.

В отношении моих просьб к Луке и священникам в части представления сведений о причтовых, цифровых доходах и др. сведениях, действительно, было, когда я выезжал на места. Я понимал, да и сейчас так понимаю, что если таких сведений иметь не буду, я не смогу сколько-нибудь нормально выполнять возложенные на меня государством обязанности по наблюдению за деятельностью церкви, а следовательно, не могу вовремя информировать партийные и советские организации о принятии мер и проведении ими на конкретных примерах массово-политической и культурно-просветительной работы, особенно там, где усиливается работа церковников.

Не могу я слепо доверять цифрам епархии, я должен их перепроверять (что я и делал через ОблФО, настоятелей церквей, церковных старост, казначеев, ревкомиссии и верующих). Однако скажу, что когда я просил у Луки отчет, в соответствии с указанием Совета от июня 1958 г., он мне отказал и запросил Патриарха. И мне ничего не оставалось делать, как получить все интересующие меня сведения помимо его. Когда о моем намерении и практически проводимой работе на местах узнал секретарь епархии Карвовский, он принес мне цифровые данные, однако заявил, чтобы я не выдал его и не сообщил об этом Луке. Считаю, что тов. Пашкин неправильно ориентирует

меня в своей справке, что этого допускать не следовало. Он, видимо, с тезисом, выдвинутым в докладе Совета на стр. 35 от 20 января 1959 г., не согласен. Тогда разрешите мне не согласиться с установкой тов. Пашкина, а руководствоваться докладом Совета, если этот тезис не отменен Советом.

В своей справке тов. Пашкин указывает на то, что «в населенных пунктах Садовое, Найденовка, Мускатное, Партизанское, Грушевка, где были сняты с регистрации общины, активно действуют большие группы пятидесятников, евангельских христиан-баптистов, и активной борьбы с этой деятельностью не было проявлено, а были приняты меры в первую очередь к ликвидации православных зарегистрированных церквей».

Чтобы Совет был правильно информирован, Т. Пашкину следовало бы сообщить в своей справке, что в Садовом всего лишь одна семья пятидесятников (тесть с зятем, а всего 5 человек), причем в пятидесятники они пришли не из церкви, которая снята с регистрации, а еще несколько лет тому назад. Не понимаю, при чем тут поспешность со снятием с регистрации Михайловского дома в с. Садовом? По тов. Пашкину выходит, что из-за этой сектантской семьи снимать с регистрации молитвенный дом было рановато. Разрешите с ним не согласиться.

В с. Мускатном зарегистрирована одна маленькая община евангельских христиан-баптистов, две небольшие группы пятидесятников и одна группа евангельских христиан-баптистов, причем они работают слабо и существуют там не сегодня и не потому, что церкви сейчас там нет.

Точно такое же положение и в других населенных пунктах. Однако ответственно заявляю, что у нас в Крыму мы не располагаем данными, чтобы хоть один верующий Русской Православной Церкви перешел в какую-либо секту только потому, что не стала функционировать церковь. Следовательно, к чему т. Пашкину потребовалось делать такой вывод и на основании этого неправильно

сделанного им обобщения защищать Русскую Православную Церковь, а стало быть и ее служителей. Ведь никто, в том числе и я, не отрицал и не отрицаю, это Вы видели в моем отчете, что необходимо усилить борьбу с сектантами, но это совершенно не значит забросить работу по распропагандированию православной религии. Полемизировать с тов. Пашкиным не собираюсь, его записка говорит сама за себя, если ее прочитать внимательно.

После глубокого и всестороннего анализа своей работы я пришел к выводу, что в моей работе были существенные недостатки, как: неправильное взаимоотношение с некоторыми священнослужителями (Попов, Гречаный, Куцепалов); я не разобрался вовремя с церковными зданиями и церковными советами (Алупка, Соленое Озеро); не принял более действенных мер к своевременной замене секретаря епархии Карвовского и вообще к окружению архиепископа Луки; не добился от Совета обстоятельного инструктажа по ряду принципиальных вопросов, касающихся работы уполномоченного; мало консультировался с работниками Совета. Все мои недостатки и ошибки, допущенные в работе, будут исправлены, и думаю, что в дальнейшем не повторятся.

Прошу Совет направляемых в командировки инспекторов на места больше оказывать практической помощи уполномоченным, а они, я чувствую это по себе, очень нуждаются в квалифицированной помощи, в передаче опыта работы других уполномоченных. Одновременно с этим практиковать командировки по обмену опытом работы уполномоченных в другие области. Организовывать хоть один раз в год кустовые семинары и высылать 1–2 раза в год информационные письма Совета по конкретным вопросам работы уполномоченных.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 4. Д. 13. Л. 116–123.

№ 98
Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой

26 января 1960 г.

3-го января через секретаря епархиального управления Березкина мне стало известно о том, что архиепископу Луке по ошибке дали выпить вместо пантокрина глазные капли, чем и отравили его. Но благодаря принятых мер жизнь архиепископа Луки была спасена.

Я счел своим долгом навестить архиепископа и вынес ему соболезнование. Справился о состоянии его здоровья и обратился к нему с вопросом, не нуждается ли он в приобретении ему нужного лекарства? Лука поблагодарил меня за визит, нанесенный ему мной, и сказал, что лекарства ему отпускают все аптеки беспрекословно и быстро. Никаких претензий он к медицинским работникам не имеет.

В беседе со мной архиепископ Лука интересовался вопросом поездки Н. С. Хрущева в Америку и сказал: «Хрущев сделал больше, чем Сталин за всю свою жизнь, и он искренне рад его успехам». Лука задал мне вопрос: «Осмелится ли Америка бросить на нас атомную бомбу, и как говорят по этому вопросу в Ваших кругах?» На этот вопрос я ему ответил, что с позиции силы сейчас решать международные дела нельзя, в чем убедилось все прогрессивное человечество, в том числе и простой американский народ, да и не только простой американский народ, но общественные и политические деятели, ученые и все прогрессивное человечество.

В дальнейшей беседе архиепископ Лука сообщил мне, что он решил освободить от работы секретаря епархиального управления Березкина и назначить секретарем настоятеля Евпаторийского собора протоиерея Михаила Рыхлицкого. Но спросил мое мнение по этому вопросу. Я сказал, что это дело его, однако заметил, что в 1959 г. Рыхлицкий за приобретение древа с так называемого Животворящего Креста Господня у какого-то проходимца

был Вами наказан и получил строгий выговор с занесением в послужной список. Напомнил я архиепископу и разбор Рыхлицким статьи бывшего диакона Потапова, опубликованной в «Крымской правде»[88]. Рассказал я Луке о том, что он при разборе статьи, беседуя с верующими, сказал им, что проверку этой статьи он делал по просьбе редакции газеты «Крымская правда», которая ему не поручала, о чем я Вас в свое время ставил в известность, сказал я. Лука промолчал и задал мне вопрос, может ли он пригласить из Омска священника Чернявского, который в 1959 г. несколько месяцев служил в Ялтинском соборе. На это я Луке ответил, что это его дело, и попутно спросил, куда он думает Чернявского назначить? Лука сказал, что думает назначить его секретарем епархии и священником в кафедральном соборе. Я не возражал Луке.

Архиепископ Лука сообщил мне, что он переводит из с. Почтовое священника Афанасьева в Феодосийскую кладбищенскую церковь, а оттуда священника Пекло переводит в с. Почтовое, на что я также не возражал.

В связи с болезнью священника Джанкойской церкви Черкашинова Лука просил дать разрешение на рождественские праздники служить там священнику Соколову из Севастополя. Я дал согласие.

После беседы с Лукой он 4 января перерешает вопрос о секретаре и направляет для знакомства со мной священника Рыхлицкого из Евпаторийской церкви с указом о временном назначении его секретарем епархии. Я попросил секретаря Березкина напомнить Луке наш с ним разговор от 3 января 1960 г. и сообщить мне результат. Березкин позвонил мне, что Лука не помнит, что он говорил. Я попросил соединить меня с ним по телефону, Березкин ответил, что он не слышит телефонного разговора и к телефону не подходит. (Он действительно плохо слышит, ему нужно кричать при разговоре с ним.) Тогда я попросил Березкина передать Луке, что к тем вопросам, которые мы с ним обговаривали 3 января, нужно возвратиться еще раз и только

после этого их решать, постольку поскольку Лука их забыл и не помнит. Березкин обещал мою просьбу передать Луке.

Назначенный сейчас, хотя и временно, секретарем Рыхлицкий кандидатура очень нежелательная. По этому вопросу, видимо, придется еще раз встречаться с Лукой.

Я более чем уверен, что Лука отказался от назначения секретарем Чернявского из Омска только под давлением его окружения и священников-западников, о чем я писал раньше в своих справках.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 5. Д. 151. Л. 7–9.

№ 99
Справка уполномоченного о посещении им Ялты и Алушты

8 марта 1960 г.

Со 2 по 6 марта выезжал в Ялту и Алушту.

В Ялте я беседовал со священником Мосиенко, который сообщил, что председатель поселкового совета якобы сказал казначею церкви, чтобы двадцатка была не более двадцати человек, чтобы он, Мосиенко, без ведома и согласия, а также без двух-трех свидетелей не крестил детей. Мосиенко просил меня на эти поставленные вопросы председателем поселкового совета дать ответ. Я Мосиенко спросил, беседовал ли он сам по этим вопросам с председателем. Мосиенко ответил: «Нет, не разговаривал, а я запросил Епархиальное Управление, и оно мне ответило, что двадцатка должна быть не менее двадцати человек, крестить детей он, Мосиенко, имеет право, и на

это никаких свидетелей не требуется». На это я Мосиенко заметил, что ему не следовало бы верить всякого рода сплетням, а самому удостовериться и только тогда писать в епархию. Мосиенко с моим замечанием согласился.

В дальнейшей беседе со мной Мосиенко очень нелестно отозвался о Крымской епархии и заявил, что Луку окружили униаты-паписты. Он эту категорию людей с Западной Украины хорошо знает по совместному пребыванию в течение десяти лет в лагерях на дальнем Севере, где он отбывал наказание. Эти люди, сказал он, ненавидят советскую власть, и если бы что-либо случилось, они первые всадили бы ей в спину нож. Все они люди неверующие, их цель жизни — деньги и легкая жизнь. На мое замечание, что не все западники такие, Мосиенко с раздражением сказал: «Все, все до одного; возьмите, к примеру, Кухарчука — Ялтинского настоятеля собора, у него не меньше как 200–300 тыс. на сберкнижке, однако он и сейчас без зазрения совести грабит живых и мертвых». Мосиенко сообщил, что Кухарчук и церковный староста, чтобы скрыть свои преступления, два раза в неделю возят Луке и его окружению подарки. «Конечно, он у Луки будет на хорошем счету, а я был и останусь последним попом в епархии, потому что я не подхалим», — сказал Мосиенко.

На мой вопрос, откуда ему известно, что в епархию Кухарчук возит подарки, Мосиенко ответил: «Шила в мешке не утаишь, они могут обманывать слепого и глухого Луку, но не меня, бывшего горного инженера». Мосиенко в заключение сказал, что он Луку ненавидит, и только за то, что он, беспомощный старик, разваливает епархию и не уходит от руководства только из-за самолюбия, кроме вреда он епархии ничего не приносит, и если бы об этом знал Патриарх, он бы его немедленно выгнал, заключил Мосиенко.

На высказывание Мосиенко я никак не реагировал и промолчал.

О беседе с Мосиенко я сообщил работнику Ялтинского отделения КГБ тов. Кобылянскому, секретарю

Священники Владимир (Малевич?), Михаил Семенюк, диакон Петр Шулеренко

Ялтинского горсовета тов. Тереножкиной и просил их вражду, затаенную против Кухарчука и церковного совета собора со стороны Мосиенко, поддержать и по возможности разжечь.

При встрече с церковным советом собора и его настоятелем Кухарчуком я им намекнул, что церковный совет поселка Чехова плохо отзывается о них, чем это можно объяснить? Церковный староста и священник Кухарчук сразу же выдали себя и заявили: «Это все дело рук священника Мосиенко, которого не любят верующие его прихода и ходят к нам в церковь». «Не верьте ему, — сказали они, — он интриган, он подлый человек, он способен на все, даже на любое преступление, он клеветник, и его в епархии за это никто не любит, в том числе и архиепископ Лука». Я промолчал. Однако зерно раздора между двумя церковными двадцатками и священниками заложено.

Церковный совет и священник Кухарчук обратились ко мне разрешить им сделать внутренний и наружный ремонт собора. Я порекомендовал вынести решение

церковной двадцатки, подсчитать сумму расходов и просить Луку выделить им на ремонт деньги.

В Алуште я беседовал с церковным советом и священником Клаасом. Церковный совет обратился с просьбой произвести внутренний ремонт церкви, деньги у них на ремонт есть. Я ответил, что это их внутреннее дело.

При осмотре церкви с секретарем райисполкома тов. Резниченко оказалось, что на втором этаже храма, где расположена крестильня из двух комнат, священник Клаас поставил кровать, столик, зеркало для приезжавшей к нему так называемой приемной дочери. Комнаты прокурены, на столе груда окурков и не меньше дюжины пустых бутылок из-под вина, а одна из-под водки. На мой вопрос, почему в святом храме Клаас допускает эти безобразия, Клаас промолчал; потом, когда прошло минуты две-три, он сказал: куда же я мог поместить свою приемную дочь? На это я ответил: «В свою квартиру, к ее нареченной матери, а к вашей матушке». Клаас так же, как и на первый мой вопрос, промолчал.

После посещения церкви я беседовал с председателем райисполкома тов. Виноградовым, обо всем рассказал ему и рекомендовал ему обнародовать все виденное через местную печать. Тов. Виноградов обещал мне посоветоваться в райкоме партии, однако в заключение сказал, что, пожалуй, лучше будет, если по этому вопросу выступила бы областная газета, там работники поопытнее, чем наши, и фельетон может получиться поинтереснее.

При посещении церквей в Ялте и Алуште в первую неделю Великого поста установлено, что посещаемость верующих невысокая.

Например, в церкви пос. Чехово постующих было 30–35, в соборе — человек 60–65, в Алуштинской церкви — человек 50–55. Все постующие и причащавшиеся старушки преклонного возраста. Пожилых мужчин было от 3 до 5 человек. Молодых мужчин и женщин совсем не было. На мой вопрос церковному совету и священникам,

чем это можно объяснить, что мало в церкви постующих и особенно молодых мужчин и женщин, они отвечали так: «Много будет на Крестопоклонной (третьей) и последней неделе, так как сейчас еще холодно, да и погода неустойчивая, а церкви, к великому нашему сожалению, не отапливаются».

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 5. Д. 151. Л. 35–37.

№ 100
Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой

12 марта 1960 г.

11 марта 1960 г. у меня была встреча с архиепископом Лукой.

Решались следующие вопросы:

1. О ремонте Ялтинского собора, о постройке изгороди вокруг него и благоустройстве территории церковного двора.

К постройке изгороди, благоустройству территории церковного двора и наружного ремонта, заявил Лука, церковный совет приступит немедленно. Внутренний ремонт храма будет производиться только после Пасхи (с 25 апреля).

2. Передал архиепископу Луке беседу священника поселка Чехова из г. Ялты Мосиенко, который мне сообщил, что Крымскую епархию заполонили западники-униаты, которые служат в церкви за деньги, а не по призванию; у всех у них по 200–300 тыс. на сберегательных книжках; они нашу Православную Церковь превратили

Сидят (слева направо):
священники Николай Никольский и Михаил Семенюк, пономарь Лохмоткин
Во дворе Александро-Невского собора. г. Ялта

в католическую и ввели свои порядки. На мое замечание, что не все западники такие, какими их священник характеризует, на это Мосиенко мне ответил, что ему лучше знать, так как он очень со многими из них отбывал в лагерях наказание, хорошо знает их настроение и религиозность. Во-первых, они, сказал Мосиенко, безнравственны, любят наушничать, подхалимы и иезуиты. Во-вторых, очень обижены на Советскую власть и в любой подходящий момент всадят ей в спину кинжал; они всем своим нутром по ту сторону советских рубежей. Я своим верующим, сказал Мосиенко, недавно читал в церкви проповедь и обратил их внимание на картину, изображающую Тайную Вечерю, и особенно на то, как один из 12 апостолов, Иуда Искариотский, поднялся и пошел продавать за 30 сребреников Иисуса Христа, — вот так, сказал Мосиенко, и западники служат за деньги, бессовестно набивают себе карманы и возят епархиальному окружению систематически подарки. Эти священники в Крыму получают хорошие приходы, и в епархии они на

особом счету. Выслушав все сказанное Мосиенко, мной ему было сказано, что это дело не мое и я в ваши внутренние дела не вмешиваюсь, это дело епархии, и пусть она наводит порядок.

Лука сейчас же при мне предложил секретарю вызвать священника Мосиенко в епархию. Чем вызван такой разговор с Лукой о беседе со священником Мосиенко? Это вызвано тем, что Мосиенко очень неблаговидно ведет себя в Ялте и ему там не место. В дальнейшем принять меры к тому, чтобы в эту церковь священника не допустить, так как эту маленькую неприглядную церковь, расположенную недалеко от дома-музея А. П. Чехова, куда в летнее время беспрерывно приезжают экскурсии со всех стран мира, показывать невыгодно. Эту точку зрения разделяют Ялтинский горсовет и работники Ялтинского отделения КГБ.

3. Сообщил Луке о том, что священник кладбищенской церкви г. Феодосии Серафим Пекло, с целью компрометации меня, давал взятку, о чем признался на допросе в милиции; я просил Луку принять к Пекло меры. Лука заявил: «Я переведу его из Феодосии в другой приход, если Вы не будете возражать». На это я ответил, что это не наказание. Его, на мой взгляд, нужно уволить в заштат с правом перехода в другую епархию. Лука в принципе согласился, однако сказал, что «Пекло некем заменить. У нас в епархии, заявил Лука, не хватает десять священников, и меня это очень беспокоит, я ночи не сплю, когда в такие дни нет в некоторых церквах богослужения».

Мной Луке было отвечено, что помочь ему в этом вопросе, при всем моем желании, не могу. На это Лука сказал: «Вы можете помочь, если будете давать регистрации священникам не по выбору, а всем, которые приезжают к нам или просятся в Крымскую епархию». Я напомнил Луке, что вопросом прописки священников ведает милиция, и если она не прописывает назначенных Вами священников, вероятно, у нее к этому есть основания, и претензии прошу предъявлять не ко мне, а к ней. Однако, как бы между прочим, напомнил Луке, что Крымская

область пограничная, а кроме этого, Всесоюзная здравница, и даже не только Всесоюзная.

4. Мною было сообщено Луке, что священник Сакской церкви Попов нарушает типовой договор, заключенный с райисполкомом на пользование церковью (создал в помещении храма склад угля, дров, строительного материала), а когда верующие стали возмущаться его поведением, он в церкви этих людей назвал смутьянами, бандитами и безбожниками. Этот священник занялся клеветой не только на верующих своего прихода, которых Вы в свое время отлучали от церкви, а потом отменили свое решение, но и [на] меня, как уполномоченного. Собирает обманным путем от верующих подписи якобы о том, что уполномоченный закрывает церковь, а в самом деле заголовок подписного листа свидетельствует о том, что он, Попов, хороший священник и верующие просят его оставить в их приходе.

Попов распространяет слухи, что уполномоченный приехал в Саки пьяный, собрал в церковной ограде безбожников и натравливал их на священника и поджигал их к закрытию церкви. Причем этот случай с Поповым, как провокатором, не первый. Он год тому назад писал в епархию, а епархия в Москву, что от него, Попова, уполномоченный требовал отречения от священного сана. При разборе этого дела Попов от своего письма в епархию отказался и дал объяснение в Москву, что он с уполномоченным никогда по этому вопросу не беседовал и никакого письма в епархию не писал. Значит, сказал я Луке, этот священник совершенно не только потерял облик священника, я уже не говорю лояльного священника, но и облик человека.

Лука снова ставит передо мной вопрос — где же ему взять в Саки священника, когда в резерве у него их нет. На это я еще раз Луке заметил, что я кадрами священников не ведаю, — это лично его дело. Лука обещал подумать и позже дать мне ответ.

5. На мой вопрос, ознакомлен ли он с протоколом церковной двадцатки Джанкойской церкви от 27 февраля 1960 г. о прекращении в этой церкви богослужения, Лука

Священник Михаил Семенюк и диакон Иван Менёк-Минючок (в центре)
Крестный ход в Александро-Невском соборе. г. Ялта

ответил: «Мне ничего не известно» и просил меня с ним ознакомить. Мной была зачитана Луке следующая выдержка из постановления церковной двадцатки:

«Заслушав через старосту заявление уполномоченного по делам РПЦ тов. Гуськова А. С. о том, что он храм не закрывал и богослужения в нем не приостанавливал, потому что приход большой, здоровый, а поэтому лично архиепископом Лукою приостановление служения неожиданно, незаконно. Архиепископ Лука <...> подвергся окружению, руководству и управлению им:

1) Быв. священника, снявшего публично сан, ревизора, и. д. секретаря и бухгалтера Березкина Александра, две дочери которого во время оккупации вышли замуж за немецких офицеров и с ними живут за границей.

2) Личный архиерейский секретарь Евгения Павловна, гитлеровская переводчица во время оккупации гор. Севастополя.

3) Секретарь и благочинный Рыхлицкий, о. Михаил, у которого ныне половина семьи проживает за границей, а сын его отбывает в Красноярске заключение.

Полуфашистское засилие епархиального управления руководит повседневно, ежечасно обманывая его».

(Копия протокола прилагается).

Лука дважды меня переспросил: «Полуфашистское засилие?», и я дважды ему его прочитал. Лука не менее 3–4-х минут молчал и на мой вопрос, как же он на все это смотрит, ничего не ответил, только и мог сказать, что драка в церковной общине, группировки там, проведение глубокой ревизии и вмешательство прокуратуры — дело рук священника Черкашинова и нового состава церковного совета и церковной двадцатки, которую он, Лука, не признает. Все это в Джанкойской церкви произошло потому, что Вы, сказал Лука, сняли ни за что лучшего в епархии священника Марковского, который мешал Вам закрыть церковь в 1958 году в с. Садовом. У Вас ярко выраженная черта злопамятства, сказал Лука. Из-за Вас ушел в заштат священник Алупкинской церкви Соболев и священник Чистеньской церкви Гречаный. Из секретарей епархиального управления ушел лучший и преданнейший мне священник Виталий Карвовский, отказался работать секретарем епархии священник Борис Либацкий, сейчас не хочет работать секретарем опытнейший священник Михаил Рыхлицкий.

Я, не перебивая Луки, выслушал все его критические замечания в мой адрес и ответил, что он, как архиепископ, необъективен, что и доказал ему.

Священник Марковский из Джанкойской церкви, сказал я, мной снят с регистрации за то, что он с целью наживы вмонтировал в напрестольный крест кусочек дерева, приобретенного им якобы из Иерусалима, который он выдавал верующим за кусочек от Креста Господня. Ведь Вам, как ученому, более, чем кому-либо, известно, сказал я, что это есть не что иное, как шарлатанство и обман верующих, а поэтому не случайно Вы распорядились изъять из Джанкойской церкви напрестольный крест с этим кусочком дерева от так называемого Животворящего Креста Господня и закрыли его в Вашем

кафедральном соборе в недоступном месте для верующих. Значит, Марковский снят не за то, что он мешал мне закрытию в с. Садовом церкви, которую, кстати, я не закрывал и не собирался закрывать. Закрыли Вы ее сами, и Вы сами вывезли из нее церковное имущество и передали его в Белогорскую церковь. Причем Вы закрытие этой церкви мотивировали тем, что там длительное время не было священника, церковная двадцатка распалась, и Вы перестали давать дотацию из епархиального управления даже на содержание сторожа, и эта церковная община распалась, и моей вины в этом я не усматриваю. Не вижу своей вины по закрытию этой и ряда других церквей, которые Вы закрыли сами и передавали помещения органам Советской власти на местах.

Священник Алупкинского молитвенного дома Соболев в заштат ушел по Вашему указу, а не по моему, на что я, как Вы знаете, не имею права.

Вы даете положительную характеристику Соболеву — это Ваше дело судить о нем как о священнике и человеке. Однако я о нем Вам сообщал, но, видимо, Ваш секретарь от Вас это скрыл, а поэтому, пользуясь сегодняшней встречей с Вами, я его частично, оговариваюсь, частично, охарактеризую, сказал я. Соболев был осужден по ст. 58–10 ч. II-я, в дальнейшем амнистирован, однако каким он был до ареста, таким остался и после него. Чтобы не быть голословным, я прочитал Луке телеграмму Соболева председателю облисполкома, которая искажала истинное положение дел в Алупке.

В этой телеграмме писалось: «Дополнение жалобе Алупкинской церкви, поданной на имя секретаря ЦК партии Украины Подгорного 25 августа сего года, распоряжением Алупкинского горисполкома начальник Алупкинской стройремконторы Грыза учинил *дневной грабеж* (здесь и далее выделено в документе. — *Сост.*), увез с территории церкви строительные материалы, заготовленные для ремонта церкви 20 тыс. рублей, чем усугубил грубое нарушение Советской Конституции и других постановлений правительства о правах церкви».

Тогда как никакого дневного грабежа церкви не было, заявил я и прочитал ему акт от 26 августа 1959 г., который гласит:

«Мы, нижеподписавшиеся, управляющий домами тов. Заварзин П. Ф., кладовщик РСУ Афоничкин, техник РСУ Слюсарь, настоятель Алупкинской церкви Соболев решением горисполкома от 29 июля 1959 г. № 226 обязывался передать б/жилое здание для восстановления под квартиры и убрать имеющийся в здании материал. М. Соболев выполнить решение отказался и убрать материал из здания также отказался, на что и составлен настоящий акт».

После отказа Соболева убрать строительный материал материал убрал горсовет, и я зачитал акт от 28 августа:

«Мы, нижеподписавшиеся, кладовщик Алупкинского ремстройучастка тов. Афоничкин М. Е., техник Алупкинского ремстройучастка тов. Слюсарь А. М., участковый милиционер тов. Счастливый, депутат Ялтинского горисполкома тов. Ткаченко В. М., составили настоящий акт в том, что, согласно распоряжения Алупкинского горисполкома, ремстройучасток приступил к капитальному ремонту жилого дома по ул. Революции, дом № 3, который временно на основании арендного договора использовался как молитвенный дом, а в данное время договор расторгнут и указанный дом восстанавливается под квартиры.

При передаче дома на ремонт в доме находились строительные материалы, предназначенные для ремонта указанного дома, которые ремстройучасток использует на ремонт дома № 3 по ул. Революции.

1. Цемент марки 300–100 мешков т. 5
2. Доски половые III–IV сорт — кбм 5,2
3. Стекло оконное два ящика — кв. м 50
4. Фанера листовая размер 2,2 х 1,2 — лист. 4
5. Сухая штукатурка 2,70 х 1,30 — шт. 34
6. Мел в пачках — 60 по 1 кг — всего 60 кг
7. Сталь кровельная листовая 1,40 х 0,70–52 листа
8. Сталь кровельная 2 х 1 метр — листов 3
9. Песок морской кбм — 10.

На что и составлен настоящий акт».

Сообщил, что за этот материал ремстройконтора перечислила на ваш счет 6313 руб. 57 коп.

Рассказал ему о беседе с Соболевым 26 сентября 1959 года, где он мне сказал:

«Горсовет послал людей, которых охраняли жандармы и полицейские, и забрали лесоматериал и вообще строительные материалы, принадлежащие церковной общине». На мое замечание, что у нас нет жандармов и полицейских уже 42 года и пора бы знать Соболеву об этом, он на это ответил: «А какая разница между американскими и советскими жандармами? Я разницы не вижу».

После всего сообщенного мной Луке о поведении Соболева я просил его высказать по затронутым мной вопросам его точку зрения. Лука промолчал и ничего не ответил, да ему и нечего было отвечать.

О закрытии церкви в с. Чистенькая Луке отвечено так же, как я отвечал ему о закрытии церкви в с. Садовое — они аналогичны.

О священнике Гречаном, находящемся в настоящее время за штатом, сообщил, что он дважды женат и верующие его знают не как священника, а как работника котельного цеха стекольного завода, ставшего священником в дни немецко-фашистской оккупации. А худая слава идет далеко, и ни одна церковная община в Крыму не желает его принимать на службу, так же как и бывшего священника Феодосийской церкви Руденко, укравшего из церковной кассы 13 тыс. руб. В их поведении я своей вины не вижу, и неправильно Вы ее мне приписываете. Создавать же им искусственный авторитет среди верующих в мои функции не входит. Больше того, не я определил их в заштат, а Вы, и я не думаю, что Вы это сделали без основания, однако это меня не касается и это дело лично Ваше, а не уполномоченного. Лука и на эти мои замечания ответить ничего не мог, так как все мной сказанное ему отвечает действительному положению.

В отношении смены у Вас в епархии секретарей, сказал я, а их уже сменилось за последний год четыре и меняется сейчас пятый, вины моей в этом, как Вы пытаетесь

обвинить меня, нет и не может быть, хотя бы только по одному тому, что секретарям епархиального управления уполномоченный справок о регистрации не выдает, а поэтому мне и дела до Ваших секретарей нет. Значит, Вы просто подбирали секретарей неудачно и не учитывали их деловых качеств.

Ни один из Ваших как бывших секретарей, так и настоящего Михаила Рыхлицкого, который присутствует при нашей беседе, не могут сказать, что их выжил уполномоченный или потребовал, чтобы они ушли из секретарей. Я прошу священника Рыхлицкого, — он же секретарь епархии, — сказать, почему он не желает быть секретарем епархии? Рыхлицкий, присутствовавший при этой беседе, поднялся и заявил Луке, что он уходит по состоянию здоровья, на что он имеет справку врача. На мой вопрос, принуждал ли я его к уходу из секретарей, Рыхлицкий ответил Луке, что этого не было. Я больше по этому вопросу с Лукой не стал разговаривать, а только заметил ему, что его кто-то неправильно информирует, а он, не разобравшись, предвзято относится к уполномоченному, и дальше я ему сказал, что постольку поскольку мы с вами сегодня откровенно разговаривали, я обязан зачитать вам текст просьбы жены священника и молодого священника Вдодовича, рождения 1932 года.

Дословное содержание текста следующее:

«Уполномоченному по делам церкви тов. Гуськову

Прошу оградить нас от приставаний отца Михаила Рыхлицкого, от которого пришлось уехать даже из Евпатории в с. Пионерское, куда он также продолжает приезжать и пристает и обещает все для меня сделать, только чтобы я с ним согласилась жить. Я ему сказала, что это грех; он мне сказал, что "нет, я же вас не обижаю".

За мой отказ ему он принимает административные меры к моему мужу священнику.

Вдодович Ия Р.

18/II-60 г.

Все изложенное женой моей подтверждаю.

Священник *Виктор Вдодович*».

Лука тут же дал указание Рыхлицкому вызвать к нему на завтра священника Вдодович.

Сообщено мной было Луке и о нарушении типового договора, заключенного Алуштинской церковной общиной с Алуштинским райисполкомом на использование церкви исключительно для молитвенных целей.

При посещении мной Алуштинской церковной общины, в присутствии секретаря райисполкома тов. Резниченко, церковного старосты и священника Клаас, было обнаружено, сказал я Луке, на втором этаже храма, где ранее находилось две комнаты для крещения, теперь оборудованы под спальню приехавшей к Клаасу так называемой приемной дочери, которая разместилась не у нареченной матери — жены Клааса на квартире, а непосредственно в церкви. В этих двух комнатах царит хаос, на столе валяется большое количество окурков, грязно, пол заплеван, на столе и под столом двенадцать пустых бутылок из-под вина разных марок и одна бутылка из-под водки, короче говоря, резюмировал я, в этой церкви делается то же, что делалось в Ильинской церкви г. Евпатории. Лука это мое сообщение очень воспринял болезненно и с раздражением, повысив тон, сказал: «У меня нет пьяниц священников, нет прелюбодеев, все они честно служат Богу; у меня нет священников, делающих аморальные поступки. Известно ли Вам, — сказал Лука, — что на каждую литургию идет поллитра вина?» Я ответил: известно, однако я не знаю случаев, чтобы требовалась на эту цель водка.

Нервозность Луки не оправдывала поступка священника, а наоборот, и я прямо задал Луке вопрос, одобряет ли он действия священника Клаас, организовавшего в церкви ночлежку, распивочную и курительную комнату? Лука, успокоившись, ответил: «Клаас сделал неправильно», и тут же дал указание секретарю Рыхлицкому вызвать священника в епархию.

Мной перед Лукой был поставлен и такой вопрос, что он нарушает указание Патриархии от 26 октября 1959 г. о разъездных священниках и до сих пор направляет

заштатных священников на временную службу в те приходы, где нет настоятелей, и просил его больше такого рода нарушений не делать. На это мне Лука сказал, что он будет на меня жаловаться в Совет по делам церкви. На это я Луке ответил, что это его право, однако когда Вы будете писать об этом в Совет, то Совету сообщите, что направляемые Вами на время (один, два дня) священники скрыли от РайФО, ГорФО и ОблФО свои доходы и не платили подоходного налога, тем самым обманули государство, что делать никому не положено.

В заключение я спросил Луку, почему не освобождается им Ильинская церковь в г. Евпатории, которая в соответствии с постановлением Облисполкома от 8 февраля 1960 года, как аварийная, подлежит разбору. Лука ответил так: «Помимо моего указания церковный староста Ильинской церкви Бублик ездил в Москву с жалобой на решение Облисполкома, и ему в Совете по делам церкви сказали, что из Москвы недельки через две выедет комиссия и только тогда вопрос будет решен окончательно, — поэтому и не вывозится церковное имущество. Я, — заявил Лука, — поступил неправильно, как сказали Бублику в Патриархии, когда дал указание о прекращении в этой церкви богослужения. Надо было службу продолжать до комиссии из Москвы». На это я Луке ответил, что жаловаться он может во все инстанции, но с решением Крымского облисполкома не считаться нельзя, оно ведь небезосновательно. Лука в заключение сказал, что он пошлет в Совет телеграмму, и, если Совет распорядится освободить церковь, он немедленно это сделает. На этом беседа с Лукой была закончена.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 5. Д. 151. Л. 39–47.

№ 101
Справка уполномоченного о своих беседах с сотрудником Московской Патриархии В. А. Любимовым

12 апреля 1960 г.

4 апреля 1960 г. зашел ко мне сотрудник Московской Патриархии Любимов Владимир Алексеевич и отрекомендовался инженером-строителем. Цель его приезда, как он сообщил, осмотреть Ильинскую церковь в г. Евпатории и дать свое заключение в Патриархию и в Совет. Любимов попросил меня ознакомить его с техническим актом, составленным специалистами, на предмет дальнейшей ее эксплуатации. Просьба Любимова мной была удовлетворена. На мой вопрос, что Любимов намерен еще посмотреть в Крымской епархии, Любимов ответил: «Еще некоторые церкви, и, главным образом, крупные». После осмотра церквей Любимов обещал зайти и высказать свое мнение и пожелания. На этом первая беседа с ним была окончена.

8 апреля Любимов зашел ко мне вторично и сообщил, что он вместе с Комейко Владимиром Акимовичем, инженером-строителем Центрального научно-исследовательского института гор. Москвы, с которым якобы он встретился в Крыму, осмотрели здание Ильинской церкви в г. Евпатории и пришли к заключению, что акт, составленный технической комиссией об аварийном состоянии этой церкви, в основном соответствует действительности, и они пришли к единому мнению, что эта церковь закрыта как аварийная правильно. Однако, сообщил Любимов, разбирать церковь не следует, ее можно после капитального ремонта использовать под широкоэкранное кино или музей. И тут же оговорился, что это дело горсовета, а не их. Зданию Ильинской церкви действительно требуется коренная реставрация — полное ее восстановление с большими затратами. Любимов и Комейко Патриархии восстановление этой церкви рекомендовать не будут, тем более что на расстоянии 200–250 м

от этой церкви находится прекрасный действующий собор, который, как им сообщили сами священники и верующие, полупустует.

На мой вопрос Любимову, можно ли оставлять в таком состоянии церковь, в каком она находится сейчас, Любимов ответил: «Нет! Крым является сейсмическим районом, а это значит, что здание при малейшем толчке рассыплется, как карточный домик». Тогда я ответил Любимову, что не вижу логики. Вы сделали вывод, что церковь можно восстановить, и тут же говорите, что она может рассыпаться, как карточный домик, а что будет, если в этом карточном домике, как вы сказали, будут люди? Кто будет нести ответственность за жертвы, спросил я Любимова. Любимов ответил: «Да, это не исключено. Я в Патриархии и Совете заявлю, что эту церковь нужно немедленно освободить от церковного имущества и передать ее горсовету. Обещаю вам по приезде из Москвы послать телеграмму Патриархии о закрытии этой церкви. Патриархия с нашими выводами согласится. В этом, — заявил Любимов, — я не сомневаюсь». В заключение я просил Любимова информировать сотрудников Патриархии, что два технических акта, составленные по распоряжению Евпаторийского горсовета специалистами, инженерами-строителями, соответствуют действительности и объективны, а жалоба архиепископа Луки не соответствует истинному положению, она ложная. Любимов обещал правдиво рассказать сотрудникам Патриархии о положении дел в этой церкви.

Любимов сообщил, что он был в Севастопольском соборе и дал там указание заменить электропроводку. Там же он разобрался, по просьбе архиепископа Луки, кто запретил церковный звон в Севастополе. На мой вопрос, почему Лука не сообщил мне об этом, Любимов ответил: «Лука заявил, что это запретили Вы». Однако, как установил Любимов, никто церковного звона в Севастополе не запрещал и не запрещает. Все это Лукой выдумано. Об этом факте я также попросил информировать сотрудников Патриархии. Любимов обещал это сделать.

В Ялтинском соборе, сообщил Любимов, он дал указание заменить электропроводку, сделать внутренний и наружный ремонт церкви (покрасить крышу), сделать хорошую изгородь, озеленить двор, приобрести хорошие ковры, дорожки и заменить затрапезное облачение. Просил меня помочь в соборе установить телефон, а он будет ставить вопрос в Патриархии о выделении Ялтинскому собору ссуды в 250 тыс. рублей и одной легковой автомашины. Предложения Любимова мной поддержаны.

Любимов сообщил, что в Алуште, по просьбе священника Клааса, какой-то нанятый им инженер проводил никому не нужное исследование фундамента и вырыл вокруг церкви траншею, тем самым восстановил верующих против местных органов советской власти. Священник Клаас распустил слух, что церковь, как аварийную, хотят закрыть. Любимов распорядился траншеи засыпать и не возбуждать верующих. Я поблагодарил Любимова за информацию и просил передать архиепископу Луке, чтобы он священника Клааса наказал и разослал всем священникам, чтобы они в таких случаях ставили в известность епархию и уполномоченного, а не самовольничали и не восстанавливали верующих против местных органов власти, которые ни в какой мере и степени не повинны. Просил Любимова сообщить в Патриархию и об этом провокационном факте.

Любимов сообщил, что ему было поручено разобраться с Джанкойской церковной общиной. На мой вопрос, не может ли он высказать свое мнение, Любимов ответил: «Во всем виноват только владыка, и я доложу в Патриархии, чтобы священника Черкашинова восстановить на службе в Джанкое. Черкашинов поступил правильно, когда хотел навести там порядок в соответствии с инструкцией Патриархии. К Вам с моей стороны, заявил Любимов, у меня претензий нет. Вы поступили и поступаете правильно».

Любимов в дальнейшей беседе сказал, что Лука не способен руководить епархией. Епархию возглавляет горбатая Лейкфельд Евгения Павловна, о чем будет доложено в Патриархию. Я уверен, заявил Любимов, что ее выгонят из Епархиального Управления. Буду рекомендовать

в Патриархии к Луке назначить викарием настоятеля кафедрального собора Коломейца Макария. Любимов хотел знать мое мнение. Я сказал, что это дело Патриархии. Однако точку зрения Любимова разделяю.

Любимов спросил меня, как я могу работать с таким беспомощным архиепископом, ведь это просто невозможно, сказал он. На это я заметил Любимову: «Мне приходится работать с Лукой только юридически, фактически же я работаю с его окружением, и в первую очередь с Лейкфельд Евгенией Павловной, женщиной реакционно настроенной, самолюбивой, самовластной, к тому же очень коварной, о чем говорю не только я, а многие священнослужители и члены церковных исполнительных органов, которые никак обойти ее не могут и с ней так или иначе соприкасаются».

О том, что Лейкфельд руководит епархией и восстанавливает Луку против меня, дал Любимову копию документа, подписанного Лейкфельд.

Копия

Московская Патриархия

Управляющий Симферопольской

и Крымской Епархией

Настоятелю Ново-Александровской Церкви

1. Вам следует зайти в сельсовет — учреждение, заявившее Вам об освобождении помещения, занимаемого под церковь, и заявить о том, что одностороннее расторжение договора недействительно.

2. Немедленно внести страховой взнос депозит при нотариальной конторе.

3. Если бы вдруг явилось вывезти церковное имущество, то ключи не давать.

4. Если станут распоряжаться сами, сказать, что запрещается, и немедленно звонить прокурору, просить помощи против самоуправства и Епархию чтобы поддержали. На месте составить акт о произведенном самоуправстве.

Подпись Архиепископа Луки. По поручению Преосвященного Владыки

Подписала — Лейкфельд Евгения Павловна.

Копия верна: Председатель Гвардейского поселкового Совета — Шпунт.

Любимов спросил меня, почему Симферопольский райисполком перезаключает договор с Ново-Александровской церковной общиной? Я сообщил ему, что это здание — жилой дом, принадлежащий сельсовету. Церковной общине предложено было 26 января перезаключить договор. Церковная двадцатка по указанию Луки перезаключить договор отказалась. Райисполком 28 января вынужден был вынести решение о расторжении договора и разрешил Ново-Александровской общине подыскать соответствующее помещение для молитвенных целей. 11 марта Облисполком утвердил это решение. Из этого видно, что Лука сам закрыл церковь, а не уполномоченный и не органы советской власти, как он это всегда во все концы пишет.

Точно такое же положение, сообщил я Любимову, в пос. Октябрьском и Ленинском. Лука, не желая перезаключать договоры на помещения, занимаемые молитвенными домами, лишает эти общины зданий, а потом будет жаловаться в Патриархию. Выслушав меня и ознакомившись с документами, Любимов сказал, что он обо всем этом сообщит сотрудникам епархии. Любимов сказал, что я поступаю совершенно правильно и он меня в этом вопросе полностью поддерживает, а действия Луки осуждает как неправильные и вредные для дела и церкви.

Поднят был вопрос Любимовым и в отношении Благовещенской церкви в г. Симферополе, расположенной под одной крышей с Епархиальным Управлением и квартирой Луки.

Любимов сообщил мне, что эта церковь маленькая, не благоустроенная, нет запасных выходов, что в противопожарном отношении недопустимо. Причем эта церковь находится буквально рядом с собором. Эту церковь, сказал Любимов, нужно превратить в крестовую церковь без прихода, как это и делается во многих епархиальных управлениях. Я точку зрения Любимова поддержал и сообщил ему, что у меня была попытка такой беседы

с Лукой, однако он со мной не согласился, и только потому, что он в Крыму лишится еще одной единицы, ему единица дороже дела. Я просил Любимова поднять перед Патриархией и этот вопрос. Любимов обещал мою просьбу выполнить.

В заключение беседы Любимов сказал, что Лука готовит вопросы, которые передаст со мной в Патриархию. Я предлагал ему, сказал Любимов, решить их на месте с уполномоченным, а он не сомневается, что их решить можно, однако Лука сказал, что вопросы еще не готовы и он еще над их формулировкой будет думать.

На этом наша встреча с Любимовым была окончена.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 5. Д. 151. Л. 57.

№ 102
Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой

27 мая 1960 г.

Выполняя постановления ЦК КПСС и ЦК КП Украины «О ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» [89], мной были проведены с архиепископом Лукой три беседы. В беседах я широко использовал местные факты нарушений советского законодательства по культам по Крымской епархии как правящим епископом, так и священнослужителями.

Более активно и наступательно мной стала проводиться работа по этим же вопросам с секретарем епархии, благочинными, священниками, с церковными исполни-

тельными органами и активом верующих, с которыми мне приходится, по роду моей службы, встречаться.

Мое настойчивое требование и неуклонное выполнение советского законодательства, начиная с Луки и кончая исполнительными органами церковных общин, а также предупреждение некоторых церковнослужителей, церковных советов и ревизионных комиссий обозлило не в меру властного, самолюбивого, деспотичного старика, иногда теряющего здравый рассудок, Луку, возомнившего себя, пользуясь прошлыми заслугами доктора медицинских наук, лауреата Сталинской премии, удельным князьком Крымской епархии. Кроме личных отрицательных качеств Луки, как ярого монархиста, к ухудшению за последнее время взаимоотношений со мной послужило и то, что его тенденциозно информировали некоторые священники, верующие и, главным образом, секретарь епархии Рыхлицкий, отрицательное лицо которого трижды показывалось в статьях газеты «Крымская правда» и «Курортной газете» г. Евпатории. Немаловажное значение к ухудшению взаимоотношений с Лукой послужило и то, что за пять месяцев 1960 года в Крымской области сняты с регистрации 3 церковные общины, с тремя церковными общинами расторгнуты договоры и предложено им подыскать соответствующие помещения для молитвенных целей. Закрыта, как аварийная, Евпаторийская Ильинская церковь (копии решений облисполкома прилагаются). Из-за постоянных склок, систематических драк среди верующих, прямого воровства, растрат и отсутствия священника, снятого Лукой, не функционирует Джанкойская церковь и не работает, также из-за отсутствия священнослужителя, церковь в поселке Ленинском.

За нарушение советского законодательства сняты мной в мае месяце 1960 года священники Кокорев из с. Мазанка и Попов из г. Сак. Предупреждены за нарушение советского законодательства священники Фирковский из г. Белогорска, Паршинцев из г. Бахчисарая, секретарь епархиального управления, он же настоятель

Евпаторийского собора Рыхлицкий и бывший секретарь епархиального управления, ныне настоятель Благовещенской церкви г. Симферополя Карвовский. Все это вместе взятое вызвало бурную реакцию Луки, рассматривающего эти вполне законные действия как гонение на религию со стороны уполномоченного и местных органов власти. И как бы венцом всего явилось разоблачение уполномоченным незаконного приобретения для епархии двух легковых автомашин на подставных лиц, на которых в госавтоинспекции и были зарегистрированы эти автомашины. Одна легковая автомашина «Победа» была куплена за средства епархиального управления на имя внучки Луки Прозоровской Маи Дмитриевны за 25,5 тыс. рублей и зарегистрирована в автоинспекции на ее имя, а впоследствии ей же продана за 10 тыс. рублей. Вторая автомашина «Волга» была куплена также за счет епархии за 38.350 руб. на имя быв. секретаря епархиального управления Карвовского и зарегистрирована в автоинспекции на его имя.

Лука, узнав, что антизаконные действия епархиального управления раскрыты, а тем более что в этом вопросе замешана и его внучка, буквально рассвирепел и заявил, как мне стало известно: «Уполномоченный Гуськов — злейший враг и ненавистник церкви, и с ним решать церковные вопросы невозможно», и пришел к совершенно неправильному выводу — не только не прислушиваться к законному требованию уполномоченного, но и стал поучать священнослужителей решать все вопросы жизни и деятельности церковной общины только с ним и через него, обходя меня. Например: решения Облисполкома о закрытии Евпаторийской Ильинской церкви, как аварийной, не выполнять, не подчиняться решениям Облисполкома о расторжении договора с церковными общинами с. Ново-Александровка Симферопольского района, с. Пшеничное Первомайского района и пос. Октябрьский Октябрьского района. Не стал последнее время соглашаться ни по одному вопросу, явно игнорируя меня, и потребовал

также, чтобы не соглашались с моими рекомендациями и указаниями церковные общины и священнослужители.

Анализируя все это, я, посоветовавшись с работниками Обкома и КГБ, 25 мая решил встретиться лично с архиепископом Лукой, а не вести переговоры через его представителя — секретаря Рыхлицкого.

При встрече с Лукой, в присутствии бухгалтера-ревизора епархии Березкина, я прежде всего осведомился о его здоровье, как и где он будет проводить лето?

Лука поблагодарил меня за мое внимание к нему и ответил, что здоровье его удовлетворительное. Сообщил также, что все лето будет жить в Алуште, выедет в Алушту после Троицы, и тут же в очень раздражительном тоне сказал: «Ехать в Алушту мне будет не на чем, уполномоченный Гуськов отбирает автомашину, как мошенническим путем приобретенную мной». Лука дал полную волю своему негодованию, стучал кулаками по столу и буквально выкрикивал, что я нанес ему глубочайшее оскорбление. Он, Лука, не сребролюбец, и, как мне сообщили мои люди, вы осмелились сказать, что я сознательно и умышленно купил машину, чтобы продать ее внучке, и заявил мне буквально так: «Да будет Вам известно, что я, получив Сталинскую премию первой степени, 130 тыс. рублей пожертвовал на помощь вдовам и сиротам, и этот мой благородный поступок был отмечен в «Журнале Московской Патриархии», а вы меня обвиняете, что я продал за 10 тыс. автомашину своей внучке». На это я заметил Луке, а почему машину продали именно внучке, а не кому-либо другому или церкви, и не за 25 тыс., как Вы за нее уплатили, а всего за 10 тыс.? Лука ответил: «Она пришла в негодность». Я бросил реплику Луке, что технического акта автоинспекции нет, как он смотрит на это? Лука промолчал. Тогда я заявил Луке, что его близкие люди, которые ему сообщили, что якобы я допустил такое выражение: «сознательно и умышленно Лука купил машину для передачи ее его внучке» — ложь и клевета, что может подтвердить сидящий рядом с Вами бухгалтер-ревизор

Березкин, когда я с секретарем епархии Рыхлицким говорил о приобретении Вами автомашин. Сказал я буквально так: «Автомашины епархиальным управлением приобретены с обходом советского законодательства и тем более противозаконно оформлена их регистрация в автоинспекции». Я попросил Березкина это мое высказывание подтвердить. Березкин мои слова полностью подтвердил, как я им с Рыхлицким говорил, и просил их, заявил Луке Березкин, передать мое высказывание Луке для принятия мер исправления допущенных беззаконных действий епархией.

Лука замолчал, не находя слов для ответа. Видя растерянность Луки, я пришел ему на помощь и заявил, что давайте автомашины оформим в соответствии с советским законодательством и прекратим вокруг этих машин разговоры, и нечего нам из-за них портить взаимоотношения, которые не способствуют нашей плодотворной работе, а, наоборот, с каждым днем ее осложняют. Лука охотно схватился за эту высказанную мной мысль и уже в спокойном тоне сказал: «Это самый лучший исход из создавшегося положения, и я охотно теперь буду решать с Вами все вопросы, — сказал Лука, — относящиеся к епархии, которой я руковожу. Я руковожу, а не кто-либо другой», — подчеркнул Лука. Увидев такую разительную перемену ко мне, я, более чем в вежливой форме, попросил разрешения архиепископа Луки поставить перед ним ряд неотложных вопросов, которые мы должны с ним вместе, обоюдно и как можно правильнее, в интересах общего дела, руководствуясь советским законодательством о культах, решить.

Лука, окрыленный моим таким поведением и отношением к нему, ответил: «Я готов с Вами сейчас же обсудить все вопросы, которые Вы решили обсудить или посоветоваться со мной, как с архиепископом».

Первый вопрос, поставленный мной перед Лукой, был:

О нарушении советского законодательства священниками Сакской церкви Поповым и Мазанской церкви Кокоревым.

Мной было архиепископу Луке сообщено, что священник Попов, ранее судимый за антисоветскую деятельность, неоднократно с церковного амвона, с целью восстановления верующих против местных органов власти, заявлял, что райисполком и уполномоченный Совета решили закрыть церковь и передать ее под клуб, когда этого никогда не было, нет и не будет, а наоборот, в этот приход нужно послать священника, который сумел бы со знанием дела противостоять усилившейся за последнее время деятельности сектантских проповедников, вовлекающих в свои секты верующих православных христиан.

Попов верующих, осуждающих его поступки, самовольно исключает из двадцатки, церковного совета и ревкомиссии, а Вы, сказал я, доверяя ему, лишаете их навечно права выборов в церковные органы и Святого Причастия, что я считаю прямым нарушением указания Патриархии, когда отдельные епископы и священники узурпируют права двадцатки.

Попов, когда ему мало дают за требы, швыряет верующим деньги обратно и рекомендует их отдать РайФО, которое его, как он выражается, грабит. Это я рассматриваю как клевету на финансовые органы и сообщил Луке, что Попов не заплатил за 1-й квартал недоимки по подоходному налогу 7815 руб.

В этой церкви был случай, когда верующие, обозлившись на Попова, закрыли церковь на свои замки, а Попов сломал их, не поставив ни Вас, ни меня в известность об этом из ряда вон безобразнейшем факте, и продолжал службу. Верующие, видя такое поведение священника, отходят от церкви и идут в секты, что крайне нежелательно.

Сообщил я также Луке и о том, что Попов в 1959 г. написал Вам на меня заявление, а вы направили его в Совет, о том, что уполномоченный якобы агитировал его отказаться от священного сана и выступить в печати.

При проверке этого факта представителем Совета тов. Пашкиным, как Вам известно, Попов дал справку

тов. Пашкину о том, что он никогда по этому вопросу с уполномоченным не беседовал и никакого заявления в епархию не писал. При проверке этого документа у Вас оказалось, что Попов действительно писал в епархию заявление на уполномоченного, что он якобы его агитировал отказаться от сана и выступить в печати. Вот лицо этого двурушника-провокатора, заявил я Луке.

Сфабриковал этот провокатор Вам клеветническое заявление на уполномоченного и в этом году, сообщив, что уполномоченный приехал в Саки пьяным и допускал грубость к членам церковного совета и собирается посадить их в тюрьму.

Попов, почувствовав свою безнаказанность на протяжении двух лет, распоясался до того, что подмял под себя безвольный церковный совет, ревкомиссию и членов двадцатки и начал церковной общиной и ее средствами распоряжаться, как своей вотчиной.

В заключение беседы по поведению Попова я заявил Луке, что я вынужден к Попову принять крайние меры, снять его с регистрации. Лука со мной согласился, и тут же был решен вопрос перевести из Белогорской церкви провинившегося там священника Фирковского в Саки, а в Белогорск перевести, после освобождения Евпаторийской аварийной Ильинской церкви и сдачи ключей горсовету, священника Севбо.

За запущенность в церковном учете, за использование служебного положения, за хранение церковных сумм не в сберкассе, а в своем кармане, за игнорирование указания уполномоченного по заключению договора с техническими служащими (сторож, уборщица), их эксплуатацию, незаконные снятия с работы, а также узурпацию прав церковной двадцатки священника Мазанской церкви Кокорева, сообщил я Луке, снимаю с регистрации. Лука согласился и просил меня назначить в Мазанскую церковь священника Соколова из заштата. Я на это дал согласие. Объявлен Лукой, по моему совету, выговор за мелкие нарушения советского законодательства свя-

щеннику Бахчисарайской церкви Паршинцеву. Я с Лукой согласился и предупредил его, чтоб это со стороны священника Паршинцева было последний раз, и вообще последний раз, когда я обращаюсь по этим вопросам к Вам. Прошу, принимайте меры к нарушителям советского законодательства сами.

Второй вопрос был мной поднят перед Лукой об освобождении, в соответствии с решением Облисполкома, от церковного имущества молитвенного дома и подыскании для молитвенных целей соответствующих помещений в с. Ново-Александровка Симферопольского района, в пос. Октябрьском Октябрьского района и в с. Пшеничном Первомайского района, и, как бы между прочим, напомнил Луке о его неудачном письме по этому вопросу настоятелю Н.-Александровской церкви (копию прилагаю).

Архиепископ Лука долго молчал и наконец дал согласие на освобождение молитвенных домов от церковного имущества и передачу ключей сельским советам в селах Ново-Александровка и в Пшеничном. Крайний срок освобождения этих молитвенных домов с передачей ключей от них сельским советам архиепископом Лукой установлен 8 июня 1960 года. На что я, так же, как и Лука, помолчав, дал согласие и просил дать указ. Лука приказал Березкину подготовить такие указы и дать ему на подпись.

В отношении освобождения молитвенного дома в с. Октябрьском Лука выполнять решение Облисполкома отказался и заявил так: «Храм Христов — не собака, которую можно гонять с места на место. Этот молитвенный дом уже один раз перемещался местными властями из одного помещения в другое». Повысив тон, Лука сказал: «Надо понять всем, в том числе и Вам, что к храму Божьему надо относиться с величайшим благоговением, а не так, как относятся некоторые люди нашей страны и даже руководители». Я полемизировать с Лукой не стал, да и надобности в этом не было, а только спросил его, как же теперь нам поступить все же

с освобождением церковной общиной, в соответствии с решением Облисполкома, этого молитвенного дома? Лука ответил так: «Как хотите, так и делайте. Я поддерживать ходатайство верующих, раз они сами отказались перезаключить договор с райисполкомом, не буду». Это вполне меня устраивает, и я, как бы между прочим, сказал Луке, что этот вопрос пусть решают вместе с райисполкомом сами верующие — церковная двадцатка. Лука промолчал.

В конце беседы Лука возвратился ко мне с вопросом, когда я дам материалы на переоформление автоинспекцией легковой автомашины «Волга», и не сниму ли я с регистрации бывшего секретаря епархии, лучшего из лучших его священников Карвовского, который по своему незнанию епархиальную машину зарегистрировал в автоинспекции на свое имя? Я ответил Луке, что постольку поскольку этот вопрос мы с ним решили положительно, то мной его просьба будет учтена. Я попрошу автоинспекцию машину «Волга» перерегистрировать, сделав ее владельцем не Карвовского, а епархиальное управление. В отношении поступка Карвовского, его наказания, я этот вопрос сейчас не поднимаю.

Прощаясь с Лукой, он пригласил заезжать к нему после Троицы в Алушту, где он будет отдыхать. Я поблагодарил Луку и сказал ему, что, когда буду бывать в тех краях, непременно навещу его. В заключение пожелал ему здоровья и хорошо отдохнуть.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 4. Д. 15. Л. 16–22.

№ 103
Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленной члену Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР И. И. Сивенкову

9 июня 1960 г.

На Ваш запрос по телефону в отношении письма от архиепископа Луки в Патриархию о представлении сведений уполномоченному — сообщаю следующее:

В беседе с секретарем епархии Рыхлицким я интересовался, продолжается ли в епархии выдача денег на благотворительные цели, и, если возможно, попросил его дать цифры за 1958 и 1959 годы.

В дальнейшей беседе с Рыхлицким я попросил его сообщить, если он также найдет возможным, сообщить мне, выдаются ли некоторым церковным общинам, как в поселке Ленинском, Пшеничном, Ново-Александровке и др., дотации этим приходам, и, если возможно, сообщить, сколько было выдано им в 1958 и 1959 годах.

Интересовался я также, имеются ли в епархии в наличии крестики и иконки, откуда они к ним поступают и их стоимость. Интересовался, где они, по их планам, думают строить крестилки и все ли священнослужители живут в церковных квартирах.

Секретарь епархии передал наш разговор с ним, как мое требование, Луке.

После Вашего звонка ко мне я 7 июня в присутствии секретаря епархии Рыхлицкого и бухгалтера-ревизора Березкина беседовал с Лукой. Я передал ему, что секретарь епархии Рыхлицкий, о чем я замечал уже неоднократно, неправильно передает ему содержание наших разговоров с ним, и передал содержание данной беседы с Рыхлицким.

Секретарь епархии Рыхлицкий вынужден был признаться Луке, что, действительно, уполномоченный с ним именно разговаривал так, а не иначе, однако,

сказал Рыхлицкий, он слышал якобы от некоторых священников и церковных советов, что уполномоченный интересуется жизнью церкви и церковных общин больше, чем он интересовался раньше. На это Лука ответил Рыхлицкому: «Это дело не наше, а вот Вы неправильно меня информировали, это нехорошо, и впредь этого не делайте». И дальше Лука пожаловался мне, что секретарь Рыхлицкий и бухгалтер-ревизор Березкин, пользуясь его слепотой и чрезмерной усталостью, злоупотребляют своим положением, и тут же меня спросил, вручили ли они мне годовой отчет для ознакомления. Я сказал: «Да, неделю тому назад». Лука ударил кулаком по столу и сказал: «Вот видите, как меня обманывают, а ведь отчет был готов в марте». Лука в присутствии Березкина и Рыхлицкого извинился за столь длительную задержку отчета. Я сообщил Луке, что после ознакомления с отчетом он мной через два или три дня был возвращен в епархию.

В дальнейшей беседе Лука сказал, что «я с великим сожалением вынужден, после Вашей откровенной беседы сейчас со мной, сообщить Вам, что я написал на вас в Московскую Патриархию жалобу о том, что вы требуете от меня незаконно сведения. Тогда как теперь я, после нашей беседы с Вами, убедился, что меня подвел мой секретарь отец Михаил, который неправильно информировал меня». На это я Луке заметил, что с таким секретарем, как Рыхлицкий Михаил, я в дальнейшем работать не могу. Лука сказал: «Он мной будет наказан и впредь будет себя достойно вести, а не делать от себя каких-либо умозаключений и передавать их мне за Ваши категорические требования».

Лука просил меня почаще встречаться, и лучше, как он выразился, все вопросы решать не через секретаря, а непосредственно с ним. На это я заметил, что его точку зрения разделяю, однако не всегда возможно мне бывать у него, а он, Лука, приезжать ко мне, ввиду его состояния здоровья, не может, а поэтому так или иначе приходится ряд текущих вопросов решать с секретарем, и еще раз просил Луку подумать о замене Рыхлицкого как не оправдавшего себя и как секретаря, и как священника,

и сослался на статью, помещенную в областной газете «Крымская правда» (вырезку из газеты прилагаю).

На это мое заключение Лука ответил: «Я статьям в газетах не верю». Я, как бы между прочим, бросил реплику: «Народ верит». Лука промолчал.

В дальнейшей беседе Лука сообщил мне, что из Новоалександровского молитвенного дома имущество будет перевезено в Симферопольский собор. Эту работу, сказал Лука, он поручил священнику кладбищенской Всехсвятской церкви Недбащуку. Имущество Евпаторийской Ильинской церкви передается в Евпаторийский собор, работа по освобождению этой церкви идет, однако он, Лука, не знает, как поступить с каменным престолом, запросил Патриархию, и как только будет ответ, он примет меры. (Копию протокола двадцатки Ильинской Евпаторийской церкви высылаю.)

Сообщил мне также Лука, что он дал указание об освобождении молитвенного дома в с. Пшеничном Первомайского района.

Мной был снова затронут вопрос о дальнейшем существовании молитвенного дома в с. Ленинском Ленинского района. Я сообщил Луке, что этот молитвенный дом на протяжении ряда лет получает дотацию от епархии и в настоящее время он не имеет совершенно средств для содержания священника, не говоря уже о причте. Священника в этом молитвенном доме нет на протяжении 6 месяцев, и никто туда не желает идти. Церковная община с. Ленинского должна епархиальному управлению на 1-е июня 1960 года 1700 рублей и расплатиться не может.

Мной сообщено Луке, что по генеральному плану проводится реконструкция поселка, и ознакомил его с планом (план реконструкции села прилагается). Лука со мной не согласился и заявил, что он не будет давать туда священника, но и не будет давать указания об освобождении от церковного имущества этого молитвенного дома.

Также он сделает, сообщил мне Лука, и с молитвенным домом в пос. Октябрьском Октябрьского района. Пусть этот вопрос решает сама церковная община и верующие,

заявил в заключение Лука, я же вмешиваться, а тем более что-либо предпринимать, не буду.

Лука хотел знать мое мнение в отношении назначения в Джанкойскую церковь священника Поветкина, ныне находящегося в Судаке. Я ответил, что это дело его, я же со своей стороны возражений не имею. Лука поблагодарил меня за согласие и дал секретарю указание подготовить указ.

Лука сообщил мне также, что из Севастополя не выезжает снятый им священник Попов Смарагд, у которого он просил меня отобрать регистрацию, и просил воздействовать на него, чтобы он освободил церковную квартиру. На это я Луке ответил, что это в мои функции не входит, это дело народного суда и милиции.

В отношении же регистрации, выданной мной ему, его долг — возвратить ее, как в ней и написано, мне. Я же Попова после получения Вашего указа с регистрации снял.

На этом беседа с Лукой была закончена.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 5. Д. 151. Л. 64–66.

№ 104
Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой

25 августа 1960 г.

23 августа 1960 года я встречался с архиепископом Лукой.

Решались следующие вопросы:

1. Нарушение советского законодательства о культах со стороны священника Бахчисарайской церкви Паршин-

цева Петра, выразившееся в том, что он без моего ведома и ведома церковной двадцатки отстранил неугодных ему двух членов исполнительного органа, тем самым узурпировал права двадцатки. Кроме этого, Паршинцев заявил, что он, кроме архиепископа Луки, никому не подчиняется, отказался выполнять постановления двадцатки. Архиепископ Лука с моими доводами согласился и снял священника Паршинцева, уволив его в заштат, без права перехода в другую епархию.

2. Лука, по моему сообщению, уволил в заштат с правом перехода в другую епархию священника церкви села Пионерское Вдодовича Виктора, устроившего свою малограмотную жену на работу счетоводом и регентом хора, которого нет. Без ведома двадцатки и церковного совета незаконно получил 1380 рублей церковных денег, снял разоблачивших его махинации церковного старосту и члена ревкомиссии с работы, скрывал от государства свои доходы.

3. По моему докладу Лука объявил строгий выговор с занесением в послужной список благочинному Коломейцу Макарию, настоятелю кафедрального собора, за то, что он его обманул, рекомендовав в Московскую семинарию Калинкина Бориса — ученика 10 класса Симферопольской школы № 13, который спекулировал на рынке религиозными фотографиями, незаконно продавая их. Калинкин принимал, в нарушение Советской Конституции, все меры к тому, чтобы не служить в Советской Армии. Коломеец, в нарушение советского законодательства о культах, скрывая от меня, привлекал Калинкина к исполнению обязанностей пономаря, за что платил ему деньги. Коломеец, как благочинный, сообщил я Луке, ответственен и за действия бахчисарайского священника Паршинцева, и священника церкви в с. Пионерском Вдодовича, т. к. это благочиние Коломейца, следовательно, он в какой-то мере и повинен в их воспитании.

4. Мной сообщено архиепископу Луке, что Феодосийский горсовет создал комиссию по техническому осмотру Всехсвятской церкви. Комиссия определила, что церковное здание аварийное, и требует его разбора.

Лука на это мне сказал, что там дело не в аварийности, а в политике, нужно закрывать церкви, вот и закрывают. На это я Луке сказал, что повинен в таком состоянии церкви бывший настоятель Руденко, которому он выдал ссуду в сумме 50 тысяч рублей, а он вместо ремонта деньги присвоил, что Вы прекрасно знаете, и за это Вы его уволили в заштат. Лука вынужден был замолчать, а я, продолжая, сказал, что в гор. Феодосии 46 тыс. населения, и, кроме этой церкви, остаются еще две большие хорошие церкви.

Лука со мной согласился и заявил, что он не возражает на закрытие этой церкви, но просил меня Патриархии его мнение не сообщать. Я заверил его, что в Патриархию сообщать не буду, а председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР доложу. Лука с этим согласился и просил до конца года больше церквей не закрывать, а то в этом году уже закрыли восемь, это будет девятая, да не работают из-за недостатка священников 4 церкви, пали доходы, трудно епархиальному управлению жить. Все это его очень беспокоит и нервирует. На такое замечание Луки я ответил, что я лично ни одной церкви не закрывал.

В закрытии церкви повинны сами верующие и, главным образом, исполнительные церковные органы, которые не заботились о перезаключении договоров или своевременном ремонте церковных зданий. Лука промолчал и ничего на это не ответил.

В заключение Лука просил меня не возражать, если он пригласит из Патриархии двух священников. На это я Луке ответил, что ничего положительного сказать не могу, не имея на них никаких данных, и напомнил, как был неосмотрительно в с. Почтовое назначен священником проходимец, бывший рабочий-железнодорожник Коваленко, который организовал в церковном доме попойки с женщинами, а в конечном итоге любовница избила Коваленко и выбила в церковном доме окна. Это был позор на всю Крымскую епархию. Поэтому священнослужителей нужно изучать, а потом уже принимать

Редкие минуты отдыха

на работу. На это Лука мне сказал, что где же взять хороших священников, когда в них большой недостаток, приходится брать на службу, какие есть. В заключение я дал согласие на приглашение двух священников, однако окончательное решение о выдаче им регистрации буду делать только после беседы с ними, заявил я Луке.

Лука просил меня сделать перевыборы исполнительного органа в Джанкойской церкви. На это я ему ответил, что это дело церковной двадцатки, и пусть она этот вопрос решает сама, а нам вмешиваться в их внутренние дела, постольку поскольку они не нарушают советского законодательства о культах, не нужно. Лука ничего мне на это не ответил.

Лука просил меня не возражать, если он решит через некоторое время освободить в заштат диакона Ялтинской церкви Рундо, который фактически является

нянькой ребенка своей жены и зачастую не является на службу, а зарплату аккуратно получает. На это я ответил Луке, что это дело его и я возражать не буду, если он его освободит.

На этом беседа с Лукой была закончена, и я выехал в Ялту, где осмотрел ремонт Ялтинского собора, беседовал с настоятелем Кухарчуком и церковным старостой Ереминой. Еремина просила меня, ввиду ее болезни и старости, переизбрать. На это я ей ответил, что это дело церковной двадцатки. Я же возражать не буду, раз она больна и не в состоянии справляться со своими обязанностями.

Священник Кухарчук сообщил, что в церковь поселка Чехово просится у Луки священник Чернявский из Омска, на это я Кухарчуку заметил, что Чернявский сейчас служит в Джанкойской церкви и мне о его переводе в Ялту Лука ничего не говорил.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 5. Д. 151. Л. 75–78.

№ 105
Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1960 год

1 февраля 1961 г.

<...> Встречи с архиепископом Лукой

В течение 1960 года с архиепископом Лукой встречался 5 раз. Содержание бесед с ним мной раскрыты в справках, направленных Вам.

В настоящее время архиепископ Лука — совершенно немощный старик и, как мне известно, больше спит, чем

сидит, я уже не говорю, что он управляет епархией. Епархией управляют его приближенные, немка Лейкфельд, секретарь епархии Рыхлицкий, священник церкви города Симферополя Карвовский и бухгалтер-ревизор Березкин. Однако все они между собой из-за власти и первенства грызутся, как хищные волки, что нам и выгодно. Сейчас значительно стало легче решать с ними вопросы, подбадривая и подхваливая их, как авторитетнейших людей — помощников Луки. В беседе с ними я им говорю, что они и только они могут воздействовать и уговорить Луку по тому или иному вопросу, который необходимо решать в интересах епархии. Это им льстит, и они, если можно так выразиться, соревнуются между собой, кто быстрее и лучше решит задачу, поставленную перед ними, чтобы в лице уполномоченного тоже быть хорошими.

Лука настолько стар, что не может даже посещать службы в Симферопольском кафедральном соборе, не говоря уже о выездах на периферию. Если раньше Лука писал проповеди, то теперь он и этого не делает. Он почти не принимает посетителей, да к нему их его приближенные стараются и не допускать.

Несколько замечаний о благочинных.

Благочинные в Крыму существуют на бумаге, фактически они никуда не выезжают, ничем и никем не руководят, и каждый из них, а их у нас четыре человека, крепко держатся за свой приход, а приходы у них лучшие, и, чтобы чего не вышло, они предпочитают лучше не вмешиваться в чужие дела и отсиживаются дома. <...>

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов

ГААРК. Оп. 4. Д. 16. Л. 7–8.

№ 106

Докладная записка уполномоченного о кончине и похоронах архиепископа Луки, направленная председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР В. А. Куроедову[90] и уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Украинской ССР Г. П. Пинчуку

15 июня 1961 г.

11 июня в 7 часов утра умер Крымский архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович), доктор медицинских наук, лауреат Сталинской премии.

На похороны Луки и временно исполнять обязанности Крымского епископа Патриарх Алексий командировал епископа Михаила (Чуба) из Тамбовской епархии. Михаил в Симферополь прибыл 13 июня. В этот же день по телефону из Киева мне сообщили, чтобы я не разрешал Михаилу совершать службу. Я позвонил в Совет и получил Ваше указание допустить Михаила к совершению обряда похорон, что мной и было сделано. Сообщено Михаилу, чтобы он после похорон выехал к месту службы в Тамбовскую епархию.

Похороны проводились 14 июня. Гроб с телом Луки был поставлен в закрытый катафалк-автомашину. Епископ и дети Луки ехали в легковых автомашинах, священники и хористы — в больших автобусах, также были размещены в большом автобусе и венки. На шести автобусах верующих отвезли на кладбище к месту похорон, оторвав их от похоронной процессии. Впереди катафалка и по его бокам, ухватившись за него руками, с места отправления встало человек 50 мужчин и женщин и так следовали до кладбища. Гроб с телом сопровождало человек 200–250. По пути следования на тротуарах останавливались люди. Особенно много ожидало людей на кладбище, причем

процентов 90 из них зевак. В беседе с ними выяснилось, что они хотели раз в жизни увидеть, как хоронят епископа, т. к. такого зрелища они больше никогда не увидят.

Маршрут следования был избран по окраинам города. Подъезжая к кладбищу, верующие вынесли из автобуса венки и стали петь: «Святый Боже, Святый Крепкий...» Никакие уговоры не помогли, пение продолжалось и по кладбищу.

После захоронения все крымские священники, которых было до 35 человек (из других областей не было ни одного священника), были посажены в большой автобус и доставлены в Епархиальное Управление.

Никаких инцидентов во время похорон не было. Порядок поддерживался по заранее разработанному плану органами милиции, хотя и не было ни одного человека в милицейской форме.

Уполномоченный Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Крымской области
А. Гуськов[91]

ГААРК. Оп. 5. Д. 157. Л. 1–2.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Милославов Иоанн Александрович (25.04.1877–06.11.1961), митрофорный протоиерей, продолжительное время был настоятелем Симферопольского кафедрального собора, секретарем Крымского епархиального управления, ближайшим помощником архиепископа Луки.

2 Сталинская премия I степени за выдающиеся достижения в медицине была присуждена профессору В. Ф. Войно-Ясенецкому в январе 1946 г.

3 Архимандрит Тихон (Богославец) был настоятелем Инкерманского монастыря. После его закрытия жил в Симферополе. Был духовником епархии, духовным другом и советником архиепископа Луки. Сохранились свидетельства о случаях прозорливости отца Тихона. Скончался в 1950 г. Погребен в Симферополе на кладбище возле храма Всех Святых.

4 Епископ Иоасаф (Журманов) был управляющим Крымской епархией с августа 1944 г. по май 1946 г., когда он был назначен епископом Тамбовским и Мичуринским вместо переведенного из Тамбова в Симферополь архиепископа Луки.

5 Этой инструкции в фонде Р-2647 ГААРК обнаружить не удалось.

6 Выше уполномоченный подробно изложил жалобу священника Туманова и принятое по ней решение.

7 Топловский Свято-Параскевиевский женский монастырь был учрежден в 1864 г., закрыт в 1928-м, восстановлен в 1992 г.

8 Неточность, удивительная для сотрудников такого ведомства, как МГБ СССР: архиепископ Лука прибыл в Крым 24 мая 1946 г. (см. док. № 3).

9 Труд святителя Луки «Дух, душа и тело» впервые был издан в России лишь в 1992 г. и до конца XX в. выдержал более десяти изданий (см.: *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)*. Наука и религия. Дух, душа и тело. [Б. м.]: Троицкое Слово, 2001. С. 6, 28).

10 Алексий I (Симанский Сергей Владимирович; 1877–1970), Патриарх Московский и всея Руси с 1945 г., в 1933–1945 гг. — митрополит Ленинградский. Девятьсот блокадных дней провел со своей паствой, вместе с народом, в осажденном, вымирающем городе.

11 См. док. № 3.

12 Сыновья архиепископа Луки стали известными учеными: Михаил — анатом, доктор медицинских наук, профессор; Валентин — офтальмолог, доктор медицинских наук, профессор; Алексей — доктор биологических наук, один из основателей Института эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова.

13 3 декабря 1946 г. в газете «Красный Крым» была напечатана заметка «Вручение диплома и почетного знака лауреату Сталинской премии В. Ф. Войно-Ясенецкому». Вот ее текст: «Вчера в Крымском облисполкоме состоялось вручение диплома и почетного знака лауреата Сталинской премии 1-й степени профессору Валентину Феликсовичу Войно-Ясенецкому. Это высокое звание было присуждено ему постановлением Советского Правительства от 26 января 1946 года за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений, изложенных в научных трудах “Очерки гнойной хирургии”, законченном в 1943 г., и “Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов”, опубликованном в 1944 г. По поручению

Комитета по Сталинским премиям при Совете Министров СССР, диплом, золотой почетный знак и удостоверение лауреата профессору Войно-Ясенецкому вручил председатель Крымского облисполкома Д. А. Кривошеин. Тов. Кривошеин поздравил ученого и пожелал ему здоровья и дальнейших успехов в его научных трудах на благо Родины.

Принимая диплом и почетный знак, профессор Войно-Ясенецкий заявил:

"Благодарю Советское Правительство, так высоко оценившее мои научные труды. Для меня это большое, радостное событие. Можете быть уверены, что все свои силы я отдам на служение народу".

В состоявшейся затем краткой беседе профессор Войно-Ясенецкий выразил желание, в целях улучшения постановки лечебного дела в области, прочесть крымским врачам цикл лекций по гнойной хирургии».

14 Сведения о свящ. Ливанове.

15 Имеется в виду священник Николай Ливанов; см. примечание 14.

16 См. док. № 6.

17 См. док. № 6.

18 В указанном документе председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпов писал: «По вопросу Ваших взаимоотношений с архиепископом Лукой Совет считает, что временного обострения этих отношений из-за отказа в регистрации назначенного Лукой архимандрита Решетникова можно было бы избежать. Вам следовало по этому вопросу предварительно выяснить причину отказа Решетникову в прописке и в тактичной форме сообщить Луке о том, что Решетников не может быть зарегистрирован вследствие отказа ему в прописке. Посещение Вами больного архиепископа Луки и принятие Вами его приглашения проехать на вновь купленной автомашине Совет считает правильным» (ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 4. Л. 35).

19 Автор докладной записки, в силу непонимания предмета проповеди, при изложении ее содержания переставил местами понятия «духовное» и «душевное».

20 Филатов Владимир Петрович (1875–1956), советский офтальмолог и хирург, академик Академии наук Украинской ССР (1939) и Академии медицинских наук (1944), Герой Социалистического Труда (1950).

21 Капица Петр Леонидович (1894–1984), русский физик, один из основателей физики низких температур и физики сильных магнитных полей, академик АН СССР (1939), дважды Герой Социалистического Труда (1945, 1974), организатор и первый директор (1935–1946 и с 1955) Института физических проблем АН СССР. Государственная премия СССР (1941, 1943), Нобелевская премия (1978), Золотая медаль им. М. В. Ломоносова АН СССР (1959). В 1946 г. Капица был смещен с поста директора Института физических проблем АН СССР и в течение восьми лет находился под домашним арестом.

22 Ошибка; речь идет о ветхозаветном пророке Исаии.

23 Карпов Георгий Григорьевич (1898–1967), генерал-майор; 1915–1918 гг. — слесарь электромеханического завода Кронштадтского военного порта; 1918–1922 гг. — судовой машинист транспорта «Аргуль» Балтийского военно-морского флота, комиссар штаба минной дивизии в городах Кронштадт и Петроград; 1922 г. — парторг, машинист канонерской лодки; 1922–1928 гг. — уполномоченный, заместитель начальника особого отдела XI дивизии Ленинградского военного округа; 1928–1931 гг. — помощник уполномоченного, уполномоченный, старший уполномоченный контрразведывательного отдела полномочного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа; 1931–1934 гг. — помощник начальника отделения, начальник отделения контрразведывательного отдела полномочного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа; 1934–1936 гг. — заместитель начальника УНКВД Карельской АССР, где были в то время концлагеря с сотнями тысяч людей, сто тысяч из которых погибли от непосильной работы, голода и побоев; 1936–1938 гг. — помощник начальника, заместитель начальника, начальник 4-го (секретно-политического) отдела УНКВД Ленинградской обл.; в период массовых арестов и казней 1938–1939 гг. — начальник Псковского окружного отдела УНКВД Ленинградской обл.; 1939–1941 гг. — заместитель начальника 8-го отделения 2-го отдела УГБ НКВД СССР, заместитель начальника 2-го отдела 3-го Управления

(секретно-политического) НКГБ СССР, начальник 4-го отдела 3-го Управления НКВД СССР; 1943–1946 гг. — начальник 5-го отдела 2-го Управления МГБ СССР; с 1946 г. — начальник отдела «О» МГБ СССР; отдел, который он возглавлял, занимался оперативной работой по духовенству, или, как тогда это называлось, контрразведкой по Русской Православной Церкви, как будто Русская Православная Церковь была враждебным государством на чужой территории, — иначе говоря, отдел занимался слежкой и вербовкой осведомителей и деятельностью, направленной на разложение кадрового состава Русской Православной Церкви, а также использованием его в качестве агентов за рубежом. Для достижения большего успеха в этой области Карпов в 1943 г. был назначен Сталиным на должность председателя Совета по делам Русской Православной Церкви. В 1955 г. Карпов был уволен с должности начальника отдела «О» МГБ СССР в связи с привлечением его к уголовной ответственности за преступления, совершенные им в 1930-х гг. на территориях Псковской и Ленинградской областей и Карелии; дело, однако, было закрыто; в 1959 г. за те же преступления над ним нависла угроза исключения из Коммунистической партии, однако и на этот раз это осталось всего лишь угрозой; в 1960 г. Карпов был уволен с должности председателя Совета по делам Русской Православной Церкви и отправлен на пенсию (Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Май. Тверь, 2007. С. 332). Умер 18 декабря 1967 г., похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

24 Молотов (псевдоним; настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986), государственный и политический деятель СССР, в 1941–1957 гг. — 1-й заместитель председателя СНК (Совета Министров) СССР, одновременно в 1939–1949 гг. — нарком (министр) иностранных дел СССР.

25 Двумя листами выше уполномоченный писал: «10 июня с/г я выезжал на место, в село Почтовое, для проверки заявления и состояния помещения, выезжал и архиепископ. Но ввиду того, что под одной крышей с этим помещением имеются жилые квартиры, в которых живут посторонние лица, Лука своего согласия пока на открытие в нем молитвенного дома не дал. На основании чего мною ходатайство верующих

об открытии данного молитвенного дома на рассмотрение еще не ставилось» (ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 6. Л. 47).

26 Ниже уполномоченный сообщал: «В результате проверки заявления на месте было установлено, что никакого постановления исполкома не выносилось и поручалось рабочему слесарю проверить, как можно провести воду от водопровода, имеющегося в церкви, к жилому дому, находящемуся в ограде церкви. Церковному совету было рекомендовано не возражать о выносе из церкви водопроводного крана к жилому дому, находящемуся от церкви в 7–10 метрах, что иметь водопровод в самой церкви нет надобности, это было сказано и Лукой, который был удивлен тем, что внутри церкви имеется водопроводный кран» (ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 6. Л. 64).

27 Речь идет об Алексии I (Симанском), Патриархе Московском и всея Руси с 1945 г.

28 Трумэн Гарри (1884–1972), в 1945–1953 гг. — 33-й президент США от Демократической партии, один из инициаторов политики холодной войны.

29 Петков Никола Димитров (1893–1947), болгарский политический деятель, один из лидеров Болгарского земледельческого народного союза, лидер оппозиции коммунистам в послевоенной Болгарии. Был обвинен коммунистами в контрреволюционной деятельности, организации заговоров против республики и шпионаже и 16 августа 1947 г. приговорен болгарским судом к смертной казни. Несмотря на то что западная общественность и представители правительств США и Великобритании требовали от болгарских властей отмены смертного приговора, 23 сентября 1947 г. был казнен. В 1990 г. посмертно реабилитирован.

30 Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), премьер-министр Великобритании в 1940–1945, 1951–1955 гг., после Второй мировой войны — один из инициаторов политики холодной войны.

31 Митрополит Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич; 1891–1961), с 25 марта 1947 г. — митрополит Крутицкий и Коломенский, блестящий проповедник и богослов, первый по времени председатель Отдела внешних церковных

сношений Московского Патриархата (апрель 1946 — июнь 1960), с 1949 г. — член Советского Комитета защиты мира; за миротворческую деятельность в 1955 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

32 Бронзовый бюст В. Ф. Войно-Ясенецкого установлен в Москве в НИИ им. Н. В. Склифосовского в галерее знаменитых хирургов.

33 Ошибка; речь идет о святом Антонии Великом.

34 Паскаль Блез (1623–1662), французский религиозный философ, писатель, математик и физик. С 1655 г. вел полумонашеский образ жизни. В «Мыслях» (опубл. в 1669 г.) развивал представление о трагичности и хрупкости человека, находящегося между двумя безднами — бесконечностью и ничтожеством (человек — «мыслящий тростник»). Путь постижения тайн бытия и спасения человека от отчаяния видел в христианстве.

35 Обновленчество — движение, ставившее своей целью широкую реформацию церковной жизни, пользовалось поддержкой Советской власти; после попытки низложения Святейшего Патриарха Тихона и других антицерковных деяний было крайне непопулярно в народе.

36 Руденко Евгений Анатольевич родился в 1912 г. в Керчи, арестован в 1949 г., приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Вышел на свободу 22 августа 1955 г., после чего служил в Феодосии во Всехсвятском храме.

37 Коперник Николай (1473–1543), польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира.

38 Пастер Луи (1822–1895), французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии.

39 Павлов Иван Петрович (1849–1936), крупнейший русский физиолог, академик Петербургской академии наук (с 1907 г.).

40 Иосифляне — последователи митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), расстрелянного в 1937 г., стоявшего в оппозиции к заместителю патриаршего местоблюстителя Сергию (Страгородскому).

41 Обширное богословское, религиозно-философское, апологетическое сочинение святителя Луки «Наука и религия» впервые было издано в 2001 г.

42 Платон (428 или 427 до н. э. — 348 или 347 до н. э.), древнегреческий философ.

43 См. примеч. 9.

44 Хиротония состоялась 31 мая 1923 г. Подробно об этом см.: *Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий*. «Я полюбил страдание...»: Автобиография. М., 2004. С. 50–54.

45 Рузвельт Франклин Делано (1882–1945), 32-й президент США (с 1933 г.) от Демократической партии (4 раза избирался на этот пост). В 1933 г. правительство Рузвельта установило дипломатические отношения с СССР. С началом Второй мировой войны выступил за поддержку Великобритании, Франции и (с июня 1941 г.) СССР в их борьбе с фашистской Германией. Внес значительный вклад в создание антигитлеровской коалиции. Придавал большое значение созданию ООН и послевоенному международному сотрудничеству, в том числе между США и СССР.

46 Генри Эгард Уоллес (1888–1965), политический деятель США. В 1941–1945 гг. — вице-президент США в правительстве Ф. Рузвельта, сторонник рузвельтовского курса во внутренней и внешней политике. В 1945–1946 гг. — министр торговли. Смещен президентом Трумэном из-за несогласия с политикой холодной войны. На выборах 1948 г. выдвинул свою кандидатуру на пост президента от созданной им и его сторонниками Прогрессивной партии; потерпев поражение на выборах, отошел от политической деятельности.

47 Вероятно, имелся в виду американский государственный деятель Луис Артур Джонсон (1891–1966), в 1949–1950 гг. — второй министр обороны США в кабинете президента Трумэна.

48 Фадеев Александр Александрович (1901–1956), русский советский писатель и общественный деятель, автор романов «Разгром», «Молодая гвардия», «Последний из Удэге», многочисленных статей о литературе и теории социалистического реализма, в 1946–1954 гг. — генеральный секретарь Союза писателей СССР.

49 Гермоген (Кожин Василий Иванович; 1880–1954), в 1946–1948 гг. — епископ, в 1948–1949 гг. — архиепископ Казанский и Чистопольский.

50 См. док. № 38.

51 Орбели Леон Абгарович (1882–1958), советский физиолог, один из создателей эволюционной физиологии, академик АН СССР (1935), Герой Социалистического Труда (1945).

52 Пашутин Виктор Васильевич (1845–1901), основоположник русской школы патофизиологов, автор первого русского руководства по патофизиологии (1878 г.).

53 Лукьянов Сергей Михайлович (1855–1935), русский ученый-эпидемиолог, писатель и государственный деятель, в 1894–1902 гг. — директор Института экспериментальной медицины в Петербурге, где заведовал отделом общей патологии.

54 Мичурин Иван Владимирович (1855–1935), русский биолог и селекционер, автор более 300 сортов плодово-ягодных культур, почетный член АН СССР (1935), академик ВАСХНИЛ (1935). Разработал методы селекции плодово-ягодных растений, положил начало продвижению на Север многих южных культур.

55 Лысенко Трофим Денисович (1898–1976), советский биолог и агроном, академик АН УССР (1934), академик (1935) и президент (1938–1956, 1961–1962) ВАСХНИЛ, академик АН СССР (1939), Герой Социалистического Труда (1945), кавалер восьми орденов Ленина, трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1949). Ряд положений Лысенко в области агробиологии не получил экспериментального подтверждения и производственного применения. С именем Лысенко связана кампания гонений против ученых-генетиков, а также против его оппонентов, не признававших «мичуринскую генетику».

56 Страшун Илья Давыдович (1892–1967), ученый-гигиенист, историк медицины и организатор здравоохранения, академик АМН СССР (1944), в 1944–1947 гг. — один из организаторов и и. о. директора Института здравоохранения и истории медицины, один из организаторов Российского научного общества историков медицины. Основные научные труды посвящены истории медицины, проблемам санитарного просвещения, борьбы с алкоголизмом, высшего и среднего медицинского образования.

57 См. примеч. 49.

58 Митрополит Вениамин (Федченков Иван Афанасьевич; 1880–1961) — епископ Русской Церкви; с 1933 г. — экзарх Московской Патриархии в Америке, архиепископ (с 1938 г. — митрополит) Алеутский и Северо-Американский; с 1948 г. в СССР (управлял различными кафедрами, в том числе Саратовской); православный подвижник, миссионер, духовный писатель. С 1919 г. — епископ Севастопольский, викарий Таврической епархии, в 1920 г. — епископ армии и флота Юга России, в 1919–1920 гг. — председатель симферопольского Религиозно-философского общества. С ноября 1920 г. в эмиграции, один из организаторов Русской Православной Церкви за рубежом.

59 По свидетельству современников, в доме архиепископа Луки постоянно проживали родственники.

60 В фонде Р-2647 ГААРК отложились присланные председателем Совета по делам РПЦ при СМ СССР Г. Г. Карповым уполномоченному Совета по Крымской области Я. И. Жданову машинописные копии письма Патриарха Московского и всея Руси Алексия от 26 января 1949 г. на имя архиепископа Луки в ответ на его письмо к Патриарху от 18 января 1949 г., а также краткого ответа Луки на письмо Патриарха. Ниже публикуем эти чрезвычайно важные документы полностью.

«Ваше Преосвященство, возлюбленный Владыко!

Хотя у меня совсем нет досуга для частной переписки и в особенности полемики, однако я беру на себя этот труд, чтобы высказать Вам свои мысли по поводу Вашего письма от 18.1, переданного мне на днях через о. Протопресвитера. Вы пишете, что тяжело были поражены постановлением нашим “о запрещении даже проповедей, разъясняющих детям Закон Божий… ” и что *лучшие* (здесь и далее выделено в документе. — *Сост.*) Ваши священники скорбно спрашивали Вас по этому поводу: “Зачем же мы тогда крестим детей?» Между тем такого постановления о запрещении проповедей “разъясняющих” и т. д. не было. Было только предписано, чтобы под видом проповедей не было систематических уроков, предполагающих специальный созыв детей, как на школьные уроки. И далее, в другом постановлении, принятом по случаю предложения одного архиерея ввести специальные уроки Закона Божия для детей, было разъяснено, что

это недопустимо, т. к. это является нарушением закона об отделении школы от Церкви.
Что касается проповедей в храме, то, наоборот, было сказано, что это — законное дело и *долг* Пастыря разъяснять истины веры Христовой пасомым.
Неверная точка отправления делает неверным весь ход рассуждений на ту или иную тему, в данном случае — об "абсолютном", как Вы пишете, *запрещении обучения детей и подростков основам христианской религии*.
Основам христианской религии, как Вы видите из постановлений Свящ. Синода, никто не запрещает обучать народ, не исключая детей и подростков. Но устраивать классы Закона Божия — мы не имеем права по нашим законам. Так что вопрос наших священников о целесообразности крещения младенцев при данных условиях — является по меньшей мере бессмысленным и свидетельствующим об их непонимании значения Таинства Крещения.
Вы как бы упрекаете меня в том, что я не воздвигаю брани с Правительством нашим, издавшим декрет об отделении Церкви от Государства и школы от Церкви, — т. к. возбуждение вопроса о разрешении воскресных школ для детей или других каких-либо учреждений для преподавания Закона Божия равняется безнадежному стремлению вызвать существенное изменение Основного Государственного закона. Как, думаете Вы, отнеслась бы к этому акту гражданская Власть? Неужели Вам непонятно, что такое выступление Главы Церкви было бы *преступлением, прежде всего, против самой Церкви?*
Мы имеем, по милости Божией, большие достижения в церковном отношении: нам возвращена Лавра; мощи святителя Алексия; нам дано разрешение на открытие Духовных Академий и Семинарий; при денежной реформе полностью сохранены для нас церковные средства и т. д., и т. д. Как сами Вы писали в своей статье в январе 1948 года (имеется в виду статья архиепископа Луки "К миру призвал нас Господь", опубликованная в "Журнале Московской Патриархии", 1948, № 1. — *Сост.*) — "У нас нет никаких поводов ко вражде против Правительства, ибо оно предоставило *полную свободу* Церкви и не вмешивается в ее внутренние дела"...
Что же из этого вытекает? Не то ли, что на почве этой свободы мы можем действовать и обучать и воспитывать наших пасомых? Но *не выходить за пределы наших прав* и, главное,

не пытаться, под видом строго церковного делания, обходить или нарушать государственный закон, обязательный для нас, как и для всех граждан.
И по существу, — воспитание и обучение верующих вкладывать в рамки "уроков Закона Божия" — едва ли благонадежно. Мы знаем по опыту, к чему сводились уроки Закона Божия в наших средних учебных заведениях при наличии тогдашних *опытных* законоучителей: выходили из гимназий, корпусов, институтов и т. п. учебных заведений не только без надлежащего знания и понимания истин веры, церковной истории и т. д., но, в лучшем случае, с какими-то жалкими обрывками знания по богослужению, по Ветхому и Новому Заветам, по Катехизису — сведениями, больше похожими на какое-то туманное представление о предмете, чем на существенное знание. И это тогда, когда Закон Божий являлся главным предметом, по которому неудобно было иметь отметку ниже 5. Что же сказать о теперешних возможностях, когда у нас, особенно в провинции, большая часть священников сами являются полуграмотными, и даже не только в богословских знаниях?
Вся сила нашей энергии должна быть направлена на надлежащую постановку богослужения, на разъяснение св. Евангелия и богослужебного чина, на создание должного благоговейного настроения верующих. А архиереи, кроме того, должны зорко блюсти за чистотою сословия священно- и церковнослужителей, т. к. эта сторона у нас находится в бедственном положении. Стыдно перед "внешними" за нравственное состояние большинства нашего духовенства. Стыдно перед Властью, давшею Церкви такие обширные права.
Так что и с этой стороны говорить при существующих условиях и при таком духовном уровне наших пастырей о каком-либо систематическом преподавании Закона Божия — совсем не приходится.
Допустим, однако, невозможное, именно, что была бы разрешена организация воскресных школ или каких-либо специальных классов для преподавания Закона Божия. Представляете ли Вы себе, какая это была бы богатая почва для обвинения "законоучителей" в контрреволюционных уклонах, в антисоветских выступлениях и т. д. И сколько было бы новых жертв таких сознательных или даже бессознательных

выступлений! Так что хорошо, что священнослужители избавлены от этой опасности.

Не новость, что на людей, поставленных во главе той или иной деятельности, от лиц по б. ч. безответственных падают обвинения в слабости, или потворстве, или угодничестве, или что вообще осуждается их работа. В свое время обвиняли даже Митрополита Филарета: и в неправославии, и угодничестве перед Властью, и требовали от него, чтобы он, в силу своего высокого личного авторитета, объявил борьбу против тогдашнего церковного строя, причем ему тоже угрожали гневом Божиим и тяжким ответом пред Богом за пассивность. Он принимал эти обвинения кротко, понимая, что, требуя от него чуть ли не исповедничества, эти обвинители действовали, не "ведая, что творят"...

Так же, как и Митрополит Филарет по одному случаю подобного обвинения, и я могу Вам сказать его словами: "По предосторожности, чтобы не судить ближнего, не могли ли Вы предложить себе вопрос: подлинно ли человек, который опускает уже одну ногу в гроб (ему в то время было около 74 лет, т. е. то же, приблизительно, что и мне теперь) и которому время бояться суда Божия, а не человеческого, действует по житейскому страху, а не по какому-нибудь рассуждению, хотя и нерассудительному?»

До зде — о преподавании Закона Божия детям.

Вы пишете о сновидении, бывшем старцу Архимандриту Тихону. Если поначалу я ощутил в душе своей беспокойство и смущение, то, благодарение Богу, по размышлении я уразумел, что в данном случае состояние старца было "смешенное" — святые и праведные люди обычно не дерзают предвосхищать суда Божия и так определенно изрекать свой собственный суд от лица Господня.

Если и подлинно имел такое сонное видение старец Тихон, то не явилось ли оно следствием бесед с Вами, заронивших в его душу беспокойство и уныние из-за представляемого Вами безнадежного положения церковных дел и греховного бездействия Патриарха? И случилось то, что определяет по аналогичному случаю Митрополит Филарет в письме к Наместнику Лавры Архимандриту Антонию — так: "Тем, которых кротость и благочестие Онуфрия расположили в его пользу, надобно удержаться от решительного заключения о его сновидениях. Сновидения различны. Они могут происходить от

различных состояний тела, особенно нерв, от сердца, мыслей, воображения, каковы сии наяву... Дабы определить достоинство сновидений потребно многое испытание"...

И еще: "Духовный мир нелегко входит в обычный круг наших земных понятий"...

Однако, — пусть помолится и помянет мое грешное имя у могилы праведного архиепископа Гурия о. Архимандрит. Архиепископ Гурий был настоятелем посольской церкви в Риме, и в 1866 году, 5 июня, был хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанского; 28.XI–1867 года он был назначен Симферопольским и скончался 17.III.1882 г. в сане архиепископа. Фамилия его была Карпов. Архиерейство его да помянет Господь Бог во Царствии Своем.

Вы недовольны статьями А. Гермогена. Если Вы их внимательно прочитаете, то увидите, что он не *Церковь* Католическую осуждает, а направление деятельности Ватикана, что издревле служило предметом осуждения со стороны православных и что главным образом отвращало от Рима наших предков, решительно отвергавших какое-либо общение с «папежниками». Что касается католического духовенства вообще, то вспомните, что Вы писали сами в Вашей статье "К миру призвал Господь": "Вся масса католического духовенства стала на сторону поджигателей войны и явно сочувствует фашизму". Развейте эту мысль дальше, и Вы окажетесь впереди А. Гермогена в деле осуждения работы Ватикана. Кстати, по поводу Вашей первой статьи в 1946 году "Возмездие совершилось" (опубликована в "Журнале Московской Патриархии", 1946, № 1. — *Сост.*) было много протестов от разных лиц; мне писали и говорили то, что Вы теперь сами мне говорите относительно статей А. Гермогена: "Как Вы могли допустить печатание статьи А. Луки, так не соответствующей духу Христианской любви, которая должна быть особенно свойственной Епископу Православной Церкви?!"... Помните, Вы и там затронули Папу Пия XII...

А по поводу Вашей последней статьи (имеется в виду статья "К миру призвал нас Господь", опубликованная в "Журнале Московской Патриархии", 1948, № 1. — *Сост.*) была громовая статья в заграничной прессе (имеется в виду статья Н. Крюкова-Ангорского "Но избави нас от лукавого", опубликованная в парижской газете "Русская мысль" 2 июля 1948 г.; машинописную копию статьи см.: ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2. — *Сост.*),

где Вас обвиняли в "коммунистическом вранье" и во многих других тяжких грехах... Видите, как трудно угодить всем и каждому!
Простите и меня, если моими строками я смутил дух Ваш. Но я, как и Вы, только из любви к Вам и к правде нарушил, быть может, Ваш душевный покой.
Прошу молитв Ваших. С братской любовью *П. Алексий*.
1949 янв. 26.
Если бы Вы нашли возможным навестить нас, мы бы с Вами подробно поговорили о затронутом Вами и о других церковных вопросах».
(ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 12. Л. 5–9).
«Ваше Святейшество, дорогой Владыко!
Я очень смущен тем, что своим письмом нарушил Ваш душевный покой и, видимо, причинил некоторое огорчение.
Не стану утруждать Вас своим настоящим письмом, но только скажу, что явление во сне Святителя Гурия старцу Тихону имело место месяцев за 8 до постановления Св. Синода о преподавании детям Закона Божия. В разговорах с о. Тихоном я никогда не позволял себе критиковать Вашу деятельность, великую и многотрудную.
Я буду очень рад лично беседовать с Вами по вопросам, затронутым в моем письме, и по другим церковным вопросам, к чему Вы милостиво предоставляете мне возможность, ибо многое тяжело наболело. Но в феврале (лютом — по-украински) боюсь ехать из-за метелей и заносов. Постараюсь приехать Великим постом.
Сердечно любящий и глубоко почитающий Вас,
просящий молитв Ваших А. Лука»
(ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 12. Л. 10).

61 Уполномоченный неточно цитирует годовой отчет о работе управления Крымской епархии за 1948 г.

62 См. док. № 52.

63 В фонде Р-2647 ГААРК сохранилась машинописная копия рапорта архиепископа Луки Патриарху от 26 сентября 1949 г. Вот его текст:
«СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ АЛЕКСИЮ АРХИЕПИСКОПА СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО ЛУКИ РАПОРТ
Довожу до сведения Вашего Святейшества о новых распоряжениях, полученных от уполномоченного Совета по

делам Православной Церкви, очень тяжелых для Крымской епархии:
1) Церкви, не имеющие отдельного священника в течение 6-ти месяцев, закрываются. (Уже закрыто три церкви.) Обслуживание церкви (на положении приписной) допускается только на 3 месяца.
2) Деятельность приходского священника строго ограничивается церковью, в которую он зарегистрирован. Вся деятельность в приходе запрещается, за исключением только напутствия больных по особому приглашению. Приглашенный священник не имеет права общения с верующими деревни, в которую приглашен; не смеет там крестить детей и совершать там какие-либо священнодействия. Крещение допускается только в церкви.
Это приведет к тому, что множество детей останется некрещеными, ибо колхозники не имеют средств передвижения и из дальних деревень детей в церковь не привозят. До сих пор большинство крещений, молебнов, панихид совершалось именно при посещении священником отдаленных деревень.
3) Не разрешается районирование приходов, и верующие могут приглашать для неотложных треб любого священника, а не только своего.
4) Запрещается совершение каких-либо священнодействий (даже освящения плодов и куличей) в ограде церкви и крестные ходы вокруг храма (за исключением лишь дня Св. Пасхи).
5) Запрещено учащимся в музыкальном училище петь в церковных хорах.
Все эти запреты неизбежно резко ухудшат материальное положение духовенства, и без того настолько тяжелое, что я не имею возможности назначать священников в некоторые приходы, до крайности бедные. Налоги на духовенство увеличиваются.
Обо всех этих новых запретах я узнаю случайно, от священников, ибо наш уполномоченный не сообщает мне о них в письменной форме.
Вашего Святейшества смиренный послушник архиепископ Лука.
Г. Симферополь, 26 сентября 1949 г., № 361»
(ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 11. Л. 96).

64 Автобиографию Петра Горбанева см.: ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 84. Л. 70–73.

65 При жизни архиепископа Луки его книга «Очерки гнойной хирургии», ставшая для нескольких поколений хирургов настольной, выдержала три издания — в 1934, 1946 и 1956 гг.

66 Имеется в виду так называемое «дело врачей» (1952–1953 гг.): ряд врачей кремлевской больницы были обвинены в стремлении умертвить руководителей Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического движения. «Дело врачей» было прекращено в 1953 г. после смерти И. В. Сталина по инициативе Л. П. Берии.

67 См. примеч. 12.

68 Как отмечается в литературе, в 1943–1954 гг. святителем Лукой была написана серия публицистических статей против войн и агрессий (см.: *Лисичкин В. А.* Крестный путь святителя Луки. [М., 2001]. С. 433).

69 По указаниям Н. С. Хрущева М. А. Сусловым, Д. Т. Шепиловым и А. Н. Шелепиным было подготовлено постановление ЦК КПСС под названием «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», датированное 7 июля 1954 г. Здесь подвергнута жесткой критике та линия в отношениях с Церковью, которую проводил Сталин с 1943 г. Эта политика охарактеризована как «примиренческая», не соответствующая идеологическим заветам Ленина. Постановление ЦК явилось стимулом для развязывания в стране крупномасштабной атеистической пропагандистской кампании.

70 Иннокентий (Пустынский Александр Дмитриевич; 1868–1937), епископ; деятель обновленчества; русский духовный писатель; в 1912–1923 гг. — епископ (с 1918 г. — архиепископ) Туркестанский и Ташкентский.

71 Корчевой Г. А., уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Украинской ССР.

72 Михаил Иванович Семенюк родился в 1892 г. Окончил Тульскую духовную семинарию. Прослушал курс богословия в Ольшанском, Петербургском и Парижском университетах. Рукоположен в сан священника 28 мая 1922 г. митрополитом

Варшавским, Волынским и всея Польши Дионисием. В 1930-х гг. был в ссылках. С 1951 по 1958 г. — настоятель храма Александра Невского в Ялте. С 1958 по 1961 г. — настоятель Введенской церкви в Керчи. Присутствовал при уничтожении по распоряжению Н. С. Хрущева этого храма в 1961 г. Умер в Ялте в 1967 г., похоронен на старом городском кладбище.

73 Эйзенхауэр Дуайт Дейвид (1890–1969), 34-й президент США (в 1953–1961 гг.), проводил внешнюю политику «с позиции силы».

74 Иден Антони, лорд Эйвен (1897–1977), премьер-министр Великобритании в 1955–1957 гг.

75 Булганин Николай Александрович (1895–1975), советский государственный деятель, в 1955–1958 гг. — председатель Совета Министров СССР.

76 Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), советский партийный и государственный деятель; в 1953–1964 гг. — первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958–1964 гг. — председатель Совета Министров СССР.

77 Колчицкий Николай Федорович (1890–1961) — священник Русской Православной Церкви, протопресвитер (с 1945 г.), настоятель московского Богоявленского патриаршего собора в Елохове (с 1924 г.), управляющий делами Московской Патриархии (1941–1945).

78 Даллес Джон Фостер (1888–1959), государственный секретарь США в 1953–1959 гг., вдохновитель и проводник политики «с позиции силы» и «балансирования на грани войны».

79 В октябре 1956 г. в ответ на вспыхнувшие в Венгрии волнения туда были введены советские войска.

80 Митрополит Иоанн (Кухтин Михаил Иванович; 1901–1975), 1956–1964 гг. — митрополит Пражский и всея Чехословакии.

81 Дулуман Евграф — скандально известный священнослужитель, ставший на позиции агрессивного безбожия, ездил по стране с атеистическими лекциями.

82 См. примеч. 58.

83 Имеется в виду староцерковное направление.

84 Иннокентий (Леоферов Иван Михайлович; 1890–1971), в 1953–1958 гг. епископ Кировоградский и Николаевский.

85 Утверждение совершенно абсурдное, так как служить в годы войны в гестапо и не быть привлеченным к ответственности за сотрудничество с оккупантами было нереально.

86 Этой справки в деле нет.

87 См. док. № 95.

88 Антирелигиозная статья «Чудеса» о. Михаила Евпаторийского, подписанная следующим образом: «М. Потапов, бывший дьякон Ильинской церкви г. Евпатории», была напечатана в «Крымской правде» 19 июля 1959 г. Докладную записку об итогах расследования этой статьи, адресованную архиепископу Луке, подписанную 22 июля 1959 г. протоиереями Коломейцем, Романовским и Рыхлицким, см.: ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 121. Л. 38.

89 Постановление ЦК КПСС «О ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах» было принято 13 января 1960 г.

90 Куроедов Владимир Алексеевич (1906–1994), советский партийный и государственный деятель. С 1960 по 1965 г. — председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, с 1965 по 1984 г. — председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Его назначение на пост председателя Совета по делам РПЦ в феврале 1960 г. (вместо Георгия Карпова) ознаменовало значительное усиление активности директивных и контролирующих органов СССР, направленных на удушение религиозной деятельности и установление более жесткого контроля над духовенством и руководством Московской патриархии. Первым крупным мероприятием, разработанным и осуществленным Советом под его руководством и органами КГБ СССР, было отстранение второй, после Патриарха Алексия (Симанского), фигуры в руководстве Патриархии — председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) — от всех руководящих и общественных постов: 16 апреля 1960 г. В. Куроедов и председатель КГБ А. Шелепин направили в ЦК КПСС записку, в которой, со ссылкой на информацию

от агентурных источников КГБ, предлагали «отвести митрополита Николая от участия в работе Всемирного совета мира, Советского Комитета защиты мира и отстранить его от руководящей деятельности в Московской патриархии»; на место Николая, митрополита Крутицкого, предлагалось перевести митрополита Ленинградского Питирима (Свиридова), что, среди прочего, обосновывалось «тем обстоятельством, что в случае смерти Алексия он будет являться одним из вероятных кандидатов на пост патриарха». В. А. Куроедовым была издана книга «Религия и церковь в советском государстве». (М.: Политиздат, 1981).

91 Характерно, что в отчетно-информационном докладе за 1961 г. (ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 4. Д. 16. Л. 75–95) уполномоченный Гуськов ни словом не обмолвился о кончине и похоронах архиепископа Луки. Подробно о последних днях земной жизни, кончине и похоронах святителя Луки см.: *Глущенков В. А.* Святитель Лука — взгляд в будущее. Панагия и белая мантия. — Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2002. С. 121–124.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 5

Сборник документов

№ 1. Из информационного доклада уполномоченного
за 2-й квартал 1946 года 15

№ 2. Из информационного доклада уполномоченного
за 3-й квартал 1946 года 21

№ 3. Протокол собрания благочинных Крымской епархии,
состоявшегося в г. Симферополе 24

№ 4. Справка-доклад уполномоченного
председателю Совета по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову
«О поездке в Топлы Старо-Крымского района
по вопросу изучения возможности устройства
быв [ших] монашек на работу и на жительство
в Топлах (быв. женский монастырь)» 27

№ 5. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР 29

№ 6. Из информационного доклада уполномоченного
за 4-й квартал 1946 года 35

№ 7. Из годового отчета о работе управления
Крымской епархии за 1947 год 44

№ 8. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР 49

№ 9. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР 51

№ 10. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР 52

№ 11. Из информационного доклада уполномоченного
за 1-й квартал 1947 года 54

№ 12. Докладная записка уполномоченного председателю Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову 65

№ 13. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР 66

№ 14. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР 70

№ 15. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР 76

№ 16. Из информационного доклада уполномоченного
за 2-й квартал 1947 года 77

№ 17. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР 92

№ 18. Из информационного доклада уполномоченного
за 3-й квартал 1947 года 96

№ 19. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР
по Крымской области в МГБ СССР 104

№ 20. Из докладной записки и. о. начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 106

№ 21. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 110

№ 22. Из информационного доклада уполномоченного «По вопросам изучения церковной обстановки и движения религиозности среди населения Крымской области» 115

№ 23. Из информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1947 года 117

№ 24. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 123

№ 25. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 126

№ 26. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 129

№ 27. Письмо уполномоченного заместителю председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР тов. Бельшеву с информацией о беседах с партийным руководством Крымской области 131

№ 28. Из информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1948 года 135

№ 29. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 150

№ 30. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 153

№ 31. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 157

№ 32. Из информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1948 года 159

№ 33. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 166

№ 34. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 168

№ 35. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 174

№ 36. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 176

№ 37. Из информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1948 года 180

№ 38. Докладная записка уполномоченного председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову о беседе с архиепископом Лукой 187

№ 39. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 192

№ 40. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 195

№ 41. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 200

№ 42. Из информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1948 года 202

№ 43. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 206

№ 44. Харктеристика архиепископа Симферопольского и Крымского Луки, составленная уполномоченным 212

№ 45. Из информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1949 года 216

№ 46. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 223

№ 47. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 226

№ 48. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 227

№ 49. Из информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1949 года 228

№ 50. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 231

№ 51. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 233

№ 52. Из информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1949 года 235

№ 53. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 237

№ 54. Из информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1949 года 240

№ 55. Из годового отчета о работе управления Крымской епархии за 1950 год 244

№ 56. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1950 года 252

№ 57. Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР 254

№ 58. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1950 года 257

№ 59. Из отчетного доклада уполномоченного о положении и деятельности церкви в Крымской области и о своей работе за 10 месяцев 1950 года 261

№ 60. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1950 года 263

№ 61. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1951 года 273

№ 62. Внеочередное донесение уполномоченного председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову о случае обновления иконы 278

№ 63. Докладная записка заместителя начальника Управления МГБ СССР по Крымской области начальнику 2-го отдела 5-го управления МГБ СССР полковнику Лутову 285

№ 64. Дополнительная информация уполномоченного о случае обновления иконы 288

№ 65. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1951 года 288

№ 66. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1951 года 292

№ 67. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1951 года 293

№ 68. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1952 года 298

№ 69. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1952 года 301

№ 70. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1952 года 302

№ 71. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1953 года 303

№ 72. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-й квартал 1953 года 304

№ 73. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 3-й квартал 1953 года 306

№ 74. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 4-й квартал 1953 года 310

№ 75. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-е полугодие 1954 года 313

№ 76. Протокол съезда благочинных Крымской епархии, состоявшегося в г. Симферополе 317

№ 77. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-е полугодие 1954 года 333

№ 78. Справка уполномоченного с описанием празднования именин архиепископа Луки 337

№ 79. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-е полугодие 1955 года 340

№ 80. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-е полугодие 1956 года 356

№ 81. Письмо архиепископа Луки уполномоченному А. С. Яранцеву по вопросу о своем служении в алуштинской церкви 373

№ 82. Справка уполномоченного о беседе с секретарем Крымской епархии священником Кудрявцевым 374

№ 83. Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой 376

№ 84. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 2-е полугодие 1956 года 380

№ 85. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1-е полугодие 1957 года 383

№ 86. Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленная председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову и и. о. уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Украинской ССР Г. С. Катунину 398

№ 87. Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленная председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову и и. о. уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Украинской ССР Г. С. Катунину 405

№ 88. Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленная секретарю Крымского обкома КП Украины В. Г. Комяхову 412

№ 89. Из докладной записки уполномоченного председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову 419

№ 90. Справка уполномоченного с описанием празднования именин архиепископа Луки, направленная председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову 421

№ 91. Справка уполномоченного о беседе с настоятелем кафедрального собора в Симферополе Коломейцем 424

№ 92. Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленная председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову 425

№ 93. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного за 1958 год 427

№ 94. Статья Т. Соколова «Житие отца Виталия Карвовского» в газете «Крымская Правда» 431

№ 95. Письмо протоиерея Виталия Карвовского в редакцию газеты «Крымская Правда» 434

№ 96. Из справки уполномоченного
о беседе с архиепископом Лукой,
направленной секретарю Крымского обкома КП Украины
В. Г. Комяхову,
председателю Крымского облисполкома
И. М. Филиппову,
начальнику отдела УКГБ
Н. С. Краснослободцеву 438

№ 97. Доклад уполномоченного
на заседании Совета по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР 443

№ 98. Из справки уполномоченного
о беседе с архиепископом Лукой 455

№ 99. Справка уполномоченного
о посещении им Ялты и Алушты 457

№ 100. Из справки уполномоченного
о беседе с архиепископом Лукой 461

№ 101. Справка уполномоченного
о своих беседах с сотрудником
Московской Патриархии В. А. Любимовым 473

№ 102. Справка уполномоченного
о беседе с архиепископом Лукой 478

№ 103. Из справки уполномоченного
о беседе с архиепископом Лукой,
направленной члену Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР И. И. Сивенкову 487

№ 104. Справка уполномоченного
о беседе с архиепископом Лукой 490

№ 105. Из отчетно-информационного доклада уполномоченного
за 1960 год 494

№ 106. Докладная записка уполномоченного
о кончине и похоронах архиепископа Луки,
направленная председателю Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР В. А. Куроедову
и уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР по Украинской ССР
Г. П. Пинчуку 496

Примечания 498

Серия «Подвижники благочестия XX века»

Протоиерей Николай Доненко, С. Б. Филимонов

«Разработку Луки продолжаем...»

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и Крымская епархия. 1946–1961. Сборник документов

Художник **иеродиакон Матфей (Самохин)**

Верстка **Игорь Цуп**

Корректоры **Ольга Грецова, Лариса Иконникова**

Технолог **Михаил Мыскин**

При оформлении обложки использованы фотографии
Александра Кадникова

Подписано в печать 19.04.2011. Бумага офсетная.
Формат 84×108/32. Объем 16,5 п.л.
Гарнитура Cambria, Myriad Pro. Печать офсетная.
Тираж 3 000 экз. Зак. № 1103200

Отпечатано с электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97
Издательство Сретенского монастыря:
107031, г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19

Интернет-магазин: **www.sretenie.com**
Книжная торговля Сретенского монастыря:
(495) 628-82-10

Магазин «Сретение»: (495) 623-80-46

Святитель
Лука .

«Разработку Луки продолжаем...»

«Новая книга знакомит нас с документами, которые хранились под грифом "секретно" или "сов. секретно". И несмотря на то, что это сборник документов, книга читается легко, с большим интересом: последовательно и логично подобран материал, дающий глубокое и правдивое представление об обстановке на Крымском полуострове в послевоенный период и в 50–60-е годы XX столетия».

«Православное книжное обозрение», март 2011 г.

Святитель
Лука.

«Разработку Луки продолжаем...»

«Новая книга знакомит нас с документами, которые хранились под грифом "секретно" или "сов. секретно". И несмотря на то, что это сборник документов, книга читается легко, с большим интересом: последовательно и логично подобран материал, дающий глубокое и правдивое представление об обстановке на Крымском полуострове в послевоенный период и в 50–60-е годы XX столетия».

«Православное книжное обозрение», март 2011 г.

«Разработку Луки продолжаем...»

Святитель
Лука

Подвижники благочестия XX века

Святитель
Лука

«Разработку Луки продолжаем...»

